Современная фантастика

Гордон Диксон

Абсолютная энциклопедия

Том 2

Абсолютная Энциклопедия. Том 2

Гордон Диксон

Аннотация
Гордон Диксон. Абсолютная Энциклопедия. Том 2
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52

Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68

Аннотация

Грандиозная эпопея завершается. Волею судьбы юный Хэл Мэйн оказывается главным участником грандиозной битвы, ставка в которой — судьба человечества, рассеянного по космосу и отчаянно сопротивляющегося безжалостным Иным...

Том 2

Гордон Диксон
Абсолютная Энциклопедия. Том 2

Глава 35

Хэл снова закрыл глаза; изолировав сознание от стен своей камеры, он попытался сконцентрироваться на поэтических образах для новых стихов, способных принести ему новые ответы.

Но стихи не возникали. Вместо них в сознание вошло нечто настолько мощное, что оно не укладывалось в понятие «сон» или «видение». Это было воспоминание об однажды услышанных звуках, таких ясных и чистых, как если бы он вдруг снова услышал их здесь, в этой камере, своими собственными ушами. Звучала музыка — играли на волынке. И он плакал.

Он плакал не только из-за самой музыки, но и из-за того, что она означала — боль и горе. Звук и боль слились для него в одно целое, словно две переплетенные между собой нити — золотистая и алая, и повели его сначала во тьму, а затем снова к свету, в холодный осенний день, под низко нависшие облака, к высоким людям, стоящим вокруг свежевырытой могилы под ивами, с которых уже успела облететь листва, и к устремившимся ввысь холодным вершинам гор.

Он понял, почему люди, его родные, показались ему такими высокорослыми: ведь он находился среди них, когда был ребенком. В могиле лежал гроб, правда пустой, но эту пустоту заполняла музыка, она заменяла собой тело, для которого этот гроб предназначался. Человек, игравший на волынке и стоявший напротив него, приходился ему дядей. Его мать и отец стояли позади надгробного камня, а двоюродный дед — напротив дяди. Еще одного его дяди, близнеца того, кто играл на волынке, здесь не было. Он не мог возвратиться сюда даже по такому случаю. Из остальных членов семьи среди собравшихся находился только его единственный брат, шестнадцатилетний юноша, считавшийся по сравнению с ним, десятилетним, почти взрослым, тем более что через два года ему тоже предстояло покинуть родной дом.

На похоронах присутствовала небольшая группа друзей. Как и члены семьи, они были во всем черном, за исключением пятерых, с восточными чертами лица, белоснежные траурные убранства которых резко выделялись на фоне темной одежды окружающих.

Музыка смолкла; его отец, заметно хромая, выступил на полшага вперед, опустил свою широ-

кую ладонь на закругленную вершину надгробия и произнес те слова, которые всегда говорит глава семьи на похоронах одного из ее членов.

— Он дома. — Голос отца звучал хрипло. — Спи рядом с теми, кто любил тебя, Джеймс, брат мой.

Отец повернулся и возвратился на прежнее место. Похороны закончились. Родные, соседи и друзья потянулись обратно, в сторону большого дома их семьи. Но он, отделившись от всех, намеренно поотстал и, никем не замеченный, свернул в сторону и пробрался в конюшню.

Здесь, в знакомом полумраке, согретом крупными телами лошадей, он медленно пошел вдоль центрального прохода между стойлами. Лошади тянулись к нему своими мягкими губами поверх калиток, запирающих стойла, и тихонько пофыркивали, когда он проходил мимо, но сейчас он не обращал на них внимания. В дальнем конце конюшни он сел на брошенную у стены охапку свежего, скошенного нынешним летом сена и почувствовал спиной крепкую округлость гладких бревен.

Спустя некоторое время он начал зябнуть, но не от холода хмурого осеннего дня, проникшего сюда снаружи, а от холода, возникшего в нем самом, где-то очень глубоко внутри, и растекающегося

по всему телу, наполняя собой и руки и ноги. Он сидел и мысленно снова возвращался к тому, что узнал накануне, когда вся семья собралась в гостиной выслушать рассказ офицера, одного из командиров его погибшего дяди Джеймса, о том, как все случилось.

В какой-то момент своего рассказа этот офицер по фамилии Бродский, высокий, худощавый человек примерно одних лет с его отцом, вдруг остановился на полуслове.

— Может быть, мальчик?.. — вопросительно начал Бродский, бросив на него внимательный взгляд, и умолк.

Услышав это, он, самый маленький и самый младший из всех, кто находился в гостиной, сжался в комок.

— Нет, — резко возразил его отец, — очень скоро ему будет необходимо знать, как происходят подобные вещи. Пусть остается.

Напряжение спало. Правда, он непременно стал бы возражать, даже если бы сам отец, не давая дослушать до конца рассказ офицера, приказал ему уйти.

Бродский кивнул и заговорил снова, неторопливо произнося слова:

— Причиной тому, что случилось, послужили

два обстоятельства, хотя ни одно из них не должно было возникнуть. Первое состояло в том, что руководитель управления в Доннесворте тайно намеревался заплатить нам из некоего щедрого источника финансирования, обещанного Уильямом Сетанским.

Доннесворт — одно из княжеств на планете Фрайлянд. Следствием одного из нередких разногласий между общинами, переросшего в открытый конфликт, и явилась небольшая локальная война, в которой погиб Джеймс.

— Разумеется, он скрыл это от нас, — продолжал свой рассказ Бродский, — иначе мы потребовали бы от него заранее сделать взнос, обеспечивающий эти выплаты. Очевидно, что никто в Доннесворте об этом тоже не знал, даже сотрудники управления. Уильям, конечно, стремился получить контроль над Доннесвортом или его противником, а еще лучше — над обоими. Во всяком случае, контракт был подписан, на первых порах наши войска продвинулись достаточно далеко в глубь территории противника, и все шло к тому, что мы должны победить, когда — снова при нашем полном неведении — Уильям нарушил обещание, данное руководителю управления, что, возможно, он с самого начала и

намеревался сделать.

Бродский прервал свой рассказ и пристально посмотрел на отца.

— И это, разумеется, оставило Доннесворт без средств, необходимых, чтобы расплатиться с вами, — сказал отец, мрачно оглядывая присутствующих. — Такое случалось с нашими людьми и прежде.

— Да, — спокойно подтвердил Бродский. — Во всяком случае, руководитель управления решил скрывать от нас эту новость до тех пор, пока мы не принудим противника к капитуляции, а до нее, судя по положению дел на тот момент, оставались, по-видимому, считанные дни. Да, мы оставались в неведении, зато шпионы узнали об этом. И тогда неприятель оживился, нанял у соседних государств милицейские части, за что смог бы расплатиться только в случае своей победы, и в результате мы внезапно обнаружили движущуюся на нас армию, численностью в три раза больше той, с которой мы должны были иметь дело согласно контракту.

Бродский опять замолчал, и Хэл увидел, как черные глаза офицера во второй раз остановили свой взгляд на его персоне.

— Продолжайте, — решительно произнес его

отец. — Вы хотели сообщить, как все это связано со смертью моего брата.

— Да, — подтвердил офицер. — Джеймс состоял у нас в должности командира отряда, укомплектованного силами местной доннесвортской милиции. Но поскольку он входил в число наших людей, то, естественно, получал все приказы по нашей системе их передачи. А ввиду того что он еще не имел большого опыта командования, да и его милиция представляла собой не бог весть что, мы держали его отряд в резерве. Но когда руководитель управления прослышал о неожиданном увеличении неприятельской армии, он ударился в панику и пытался заставить нас предпринять решительное наступление, что стало бы для нас подлинным самоубийством, если принять во внимание занимаемые нами в то время позиции.

— И поэтому вы отказались, — сказал дядя, до этого не проронивший ни слова.

— Конечно, мы отказались, — подтвердил, взглянув на дядю, Бродский. — Наш командующий отказался выполнить такой приказ, на что согласно контракту имел законное право, но, независимо от этого, он в любом случае поступил бы именно так. Однако милиционеры, возглав-

ляемые собственными офицерами, получили приказ о наступлении и подчинились ему. Они пошли в наступление.

— Но ведь Джеймс не получал такого приказа, — сказала его мать.

— К сожалению, — ответил Бродский со вздохом, — он его получил. Это и оказалось тем вторым обстоятельством. Отряд Джеймса составлял часть подразделения, занимавшего крайнюю позицию на нашем левом фланге, и общался со штабом боевых действий через центральную систему связи. Ее обслуживающий персонал почти полностью состоял из представителей местной милиции. Один из них и получил приказ, предназначенный для подразделения, куда входил отряд Джеймса. А всеми частями, входившими в состав этого подразделения, кроме отряда Джеймса, командовали офицеры милиции. Милиционер, ведавший связью в их секторе, принялся рассылать полученный приказ по всем отрядам, пока кто-то не обратил его внимание на то, что передать этот приказ вашему брату можно только после согласования с нашим командованием. Однако из-за того, что этот милиционер не знал общего положения дел, а еще, наверное, и потому, что не хотел утруждать себя и направлять

запрос нашему командованию, он самовольно проставил на приказе имя вышестоящего начальника вашего брата и послал его по системе связи Джеймсу.

Бродский снова тихонько вздохнул.

— Джеймс повел свой отряд вперед вместе со всеми, — продолжал он. — Там проходила дорога, которую им приказали удерживать Джеймс наверняка с самого начала понял, что он и его люди оказались втянутыми в бой с силами, настолько превосходящими их по численности и боевому оснащению, что им не удастся сдержать их натиск. Части милиции справа и слева от них во главе со своими командирами отступили, а проще говоря, бежали. Джеймс сделал запрос по системе связи, но тот же самый милиционер, рассылавший приказ и, так же как и руководитель управления, потерявший от испуга голову, просто сообщил Джеймсу, что никаких приказов об отступлении от дорсайского командования на его имя не поступало.

Бродский замолчал. В гостиной повисла мертвая тишина.

— На этом связь с отрядом Джеймса прекратилась, — снова заговорил он после продолжительной паузы. — Он наверняка решил, что

наше командование имело веские причины на то, чтобы он не отступал со своего рубежа. Он, разумеется, мог в соответствии с Кодексом Наемников сам принять решение об отступлении, но не сделал этого. Они сражались до конца, пока их не окружили и все они, включая и его самого, не погибли.

Взгляды всех присутствующих были обращены на Бродского.

— Того милиционера-связиста убили примерно час спустя, при штурме позиции, где располагалась их служба, — негромко произнес офицер. — Иначе мы бы, конечно, занялись им. Кроме того, вашей семье полагалась компенсация за понесенный ущерб. Но Доннесворт оказался банкротом, из-за чего соблюсти даже это правило оказалось невозможным. Те из нас, кто оставался там, пригрозили, что захватят столицу Доннесворта и станут удерживать ее до тех пор, пока они не заплатят им столько, сколько нужно для того, чтобы покинуть планету. Разумеется, неприятельской стороне гораздо дешевле было откупиться, чем бороться с нами за овладение столицей.

Бродский закончил свой рассказ. В гостиной снова надолго стало тихо.

— Что ж, тогда это все, что мы хотели знать, — сухо сказал его отец. — Мы благодарим вас за ваше сообщение.

— Значит, получается так. — Это заговорил его дядя, обычно дружелюбное и открытое лицо которого стало теперь совсем другим. Он превратился в точную копию своего вечно угрюмого брата-близнеца. — Уильям Сетанский, руководитель управления и убитый связист. Вот те, на ком лежит ответственность за все, что произошло.

— Руководителя управления осудили и уже казнили в Доннесворте, — сказал Бродский. — Многие его люди тоже погибли.

— Тогда остается только... — начал его дядя, но тут вмешался его отец:

— Сейчас не стоит выискивать виновных. Такова наша жизнь, подобные вещи в ней случаются.

Услышав эти слова, Хэл почувствовал сильное смятение. Но тогда он не сказал ничего, видя, что его дядя замолчал и все члены семьи поднялись на ноги. Его отец протянул офицеру руку, и тот пожал ее. Они на мгновение задержали рукопожатие.

— Благодарю вас, — снова повторил его отец. — Вы сможете остаться, чтобы присутствовать на похоронах?

— Я хотел бы остаться, — ответил офицер. — Но вынужден извиниться перед всеми за то, что не смогу. К нам все еще продолжают возвращаться раненые.

— Мы понимаем, — сказал его отец.

...Дверь конюшни со скрипом отворилась, и образы событий предыдущего дня исчезли. Осталось лишь ощущение сильнейшего холода, как будто его вморозили в глыбу льда. Он издали почувствовал, что по проходу между стойлами к нему направляется его дядя.

— Эй, парень, ты что здесь делаешь? — спросил дядя озабоченным тоном. — Твоя мать беспокоится о тебе. Пошли в дом.

Хэл не ответил. Его дядя, вдруг нахмурившись, наклонился к нему, а затем опустился на колени, так, что их лица оказались на одном уровне. Пристальным взглядом он посмотрел ему в глаза, и внезапно в этом взгляде отразились боль и глубокое потрясение.

— Ах ты, мой мальчик, — прошептал дядя. Хэл почувствовал, как большие, сильные руки обхватили и крепко сжали его окоченевшее тело. — Ты еще слишком молод для таких вещей. Тебе еще пока рано вставать на этот путь. Оставь это, парень, слышишь? Приди в себя!

Но слова доходили до него словно откуда-то издалека, как будто они предназначались не ему, а кому-то другому. Из глубины охватившего его холода он, не отводя глаз, смотрел на своего дядю.

— Довольно, — услышал он свой собственный голос. — Это больше не должно повториться никогда. Я найду их и остановлю. Их всех.

— Мальчик... — Дядя прижал его к себе, словно пытаясь согреть маленькое тельце своим собственным жизненным теплом. — Приди в себя, очнись...

На некоторое время стало так тихо, как если бы его дядя разговаривал с кем-нибудь другим. Но в следующий момент, спустя буквально несколько секунд, холод стал уходить из его тела. Все еще находясь в полубессознательном состоянии от только что пережитого эмоционального стресса, он, подавшись всем телом вперед, припал к дядиному плечу и, как во сне, почувствовал, что тот берет его на руки, словно уставшего младенца, и несет прочь из конюшни...

В очередной раз он, пробудившись, понял, что находится в своей камере. На мгновение ему показалось, что он снова здоров, но анестезирующее воздействие недавнего бесчувствия тут же прошло, и у него начался приступ такого

неудержимого кашля, что некоторое время он совершенно не мог дышать. Панический страх, подобно стервятнику, опускающемуся с неба, распростер свои крылья над его головой, и в течение не правдоподобно долгой минуты Хэл безуспешно пытался вновь обрести дыхание. Когда он сумел наконец откашляться и освободить легкие от мокроты, ему сразу же показалось, что теперь он снова может свободно и глубоко дышать. Правда, эта иллюзия тут же пропала под натиском вновь давших о себе знать лихорадки, яростной головной боли и ощущения полностью забитых легких.

Его состояние нисколько не улучшилось, хотя Хэл почувствовал в себе некоторую перемену. У него как будто бы за время сна немного прибавилось сил; несмотря на неутихающую головную боль, сознание стало более ясным; стремление бороться против удушья возросло.

Хэл впервые почувствовал огромное, захватывающее волнение — волнение исследователя, преодолевшего наконец преграду, заслонявшую ему поле зрения, и теперь безошибочно и ясно видящего свою цель. Он ощутил себя на пороге чего-то грандиозного, того, что он искал всю свою жизнь, а фактически даже дольше собственной

жизни, в течение времени, не поддающегося никакому измерению.

Хэл сидел выпрямившись, опираясь спиной о стену камеры, и пытался осмыслить ту разницу, которую принесло с собой это новое ощущение — словно весь мир за пределами видимого им ограниченного пространства камеры и коридора вдруг сделал гигантский шаг ему навстречу. Он больше не выискивал наугад расплывчатые формы возможных взаимосвязей, недосягаемых для него; теперь он знал, что они находятся там и что его доступ к ним уже невозможно преградить.

Размышляя подобным образом, он отправил себя в путь, следуя указаниям стрелки своего внутреннего компаса — своей воли. И почти без всяких затруднений пришел в состояние, прежде никогда им не испытываемое. Бодрствуя, он спал и при этом осознавал, что спит. Он видел окружающие его стены камеры, но одновременно с такой же, если не с большей ясностью, мог видеть вокруг себя и местность из своего сна.

Хэл снова оказался в своем видении, на пустынной каменистой равнине со стоящей на ней башней, к которой он так долго и так мучительно шел и которая с каждым его шагом словно отодвигалась от него все дальше и дальше, не давая

ему приблизиться к ней. Сейчас же казалось, она почти рядом. Но в то же самое время Хэл знал, что преодолел только половину своего пути, причем более легкую. Оставшаяся часть пути была короче, но гораздо труднее, и он понимал, что только навыки и закалка, полученные им во время долгого и тяжелого странствия к ней, позволяют ему надеяться на возможность преодоления разделяющего их последнего, самого трудного и опасного участка местности.

Оглянувшись назад, он обнаружил, что до сих пор его путь шел несколько в гору; а теперь он стоит на возвышенности, откуда ему видно все, что находится впереди. Постепенно хаотическое нагромождение каменных глыб перед ним стало приобретать в его глазах какие-то упорядоченные очертания. Когда-то это представляло собой бастионы гигантского оборонительного сооружения, занимавшего такую огромную площадь, что известная на Старой Земле Крак-Де-Шевалье[1] могла бы просто затеряться в тени этих руин. Время почти стерло с лица земли эту твердыню,

[1] ѕримечани¤: 1

Крак-Де-Шевалье (арабское Хисн аль-Акрад — замок рыцарей) — крепость крестоносцев (1110-1142) на высоком холме к западу от Хомса (Сирия). Уникальный памятник средневековой крепостной архитектуры.

стоявшую здесь с незапамятных времен. И только башня осталась ждать его.

Ему придется карабкаться и проползать через лабиринты обрушившихся наружных и внутренних стен, внутренних дворов и двориков, галерей и покоев, чтобы наконец оказаться у входа в башню. И он не смог бы преодолеть все эти препятствия даже теперь, если бы не изменения, происшедшие в его сознании и теле за эти годы. Хэл повзрослел, его ум развился и окреп, и в нем появилась та непреклонность, которую он почувствовал в себе только теперь и которую уже не могло остановить то, что ожидало его впереди. Так же, как ради достижения очень важной цели человек может сойти даже в ад, он двинулся вперед и начал спускаться по развалинам бастиона, к хаосу каменных руин, глыб и обломков; и с первым же шагом вперед его сознание обрело наконец уверенность и спокойствие.

Глава 36

Он проснулся.

Но это не было внезапным пробуждением. Хэл постепенно выплывал из глубин сонного состояния к осознанию того, что какое-то не очень продолжительное время крепко спал. Одновременно с пробуждением к нему вернулось и прежнее ощущение лихорадки, слабости и необходимости бороться за сохранение дыхания...

Его охватил новый сильнейший приступ кашля. Хватая ртом воздух, он тяжело опирался спиной о стену. Все это представлялось странным. Никаких изменений не произошло, никакого улучшения в его физическом состоянии не наступило, и вместе с тем внутренне он чувствовал себя так, словно вся Вселенная, расположилась в каком-то новом порядке, сулящем надежду, придающем ему силу и уверенность. Подступавшая к нему смерть была отброшена назад, и он почему-то больше не верил, что у нее хватит сил одолеть его.

Почему? Или, вернее, если это действительно так, то почему он вообще до сих пор испытывал

перед ней такой страх? Хэл сидел, натянув на себя тонкое одеяло и прислонившись к стене камеры, поддерживавшей его в этом положении. И к нему постепенно пришло осознание того, что различие, которое он почувствовал, заключалось в состоянии его ума и воли, а не тела.

Когда Барбедж обозвал его псом Армагеддона и бросил здесь умирать, то где-то в глубине своего сознания Хэл отметил долю правоты в подобном отношении к нему этого милицейского чина. Барбедж — он именно таков. Его вера, хоть и изуродованная, была искренней. Послушав Блейза, он пошел за ним, и тот его использовал. А случилось это только потому, что Барбедж поверил, будто Блейз говорит устами того самого бога, в которого верит он, Барбедж. И этим он отличается от многих других сторонников Блейза, страшащихся и боготворящих его самого.

Какой бы извращенной ни казалась такая вера, она тем не менее обладала достаточной силой, ослабившей Хэла и чуть не приведшей его к смерти. Но в последние часы своих лихорадочных видений и снов-воспоминаний он открыл убедительную причину, по которой не может допустить сейчас своей смерти: ему необходимо сделать несколько дел. И главное из них — это

перевести в конкретную и осознаваемую форму обнаруженные им в подсознании доводы, свидетельствующие о необходимости его собственного выживания. Он мысленно вернулся к прошлым событиям.

Сначала, после разговора с Барбеджем, путешествие в область понимания не вело его к выживанию, а, наоборот, уводило прочь от него. В своем первом сне он, прикованный к горному склону, медленно погибал под безжалостным и неотвратимым потоком логики Блейза. Во фразах Блейза содержался тот самый аргумент, который Мильтон вложил в уста сатаны в «Потерянном рае»: «Я выше, чем любая из идей — как рая, так и ада».

И в этих словах заключалась правда. Но только относилась она не исключительно к Блейзу и ко всем Иным, а к любому человеку, не побоявшемуся встретиться лицом к лицу с величием. Слабость всех аргументов Блейза обнаруживалась как раз в том, что он отрицал такую универсальность. Изолированность, о которой говорил Блейз, действительно возникала, Хэл ощутил ее во время пребывания на Коби. Но он сам же ее и создал. И для того чтобы перестать обращать на нее внимание, вовсе не обязательно прийти к логи-

ческому пониманию ее происхождения. Любой достаточно верующий человек способен не тяготиться своей изолированностью без всякого ее осмысления, так же как Джеймс Сын Божий не размышлял на тему о ценности своей личности, когда добровольно пошел на смерть.

Доводы Блейза, точно так же как и избранный им путь, служат исключительно личным, эгоистическим интересам, ему чужды другие устремления, тоже личные, но более возвышенные, ведущие к росту не только собственного благополучия, но и благополучия всего человечества. Именно человечество и есть ключ ко всем проблемам. Вернее, не само оно, как таковое, а представление о нем как о едином организме, озабоченном своим собственным выживанием и делящим самого себя на группы единомышленников, соперничающие друг с другом. Это, в свою очередь, позволяет выявить самые сильные места и указать наилучшее направление дальнейших действий для его развития. Человечество-организм относилось к своим отдельным частям как к не имеющим большой важности и допускало возможность их утраты, создавая переплетение исторических сил с неизменно устремленной вперед равнодействующей созидания, двигаю-

щей и контролирующей всю огромную людскую массу. А эту людскую массу, словно стадо оленей, изначально направляли силы, которых она не понимала и которые подгоняли ее к пребывающим в ожидании охотникам в красных шапках. Сост и Джон Хейккила, Хилари и Годлан Амджак — фермер, надеявшийся после бесед с Сыном Божьим обрести уверенность в будущем, но так и не обретший ее, — все они оказались вовлеченными в многочисленные группы, шедшие различными путями и враждующие друг с другом, но в конце концов составившие всего два лагеря: Иных и тех, кто им противостоит.

А он принадлежал как раз к последним. Внезапно Хэлу стало ясно, что именно благодаря осмыслению этого факта он обрел сейчас новые силы. Теперь он знал, кто он. Когда-то у края одной могилы он дал слово посвятить себя этому противостоянию, и свое теперешнее положение ему следовало воспринимать просто как реализацию давнего обещания.

Вся его теперешняя жизнь, сколько он ее помнил, вплоть до последнего момента пребывания в этой камере, понадобилась для того, чтобы ему открылся и стал ясным этот путь. Хэл видел его теперь представленным в аллегорической форме

— как путь к башне из своего сна, которая, как шептало ему все еще не познанное и таящееся от него прошлое, могла оказаться не видением, а реальностью. Только реальностью иного порядка, чем он сам, находящийся сейчас здесь.

Но именно здесь и сейчас существует он в нынешнем времени. И поэтому первое, что он должен немедленно сделать, это перевести подсознательное и аллегорическое восприятие дальнейшего пути в четкое и логическое понимание всех реальных сил, мешающих ему добиться конечного результата, главной цели его жизни. Он весь сосредоточился на попытке такого перевода. Представление человечества в образе единого существа, некоей примитивной личности с ее собственными инстинктами и запросами, из которых главный — это инстинкт выжить как единое целое при готовности пожертвовать отдельными своими частями в ходе бесконечного экспериментирования ради удовлетворения этого инстинкта, объясняло все дальнейшее.

Подобное экспериментирование должно было происходить непрерывно с тех времен, когда животное-человечество стало осознавать само себя. Стремление развивать через свои элементы — отдельных представителей человеческого рода

— сначала интеллект, а затем позднее технологию, несомненно, являлось результатом действия этого инстинкта. Сюда же следует отнести и предпринятые в двадцатом веке первые попытки человечества выйти за пределы своей планеты-колыбели на просторы космоса в неосознанных еще поисках нового жизненного пространства, а также возникновение Осколочных Культур, каждая из которых сама явилась экспериментом по выявлению жизнеспособности разновидностей человеческой расы во внеземной окружающей среде. И наконец, последнее — появление Иных.

Он понимал теперь, что отнести Иных к результатам экспериментов позволяет их потребность подчинить себе всех остальных людей. В этой потребности лежит путь к ответу на вопрос, почему вообще животному-человечеству понадобилось их порождать. Блейз сам ответил на этот вопрос здесь, в этой камере. Можно по-разному воспринимать Иных, но двух присущих им признаков отрицать невозможно. Они принадлежат к роду людскому, со всеми свойственными людям потребностями и стремлениями, включая и постоянное стремление иметь больше, чем у них уже есть. И еще они очень хорошо понимают, что их слишком мало, следовательно, они не могут

допустить, чтобы остальная часть человечества осознала, насколько уязвимыми делает их эта очевидная малочисленность. Единственный способ избавиться от такой уязвимости заключается в установлении абсолютного контроля над всеми людьми; а подобный контроль достижим лишь в условиях единой, неизменной и однородной культуры. Только такая культура, в которой все элементы остаются постоянными, строго обозначенными и застывшими, может освободить их от необходимости опасаться тех, над кем они властвуют, и развязать им руки, чтобы они смогли наконец насладиться своим естественным превосходством над большинством населения обитаемых миров.

Чтобы добиться всего этого, у Иных имеется только один путь — привести человечество в состояние полного застоя, положить конец длительному инстинктивному прогрессу цивилизации. Остановить развитие истории. Сделать это можно, устранив или обезвредив людей, представляющих опасность тем, что они могут никогда не согласиться с прекращением развития цивилизации и, таким образом, займут позицию конфронтации.

Сила Иных заключается, безусловно, во-первых,

в их харизматических качествах, а во-вторых, в том, что каждый из них в отдельности по своему интеллекту и физическим данным не уступает лучшим представителям тех, кто борется против них. А в итоге благодаря этой силе они смогли заставить большинство населения десяти миров действовать по их усмотрению. Но при этом одна из их слабых сторон состоит в неспособности правильно оценивать будущее. Другие слабые стороны...

...Но похоже, до сих пор других слабых сторон у них не обнаруживалось. Правда, к категории слабостей можно отнести одну их особенность — незначительную фактическую численность, принимая во внимание, что в лагерь их противников входит практически все население Дорсая и обоих Экзотских миров, а также меньшая часть населения Гармонии и Ассоциации — подлинные Хранители Веры, такие как Сын Божий и Рух. Сюда же следовало бы отнести и значительную часть жителей Земли, хотя надежду на то, что все разноликое людское племя родной планеты объединится и выступит сообща с какой-либо акцией против угрозы, олицетворяемой собой Иными, можно считать лишь благим пожеланием.

Однако если не принимать во внимание Зем-

лю, то все активные противники Иных составят только незначительную часть тех боевых сил и резервов, которые Иные могут собрать на десяти планетах, уже фактически находящихся под их устойчивым контролем. Таким образом, наилучшая тактика для Иных — вести дело к Армагеддону, последней битве, чтобы в общем ее хаосе постараться уничтожить или обезвредить всех тех, над кем не удалось установить своего господства или привлечь на свою сторону.

Теперь в его сознании складывалась ясная картина того, какими путями они могли добиться своей цели, но оставалось совершенно неясным, какими методами их можно остановить или повернуть вспять. Правда, одно представлялось бесспорным: основным содержанием войны, начинавшейся уже теперь, явится не борьба с оружием в руках за господство над той или иной территорией, а схватка враждующих умов за привлечение на свою сторону гонимых оленей — еще неопределивших своих симпатий конкретных людей, из которых и состоит человечество. А в такой схватке победу Иных, с их харизматическими способностями, можно считать предрешенной.

Хэл сидел в тишине камеры, борясь с одышкой, чувствуя, что его тело горит, как пылающий

уголь, а разум, будто скальпель хирурга, пронзает и рассекает покровы непознанного.

Тем, кто намерен оказывать сопротивление Иным, необходимо, во-первых, выработать — и как можно скорее — стратегический план действий, позволяющий по крайней мере надеяться на победу; во-вторых, иметь оружие, не уступающее по силе психологическому воздействию Иных. Это должно быть такое оружие, которого у Иных нет или которое они не в состоянии использовать, тем более что сами они могут с полным основанием надеяться на действенность своих харизматических способностей.

Не вызывает никаких сомнений то, что такое контроружие должно существовать по крайней мере потенциально, поскольку сами Иные представляют собой результат эксперимента по выживанию животного-человечества. Необходимо внимательно посмотреть на само это животное и понять, что им движет, а также проявлением каких исторических сил являются Иные, дорсайцы, экзоты, Истинные Хранители Веры, да и люди, подобные ему, Хэлу.

Получается так, размышлял Хэл, словно космос, ставший в двадцатом веке практически доступным, одновременно и привлек и отпугнул

животное-человечество своими неизведанными просторами, лежащими за пределами такой уютной и надежной родной планеты. История отметила, что одни шарахались, бормоча о «вещах, не предназначенных для постижения человеком»; другие, напротив, восхищались открывшимися перспективами, грезили о невиданных открытиях и исследованиях, подобно тому, как многие умы за четыреста лет до этого были взбудоражены мечтами об Индиях. Когда же наконец полеты в космосе, в том числе и за пределы собственной Солнечной системы, стали повседневной реальностью — и опасения, и мечты породили тысячи небольших групп людей, каждая из которых стала искать себе место, желая построить новое общество в соответствии со своими взглядами и устремлениями.

Животное-человечество хотело тогда выявить, продолжал свои размышления Хэл, явно способные к выживанию типы, в плане как человеческих сообществ, так и отдельных личностей, поэтому оно дало возможность отдельным своим частям проводить любые эксперименты в данном направлении. Наиболее жизнестойкие и благополучные социумы принадлежали к так называемым Осколочным Культурам, а самыми

сильными из них оказались три — дорсайская, квакерская и экзотская. Эти три культуры процветали на протяжении двухсот лет, обеспечивая стабильность внеземного межпланетного общества той эпохи, улаживая мирным путем все спорные вопросы — военные, торговые и прочие.

Затем на определенной ступени развития структуры этого общества, когда все его разнородные элементы оказались охваченными единой системой управления, созданной Доналом Гримом, необходимость в существовании специфических элементов Осколочных Культур отпала, и сами эти культуры начали отмирать. Тем временем животное-человечество, щедро скрещивая между собой новые разновидности людей, созданные этими Осколочными Культурами, чтобы не утратить все то положительное, что появилось к тому времени, стало в конце концов производить людей определенного типа, по своим качествам превосходивших любых других и выходивших победителями в любом противостоянии, то есть таких, о которых какая-то часть его существа всегда мечтала. Таким образом подошел к концу тот период существования человеческой расы, основными этапами

которого стали: развитие интеллекта — высокие технологии — перенаселенность Земли, — выход в космос — возникновение Осколочных Культур, явившихся итогом экспериментов по выживаемости различных типов людей вне Земли — и наконец, как результат определенного сочетания качеств, характерных для каждой из этих культур, появление людей нового типа, господ, которые назвали себя Иными.

Но только теперь эти господа явно хотят навсегда утвердиться в качестве новых руководителей человечества, а непрерывному историческому прогрессу, движущей силой которого всегда служили новые таланты каждого последующего поколения людей, ниспровергавшего старые авторитеты, теперь угрожала остановка навсегда, если не удастся доказать уязвимость Иных.

И вдруг что-то щелкнуло в сознании Хэла. Ну да, конечно. Причина такого упорного противодействия Земли влиянию Иных, очевидно, заключается в том, что она до сих пор остается местом, где сберегается первоначальный генофонд человечества, а ее население состоит из наиболее полноценных представителей человеческой расы во всем их многообразии. Им удалось избежать специализации по бесчисленному ко-

личеству возможных направлений, возникших в ходе экспериментов животного-человечества. В противоположность некоторым уроженцам молодых миров, люди, родившиеся на Земле, сохранили в себе полностью, а не частично все особенности человеческой натуры, как положительные, так и отрицательные. К одной из таких особенностей можно отнести способность сочетать в себе веру квакеров, независимость дорсайцев и проницательность экзотов и одновременно неспособность примириться с прекращением изменений и развития.

Неожиданная надежда вспыхнула у Хэла. Почему бы не отнести Землю к одному из видов оружия, недоступного Иным.

Мечущийся в поисках ответа ум Хэла ухватился за эту новую мысль. Родившиеся на Земле люди, со всем их набором человеческих качеств, представляют собой как для Иных, так и для всего человечества в целом страховой генетический фонд на тот случай, если в результате их господства человечество выродится в формы, неспособные к выживанию. Некоторые разновидности растений и животных, специально выведенные для Молодых Миров, не смогли акклиматизироваться и размножаться на целом

ряде планет. Неизвестно, как поколения людей будут адаптироваться к условиям жизни на новых планетах. Земля остается единственным из миров, на который Иные не посмели посягнуть; и вместе с тем именно на Земле им непременно следовало бы установить свой контроль, чтобы обеспечить безопасность цели их устремлений — собственного межзвездного королевства.

Таким образом. Иные олицетворяли собой застой. Тогда, выходит, противники Иных должны олицетворять... эволюцию?

Эволюция... Слово гудело в сознании Хэла, подобно большому колоколу после сильного удара. Все усилия экзотских ученых, исследующих человечество, были направлены на то, чтобы выявить направление эволюции, оказать на нее благоприятствующее воздействие и в конце концов добиться появления человека «совершенного».

Но теперь культура экзотов постепенно угасала, мечта не осуществилась, однако заветная цель по-прежнему оставалась актуальной. То же самое происходило с культурами дорсайцев и квакеров.

Разумеется, идея о непрерывном эволюционном развитии никогда не являлась исключительной собственностью экзотов; она принадлежала

всему человечеству. И вполне возможно, что человечество прокладывало путь к своему будущему, само не зная об этом, точно так же как оно столетиями бессознательно готовилось к заселению других миров...

У Хэла мороз пробежал по коже. Открытие потрясло его. Жизнь едва теплилась в нем, и тем не менее на какой-то миг он забыл о своем заточении, о лихорадке и даже о борьбе за каждый вздох.

Энциклопедия представляла собой именно такое оружие, какого не было у Иных, и даже при его наличии вряд ли они смогли бы им воспользоваться.

Энциклопедия создавалась как инструмент познания неведомого; Иные же не хотели ни новых знаний, ни развития, ни каких-либо изменений.

Хэл вытер лоб тыльной стороной дрожащей ладони и ощутил влагу. Очевидно, во время последнего всплеска умственного напряжения при попытке решить мучившую его проблему что-то изменилось и в его физическом состоянии. Странно, но он до сих пор ощущал холодок, пробежавший по телу в тот момент, когда его потрясло только что сделанное им открытие. Жар от лихорадки, казалось, не так яростно обжигал

его изнутри, дышать стало легче. Он покашлял; это был уже не сухой, рвущий горло кашель, терзавший его до сих пор. При теперешнем кашле мокрота отделялась легче, благодаря этому в легких как будто стало больше свободного места для дыхания. Голова почти не болела. По-прежнему недоумевая, он снова приложил руку ко лбу, и она снова осталась влажной.

Лихорадка явно ослабевала. Но Хэл все еще находился в состоянии такого замешательства от своего открытия, что пока не мог радоваться происшедшей перемене.

Осознание происходящего, словно подводная тень гигантского айсберга в хмуром полярном море, начало приобретать устойчивые очертания, по мере того как известные факты входили в согласие с выводами, вдруг становящимися очевидными. Картина была такой, как если бы из груды беспорядочно сваленных кубиков он вытащил один из них, после чего все остальные кубики пришли в движение. Когда же наконец всякое их перемещение прекратилось, вместо бывшего хаоса перед ним предстала четко узнаваемая конструкция, завершенная до последней мельчайшей детали, а он так и остался стоять перед ней в изумлении, держа в руке извлеченный

из груды кубик.

Итак, инструмент, на который он наткнулся ощупью, действительно представляет собой оружие, в течение долгого времени исподволь готовившееся для применения против Иных. Снова и снова возвращался Хэл к этой мысли, ошеломленный фактом своего озарения.

Результат его умственных усилий сейчас представляет собой самую большую ценность во всем достоянии человеческой расы. Теперь он обязательно должен выжить и освободиться отсюда.

А раз ему удалось найти ответ на главный вопрос, то, значит, и это тоже должно удаться.

Глава 37

Хэл сидел, полностью отдавшись охватившему его чувству удовлетворения от выполненной задачи и последовавшего вслед за этим облегчения, как бегун, только что победивший на труднейшей дистанции. Продолжая размышлять о своей дальнейшей судьбе — не только о том, как вырваться отсюда, что само по себе приобретало теперь особое значение в свете его нового понимания ситуации, но и о возможных последующих действиях, — он незаметно для себя задремал.

Пробудившись ото сна, не прерывавшегося, как ему показалось, ни единым сновидением, он обнаружил, что каким-то образом все-таки сполз на спину и даже натянул на себя тонкое одеяло. Хэл с трудом заставил себя снова сесть в своей постели. Это усилие вызвало приступ кашля, но на этот раз он не испытывал такой сильной боли, как раньше, и когда к нему снова вернулось дыхание, впервые за многие часы ему стало легче наполнять свои легкие воздухом.

Хэл почувствовал неодолимую потребность опорожнить мочевой пузырь, а затем снова

повалился на постель и несколько мгновений неподвижно лежал; потом, собравшись с силами, перевернулся на живот, переполз на другую сторону постели и встал на колени перед находившимся рядом умывальником.

Он приник к крану и начал жадно пить воду, прерываясь лишь для того, чтобы перевести дыхание, и радуясь тому, что может сделать еще несколько глотков, утолив жажду, Хэл привалился к стене в изголовье постели.

На какое-то время все его внимание оказалось всецело поглощенным проблемами, связанными с затрудненным дыханием и общей слабостью. Но по мере того, как он возвращался к реальности, эти проблемы отступали на задний план, и вскоре Хэл вспомнил все, над чем он так напряженно размышлял на протяжении последних долгих часов. И главное: он должен как можно скорее выбраться отсюда.

Попытка как следует откашляться забрала у него остатки сил, и он снова прислонился к стене. Вспомнив о своем хронометре, он посмотрел на него: 10.32 утра.

Хэл прекрасно понимал, что в его нынешнем положении было бы нелепо думать о побеге в буквальном значении этого слова. По существу

ему оставалось рассчитывать лишь на то, что он сумеет уговорить своих стражников отпустить его. Если это ему не удастся, то в качестве последнего средства он может попросить о встрече с Блейзом и сообщить ему, что готов обсудить собственное положение в свете того, что является одним из Иных.

Но это и в самом деле было последним средством, — потому, что могло оказаться не только бесполезным, но даже таить в себе какую-нибудь угрозу. Блейз не относился к числу тех, кто позволит водить себя за нос.

Привалившись к стене, Хэл закрыл глаза и постарался сосредоточиться на побеге, выбросив из головы все посторонние проблемы, и это ему почти удалось; лишь где-то в глубине сознания занозой продолжала сидеть мысль о собственном жалком физическом состоянии.

У Хэла возник вполне конкретный план. Открыв глаза, он встал с постели и сделал пару неуверенных шагов к центру комнаты. Какое-то время просто стоял там, представляя себе, как пара невидимых глаз неотступно следит за ним. Затем открыл рот и закричал — так громко, насколько позволяли ему охрипшее горло и надсаженные легкие, — и рухнул на пол камеры.

Хэл сделал вид, будто внезапно потерял сознание, но, падая, сумел расслабить мышцы, чтобы приземление на бетонный пол не было слишком болезненным. Лежа на полу абсолютно неподвижно, он проделал несколько аутогенных упражнений, которым научили его Уолтер и Малахия.

Прежде всего он замедлил дыхание, тогда пульс стал реже и кровяное давление упало. Это в свою очередь позволило осуществить более трудную задачу — понизить температуру тела. Таким образом потребности организма в кислороде сократились, что доставило заметное облегчение его измученным легким. К тому же это состояние позволяло без особого для себя вреда сохранять неподвижность достаточно долго — пока те, кто за ним наблюдают, решат, что с ним в самом деле что-то неладно и пошлют охранника проверить.

В итоге ему пришлось пролежать там, где он свалился, более трех часов. Лишь крохотная часть мозга продолжала вести отсчет времени, весь же организм погрузился в некое подобие транса, так что фактически его состояние и в самом деле мало отличалось от того, как это внешне должно было выглядеть. Когда же охранники наконец решили проверить, что с ним случилось, Хэл уже

весьма смутно воспринимал происходящее. Их голоса доносились до него как будто из другой комнаты. После непродолжительной дискуссии по одному из встроенных в стены камеры микрофонов было решено отправить его в госпиталь.

Правда, охранников раздирали сомнения: с одной стороны, в отсутствие Барбеджа его подчиненные боялись вызвать неудовольствие своего капитана, с другой стороны — какова будет реакция Блейза, если с пленником что-то случится. В конце концов — на что и рассчитывал Хэл — страх нарушить указание Блейза оказался сильнее и у них не осталось иного выбора, кроме как можно скорее доставить своего подопечного к врачам.

Похоже, существовала и другая причина их нерешительности, связанная с какими-то факторами вне стен этого здания, но о том, что это могло быть, Хэл не имел ни малейшего представления. Наконец он почувствовал, как его подняли, положили на носилки, затем вынесли из камеры, переложили на мототележку и укутали целым ворохом одеял. Через некоторое время мототележка, миновав несколько коридоров и высокие ворота, остановилась; кожи Хэла коснулось дыхание холодного влажного воздуха. Его снова переложили на носилки, затем внесли в

какой-то автомобиль и закрепили носилки на специальных кронштейнах на боковой стенке кузова.

Дверь с металлическим лязгом захлопнулась. В следующее мгновение ожили воздухонагнетатели и машина тронулась с места.

Находящееся в глубоком трансе тело ни за что не хотело подчиняться его попыткам выйти из полубессознательного состояния, в которое он сам себя погрузил. Оно притупило боль и страдания последних нескольких дней, и ему не хотелось расставаться с этим чувством относительного комфорта.

И только мысль о построенной им структуре понимания и ее значении помогла ему вырваться из оцепенения. Правда, у Хэла не было намерения возвращаться в нормальное состояние слишком быстро на тот случай, если он попадет в руки опытного медика до того, как успеет воспользоваться своей временной свободой. Его вполне могли в любой момент развернуть и отправить обратно в камеру.

С другой стороны, если представится возможность для побега, ему следовало быть готовым к активным действиям. Поэтому Хэл восстановил свое физическое состояние до той стадии, когда

в случае необходимости смог бы встать и идти. Тем не менее его пульс не должен превышать сорока ударов в минуту, а давление оставаться на уровне девяноста.

Как бы там ни было, но теперь он снова мог нормально воспринимать происходящее, хотя эмоциональные реакции оставались несколько заторможенными. Очевидно, Хэл находился один в военном санитарном автобусе, способном перевозить не менее дюжины носилок, которые тремя рядами закреплялись на боковых стенках. Впереди на одноместных сиденьях перед приборной доской сидели два милиционера.

Вдоль каждого борта, там, где крепились носилки, тянулся ряд застекленных окошек. Верхний край одного из них был сейчас как раз на уровне плеча Хэла — его носилки находились в самом верхнем ряду. Лежа на спине и слегка повернув голову, он мог хорошо видеть улицы, по которым они проезжали. Несмотря на то что по его расчетам только что миновал полдень, на улицах он не заметил ни единой души; двери небольших магазинчиков, мимо которых они проезжали, были наглухо заперты, окна витрин закрыты шторами.

Погода стояла пасмурная и сырая. Мостовые,

пешеходные дорожки и фасады домов влажно блестели. Когда автобус проезжал перекресток, вдали между домами мелькнул клочок неба, сплошь затянутого тяжелыми серыми облаками. Один раз Хэл все же увидел пешехода — тот резко обернулся на звук приближающегося санитарного автобуса и тут же нырнул в узкий проход между двумя магазинчиками.

В кабине повисла какая-то напряженность. Органы чувств Хэла уже работали в полную силу, его чуткий нос ощутил в спертом воздухе автобуса едва различимый резкий запах пота человека, оказавшегося в стрессовой ситуации. К тому же автобус двигался как-то странно: они проезжали по прямой несколько кварталов, потом без видимых причин останавливались на каком-нибудь перекрестке, резко сворачивали и ехали еще несколько кварталов вправо или влево, а затем возвращались на прежнее направление.

По мере того как они продвигались вперед, движение становилось все медленнее; казалось, водитель сбился с пути. Зато пешеходы стали попадаться чаще и чаще. Тело Хэла медленно возвращалось к жизни, и он наконец почувствовал уверенность в том, что по крайней мере способен подняться и даже пройти несколько шагов. Лежа

под одеялами, он сжимал и разжимал кулаки, сгибал руки и ноги, пожимал плечами и делал множество других мелких движений, стараясь не привлекать внимания сидящих впереди милиционеров.

Он был полностью поглощен упражнениями, когда автобус резко затормозил.

Хэл прекратил занятия и посмотрел в ближайшее окошко.

Они находились в центре большой городской площади, быстро заполнявшейся народом, который все продолжал прибывать из выходящих на нее боковых улиц. Взгляды людей, окруживших автобус, нельзя было назвать дружелюбными. Хэл вытянул шею, чтобы увидеть как можно больше. Менее чем в тридцати метрах перед ними, блокированная сейчас сплошной стеной из человеческих спин, начиналась улица, куда они, очевидно, направлялись. Водитель надеялся, что успеет проскочить туда, но просчитался и был вынужден остановиться на полпути.

Попытка пробиться силой стала бы равносильной самоубийству, принимая во внимание мрачный блеск в глазах стоящих вокруг людей. Издав звук, похожий одновременно на шумный выдох и ворчание, водитель совсем выключил

нагнетатели и опустил автобус на мостовую. Сидящий рядом с ним милиционер что-то пробормотал в переговорное устройство.

— Оставайтесь на месте! — ответил из динамика резкий голос. — Ничего не предпринимайте и постарайтесь не привлекать к себе внимания. Делайте вид, что вам все это нравится.

В санитарном автобусе снова стало тихо. Оба милиционера сидели, изображая увлекательную беседу и стараясь не замечать угрюмые лица. Взглянув еще раз в расположенное рядом окошко, Хэл заинтересовался тем, что происходит на центральной части площади, где толпа была наиболее плотной.

Люди теснились вокруг постамента с установленным на нем крестом из коричневатого гранита, достигающего по меньшей мере высоты третьего этажа. Хэлу сквозь мутное от влаги стекло окошка представлялось, что верхняя часть этого креста парит в вышине над толпой, упираясь своим концом в серые облака. Как раз в этот момент под аплодисменты с постамента спускался человек в деловом костюме, только что закончивший речь.

И тут же его сменил мужчина, облаченный в камуфляжную форму. Новый оратор добрался до

вершины постамента, крепко ухватился рукой за вертикальный брус креста, стараясь сохранить равновесие, и начал говорить. Хэл ясно слышал его голос — вне всякого сомнения тот пользовался транслятором, звук которого принимался и усиливался репитерами, но с такого расстояния ни в руках, ни на одежде говорившего ничего нельзя было разглядеть. Миниатюрные черные репитеры, открыто прикрепленные к отворотам одежды людей, окруживших машину, или с вызовом поднятые высоко над головами, далеко разносили над толпой слова оратора. Они без труда проникали и внутрь попавшегося в ловушку автомобиля.

— Братья и сестры во Христе...

Внезапно Хэл весь превратился в слух — это говорил Джейсон Роу; и теперь, когда он понял, кому принадлежит голос, то узнал и крепко сбитую, коренастую фигуру Джейсона, стоявшего в так хорошо знакомой ему позе.

— Через минуту перед вами выступит капитан Рух Тамани — автор плана полной изоляции шахты «Кор Тэп», осуществленного вчера ее отрядом; она не только спланировала всю операцию, но также вместе с членами своего отряда собрала и укомплектовала необходимые материалы для из-

готовления так нужной им взрывчатки и лично провезла их через полконтинента, ежесекундно рискуя подвергнуться нападению преследующих ее по пятам отрядов милиции. Братья и сестры во Христе, не далее как вчера мы продемонстрировали, что наша вера в Бога остается незыблемой и мы способны нанести удар именно туда, где это дьявольское отродье считает себя наименее уязвимым. Так же как и вчера, мы будем продолжать наносить удар за ударом до тех пор, пока Иные и их сторожевые псы не прекратят терзать наши миры и наш народ. А теперь, братья и сестры, встречайте Рух Тамани, командира отряда, организовавшего саботаж на «Кор Тэпе» и выведшего из строя достроечную станцию космических кораблей, и ко всему прочему, моего капитана!

Толпа разразилась восторженными криками, которые не прекращались, пока Джейсон спускался вниз. Затем какое-то время постамент с возвышающимся над площадью крестом оставался пустым, и шум постепенно стих. Но когда собравшиеся увидели рядом с постаментом тоненькую фигурку в темной камуфляжной форме, рев вспыхнул с новой силой.

Это, вне всякого сомнения, была Рух Она взобралась на постамент и замерла; крест возвышался

над ней, матово поблескивая мокрой от дождя полированной поверхностью.

Постепенно шум на площади стих, подобно звуку прибоя за окном, когда задергивают плотные шторы. Толпа внизу затаила дыхание.

Наконец Рух заговорила, и многочисленные репитеры подхватили ее слова и, многократно усилив, разнесли их над головами всех присутствующих на площади.

— Пробудитесь, пьяницы, и плачьте...

Хэл узнал цитату из Ветхого Завета, из первой главы Книги пророка Иоиля. Чистый голос Рух, долетев до ушей Хэла, вонзался в него, подобно острым иглам, побуждая как можно скорее восстановить полный контроль над своим телом.

— ...и рыдайте все, пьющие вино, — продолжала она, *— о виноградном соке, ибо он отмят от уст ваших!*

Ибо пришел на землю мою народ, сильный
и бесчисленный;
зубы у него — зубы львиные,
и челюсти у него — как у львицы.
Опустошил, он виноградную лозу Мою,
и смоковницу Мою обломал,

ободрал ее догола и бросил; сделались белыми ветви ее.

Рыдай, как молодая жена, перепоясавшись вретищем,

о муже юности своей!

Прекратилось хлебное приношение и возлияние

в доме Господнем;

плачут священники, служители Господни,

Опустошено поле, сетует земля;

ибо истреблен хлеб, высох виноградный сок,

завяла маслина.

Рух замолчала; повисшая над площадью тишина показалась оглушительной. Через некоторое время над площадью опять разнеслись ее слова.

— С каких пор мы стали бояться смерти? — Рух обвела взглядом стоящих внизу людей — Поскольку, как я вижу, вы боитесь смерти.

Толпа по-прежнему безмолвствовала. Казалось, никто не осмеливался не то чтобы пошевелиться, но даже вздохнуть. Хэл все продолжал попытки сломить сопротивление своего тела, не желающего возвращаться к жизни.

— Сегодня, — снова зазвучал ее голос, — вы все вышли на улицы. Сегодня милиция даже не пытается разогнать вас. Сотни вас, присутствующих здесь, готовы взять в руки оружие и выступить против сатанинского отродья и Антихриста.

Рух снова сделала паузу, а затем продолжила:

— Но завтра вы будете думать иначе. Вы не скажете, что передумали, вы просто начнете без конца спорить о том, как и когда начать действовать, и в конце концов все останется по-прежнему. С каких пор вы стали бояться смерти? Нет смерти, которой можно было бы бояться. Еще наши прадеды, когда прилетели с Земли, знали это. Почему же вы забыли об этом?

Никто в толпе не пошевелился и не издал ни звука.

— Они знали, как следовало бы знать и нам, что физическая смерть любого из нас ничего не значит до тех пор, пока продолжает существовать род детей Божьих. Тогда все спасутся и будут жить вечно.

Хэл пошевелил ногами, потом слегка подвигал ими под одеялом, восстанавливая кровообращение; послышался негромкий шорох, но сидящие впереди милиционеры не обратили на это никакого внимания. Как и все люди на площади, они

были целиком захвачены выступлением.

— Есть человек, — продолжала Рух, и ее слова гулко отражались от фасадов зданий, окружающих площадь с четырех сторон, — он уже бывал в этом городе и снова намерен приехать сюда. Многие называют его Великим Учителем.

Она сделала паузу.

— На самом деле он — учитель лжи, воплощение Антихриста. Но он завидует нашему бессмертию — вашему и моему, братья и сестры, — ибо сам он смертен и знает, что умрет.

Ибо только Бог поистине бессмертен. Он будет существовать, даже если человечество исчезнет. Поскольку все мы, вы и я, являемся частичками нашего Господа, мы тоже бессмертны. Но Антихрист, который ходит среди нас и готовит нам последнее великое испытание, не может надеяться на вечную жизнь, не принадлежа к человечеству. Если же мы примем его и ему подобных, то у них появится шанс выжить.

Враг может на куски изрезать наше тело, но наши души все равно окажутся ему недоступными, если только мы добровольно не отдадим их ему. И тогда мы пропадем безвозвратно.

Но если мы воспротивимся этому, смерть не одолеет нас, мы все равно будем жить вечно — не

только в Господе нашем, но и в тех, кто придет после нас, кто благодаря нам будет и дальше чтить Господа нашего.

Ибо мы можем утратить свое бессмертие, только если мы предадим Господа нашего, отрекшись от Него. Если мы не превратимся в псов антихристовых, мы станем частицей детей наших детей, которые благодаря нашей вере и нашим трудам вечно будут принадлежать нашему Богу, нашей вере и тем самым нам самим.

Рух замолчала. На этот раз впервые за все время ее выступления послышался легкий, как дуновение ветерка, вздох, который прокатился по рядам собравшихся и затих, коснувшись стен окружающих площадь зданий.

— Некоторые люди, — снова заговорила она слегка изменившимся голосом, — говорят: «А что, если последователи Антихриста перебьют всех нас?» На это я отвечу: «Они не смогут». Поскольку тогда дьявольским отродьям не будет хватать слуг, к которым они так привыкли. Даже если допустить, что наши враги уничтожат всех истинных приверженцев веры, то и это им ничего не даст. Ведь даже в их рабах дремлют семена веры, дожидаясь своего часа, когда их разбудит голос Господа.

Рух медленным взглядом обвела площадь.

— Поэтому соберите свое мужество, — снова заговорила она. — Те, против кого мы выступаем, могут уничтожить только наши тела, но не души. Давайте все вместе отбросим страх смерти, который по сути то же самое, что детский страх темноты, и поклянемся в верности Господу нашему, и воздадим Ему хвалу, и возблагодарим Его за то, что Он даровал именно нам, нашему поколению, это великое и славное испытание. Ибо нет награды лучшей, чем бороться за Него, зная, что поражения быть не может, поскольку Он непобедим.

Она замолчала.

— А теперь, братья и сестры, — опять раздался ее голос, — принесем клятву верности Господу нашему. Давайте споем вместе, чтобы Господь услышал нас.

Суровый гимн, который Хэл уже как-то слышал в доме Амджака в исполнении Сына Божьего, в устах Рух превратился в победную песнь.

— Солдат, не спрашивай
Себя, что, как и почему.
Коль знамя в бой тебя ведет —
Шагай во след ему.

И легионы безбожников пусть окружают нас —

Не считая ударов, руби и круши —

Вот тебе весь приказ.

Толпа дружно подхватила песню. Милиционеры, охранявшие Хэла, замолчали, похоже, пение подействовало и на них. Хэл, тоже целиком захваченный эмоциональным накалом выступления Рух, внезапно очнулся: он, возможно, упускает свой единственный шанс спастись.

Тихо, как только мог, Хэл сдвинул одеяла к стенке, перебросил ноги через край носилок и осторожно сполз на пол.

Оба милиционера впереди, не отрываясь, смотрели в левое от водителя окошко, не замечая, что происходит у них за спиной.

Хэл, слегка покачиваясь, уже стоял, правда чувствуя себя еще не очень уверенно. Попытки держаться прямо отнимали много сил, но тем не менее он испытывал огромный подъем уже оттого, что может просто стоять. Затем Хэл очень осторожно стал продвигаться к задней двери автобуса, через которую его вносили на носилках. Один шаг, другой, еще один. Наконец он у двери.

Он положил руку на округлый холодный ме-

таллический рычаг запорного механизма и приготовился нажать на него, затем оглянулся через плечо на двух милиционеров. Те сидели к нему боком, по-прежнему ничего не замечая.

Он снова повернулся к двери и нажал на рычаг. Но тот даже не шевельнулся, словно его замуровали. Хэл сначала было подумал, что всему виной его слабость, и налег на рычаг всем своим весом. Но с тем же результатом.

И тут его осенило. Он наклонился к рычагу и увидел, что он зафиксирован горизонтальной задвижкой, которую нужно отодвинуть в сторону, прежде чем поворачивать рычаг. Хэл аккуратно взялся пальцами за ручку задвижки и потянул. Но задвижку, похоже, заело. Он потянул сильнее. Та секунду еще сопротивлялась, затем отскочила в сторону со страшным лязгом, громким эхом прокатившимся по автобусу. Хэл схватился за рычаг.

— Стоять! — послышался сдавленный окрик с переднего сиденья. — Еще движение, и я буду стрелять!

Не выпуская из рук рычага, Хэл снова оглянулся через плечо. Он увидел лица обоих милиционеров, глядящих на него поверх спинок сидений, а ниже, между сиденьями, узкое, с кожухом из

проволочной спирали дуло специальной коротко-ствольной модели вакуумного пистолета. Оно было нацелено прямо на него.

— Он стреляет бесшумно, — предупредил водитель, — так что возвращайся на место и забирайся обратно на носилки.

Хэл смотрел на милиционеров, чувствуя необыкновенное воодушевление.

— И не подумаю, — ответил он. — Если отсюда выпадет мой труп, вы не проживете и пяти минут.

Хэл нажал на рычаг и навалился на дверь. Она приоткрылась, уперевшись в кого-то, стоящего снаружи. Щель оказалась недостаточно широка, чтобы в нее можно было пролезть, зато голову просунуть удалось.

— Братья, помогите — закричал Хэл хриплым голосом. — Меня схватила милиция. Помогите!

Он инстинктивно сжался, ожидая беззвучного удара в спину разряда вакуумного пистолета. Но ничего не случилось. Хэл увидел поворачивающиеся к нему удивленные лица, затем дверь полностью распахнулась и он вывалился наружу.

Он упал бы на землю, если 6 чьи-то руки не подхватили его и не поставили на ноги.

— Помогите... — начал Хэл снова, чувствуя, как слабеет; внезапный прилив сил, вызванный необходимостью позвать на помощь, быстро таял. — Они держали меня в своей тюрьме...

На какое-то мгновение свет в его глазах померк, и он потерял сознание. Когда же пришел в себя, то ему показалось, будто его куда-то тащат; затем множество рук подхватило его и подняло над толпой. Еще не вполне осознавая, что происходит, он почувствовал, как его тело, поддерживаемое бесчетным количеством рук, плывет над головами людей. Боковым зрением Хэл с удивлением заметил в разных концах площади мужчин, женщин и даже детей, пострадавших в давке, — подобно ему, их тоже передавали над толпой.

Вскоре его опустили, поставив на ноги на одной из выходящих на площадь улиц.

— Цепляйся, — произнес в самое ухо чей-то мужской голос.

Хэл увидел рядом с собой двух мужчин. Он закинул руки им на плечи, они обхватили его за пояс и таким образом, полуведя, полунеся, протащили через уже не столь густую толпу, а затем помогли подняться по небольшому трапу в фургон огромного грузовика, приспособленный под пункт «Скорой помощи».

— Кладите его сюда, — велела женщина со стетоскопом на шее, склонившаяся над лежащим на топчане человеком, и показала локтем на свободный топчан позади себя.

Двое мужчин осторожно уложили Хэла на него.

— Посмотрите, нет ли снаружи кого-нибудь, кому он известен, — коротко распорядилась женщина. — И закройте за собой дверь.

Мужчины вышли. Хэл лежал, наслаждаясь теплом и счастьем, — наконец он на свободе. Через некоторое время врач подошла к нему.

— Как вы себя чувствуете? — Она взяла его за запястье и нащупала пульс.

— Только слабость, — ответил Хэл. — Я не был в толпе. Я только что сбежал из милицейской санитарной машины. Они везли меня в госпиталь.

— Почему? — спросила женщина, доставая термометр.

— Я сильно простудился. Простуда привела к бронхиту или чему-то вроде этого.

— Вы астматик?

— Нет. — Хэл глубоко закашлялся и стал искать взглядом, куда бы сплюнуть, пока не обнаружил поднесенный к самому его рту белый сосуд. Он сплюнул и в следующий момент почувствовал,

как ему под язык сунули термометр. Затем врач вынула термометр и сказала:

— Сейчас температуры нет. Но у вас сильные хрипы, воздух с трудом проходит по дыхательным путям.

— Верно, — подтвердил Хэл. — Последние несколько дней у меня была очень высокая температура, но сегодня рано утром кризис миновал.

— Закатайте рукав. — Врач достала пневмоинжектор и вставила в него ампулу. Непослушными пальцами Хэл попытался расстегнуть манжету, но у него ничего не вышло. Женщина отложила инжектор и помогла ему справиться с рукавом. Наконечник инжектора уперся ему в руку, и Хэл почувствовал холодок впрыснутого в мышцу лекарства, затем сам опустил рукав и застегнул манжету.

— Выпейте это, — сказала врач, поднеся к его губам одноразовый стаканчик. — Выпейте все.

Хэл залпом проглотил содержимое стаканчика, вкусом похожее на разбавленный лимонад. Не прошло и минуты, как свершилось чудо: легкие раскрылись и последующие несколько минут он был занят тем, что откашливал в огромных количествах мокроту, забивавшую дыхательные

пути.

Он услышал, как открылась и снова закрылась дверь фургона, в котором он находился.

— Конечно, я его знаю, — раздался чей-то голос. — Это Ховард Иммануэльсон, из отряда Рух.

Хэл поднял глаза и увидел круглую решительную физиономию направляющегося к нему одного из внуков Густава Молера с фермы Молер-Бени; за его спиной виднелся мужчина — очевидно, он привел его сюда.

— С вами все в порядке, сэр? — спросил внук; Хэл не знал, как его зовут. — Вас куда-нибудь отвезти? Я приехал сюда в начале недели на одном из наших грузовиков и могу в момент подогнать его сюда. Вам не надо ни о чем беспокоиться, сэр. Мы все здесь верные слуги Господа.

При последних словах его щеки окрасил легкий румянец. Хэлу вдруг впервые пришло в голову, что хозяин и другие домочадцы до сих пор могут испытывать некоторую неловкость за тот вечер на ферме Молер-Бени, когда водитель грузовика с прицепом убеждал отчислить Хэла из отряда.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал он.

— Он не может ехать в таком виде, — бесцеремонно вмешалась врач, поднявшись из-за носилок с очередным пациентом, — если вы не

хотите, чтобы он снова вернулся сюда, но на это раз с воспалением легких. Ему нужна одежда, в которой он мог бы выйти на улицу. Кто-нибудь из собравшихся снаружи мог бы пожертвовать куртку или пальто воину Господа.

Человек, пришедший вместе с внуком, тотчас выскочил из фургона.

— Не беспокойтесь, сэр, — сказал молодой фермер, — многие были бы рады отдать вам свое пальто. Я, пожалуй, лучше пойду и подгоню свой грузовик, чтобы вам не пришлось долго идти по улице.

Он вышел, оставив Хэла в раздумьях, действительно ли найдется кто-нибудь, кто захочет отдать свою верхнюю одежду какому-то незнакомцу в такой холод.

Однако добровольный помощник вернулся довольно скоро, держа в руках охапку из полудюжины курток и пальто. Разумеется, Хэл взял бы первое попавшееся и был бы благодарен и за это, но вмешалась врач и выбрала куртку с подкладкой из овчины.

— Поблагодари того, кто дал мне ее, — обратился Хэл к человеку, который принес одежду.

— Он чрезвычайно горд тем, что его куртку будет носить член отряда, — ответил тот.

Спустя минуту появился внук Молера, чтобы проводить Хэла к своему легкому грузовику, стоящему неподалеку от фургона «Скорой помощи». Как только из дверей фургона появился поддерживаемый под локоть молодым человеком Хэл, собравшиеся разразились аплодисментами.

Хэл улыбнулся и помахал рукой, потом позволил довести себя до грузовика и обессиленно откинулся на сиденье. Толпа расступилась, образовав проход.

— Куда вас отвезти, сэр? — спросил внук.

— Прости... не знаю твоего имени, — произнес Хэл.

— Мерси Молер, — церемонно представился молодой человек.

— Прекрасно. Благодарю тебя, Мерси, — ответил Хэл. — И спасибо за то, что признал меня. Кроме того, я искренне благодарен тебе за предложение подвезти меня.

— А-а, ерунда. — Мерси слегка покраснел. — Так куда ехать?

Хэлу пришлось покопаться в памяти, чтобы вспомнить адрес, который он написал на конверте, когда отправлял документы. Он никогда не забывал того, что хотел запомнить, но иногда, чтобы восстановить что-либо в памяти, ему тре-

бовалось определенное мыслительное усилие. Хэл решил немного изменить адрес, который подсказала ему память, — не было никакой нужды афишировать тот факт, что он направляется в консульство экзотов.

— Квартал Французской Галеры, 43, — сказал он. — Ты знаешь, где это находится? К сожалению, мне известен только адрес.

— Ничего, я спрошу, — кивнул Мерси. Он опустил стекло и высунулся в окно, обращаясь к стоящим на мостовой людям. Через пару секунд он уже докладывал Хэлу, трогая машину с места:

— Квартал Французской Галеры находится неподалеку от авеню Джона Нокса, не доезжая Первой Церкви. Я знаю, где это. Мы будем на месте через десяток минут.

Но прошло не десять, а почти двадцать минут, пока они разыскали квартал Французской Галеры. Комфортабельные трехэтажные особняки окружали площадь, и, если судить по флагам, украшавшим многие подъезды, этот квартал был излюбленным местом, где предпочитали размещать свои консульства представители других миров. Чтобы скрыть, что его истинной целью является дипломатическое представительство, Хэл попросил несколько озадаченного

Мерси высадить его у сравнительно небольшого коричневого здания, затесавшегося между консульствами Венеры и Новой Земли.

— Спасибо, — сказал он, выбираясь из кабины. — Не знаю, как еще тебя отблагодарить. Нет, спасибо, я прекрасно справлюсь сам. Не жди меня, поезжай и, когда вернешься домой, передай от меня привет деду и всем остальным родичам.

— Для меня это было одно удовольствие... и честь, сэр, — отозвался Мерси. Он помахал на прощание рукой, поднял стекло и поехал прочь.

Хэл помахал в ответ и подождал, пока грузовик в потоке транспорта обогнет круглую площадь и скроется за деревьями, обрамляющими выезд на авеню Джона Нокса. Он облегченно вздохнул. Необходимость соблюдать элементарную вежливость отобрала у него последние остатки сил.

Хэл повернулся и медленно, нетвердой походкой побрел вокруг площади к дому номер 67 в четырех подъездах от него. Короткий путь от ворот до дома он преодолел без особых проблем, но подъем на шесть ступенек, ведущих к двери, показался ему восхождением на гору. Наконец он добрался до верхней площадки и нажал кнопку домофона. Ожидание ответа растянулось на несколько томительных минут. Хэл уже готов

был повторить свой вызов, когда из динамика домофона послышался голос.

— Да? — спросили изнутри.

— Меня зовут Ховард Иммануэльсон, — сказал Хэл, устало прислонившись к косяку. — Несколько дней назад я отправил вам документы...

Дверь отворилась. В проходе, вырисовываясь на фоне тускло, освещенной прихожей, стоял человек в ярко-оранжевом хитоне примерно того же роста, что и Хэл. По упитанному круглому лицу трудно было определить его возраст.

— Ну конечно, Хэл Мэйн, — произнес мягкий баритон. — Амид просил нас сделать для тебя все, что сможем, и предупредил, что ты скоро объявишься. Ну, заходи, заходи.

Глава 38

Хэл лежал, завернувшись в просторный, цвета лесной зелени экзотский хитон. В затейливое пение птиц вплетался плеск струй фонтана, скрытого трехметровыми, похожими на иву деревьями, росшими по левую сторону небольшой беседки, в которой он отдыхал. Гармония окружающего, созданного экзотами, снимала остатки напряжения.

Хэлу казалось, что он насквозь пропитан этой призрачной летаргией. Его теперешнее местопребывание, обычное жилище экзотов, в которых зачастую даже трудно определить, на улице ты или в доме, создавало у него такое чувство, словно впереди — целая вечность и он непременно успеет сделать все, что намечено. Однако по мере выздоровления внутри него все сильнее нарастало чувство какого-то беспокойства, появившееся еще в милицейской камере.

За эти последние несколько недель Хэл очень повзрослел. Теперь он понимал, что вряд ли экзоты доставили его сюда, на Мару, лишь только по доброте душевной или из-за личного рас-

положения к нему Амида. В принципе, экзоты были людьми доброжелательными, но прежде всего достаточно практичными. Вся эта забота и внимание наверняка связаны с какими-то дальнейшими событиями; и, если говорить честно, он даже приветствовал это, поскольку ему самому было что обсудить со своими гостеприимными хозяевами.

Хэл не видел Амида, если не считать нескольких его кратких визитов, с тех самых пор, как прибыл сюда, в его дом. Начиная с момента старта с Гармонии он почти всегда имел дело с женщиной по имени Нералли, представителем по связям с консульскими службами на Гармонии. На протяжении всего их пути сюда она была его компаньоном и нянькой одновременно. Теперь же Хэл видел Нералли все реже и реже. Он ощущал горечь потери, понимая, что вскоре она должна будет вернуться к своим обязанностям; и, скорее всего, они никогда больше не встретятся.

Сейчас Хэл лежал, воскрешая в памяти события, приведшие его сюда. В консульстве экзотов в Аруме ему сначала предоставили возможность выспаться. Он не помнил, чтобы ему давали какие-нибудь лекарства; и хотя экзоты, в принципе, не имели ничего против фармакологических пре-

паратов, они предпочитали применять их лишь в крайних случаях. Если уж быть более точным, он не мог припомнить и никакого особого лечения или манипуляций над своим сознанием или телом. Только вот постель под ним была именно такой, какую бы ему хотелось, то же самое относилось и к температуре воздуха в комнате, а легкое дуновение ветерка — теплым, нежным и обволакивающим.

Нералли находилась рядом, как только он появился в консульстве; именно она сопровождала его к закрытому служебному транспорту, который доставил их по специальному дипломатическому маршруту, минуя обычную таможенную проверку и паспортный контроль, от консульства прямо к принадлежавшему экзотам кораблю. Нералли и, как считалось, больного сотрудника консульства тут же провели на борт. Хэл не помнил старта корабля с Гармонии. В памяти остались лишь первые несколько дней полета, да и те представлялись как один бесконечный, долгий сон. В краткие минуты пробуждения он всегда видел рядом с собой Нералли, которая старалась хоть немного накормить его. В конце концов он поправился настолько, что сумел осознать, что Нералли никогда не оставляла его

— ни днем ни ночью. Легко и просто, совсем не думая об этом, он почти влюбился в нее.

Это была короткая, мимолетная печальная любовь, которая, вспыхнув лишь на мгновение, угаснет в тот же миг, когда они расстанутся, и они оба знали об этом. Нералли отдавалась ему целиком и полностью, что входило в круг ее профессиональных обязанностей целительницы. Однако она тоже влюбилась в него, разглядев в нем нечто, чего не было, у тех других, которых она лечила до него и которые тоже нуждались в ее умении восстанавливать их тела, разум и души, — Хэл понял это прежде, чем она сама сказала ему.

Но даже она, при всем своем опыте и подготовке, не смогла объяснить, чем именно он отличается от других, хотя они обсуждали этот вопрос достаточно глубоко, впрочем, как и многое другое. То, что Нералли делала, было частью предъявляемых к ней требований: стараясь вызвать на откровенность своих подопечных, она сама должна была быть с ними предельно откровенной. Так из ее рассказов он узнал, что она, как и все другие, кто занимается целительством, каждый раз, как и предполагалось, все глубже познавала саму себя; и, если когда-нибудь слу-

чится так, что она уже не сможет этого сделать, ей придется оставить свою работу.

Несмотря на то что Хэл общался с ней почти постоянно вот уже на протяжении нескольких недель, он не смог четко представить себе ее лицо. Занимаясь генетическими исследованиями почти три столетия, экзоты добились того, что среди них не было ни одного, лишенного физической привлекательности. В течение первых дней их общения лицо Нералли казалось ему неприметным, почти заурядным, но потом оно так часто менялось, что он совсем запутался. Оно было то волнующе прекрасным, то таким милым и бесконечно любимым, что естественная красота его просто терялась, вызывая в нем чувство того неизъяснимого узнавания, по которому младенец различает лица заботливых родителей. Нечто подобное появляется у супругов, проживших долгую совместную жизнь, когда невозможно представить себе лицо близкого человека, а видишь лишь некий обобщенный его образ.

Нералли сумела дать ему то, что ему было нужнее всего, хотя он этого и не осознавал, — она настолько поглотила все его внимание, что дала покой его душе. Сейчас, когда силы снова вернулись к нему, в этом уже не было необходимости;

и следовательно, Нералли покинет его, уйдет к тем, кто нуждается в ее помощи.

Хэл лежал, прислушиваясь к голосам птиц и плеску воды. Немного погодя он услышал тихое шарканье подошв по земле и повернул голову как раз в тот момент, когда Амид располагался напротив него на удобной скамье. Хэл приподнялся и сел на своей кушетке.

— Итак, неужели мы наконец-то поговорим? — поинтересовался Хэл.

Амид улыбнулся и поправил на коленях красно-коричневый хитон. Бывший посредник изредка навещал его ранее, но визиты длились не более пары минут — из-за чрезмерной занятости Амида.

— Дело, которым я был поглощен, — ответил низенький старец со сморщенным лицом, — теперь уже улажено. Да, сейчас мы можем говорить с тобой столько, сколько ты захочешь.

— Не с моим ли пребыванием здесь было связано это ваше дело? — улыбнулся Хэл.

Амид громко рассмеялся. Этот звук напоминал скорее сухой кашель, чем смех, но звучал он довольно дружелюбно.

— Вряд ли бы ты мог оказаться на Маре, — сказал он, — не втянув нас в те или иные отношения

с Иными, пусть хотя бы и косвенные.

— Косвенные? — эхом отозвался Хэл.

— Поначалу косвенные. — Амид уже не улыбался. — Боюсь, ты прав. Вот уже несколько дней, как они имеют к тебе самое прямое отношение. Блейзу известно, что ты здесь.

— Здесь? В твоем доме?

— Только то, что ты на Маре и, возможно, в этом полушарии, — ответил Амид. — Точного твоего местонахождения ему никогда не узнать.

— Но, думаю, стремясь заполучить меня, он оказывает на вас сильное давление, — сказал Хэл.

— Да, — кивнул Амид, — оказывает. И боюсь, мы будем вынуждены ему уступить, если продержим тебя здесь чуть дольше. Но не обязательно делать это прямо сейчас. В любом случае взять и сразу же подчиниться его требованию было бы крайне унизительно для нас.

— Рад слышать это, — произнес Хэл.

— Однако, я вижу, ты не очень-то удивлен, — заметил Амид. — Думаю, ты понимаешь, что у нас свой интерес к тебе и нам есть о чем поговорить?

— Я полагаю, ваш интерес как-то связан с теми расчетами, которые сделал Уолтер относительно меня, когда он стал одним из моих воспитате-

лей, — уточнил он.

— Да, конечно, — сказал Амид. — В твоем досье имелась пометка: ты являешься человеком, способным оказать влияние на ход истории. Следовательно, все, что касалось тебя, тщательно фиксировалось, вплоть до смерти твоих воспитателей и твоего появления на Абсолютной Энциклопедии...

— Это делал Уолтер? — спросил Хэл.

— Уолтер, конечно, — спокойно ответил Амид. — После его смерти и твоего бегства на Абсолютную Энциклопедию мы тебя потеряли; и только на Коби, да и то лишь благодаря проявленному к тебе интересу Блейза, нам снова удалось тебя найти. Уже одно то, что тебе так долго удавалось ускользать от него, факт сам по себе, скажем, примечательный; и именно это главным образом явилось причиной нашего повышенного внимания к тебе. В общем, ты был как раз тем, кого все мы в последнее время так упорно искали. Когда стало ясно, что Блейз делает все возможное, чтобы заставить тебя покинуть Коби, мы организовали дело так, чтобы на каждом корабле был наш человек, который при случае помог бы тебе. Мне повезло, я оказался как раз тем, на кого ты вышел.

— Да, — кивнул Хэл. — Понимаю. Вы заинтересовались мной из-за Блейза.

— По той же причине, что и Блейз, — пояснил Амид. — Мы допускаем, что он хочет тебя нейтрализовать или перетянуть на свою сторону. Но дело не только в его интересе. Ты привлек наше внимание только лишь потому, что это рекомендовалось нашими онтогенетическими расчетами.

— И не только рекомендовалось, ведь так? — спросил Хэл.

Амид склонил голову набок, словно птица, пристально глядя на него.

— Я не совсем тебя понимаю, — сказал он. Хэл медленно вздохнул, прежде чем ответить. Летаргия прошла. Ее сменили печаль и мрачные раздумья.

— Блейз и Иные угрожают самому существованию вашей цивилизации, — ответил он. — При таком положении дел нет ли в ваших расчетах чего-то большего, нежели просто рекомендации обратить на меня внимание. Или позвольте поставить вопрос немного по-другому. Были ли другие кандидатуры, помимо меня?

Амид молча глядел на него.

— Нет, — наконец вымолвил он.

— Тогда все, — сказал Хэл.

— Да, — произнес Амид, все еще не спуская глаз с него. — Ты, несомненно, понимаешь ситуацию гораздо лучше, чем мы предполагали. Тебе ведь немногим более двадцати, не так ли?

— Да, — подтвердил Хэл.

— Твои рассуждения соответствуют зрелому возрасту.

— Сейчас я чувствую себя гораздо старше, — сказал Хэл. — Это чувство пришло ко мне совсем недавно.

— На Гармонии?

— Нет. С тех пор, как у меня появилось время подумать. Вы говорили, что я постоянно ускользаю от Блейза. Ведь вам известно — это мне не всегда удавалось. И я оказался в камере Главного управления милиции в Аруме.

— Да, — сказал Амид. — Но ты же убежал. Кстати, тогда, когда погибли твои воспитатели, ты беседовал с ним?

— В день смерти моих воспитателей мы с ним не говорили, — ответил Хэл. — Но нам пришлось пообщаться — за день или за два до моего побега Блейз пришел ко мне в камеру.

— Могу я спросить о чем?

— Он, похоже, решил, что я принадлежу к

Иным, и привел мне ряд доводов. Блейз считает, что я в конце концов перейду на их сторону, так как у меня просто не будет другого приемлемого выбора.

— Насколько я понимаю, ты не согласился с ним?

— Выходит так.

Амид посмотрел на него с любопытством.

— Ты не уверен в том, что он не прав?

— Я не могу позволить себе роскошь быть в чем-либо уверенным — разве вы, экзоты, сами не придерживаетесь того же принципа?

Амид кивнул.

— Да, порой ты мыслишь гораздо более зрело, чем можно было ожидать. Но ты все же послал мне свои документы. И пришел к нам за помощью.

— Я и Блейз с Иными — по разные стороны баррикады. Единственное здравое решение — объединиться с теми, кто тоже находится к нему в оппозиции. В камере у меня было достаточно времени, чтобы все обдумать.

— Могу себе представить. По словам Нералли, ты словно побывал на том свете, — покачал головой Амид.

— И много она вам рассказала? — спросил Хэл.

— Да, пожалуй, это и все, — пожал плечами Амид. — Она целительница, и у нее есть своя этика. К тому же мы бы предпочли услышать все, что ты считаешь нужным, от тебя самого.

— По крайней мере для начала? — уточнил Хэл. — Я вовсе не против того, чтобы вам это стало известно. В действительности же то, через что я прошел, не имеет никакого значения. Просто теперь я более четко, возможно, даже лучше, чем вы здесь, на Маре, представляю себе истинное положение вещей.

Амид слегка улыбнулся. Но улыбка тут же погасла на его лице.

— Все может быть, — медленно проговорил он.

— Да, — отозвался Хэл.

— Тогда скажи мне, — Амид пристально смотрел на него своими мудрыми, окруженными сеткой морщин глазами, — что же все-таки будет?

— Армагеддон. Последняя война. Когда она закончится, все окажется полностью под контролем Иных: не будет ни экзотов, ни дорсайцев, ни квакеров. И разумеется, никакого прогресса. Просто четырнадцать миров под властью Иных, где не может быть и речи ни о каких переменах.

Амид медленно кивнул.

— Возможно, — промолвил он, — если только Иным удастся это сделать.

— И тебе известно, как их можно остановить? — спросил Хэл. — Если да, то зачем нужен я?

— Ты можешь явиться средством или частью его, — ответил Амид, — поскольку в истории нет простых решений. Буду краток. Оружие, которое мы создали здесь, на Маре и Культисе, против Иных бесполезно. Только одна из Осколочных Культур способна противостоять им.

— Дорсайцы, — произнес Хэл.

— Да. — На минуту лицо Амида застыло и стало совершенно безжизненным, подобно маске. — Именно им придется сразиться с Иными.

— Физически?

Глаза Амида встретились с его взглядом.

— Физически, — подтвердил он.

— И вы решили, — сказал Хэл, — меня, воспитанного на культуре экзотов, дорсайцев и квакеров, послать к ним с этим известием.

— Да, — кивнул Амид, — но не только это. Наши выводы относительно тебя говорят о том, что ты сам по себе являешься крайне необычной личностью, — может быть, здесь и сейчас именно ты больше всего подходишь на роль лидера. Представляешь, насколько высоко некоторые из нас

оценивают твои возможности...

— Спасибо, — сказал Хэл. — Но я думаю, вы мыслите слишком незначительными категориями. Похоже, вы считаете, что существует некто, кто поведет всех за собой, но под вашим контролем. Неужели у экзотов именно такое представление о ситуации?

— В каком смысле? — Голос Амида внезапно стал резким.

— Я не могу поверить, — медленно произнес Хэл, — что вы питаете какие-то иллюзии. То, что вы создали здесь и на Культисе, не имеет ни малейшего шанса выжить в той форме, к какой вы привыкли. Равно как и дорсайская и квакерская цивилизации в существующем ныне виде, независимо от того, остановят они Иных или нет. Единственная надежда состоит в том, чтобы любой ценой дать выжить всей расе, иначе — гибель. Человечество погибнет, если победят Иные. Хотя, возможно, им понадобится несколько поколений.

— И?.. — это прозвучало почти как вызов.

— И для того чтобы выжить, надо прежде всего ясно представлять, чем, вероятно, придется пожертвовать, — сказал Хэл. — Что, по твоему мнению и мнению твоих соотечественников,

должно быть сохранено любой ценой?

Амид смотрел на него невидящим взглядом.

— Идея эволюции человечества, — произнес он. — Это ни в коем случае не должно умереть. Даже если будет суждено исчезнуть нам и всей нашей работе, проделанной за прошедшие четыре столетия.

— Так, понятно. Но, я думаю, идеи можно спасти, — сказал Хэл, — только если будет спасена раса, как таковая. Хорошо. Ты бы хотел, чтобы я встретился кое с кем из твоих соотечественников?

Он встал. Амид тоже поднялся со скамьи.

— Я считаю, — проговорил он, — мы недооценили тебя.

— Может, и нет, — улыбнулся Хэл. — Я думаю, прежде всего мне надо переодеться. Вы не подождете меня пару минут?

— Конечно.

Хэл отправился в свою спальню. Он сменил зеленый хитон на одежду, которая была на нем, когда он постучался в дверь консульства экзотов на Гармонии, и вернулся к Амиду.

— Да, мы действительно недооценивали тебя. — Старик окинул взглядом Хэла. — Ты очень, очень повзрослел с тех пор, когда я встретил тебя

на борту корабля, направляющегося к Гармонии.

Глава 39

— Так уж случилось, — говорил Амид, ведя Хэла занимательным лабиринтом комнат и перемежающихся открытых площадок, что, собственно, и составляло его дом, — те, кто бы хотел встретиться с тобой, уже здесь. Пока ты переодевался, мне удалось с ними связаться.

— Прекрасно, — отозвался Хэл.

Он шел, стараясь приноровиться к шагу идущего рядом старика, который к тому же был значительно ниже его ростом. Только сейчас Хэл осознал, насколько стар этот человек. Если учесть достижения экзотов в медицине, Амид, несомненно, был гораздо старше, чем выглядел; конечно, ему было далеко не столько лет, сколько Таму Олину, но по обычным человеческим меркам он являлся, бесспорно, глубоким старцем.

— Я абсолютно не представляю, каковы твои знания о нас, — продолжал Амид, — но, полагаю, тебе известно, что на Маре и Культисе, равно как и у дорсайцев, из соображений целесообразности отсутствуют какие-либо органы управления. Решения, касающиеся всех нас, принимаются теми,

кто наиболее компетентен в данном вопросе, а остальные соглашаются с этими опытными экспертами, хотя, конечно, любой человек может их оспорить.

— Но, как правило, подобного не происходит? — уточнил Хэл.

— Нет, — улыбнулся ему Амид. — Однако ты должен знать, что эти четверо, с которыми ты будешь разговаривать, не являются политическими лидерами каких-либо групп или территорий. Это люди, специализирующиеся в таких областях знаний, которые дают им возможность лучше всего оценить твои возможности. Например, мой опыт изучения Квакерских миров позволит нам не только лучше понять твои поступки на Гармонии, но и спрогнозировать результаты этих поступков. Другие являются аналогичными экспертами.

— В прикладных областях онтогенетики?

— Онтогенетика стоит за всем, чем мы занимаемся — Амид прервал свои объяснения. Они подошли ко входу на балкон. Над изящными невысокими столбиками балюстрады виднелось лишь небо да в отдалении верхушки каких-то лиственных деревьев. Никакой мебели — кроме нескольких кресел — не было.

— Мы пришли слишком рано, — Амид обернулся к Хэлу, — так что у нас есть немного свободного времени. Пойдем-ка со мной.

Он повернулся и направился к комнате, расположенной прямо напротив балкона; Хэл, слегка озадаченный, последовал за ним. Все это сильно походило на специально подстроенную ситуацию с целью ознакомить его с чем-то важным. Конечно, это могло быть и простой случайностью, как это хотел ему представить Амид; но, вполне вероятно, Амид намеревался еще до начала разговора сообщить ему нечто, о чем хотели поставить его в известность экзоты, но так, чтобы у него потом не было слишком много времени на раздумывание.

— Я должен кое-что объяснить. Пусть тебя не удивляет, если ты вдруг заметишь, что кто-нибудь из пришедших на встречу с тобой почему-то не доверяет тебе. — Амид закрыл за ними дверь и стоял, глядя Хэлу в глаза. — Насколько я помню, ты говорил, что Уолтер обучил тебя по крайней мере азам онтогенетики?

Хэл ответил не сразу. Если бы его спросили об этом, когда ему было пятнадцать лет, он бы без промедления заявил, что имеет гораздо более глубокое представление об онтогенетике, неже-

ли просто азы. Но сейчас... Прежде всего он уже давно вышел из этого возраста, к тому же, оказавшись здесь, на Маре, лицом к лицу с экзотом, он ощутил в себе какую-то сдержанность.

— Так, кое-какие сведения, но не более, — подтвердил он.

— Тогда ты, наверное, знаешь, что онтогенетика в основном изучает личности с точки зрения их влияния на исторический процесс в прошлом и настоящем, ставя перед собой задачу выявить модели воздействия, способные, в свою очередь, развить и усовершенствовать человеческий вид, как таковой.

Хэл утвердительно кивнул.

— И тебе известно также, — продолжал Амид, подходя к небольшому, совершенно пустому квадратному столику со столешницей, вырезанной, очевидно, из какого-то светлого камня, — что, не считая предоставления статистических данных и биологических выкладок, она носит чисто теоретический характер. Мы ведем наблюдения и пытаемся применять их результаты. Чем больше у нас будет накоплено практических знаний, тем скорее мы приблизимся к разгадке, пока в конце концов перед нами не предстанет четкая модель воздействия, ведущая к эволюции человечества.

Он помолчал, остановившись рядом со столиком, и снова посмотрел на Хэла.

— Надеюсь, ты понимаешь, насколько мы были заинтересованы в концентрации такого рода знаний и поэтому приняли решение внести большую часть средств, необходимых для создания Абсолютной Энциклопедии; сначала это был институт в городе Сент-Луис на Земле, а затем она приобрела тот вид, в котором существует сейчас, вращаясь на орбите вокруг этой планеты. Хотя, как ты опять же должен знать, в настоящее время Абсолютная Энциклопедия не принадлежит ни экзотам, ни кому-либо еще.

— Да, — отозвался Хэл.

— Хорошо. Итак, существует бесчисленное количество методов, с помощью которых можно построить графики потенциальных возможностей личности.

Амид провел кончиком пальца справа налево по каменной столешнице, и на ее светлой поверхности появилась черная полоса. Затем пересек начерченную им линию другой, под прямым углом к первой.

— Один из наиболее простых методов построения графика неизмеримых потенциальных возможностей расы в любой заданный момент, —

Амид изобразил еще одну горизонтальную линию, слегка загибающуюся вверх, — дает нам нечто вроде медленно восходящей кривой. Однако в действительности эта линия представляет собой некое среднее значение ряда точек, разбросанных как ниже, так и выше основной линии, где положение точек выше этой линии относится к историческим преобразованиям, указывающим на действие или действия каких-либо личностей...

— Подобное тому, что оказал Донал Грим, когда ввел во всех четырнадцати мирах единую юридическую и экономическую системы? — поинтересовался Хэл.

— Да. — Амид некоторое время смотрел на него, затем продолжил:

— Но точки могут свидетельствовать о гораздо менее серьезных исторических преобразованиях, чем это, даже об отдельных поступках неизвестных нам личностей; чтобы их выявить, нам понадобилось бы несколько столетий. Однако что касается точек под основной линией, то они относятся к поступкам личности, лишь с малой долей вероятности имеющим отношение к причинно-следственной модели исторических преобразований, которые нас затрагивают...

Он замолчал и посмотрел на Хэла.

— Ты успеваешь за ходом моих рассуждений?

Хэл кивнул.

— Понятно, — Амид снова обратился к графику, — что, когда такой график уже построен, нам, как правило, приходится иметь дело лишь с личностями, представленными точками, расположенными как снизу, так и сверху от основной линии. Личности, имеющие влияние на ход исторического развития, часто бывают представлены точками, расположенными ниже линии, пока их влияние не проявится над линией, что будет свидетельствовать о безусловной взаимосвязи между их действиями и конкретным историческим результатом. К сожалению, если брать отдельную личность, то точки, лежащие ниже основной линии, не обязательно указывают на непременное появление точек над линией. В действительности точки, расположенные ниже линии, часто касаются личностей, которые своими поступками никогда не проявятся над основной линией.

Он снова замолчал и посмотрел на Хэла.

— Итак, все это либо может иметь значение, либо вообще не имеет значения, — произнес он после паузы. — Любая подобная работа, как я уже

сказал, имеет чисто теоретический характер. Результаты такого прогнозирования могут расходиться с реально происходящими процессами развития расы. И все же мы считаем, что тебе надо знать о подобного рода расчетах, касающихся будущего и представляющих собой один из методов, с помощью которого мы стараемся найти и оценить онтогенетическое значение любой данной личности, а также вероятность воздействия этой личности на текущий ход истории.

— Ясно, — произнес Хэл, — в данный момент я как раз один из тех, кто имеется на вашем графике, где все точки снизу и ни одной сверху?

— Правильно, — кивнул Амид. — Конечно, ты молод. У тебя масса времени, чтобы оказать непосредственное влияние на современную историю. И твое положение ниже линии очень многообещающее. Но факт остается фактом: пока ты своими поступками не вызовешь появления точек над линией, ты так и останешься только личностью, потенциально способной к воздействию, и определить, что же конкретно мог бы ты совершить за свою жизнь, дело чисто умозрительное.

Он замолчал.

— Мне все понятно, — сказал Хэл.

— Полагаю, что это так, — почти угрюмо промолвил Амид. — Что же касается меня, то исходя из знаний по моей конкретной специальности и наблюдений за тем, что ты сделал за столь краткое время своего пребывания на Гармонии, я оцениваю тебя как личность, способную оказать невероятно огромное влияние — влияние, по шкале ценностей сопоставимое лишь с тем, которое оказал в свое время Донал Грим. Но это только лишь мое мнение. Те, кто пришел поговорить с тобой, могут оценивать твои потенциальные возможности лишь как более или менее вероятные, основываясь на тех же расчетах, которые заставляют меня думать так, как я тебе только что сказал.

Он замолчал. На мгновение Хэл погрузился в свои собственные мысли.

— Более того, — продолжил Амид, — я уже говорил тебе раньше, что сейчас ты кажешься мне гораздо старше того юноши на борту корабля, направляющегося к Гармонии. И это не просто мое субъективное мнение. Наши последние тесты относительно тебя показали такие результаты, которых мы никогда раньше не наблюдали, разве что у людей более зрелого возраста. Это лишь еще раз подтвердило правильность моего суждения.

Но если ты действительно настолько зрелая личность, это могло бы изменить мнение кое-кого, кто в настоящий момент сомневается в моих выводах относительно твоего потенциального воздействия на ход истории. А ты сам не мог бы внести в этот вопрос хоть какую-нибудь ясность?

— Когда были сделаны эти тесты? — Хэл смотрел прямо в глаза старца.

— Недавно, — Амид не отвел взгляда, — пару недель назад.

— Нералли?

— Это часть ее работы, — пояснил Амид.

— И она даже словом не обмолвилась своему пациенту о том, что проводит такие тесты?

— Ты должен понять, — сказал Амид, — ставки здесь слишком высоки. К тому же, между прочим, знание объектом исследования, что над ним проводятся тесты, могло бы повлиять на результаты.

— Что еще она узнала обо мне?

— Ничего нового для тебя, — пожал плечами Амид. — Но я задал тебе вопрос: как ты сам объясняешь столь высокий уровень твоей зрелости?

— Не знаю, — покачал головой Хэл, — если только не принять за объяснение тот факт, что я был воспитан тремя старцами, которым было

более чем по восьмидесяти лет.

— У нас тоже нет никакого подходящего объяснения. — Амид на какое-то время задумался. Быстрым движением руки над столешницей он стер с нее все линии. — Если только тебе не пришло что-нибудь в голову во время нашего с тобой разговора, но тогда тебе стоит этим поделиться. Для собственной же пользы, я так думаю.

— В каком смысле? — удивился Хэл.

Амид направился к двери. Хэл последовал за ним.

— У нас было бы больше причин доверять и, следовательно, помочь тебе — знай мы то, что таится у тебя в голове, — сказал старец. — Как я уже говорил тебе ранее, среди тех, кто несет ответственность за решение относительно твоей значимости, существует разногласие. Если выяснится, что ты действительно тот, на кого мы должны будем возложить наши надежды на будущее, это может иметь для тебя необычайно важные последствия. С другой стороны, как думают некоторые из нас, правильное толкование результатов говорит лишь о том, что ты в лучшем случае всего лишь абсолютно случайный фактор в настоящей исторической модели. Тогда обе наши планеты ни за что не захотят стать

заложниками твоих возможных действий.

Он остановился у двери.

— Подумай над этим, — сказал он, снова направляясь к балкону. — Возможно, все уже собрались. Пошли.

На балконе полукругом лицом ко входу уже сидели двое мужчин и две женщины. Один из мужчин, одетый в небесно-голубой хитон, был, несомненно, очень стар; другой, помоложе, худощавый, в сером хитоне, вел себя очень сдержанно; из двух женщин неопределенного возраста одна была маленькая, черноволосая, в одежде зеленого цвета, а другая — высокая, бронзовокожая, с курчавыми каштановыми волосами, в темно-коричневом хитоне. Два кресла оставались свободными, спинки их были повернуты в сторону двери, как бы замыкая круг. И именно к этим креслам подвел его Амид.

— Позвольте представить вас друг другу, — произнес Амид, когда они сели. — Нонна, социолог с Мары...

Нонной оказалась маленькая черноволосая женщина в зеленом. Глаза на ее немного грубоватом лице смотрели изучающе.

— Очень приятно, — сказал Хэл, обращаясь к ней. Она кивнула.

— Алонан с Культиса. Хэл, Алонан — специалист по взаимодействию культур.

— Очень приятно.

— Очень рад встрече с тобой, Хэл. — Голос Алонана, худощавого мужчины, был так же сух и сдержан, как и его внешность.

— Падма, он занимается внутренними связями.

— Очень приятно, — кивнул Хэл. Он явно недооценил при первом взгляде, насколько стар был этот человек, которого звали Падма. И хотя лицо экзота, на которого он сейчас смотрел, было гладкое, почти без морщин, и руки, сжимавшие подлокотники плавающего кресла, отнюдь не поражали невероятной пергаментностью или узловатостью вен, но крайняя неподвижность его тела, немигающий взгляд и другие признаки, слишком неуловимые, чтобы их можно было передать, свидетельствовали о глубокой старости. Сейчас перед ним действительно сидел человек, который по возрасту вполне мог сравняться с Тамом Олином. Ну а его занятие было вообще загадкой. Хэл впервые о таком слышал. Любой из экзотов мог стать посланником, то есть лицом, обеспечивающим контакты с какой-либо территорией или между сферами деятельности. Но

внутренние связи... с кем?

— Добро пожаловать. — Голос Падмы, не то чтобы особенно хриплый, глубокий или, скажем, слабый, казалось, доносился откуда-то издалека.

— И Чевис, специальность которой я слегка затрудняюсь объяснить, — произнес Амид. — Назовем ее специалистом по историческим кризисам.

Хэл с трудом оторвался от созерцания Падмы, чтобы посмотреть на женщину, облаченную в темно-коричневый хитон.

— Приятно познакомиться, — поприветствовал он Чевис.

— Взаимно. — Она улыбнулась. Ей можно было с успехом дать как тридцать, так и шестьдесят лет, но голос звучал молодо. — Время покажет, может случиться и так, что мы еще будем гордиться знакомством с тобой.

— Это еще надо заслужить, — ответил Хэл на реплику Чевис. — Думаю, что четверо столь уважаемых специалистов, как вы, не искали бы встречи со мной, не будь на то особых причин.

— Именно их мы и собираемся сейчас обсудить, не так ли? — услышал Хэл слева от себя голос Амида. Они сидели лицом к остальным присутствующим, и все же, что явно чувствовалось по

атмосфере, царившей на балконе, Амид был не с Хэлом, а с теми, кто сидел напротив него.

Это снова породило в нем чувство печали. Образ Уолтера до сих пор был слишком ярок в его памяти; воспитанный представителями трех культур, веря в свое глубокое духовное родство с ними, все же именно у экзотов он рассчитывал найти наибольшую поддержку и понимание. И вот теперь, сидя здесь, он почти физически ощущал их непоколебимую убежденность в том, что если речь пойдет о выживании, то прежде всего необходимо будет решить вопрос о сохранении их образа жизни, а уж потом можно будет обсудить и проблему выживания расы, как таковой. Своего рода изощренная форма эгоизма — эгоизма не ради себя лично, а ради принципа. И если и есть хоть какая-то надежда на расовое выживание, необходимо сделать так, чтобы они сами осознали этот свой эгоизм.

Глядя на окружающих, Хэл чувствовал, как слабеет его внутренняя уверенность в собственной правоте. Ведь Амид мог оказаться прав, и результаты тестов подтверждают только наличие у него необыкновенной для его возраста зрелости мышления. Сейчас перед ним сидят люди, за спиной которых жизненный опыт и знания, накоплен-

ные за несколько столетий. И единственное, что он мог противопоставить им, это лишь свой жизненный опыт да, возможно, шестьдесят часов напряженных раздумий в условиях крайнего истощения и жестокой лихорадки.

— Что ты вообще знаешь об истории появления Иных? — оторвал его от размышлений чистый глубокий голос Нонны. Он повернул голову в ее сторону.

— Мне известно, что они появились на сцене лет шестьдесят — семьдесят назад, — ответил он. — Сначала на них почти не обращали внимания, пока лет пятнадцать тому назад они не объединились в одну организацию, и только тогда вдруг стало ясно, что им присущи харизматические способности.

— Фактически начало этой организации положило соглашение о взаимопомощи, заключенное между мужчиной и женщиной, рожденными в браке между представителями дорсайской и экзотской культур, — сказала Нонна. — Дэниел Спенс и Дебора поселились на Сете сорок стандартных лет тому назад.

— Они были первыми, кто стал называть себя «Иные», — вставил Алонан.

Нонна бросила на него быстрый взгляд и про-

должила:

— Как это часто бывает при смешанных браках, их физическая связь длилась недолго; но соглашение осталось, быстро набирало силу и уже через пять лет к нему присоединилось более трех тысяч человек — по нашим оценкам, это семьдесят девять процентов всех, кто на тот момент вступил в смешанные браки между представителями трех основных Осколочных Культур. Сейчас Спенс и Дебора уже умерли, и организацию возглавляет последние двенадцать лет человек по имени Данно; он руководил встречей лидеров Иных в твоем доме, когда были убиты твои воспитатели.

— Тогда это его я видел через окно, — сказал Хэл. — Высокий грузный мужчина — не тучный, а грузный — с копной черных вьющихся волос.

— Да, это Данно, — донесся до него педантичный голос Алонана.

— Он сын Дэниела Спенса и Деборы, — продолжила Нонна. — Позже эта пара взяла на воспитание еще одного мальчика лет одиннадцати, он был на шесть лет моложе Данно; по нашим сведениям, он племянник Спенса с какой-то другой планеты, похоже с Гармонии. Вероятно, здесь все не так просто. Но Блейз настаивает именно на данной версии. Хотя сомневаюсь, известно ли

ему самому, что здесь действительно правда, а что нет. В любом случае он очень влиятельный лидер; несомненно, более выдающийся, чем Данно, хотя, похоже, он предпочитает видеть во главе организации Данно. Ты ведь уже встречался с Блейзом.

— Да, — ответил Хэл. — Можно сказать, трижды; в последний раз, когда я сидел в тюремной камере на Гармонии, мы даже с ним разговаривали. Данно я видел только однажды, в ту первую свою встречу с ними. Как мне кажется, вы правы: Блейз умнее и одареннее.

— Это так, — тихо заметила Чевис. — Но нам абсолютно непонятно, почему его, похоже, полностью устраивает второе место. Лично я считаю, что у него просто нет большого желания быть лидером.

— Возможно, — произнес Хэл. — Или он лишь ждет своего часа. — В его голове темной тенью промелькнул сохраненный воспаленным сознанием образ Блейза, возвышающегося, словно башня, над его койкой в милицейской тюрьме. — Потому что если он во всем превосходит Данно, то в конце концов станет лидером. У него просто не будет выбора.

Какое-то время его собеседники хранили мол-

чание, которое явно затягивалось, пока Нонна наконец не прервала его.

— Итак, ты считаешь, что рано или поздно нам придется иметь дело именно с Блейзом?

— Да, — подтвердил Хэл, стараясь избавиться от назойливых воспоминаний и переключить все свое внимание на собеседницу. — В любом случае перед нами стоит проблема, решить которую мы не готовы. Было время, когда для любого сидящего здесь сама мысль о том, что мы не сможем взять под контроль какую-либо проблему, связанную с развитием общества, показалась бы абсурдной. Сегодня мы знаем больше. Возьми мы под свой контроль Иных хотя бы лет двадцать назад, возможно, сейчас нам удалось бы с этим справиться. Но некоторые из нас были ослеплены заманчивой перспективой: быть может, Иные как раз и есть эти первые ласточки эволюционного развития расы, которого мы так долго ждали и во имя которого так много трудились все эти четыре столетия.

Нонна бросила на Хэла хмурый пристальный взгляд.

— Я была одной из них, — пояснила она.

— Мы все ими были, — донесся слабый голос Падмы. И вновь установившееся вокруг молча-

ние, как показалось Хэлу, слегка затянулось.

— Таким образом, конечным результатом явилось появление на исторической сцене в лице Иных новой силы, которой нашим современным цивилизациям нечего противопоставить и которую мы не можем контролировать, — продолжила Нонна. — Организованная межпланетная преступность всегда была делом невыгодным, что определялось большими техническими трудностями и затратами на межпланетные перелеты. Она оставалась бы такой и для Иных, но некоторым из них удалось развить в себе необычайные харизматические навыки...

— Если мы говорим о том, что свойственно лишь некоторым из них, тогда правильнее было бы назвать это способностями, а не навыками, не так ли? — спросил Хэл, снова вдруг вспомнив возвышающегося над ним в камере Блейза.

— Может, и так, — пожала плечами Нонна. — Тем не менее, как это не назови — способность или навыки, но именно в этом и заключается сила Иных. Даже малая их горстка может манипулировать ключевыми фигурами в правительствах планет. Это обеспечивает им политическую силу и финансовые средства, и нам нечего этому противопоставить. И совсем не обязательно, чтобы

таких людей в организации было большинство, хотя, похоже, они могут обучать этому не только друг друга, но даже некоторых своих последователей — что, если подумать, является ответом на ваш вопрос: навык это или способности...

— Насколько я понял, вы здесь, на Маре и Культисе, добиться такого навыка у своего народа не в состоянии, — прервал ее Хэл.

Нонна смотрела на него, поджав губы.

— Совершенно очевидно, что все применяемые ими методики разработаны экзотами, — ответила она. — Просто Иные более эффективно их используют.

— Я хочу сказать, — продолжал настаивать Хэл, — что они могут делать то, чего вы, полагаю, не можете добиться здесь среди экзотов. Быть может, дело в их исключительных способностях.

— Может быть. — Взгляд Нонны застыл.

— Мне кажется, я могу подсказать вам, почему это у них получается, — сказал Хэл. — Полагаю, помимо использования ими всех этих методик, о которых вы тут упомянули, здесь имеет место нечто, что культивировалось только среди квакеров, — стремление к наставничеству, новообращению. Давайте посмотрим на тех последователей, которые, как вы упомянули,

смогли освоить и использовать кое-что из того, что, насколько вам известно, доступно лишь немногим Иным. Могу поклясться: среди них вы не найдете ни одного, кто не родился бы на Гармонии или Ассоциации или у кого по крайней мере один из родителей не был бы квакером.

И снова повисла тишина, на сей раз очень долгая.

— Интересная гипотеза, — отозвалась Нонна. — Мы рассмотрим ее. Однако...

— Если бы мне удалось найти и доставить вам сюда коренного жителя Квакерских миров, — настаивал Хэл, — взялись бы вы за его обучение, чтобы выяснить, можете ли вы развить в этом человеке харизматические навыки такого же уровня, как у Иных?

Нонна переглянулась с остальными.

— Конечно, — кивнул Падма. — Конечно же.

— Ты не должен думать, что нам неинтересны твои предложения, Хэл, — сказала Нонна. — Просто все дело во времени. На нас оказывает большое давление Блейз, он требует твоей выдачи; и мы либо соглашаемся это сделать, либо должны как можно быстрее убрать тебя с Экзотских миров. Времени слишком мало, а нам многое необходимо с тобой обговорить; и для

всех будет лучше, если мы не будем отвлекаться на посторонние темы.

— Я думал, что сделанное мной предложение имеет к этому прямое отношение, — ответил Хэл.

— Я лишь пытаюсь обрисовать ситуацию и рассказать ее предысторию, — пояснила Нонна. — При этом стараюсь сделать это так, чтобы ты понял, на чем основывается наша убежденность и что мы намерены делать в сложившейся ситуации.

— Продолжайте, — произнес Хэл.

— Спасибо. Итак, чем бы ни объяснялись харизматические навыки или способности Иных, факт остается фактом — в этом ключ к их успеху. Конечно, они не могут воспользоваться ими, чтобы установить контроль над нами или дорсайцами, и, по крайней мере, над частью квакеров. Кроме того, какая-то часть обитателей других миров, похоже, тоже не поддается их влиянию; в частности, большинство жителей Старой Земли, и причина этого нам неизвестна. Но если Иные смогут использовать свои уникальные способности для установления контроля над большей частью расы, другого им и не понадобится. Как я уже говорила в самом начале, наша современная

цивилизация на четырнадцати мирах ничего не может противопоставить этому. У же сегодня Иные могущественны, богаты и, если брать экономический аспект, могут победить даже нас. В одиночку нашим двум мирам не выстоять на межпланетном рыночном пространстве против их огромных ресурсов. И в результате Мара и Культис медленно движутся к экономической зависимости от Иных, хотя никаких шагов в этом направлении они не предпринимают — пока.

Нонна замолчала.

— Понятно, — кивнул Хэл.

— Я прихожу к выводу, — продолжала она, — что мы абсолютно бессильны против них. Попавшие под их контроль миры, очевидно, и не помышляют с ними бороться. Людям же на Старой Земле за всю историю их существования вообще никогда не удавалось прийти к общему решению; а поскольку они обладают прекрасным иммунитетом к харизматическому воздействию Иных, то, скорее всего, и дальше будут их игнорировать, пока в один прекрасный день, проснувшись, не увидят, что все окружающие их тринадцать миров полностью контролируются Иными и что у них нет иного выбора, как только тоже подчиниться им. Квакерские миры и так

уже наполовину завоеваны; полное подчинение жителей Гармонии и Ассоциации — это лишь вопрос времени. Итак, остаются одни дорсайцы.

Нонна опять замолчала.

— Как вы сказали, — задумчиво начал Хэл, — остаются одни дорсайцы, которых ждет медленная голодная смерть, поскольку за пределами своей планеты им вряд ли удастся найти работу.

— Именно так, — вступил в разговор Алонан. — Прошу прощения, Нонна, но это уже по моей части. Ты прав, Хэл, но для того, чтобы удушить их голодом, потребуется время, и это единственная планета, которую Иные никогда не смогут покорить силой. Они могли бы начать затяжную войну, но в этом случае овчинка не будет стоить выделки. Дело в том, что, если дорсайцы согласятся временно стать отсталой планетой, отказавшись от технических и иных благ, которые дают им деловые отношения с другими цивилизованными мирами, и живя лишь за счет того, что смогут дать им океан и небольшие клочки суши их планеты, они обеспечат себе полуголодное, но независимое существование на столетие или даже больше. А они настолько упрямы, что вполне могут пойти на это.

— Другими словами, — заметила Нонна, — у

дорсайцев еще есть время, чтобы начать действовать, и это самое важное, потому что они единственные из представителей Осколочных Культур, кто может остановить Иных, фактически они способны полностью устранить угрозу, которую несут с собой Иные.

Она замолчала. Хэл в недоумении повернулся к ней. Установилась пауза, самая долгая за все время их беседы на балконе.

— То, что вы предлагаете, — наконец произнес он, — просто немыслимо.

Нонна молча смотрела на него. Хэл обвел взглядом остальных, которые так же безмолвно сидели и ждали, что он скажет дальше.

— Вы предлагаете дорсайцам развязать кампанию террора, — сказал Хэл. — Вы это имели в виду, не так ли? Хотите, чтобы дорсайцы расправились с Иными, подослав к ним убийц. Они никогда не пойдут на это. Потому что они воины, а не наемные убийцы.

Глава 40

После долгой паузы первой заговорила Чевис.

— Мы готовы, — мягко произнесла она, — сделать все, что в наших силах, — отдать все, что им нужно, или все, что они захотят от нас получить, без какого-либо исключения, даже наши жизни. И если мы готовы пойти на все, чтобы остановить Иных, то и дорсайцы ради этой великой цели могли бы на этот раз оставить в стороне свои принципы.

Хэл посмотрел на нее и медленно покачал головой.

— Вы не понимаете. На это они никогда не пойдут, так же как и вы никогда не откажетесь от своей веры в эволюцию человечества.

— Они могли бы, — донесся до него через разделяющую их бездну лет голос Падмы, — если б ты убедил их сделать это.

— Я убедил их?.. — Хэл оглядел всех собравшихся.

— Может, ты знаешь другой способ остановить Иных? — спросила Нонна.

— Я не знаю. Но он должен быть! — запальчиво

воскликнул Хэл. — И потом, с чего вы взяли, что я могу убедить их сделать что-нибудь подобное?

— Ты не похож на других, — ответила Нонна. — Ты получил особое воспитание и владеешь языком эмоций всех трех крупнейших Осколочных Культур...

Хэл покачал головой.

— Да, — продолжала Нонна, — ты можешь. Ты уже доказал это на Гармонии, где прекрасно вписался в один из местных отрядов сопротивления. Неужели квакеры из отряда Рух Тамани позволили бы тебе задержаться у них больше чем на день-два, если бы инстинктивно не чувствовали, что ты во многом чувствуешь и думаешь так же, как они?

— Но я все равно оставался для них чужим, — возразил Хэл.

— Ты уверен в этом? — вмешался сидящий рядом с ним. — Когда я разговаривал с тобой на борту корабля по дороге к Гармонии, ты вполне мог бы убедить меня, что ты — квакер, хотя, насколько я знаю, факты их истории и общественного строя тебе известны гораздо меньше, чем мне. Существует особое мироощущение, присущее только квакерам, точно так же как экзотам и дорсайцам. Я изучал квакеров всю свою

жизнь и теперь распознаю их безошибочно. И я воспринимал тебя тогда как квакера.

— Для всех нас, — заметил Алонан, — ты вполне мог бы сойти за экзота. И, основываясь на собственных профессиональных знаниях, я принял бы тебя и за дорсайца.

Хэл покачал головой.

— Я не принадлежу ни к вашей и ни к одной из названных здесь культур. Дело в том, что я не принадлежу вообще ни к какой определенной культуре.

— Помнишь, — Амид придвинулся к самому его уху, — что ты ответил, когда минуту назад Нонна высказалась относительно того, как дорсайцы должны поступить с Иными? Ты сказал тогда, что они ни за что этого не сделают. Откуда у тебя взялась эта уверенность? Если только ты не ощущал себя в тот момент дорсайцем?

Эти слова вызвали у Хэла внезапную необъяснимую глубокую грусть, ему потребовалось какое-то время, чтобы привести свои чувства в порядок.

— Это не имеет значения, — наконец проговорил он. — Мысль о том, что дорсайцы должны перебить всех Иных, сама по себе примитивна, не говоря уже о моральной и этической стороне

подобной акции. Не могу поверить, что услышал это из уст экзота...

— Отчего же? — перебил его Амид. — Прислушайся к экзотской составляющей своего «я».

Хэл продолжал говорить, не обращая внимания на слова старика.

— ...Кем бы ни были Иные, но они появились в результате естественных процессов, происходивших в недрах самой человеческой расы. И здесь политика геноцида не даст ничего хорошего, точно так же как и в аналогичных ситуациях на протяжении всей истории человечества. Кроме того, эта политика полностью игнорирует объективную реальность. Те же самые силы, что породили их, продолжали производить их не одну сотню лет вплоть до нынешней конфронтации.

Он замолчал и обвел взглядом присутствующих, пытаясь оценить, что из того, что удалось понять и прочувствовать ему, может быть правильно воспринято ими.

— Когда я оказался в тюремной камере на Гармонии, — снова заговорил он, — мне представилась возможность в этих необычных условиях как следует обдумать все происходящее. И я убежден, что в конце концов мне удалось достичь

гораздо лучшего понимания того, что происходит в данный момент, в историческом аспекте, чем подавляющему большинству людей. Иные поставили вопрос, на который мы должны найти ответ. Нет смысла делать вид, что его никогда не существовало. Иные — порождение нашей собственной расы. Как это случилось? Вот это мы и должны выяснить...

— Сейчас у нас уже нет времени для подобных глобальных исследований, — сказала Нонна. — И ты лучше других должен знать это.

— Я знаю только то, — ответил Хэл, — что у нас должно быть время. Может, не так много, чтобы его тратить понапрасну, но вполне достаточно, если его использовать разумно. И если нам удастся выяснить, что сделало Иных такими, тогда мы будем знать, как к ним относиться, а это крайне важно, поскольку Иные — такие же люди, как и мы, а инстинкт самосохранения расы не может привести к возникновению особей, способных ее уничтожить, не будь на то особых причин. Я считаю, что Иные появились как средство, чтобы опробовать что-то, решить какую-то проблему, а это значит, что им должно быть объяснение, которое предотвратит нас от необдуманных действий. Если бы только нам удалось найти

ответ на этот вопрос, то, я уверен, это имело бы значение для всей расы гораздо большее, нежели мы все сейчас можем себе представить.

Хэлу казалось, что его слова исчезают в повисшей тишине, подобно тому, как глохнет призыв о помощи, наталкиваясь на непроницаемую кирпичную стену. Он умолк.

— Как уже упомянул Амид, — после секундной паузы начала Нонна, — твое мироощущение сходно с экзотским. Поэтому спроси себя, какой из двух ответов, вероятнее всего, окажется правильным: твои личные умозаключения или единодушные выводы, сделанные лучшими умами обоих наших миров?

Хэл сидел храня молчание.

— Может, нам все же стоит спросить у Хэла, какие альтернативы видит он, — произнес Падма.

Нонна впервые обратилась напрямую к древнему старцу.

— А что, в этом есть какой-нибудь смысл? — спросила она.

— Я думаю, да, — ответил Падма; и в короткой паузе, которая возникла после этих слов, почувствовалась такая напряженность, какой до этого момента еще не было. — Ты сказала, что была одной из тех, кто оказался соблазненным

и ослепленным надеждой, что Иные как раз и являются теми, кого мы так упорно искали на протяжении последних нескольких сотен лет. Твоя вина значительно меньше моей, поскольку я наблюдал за ними гораздо дольше, чем ты, и, соответственно, имел больше возможности, чем кто-либо, разглядеть истину. Потому я не хочу во второй раз оказаться соблазненным и ослепленным нашим желанием принять быстрое и однозначное решение — решение, которое Хэл назвал примитивным.

— Я думаю... — начала Нонна, но тут же замолчала, как только Падма поднял руку с колен.

— Моя ошибка заключалась не только в том, что, принял Иных за тех, кем они на самом деле не являлись, — продолжил старик. — В отличие от вас, я совершил и другую ошибку, мысль о которой преследует меня до сих пор. Из всех экзотов только у меня был шанс, которым я так и не воспользовался, узнать, действительно ли Донал Грим был продуктом эволюционного развития. Теперь, правда, уже слишком поздно, я в этом убежден. Но я так ни разу и не удосужился это проверить, хотя на протяжении последних пяти лет его жизни не раз имел такую возможность. Если бы я это сделал, у нас было бы совершенно

определенное мнение относительно него. Я больше не хочу совершать подобных ошибок.

Экзоты переглянулись.

— Падма, — сказала Чевис, — а что ты сам думаешь о способностях Хэла?

На балконе все еще чувствовалось напряжение, установившееся перед тем, как начал говорить Падма.

— Я думаю, он вполне может оказаться кем-то вроде Донала Грима, — ответил он. — Если это так, то мы не можем позволить себе потерять его; по крайней мере, мы можем прямо сейчас выслушать его.

Экзоты снова обменялись взглядами.

— В таком случае, конечно, — согласилась Нонна.

— Итак... — Чевис обвела взглядом присутствующих; все кивком подтвердили свое согласие. — Говори, Хэл. Разумеется, если ты можешь предложить какие-то практические альтернативы нашему плану.

Хэл покачал головой.

— У меня пока нет ответов, — сказал он. — Но я уверен, они найдутся.

— Пока что мы не нашли ни одного, — заметил Алонан. — А ты думаешь, тебе это удастся?

— Да.

— В таком случае, — произнес Алонан, — выходит, что ты просишь, чтобы оба наши мира поверили тебе с закрытыми глазами и взяли на себя весь связанный с этим риск?

Хэл глубоко вздохнул:

— Ну если вы это так воспринимаете...

— Я не знаю, как еще можно это воспринимать, — ответил Алонан. — Неужели ты думаешь, что можешь решить эту проблему один, а нам останется только послушно следовать за тобой, куда бы ты ни повел нас?

— Да. — Хэл твердо взглянул на него. — Я думаю именно так.

— Ну хорошо, — сказала Чевис, — тогда скажи нам, что ты собираешься делать?

— То, над чем я думал в тюремной камере на Гармонии, — ответил Хэл, — прежде всего изучить, что в сложившейся ситуации требуется нашей расе, что для этого нужно сделать, и затем попытаться сделать это.

— Обращаясь к нам за разного рода помощью, — добавил Алонан.

— Если в этом возникнет необходимость, а она определенно возникнет, — пожал плечами Хэл. — И к вам, и ко всем другим, кто заинтересо-

ван в решении проблемы.

Сидящая перед ним четверка переглянулась.

— Ты должен дать нам исчерпывающие объяснения, — мягко проговорила Чевис. — Ведь должны же быть у тебя какие-то основания для того, чтобы считать, что ты можешь найти нечто недоступное нам, если это нечто вообще существует.

Хэл посмотрел на нее, потом на Падму, затем перевел взгляд на Нонну и Алонана.

— Мне совершенно непонятно, — начал он сначала медленно, но постепенно его речь становилась все быстрее и эмоциональнее, — почему вы со всеми вашими онтогенетическими расчетами сами не видите того, что происходит под самым вашим носом? От вас требуется лишь бросить взгляд на пятьсот, ну, максимум на тысячу лет назад. Человечество в своем развитии движется вперед — всегда вперед, — творя таким образом историю. Человеческие индивидуальности находятся в постоянном взаимодействии: они конфликтуют, сталкиваются друг с другом и в конечном счете смешиваются, давая некий компромиссный вектор, выражающий суммарную активность. Это похоже на оркестр, где каждый музыкант играет свою партию и при этом ста-

рается, чтобы она звучала громче остальных. И если группа медных духовых инструментов вдруг начнет заглушать остальные инструменты, неужели единственным вашим решением будет ликвидация всей группы?

Хэл сделал паузу, но никто не захотел ею воспользоваться.

— А именно это вы и предлагаете, когда говорите о том, что Дорсай должен уничтожить Иных, — продолжил он. — Но это же не правильно! Существует общая задача, объединяющая весь оркестр. Необходимо только выяснить, почему это группа медных вдруг заиграла слишком громко, и, только разобравшись в этом, можно будет наладить игру оркестра. Ничего случайно не происходит. Перед вами конечный результат, следствие каких-то явлений, имевших место в прошлом и причина которых вам пока что неизвестна. Все происходящее объясняется некоей причиной, которую необходимо найти, но будет ли результат, если ищущий не верит в существование предмета поисков. Вот почему, как мне кажется, этим должен заняться я, а не вы; и вот почему вы должны довериться мне, пока я не найду эту причину, а уж тогда вы должны будете прислушаться к моим рекомендациям.

Наконец Хэл замолчал. Экзотов, разумеется, прежде всего интересовала реакция Падмы, но тот сидел молча, с совершенно бесстрастным лицом, по которому невозможно было догадаться, о чем он думает.

— Я думаю, — осторожно начала Чевис, — нам сейчас следует обсудить это между собой, если Хэл соблаговолит покинуть нас.

Сидящий рядом с Хэлом Амид поднялся. Хэл тоже встал и вслед за Амидом направился к выходу с балкона. Они прошли через зал и по пандусу спустились в сад, раскинувшийся под балконом, на котором остались сидеть их собеседники. Невдалеке за высокой изгородью находился небольшой бассейн с фонтаном, окруженный скамьями из камня.

— Побудь здесь пока, — сказал Амид. — Я должен быть вместе со всеми. Но это ненадолго, я скоро вернусь.

— Прекрасно. — Хэл уселся на одно из каменных сидений спиной к балкону. Амид пошел обратно к дому.

Хэла окружила благословенная тишина сада, нарушаемая только тихим плеском воды в бассейне. Обернувшись, он посмотрел через плечо на балконную балюстраду, но ничего не смог

разглядеть. До него не долетали даже голоса, что надо было отнести на счет искусно продуманной акустики.

Он снова повернулся к бассейну, в центре которого на высоту пятнадцати футов в воздух взлетала водяная струя и, плавно изогнувшись, рассыпалась веером брызг. Мрачные мысли овладели им, будто среди белого дня он погрузился во мрак ночи.

Хэл еще раз вернулся назад, к тому моменту, когда в тюремной камере на Гармонии ему впервые удалось пробиться к пониманию сути вещей. Созданная его воображением картина показалась ему тогда слишком грандиозной, чтобы охватить ее одним взглядом; он и сейчас был не в состоянии сделать это.

Но на уровне чувств тем не менее он воспринимал эту картину как единое целое, и ему казалось почти невероятным, что она никем более не воспринимается. Как могло случиться, что экзоты за три столетия своего существования так всерьез и не занялись изучением этого невероятного по своей мощи процесса расового развития, складывающегося из взаимодействия всех человеческих индивидуумов на бесконечном историческом пути?

«Но они этим, безусловно, занимались, — сам себе возразил Хэл. — Основным инструментом познания как раз и должна была стать онтогенетика. Но видимо, она с этой задачей не справилась».

Возникшая депрессия, чувство, которое ему и раньше приходилось испытывать, стала медленно разрастаться. Единственный народ, на который он рассчитывал, были экзоты, начертавшие на своих знаменах — «восприимчивость и понимание» Теперь же Хэл начал сомневаться, действительно ли они обладают этими качествами, а впервые усомнившись в них, он в конечном счете начал сомневаться и в себе. Почему он решил, что его будут слушать люди, представляющие разные миры? Цель, которую он так самонадеянно поставил перед собой еще в тюремной камере, теперь казалась ему слишком огромной для одного человека, хотя он подходил для нее гораздо больше, чем кто-либо другой. Его личный жизненный опыт только-только преодолел двадцатилетний рубеж, и к тому же он совершенно одинок.

Депрессия полностью захватила его, вытеснив чувство уверенности в себе, бывшее до сих пор частью его натуры. Вызванная первоначально

мрачной логикой Блейза, она получила теперь новое подкрепление — непонимание людей, с которыми ему пришлось говорить. Под мерный плеск фонтана он настолько погрузился в борьбу с этим новым противником, что совсем утратил чувство времени и даже испытал нечто вроде шока, увидев приближавшегося к нему Амида.

Хэл стремительно поднялся ему навстречу.

— Погоди, — жестом остановил его Амид. — Возвращаться туда вовсе не обязательно. Я могу сообщить тебе о принятом решении.

Хэл секунду пристально разглядывал его.

— Ну и?.. — произнес он.

— Боюсь, мы не можем идти за тобой вслепую, — сказал Амид. — Хотя я не вижу причин скрывать от тебя, что до конца боролся за тебя, так же как и Падма. И Чевис.

— Это трое из пяти, — заметил Хэл. — Большинство в мою пользу?

— В ситуации, подобной этой, простого большинства недостаточно, — покачал головой Амид. — Все же существует элемент сомнения, и мы не должны сбрасывать его со счетов.

— Итак, вы против меня?

— Падма самоустранился от принятия решения. — Амид поднял глаза, и по его сморщенному

лицу было видно, что он не находит ему оправдания. — Мне жаль, что пришлось разочаровать тебя.

— А мне не жаль, — устало ответил Хэл. — Чего-то в этом роде я и ожидал.

— Но для тебя по-прежнему остается возможность отправиться в качестве нашего представителя на Дорсай, — сказал Амид, — и передать им наше послание, о котором мы уже тебе говорили. Мне кажется, ты воспользуешься нашим предложением, хотя по существу и не согласен с ним. Но так, по крайней мере, ты все же останешься причастным к проблеме Иных.

— Хорошо, — кивнул Хэл. — Я полечу.

Амид немного удивленно посмотрел на него:

— Я не думал, что ты согласишься так быстро.

— Ты же сам только что говорил, — пояснил Хэл, — что в этом случае я останусь причастным к проблеме Иных, хотя она решается и не так, как мне бы хотелось.

— Да, странно, — пробормотал Амид; он не отрываясь смотрел в лицо Хэла. — Все так простой.

Он, казалось, хотел еще что-то добавить, но передумал.

— Пошли, — сказал он. — Я помогу тебе собраться и провожу в дорогу.

Глава 41

Резкая трель звонка заставила Хэла повернуться к экрану связи на стене каюты. С остававшегося по-прежнему темным экрана к нему обратился столь же резкий женский голос:

— Прошу вашего внимания. Сядьте, пожалуйста, в закрепленное возле вашей койки кресло и включите удерживающее поле. Кнопка красного цвета находится в правом подлокотнике кресла.

Этот приказ на несколько мгновений оторвал его от глубоких раздумий, но как только он выполнил то, что от него требовалось, они снова овладели им.

Черная тень депрессии и чувства поражения, настигшая его в саду под балконом дома Амида на Маре, так до конца и не развеялась за все время перелета к Дорсаю, занявшего пять стандартных суток. Ему не удалось увидеть женщину, пилотирующую этот маленький корабль, на котором он, похоже, оказался единственным пассажиром; она так ни разу и не покинула служебную зону, куда посторонним вход был запрещен, хотя бы для короткого формального знакомства. Итак, за весь

перелет никто не прерывал его размышлений.

Хэл включил экран, чтобы посмотреть, скоро ли они выйдут на стационарную орбиту.

То, что он увидел, заставило его выпрямиться в своем кресле. Они и в самом деле были уже почти на стационарной орбите. Бело-голубая сфера Дорсая с ясно различимой линией терминатора, разграничивающей освещенную и неосвещенную части планеты, закрывала почти весь экран. Однако их корабль вовсе не собирался зависать на орбите, короткими фазовыми сдвигами он продолжал двигаться прямо к поверхности планеты. Еще пятьдесят лет назад при физических перегрузках, связанных с быстрой серией сдвигов, подобных этим, ему пришлось бы заблаговременно принять специальные таблетки, но на Абсолютной Энциклопедии был найден способ защиты от таких перегрузок. Поэтому Хэла никто и не подумал предупреждать.

Он тут же вспомнил, что дорсайцы, в отличие от пилотов других миров, предпочитают входить в атмосферу планет, о которых у них имеются надежные данные, именно таким способом. Этот навык отрабатывается дорсайцами в ходе стандартного курса обучения пилотированию кораблей и позволяет им снижать затраты по

эксплуатации своих кораблей, что немаловажно для этого не столь уж процветающего мира. Включение удерживающего поля было формальной предосторожностью на тот случай, если пассажир, почувствовав необычные маневры, запаникует и ненароком причинит себе вред. И все же Хэла наверняка выбросило бы из кресла, не выполни он приказ, так как после серии быстрых сдвигов скорость резко упала.

Теперь они находились на высоте не более тысячи метров, и корабль, перейдя на режим полета в атмосфере, начал плавный спуск в направлении космопорта, что виднелся за пеленой мелкого утреннего дождя. Сам космопорт занимал территорию значительно большую, чем расположенный рядом с ним маленький городок. Здесь, в Омалу, размещалась центральная администрация Объединенных Кантонов, территориальных образований Дорсая.

Однако, насколько было известно Хэлу, центральная администрация представляла собой не более чем библиотеку и хранилище договорных документов; кроме того, здесь в случае необходимости обсуждаются вопросы, которые невозможно решить на кантональном уровне или касающиеся нескольких кантонов.

Добрососедство — понятие, имеющее особое значение на Дорсае, — является в этом мире основой социальной организации общества. Кантональные власти имеют весьма формальные отношения с органами управления каждого острова в этом мире больших и маленьких островов. Взаимодействие местных органов управления островов с правительством Объединенных Кантонов в Омалу ограничивается лишь нечастыми контактами по каналам связи. Этот путь оказался единственно приемлемым для планеты, где граждане, а иногда и целые семьи постоянно вступают в прямые и независимые отношения с правительствами и отдельными представителями других тринадцати миров.

Корабль наконец приземлился, табличка над дверью погасла, и Хэл выключил удерживающее поле. Он встал с кресла и забросил за плечо заботливо приготовленную Амидом сумку с одеждой и личными принадлежностями — Дорсай не относился к числу планет, где можно свободно купить внезапно понадобившуюся вещь или предмет туалета.

Выйдя из каюты, Хэл начал пробираться к выходу, протискиваясь между разнокалиберными ящиками с экзотским медицинским

оборудованием, заполнявшими все свободное пространство, включая центральный коридор корабля. Вся аппаратура — по большей части новая — предназначалась для замены износившегося оборудования дорсайских госпиталей, но попадались и уже послужившие приборы, которые возвращались из маранских мастерских после ремонта или модернизации. Хэлу даже показалось, что, когда он садился на борт, ящиков было гораздо меньше. Просто удивительно, как этот маленький корабль, доверху забитый грузом, смог оторваться от земли.

Найдя наконец выход, Хэл спустился по трапу на посадочную площадку и у его подножия увидел высокую худую женщину средних лет в сером комбинезоне. Она о чем-то оживленно беседовала с сухопарым пожилым мужчиной, сидящим за рулем небольшого грузовичка на воздушной подушке.

— ...тебе понадобятся рабочие! — донеслось до Хэла. — Судя по тому, сколько там набито оборудования, тебе одному не справиться, даже с помощью ручного подъемника. Чтобы вытащить один ящик, надо одновременно приподнять три других.

— Хорошо, — кивнул мужчина. — Вернусь че-

рез пять минут.

Он развернул свой грузовичок и, срезав угол посадочной площадки, быстро заскользил к виднеющемуся в отдалении массиву серых зданий. Женщина повернулась и заметила Хэла. Она долго внимательно разглядывала его.

— Ты дорсаец? — наконец спросила она.

— Нет, — ответил Хэл.

— Когда тебя привели на корабль, я присматривала за разгрузкой грузовика метрах в двадцати от тебя, — сказала женщина. — Я решила, что ты дорсаец, по твоей походке.

Он покачал головой:

— Правда, один из моих воспитателей был дорсаец.

— Понятно. — Она еще с минуту рассматривала его. — Тогда, выходит, ты никогда и не обучался пилотированию. Подобный рейс должны выполнять два человека, и я все удивлялась, почему ты не приходишь ко мне в кабину, чтобы предложить свою помощь. Сама я была слишком занята, и, когда ты так и не объявился, я решила, что, наверное, у тебя есть причины сохранять уединение.

— В каком-то смысле так и было, — произнес Хэл.

— Ну хорошо. Раз ты все равно не смог бы мне помочь, ты сделал самое разумное в этой ситуации — не болтался у меня под ногами. Ладно, все обошлось. Я прекрасно управилась сама, а ты прибыл туда, куда и намеревался.

— Не совсем, — сказал Хэл. — Моя конечная цель — Форали.

— Форали? На острове Кэрлон? — Она нахмурилась. — Но провожавшие тебя экзоты сообщили мне, что ты летишь в Омалу.

— В конечном счете я все равно вернусь сюда, в Омалу, — пояснил Хэл. — Но сейчас мне надо лететь в Форали.

— Хм-м. — Женщина-пилот оглянулась на здания за своей спиной. — Через минуту вернется Бабрак. Он сможет подбросить тебя до терминала космопорта, а там тебе подскажут, как лучше добраться до Форали. Может быть, тебе даже придется сделать несколько пересадок...

— Я надеялся попасть туда прямым рейсом, — сказал Хэл. — Я могу заплатить.

— О, — она несколько сухо улыбнулась, — межзвездный кредит нам нынче не помешает. Мне бы следовало сразу догадаться, раз ты сел на одной из экзотских планет. Ладно, Бабрак вернется с минуты на минуту. А сейчас давай-ка пока укро-

емся от дождя в корабле, а заодно ты поможешь мне немного расчистить место у выхода, чтобы можно было начать разгрузку.

Не прошло и двух часов, как Хэл уже сидел рядом с пилотом перед приборной доской небольшого атмосферного корабля; позади них было еще два пустых кресла, а еще дальше — грузовой отсек.

— Надо пролететь примерно треть орбитальной окружности, — пояснил пилот, худощавый подвижный человек лет тридцати. — Это займет что-то около часа. Вы не дорсаец, нет?

— Нет, — покачал головой Хэл.

— А мне сначала показалось, что вы дорсаец. Держитесь крепче.

Корабль взмыл вверх к самой кромке атмосферы. Пилот проверил показания приборов и снова повернулся к Хэлу.

— Итак, Форали-Таун? — уточнил он. — Вы знаете кого-нибудь там?

— Нет, — ответил Хэл. — Просто мне всегда хотелось увидеть Форали. Я имею в виду сам Форали. Гримхаус.

— Форали — это земельное владение. А Гримхаус — хозяйская усадьба на его территории. Так что вы хотите видеть — владение или усадьбу?

— И то и другое, — отозвался Хэл.

— А-га.

Пилот на мгновение задержал на нем взгляд, прежде чем повернуться к лобовому стеклу, сквозь которое виднелись звезды над плавно изгибающейся линией горизонта на освещенной солнцем стороне планеты. Они летели в направлении вращения планеты, и яркая точка Фомальгаута, местного светила, находившаяся в момент старта позади корабля, теперь быстро догоняла их.

— А у вас, случайно, не было родственника по фамилии Грим? — поинтересовался пилот.

— Насколько мне известно, нет, — ответил Хэл достаточно сухо. Это возымело свой эффект. Пилот больше не стал докучать расспросами, — и Хэл остался в полумраке кабины наедине со своими мыслями. Откинувшись на спинку кресла, он закрыл глаза. В детстве ему как-то приходила в голову мысль о том, что его родители находятся в родстве с форалийскими Гримами. Пилот своим вопросом невольно напомнил об этом.

И тем не менее теперь на пути в Форали Хэл вдруг с беспокойством задумался о том, почему первым делом он отправился туда. Особых причин для этой поездки не было, кроме детской

увлеченности Гримами и рассказами Малахии о Яне, Кейси, Донале и других.

Нет, по-видимому, все гораздо проще — находясь под влиянием настроения, что овладело им в саду на Маре, он не испытывал ни малейшего желания сразу же приступать к выполнению задания, с которым его послали на Дорсай Нонна и другие экзоты. Вместо этого Хэл решил осуществить свою детскую мечту — увидеть Форали, о котором так часто вспоминал Малахия.

Но еще была одна причина — менее очевидная, зато более действенная. И заключалась она в том, что из всех снов и горячечных видений, пережитых им в тюремной камере, одно произвело на него самое сильное впечатление и до сих пор не выходило у него из головы — это сон о похоронах. Хэл нисколько не сомневался в том, что происходящее в том сне касалось некоего места и неких людей на Дорсае. Он воспринял его как своего рода предзнаменование, от которого невозможно просто отмахнуться.

Правда, ему всегда хотелось побывать на родине Донала Грима. Но сейчас им двигало нечто другое, что-то, без чего он никак не мог осмыслить свое сновидение о смерти и погребении, нечто таившееся в глубинах подсознания, неодолимо

влекущее его на Дорсай в определенное место и в определенное время, суля разгадку тайны.

Самое удивительное, что Хэл чувствовал в себе готовность отправиться туда прямо сейчас. Малахия — или тень его, которая четыре года назад предстала перед ним на Абсолютной Энциклопедии вместе с тенями Уолтера и Обедайи, — предупредил его, что стоит лететь на Дорсай лишь тогда, когда он будет готов сразиться с Иными. Теперь же наконец он почувствовал, что его час пробил. Именно из Форали в свое время начался путь Донала Грима к тому, чтобы стать признанным лидером всех четырнадцати миров. Хэлу казалось, что и его влечет в эту отправную точку какое-то мистическое чувство.

Ко всему прочему, он нуждался в поддержке, пусть даже мистической. Его попытки заставить экзотов слушать себя, не говоря уже о том, чтобы оказать ему помощь, бесславно провалились. Таким образом, не было оснований считать, что дорсайцы окажутся более понятливыми. Учитывая независимый характер обитателей этого сурового мира, скорее можно было предположить обратное.

Хэл глубоко и тяжело вздохнул. Если бы нашелся хоть один человек, которому можно было бы

поведать о своих переживаниях!

Когда-то Уолтер рассказывал ему, как совладать с душевной болью, подобной этой, и он добросовестно, но без особого интереса запомнил методику, сомневаясь, что она когда-нибудь ему пригодится. По утверждению наставника, не надо бороться с депрессией и с самобичеванием, нужно принять их и постараться понять их причину; понимание помогает избавляться от разрушительных эмоций в любой ситуации.

Как раз это Хэл и попытался сейчас сделать — погрузиться в состояние пассивности и одновременно нащупать выход из ситуации, в которой оказался...

— Идем на посадку, — донесся до него голос пилота. Хэл открыл глаза.

Они быстро снижались над совершенно пустынным, как ему показалось, океаном. Но вскоре на горизонте появилась маленькая темная точка, которая по мере приближения начала увеличиваться в размерах. Несколько минут спустя они уже летели над горными лугами и каменистыми пиками; еще через мгновение корабль опустился на бетонную площадку недалеко от небольшого городка.

— Ну вот и приехали. — Пилот нажал кнопку на

приборной доске, и дверь корабля распахнулась; в проем скользнул трап, коснувшись концом посадочной площадки. — Идите прямо по дороге. Центр Форали-Тауна как раз за теми деревьями, где видны крыши домов.

— Спасибо. — Хэл полез в бумажник, чтобы достать кредитную карточку, но вспомнил, что оплатил поездку еще в Омалу перед вылетом. Он встал и забросил за плечо сумку. — Где там центральный офис или?..

— Мэрия, — сказал пилот. — Как обычно, в центре города. Дорога приведет вас туда. К тому же на фасаде висит табличка. Если все-таки заблудитесь, спросите любого встречного.

Хэл еще раз поблагодарил пилота и покинул корабль. Он не успел пройти и половины пути от посадочной площадки до дороги, как корабль снова взмыл в воздух.

Полдень уже миновал. В воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения. Деревья, на которые показал пилот, оказались кленами с причудливо разросшимися кронами, цвет которых говорил об уже наступившей осени. На небе не было почти ни облачка; неподвижный воздух, чистый и прохладный в тени, дышал зноем на открытых местах. Дома выглядели так, словно в преддверии

зимы их вымыли и заново покрасили.

В городке царили тишина и покой, и это относительное безмолвие произвело на Хэла странное впечатление. Необъяснимое волнение овладело им при виде этих домов и улиц, хотя он оказался в этом месте впервые. На улицах было безлюдно, но иногда из открытых окон до него доносились голоса обитателей городка. Наконец Хэл вышел на центральную площадь и на противоположном ее конце увидел белое двухэтажное здание, почти до середины первого этажа ушедшее в землю. На фасаде здания располагались две двери одна на уровне второго этажа, к которой вела небольшая лесенка в шесть ступенек, и другая, на первом этаже, куда можно было попасть, спустившись по другой, еще более короткой лесенке.

Своей архитектурой это белое здание заметно выделялось среди остальных домов, окруживших площадь. Хэл подошел поближе; над дверью, ведущей в нижний этаж, он увидел табличку «Библиотека». Тогда он поднялся по ступенькам к двери верхнего этажа и легко коснулся пальцами замка. Дверь распахнулась.

Хэл оказался в маленькой, не больше десяти квадратных метров комнате, разделенной посередине от стены до стены стойкой с дверцей,

позади стойки располагались три рабочих стола. Из-за одного из столов поднялся худенький симпатичный мальчуган лет десяти — двенадцати и подошел к стойке. Он молча уставился на Хэла, потом спохватился, что это не совсем вежливо.

— О, простите, — произнес он, — моя тетушка — мэр, но сейчас ее нет, она ушла в горы. Меня зовут Алеф Тормай...

Он замолчал, продолжая пристально разглядывать Хэла.

— Вы совсем не дорсаец, — покачал он головой.

— Нет, — подтвердил Хэл. — Мое имя Хэл Мэйн.

— Очень приятно, — сказал мальчуган. — Извините. Простите меня. Мне показалось... мне показалось, что вы дорсаец.

— Все в порядке. — Хэл, на мгновение поддавшись горькому любопытству, спросил:

— А почему это тебе показалось?

— Я... — Мальчик не знал, что ответить. — Я не знаю. Все так, но что-то не так.

Он выглядел смущенным.

— Боюсь, я не очень наблюдателен. Когда я закончу учебу...

— Дело не в тебе. Двое взрослых тоже сначала

приняли меня за дорсайца, — пояснил Хэл. — Послушай, я бы хотел подняться в горы и взглянуть на поместье Форали. У меня нет какой-нибудь определенной цели. Просто я всегда хотел увидеть его.

— Но сейчас там никого нет, — сказал Алеф Тормай.

— Да? — удивился Хэл.

— Гримов сейчас вообще нет на планете. И я думаю, в ближайший стандартный год, а то и позже, они не вернутся.

— Но я могу все же туда отправиться и посмотреть?

— Конечно, конечно, — не сразу отозвался Алеф. — Но только там никого не будет...

— Понятно. — Хэл на секунду задумался: как бы ему сформулировать следующий свой вопрос, чтобы не задеть ничьих чувств. — Живет ли кто поблизости от Гримов, с кем я мог бы поговорить? Кто-нибудь, кто мог бы показать мне поместье?

— О, конечно! — заулыбался Алеф. — Вы можете встретиться и поговорить с Амандой. Я имею в виду Аманду Морган. Она их ближайшая соседка. Ее усадьба называется «Фал Морган»; хотите, я покажу вам, как туда добраться?

— Спасибо, — кивнул Хэл. — Мне надо взять

напрокат какое-нибудь транспортное средство.

— Боюсь, в нашем городе вы напрокат ничего не сможете найти, — нахмурившись, ответил Алеф. — Но не огорчайтесь. Я могу отвезти вас туда на нашем скиммере. Минутку, я только свяжусь с Амандой и скажу, что мы едем.

Он повернулся к монитору на одном из столов и набрал номер на клавиатуре. На экране высветился ответ, и Хэл без труда прочитал его:

«ОТПРАВИЛАСЬ ЗА МУСТАНГАМИ».

— Она отправилась за дикими лошадьми? — удивился Хэл.

— Да нет, не дикими. — Алеф смущенно поднял на него глаза из-за монитора. — Просто летом она выгоняет свой табун на высокогорные пастбища, и они там пасутся без какого-либо присмотра. Вот почему мы называем таких лошадей мустангами. А сейчас пришла пора загонять их на зиму в конюшню. Но ничего. Мы все равно можем ехать. Она должна обернуться до темноты, а пока мы туда доберемся, она уже будет дома.

— А как с офисом? — спросил Хэл.

— Все в порядке, — ответил Алеф. — В это время, как правило, уже никто не приходит. А по пути я заброшу записку тетушке.

Пять минут спустя они уже сидели на допотопного вида скиммере, поднимаясь по одному из склонов, окружающих долину, в которой расположился Форали-Таун.

Солнце уже близилось к закату и почти касалось горных вершин, когда они, преодолев последний небольшой подъем, оказались на открытом плато. В его центре стоял большой квадратный двухэтажный дом, сложенный из светло-серого камня; рядом расположились бревенчатые хозяйственные постройки: длинное, похожее на конюшню здание и загон для скота.

— Кажется, она еще не вернулась, — заметил Алеф, когда они оказались у дома. — Она специально оставила приоткрытой дверь кухни, чтобы показать, что обязательно вернется.

Нагнетатели скиммера заглохли, и он с тихим шипением опустился на траву возле полуоткрытой двери.

— Вы не будете возражать, если я оставлю вас здесь? — Алеф обеспокоенно взглянул на Хэла. — Я понимаю, что это не слишком-то вежливо, но я обещал тетушке, что вернусь домой к ужину. Аманда должна загнать своих мустангов еще до захода солнца, поэтому она появится с минуты на минуту; но если я останусь с вами, то обязательно

опоздаю. Вы можете войти в дом и ждать там.

— Спасибо. — Хэл вылез из скиммера. — Я, пожалуй, просто постою здесь и полюбуюсь на закат. Ты можешь возвращаться. Спасибо за помощь.

— О, ничего особенного. Был очень рад познакомиться с вами, Хэл Мэйн.

— Взаимно, Алеф Тормай.

Алеф включил нагнетатели, скиммер развернулся и заскользил вниз. Хэл провожал его взглядом до тех пор, пока скиммер не исчез в лощине, затем повернулся и посмотрел на солнце.

Красный диск уже коснулся горных вершин. На какой-то момент этот яркий цвет вызвал в его памяти другой закат с красной световой дорожкой, пересекающей поверхность озера, в поместье, где он вырос; тот памятный вечер, когда он мчался в каноэ наперегонки с бегущей по воде тенью к берегу, на котором его ждали Уолтер и Малахия Хэл невольно вздрогнул. В этом дорсайском пейзаже было нечто необычайное: стоило лишь подумать о чем-то или что-то почувствовать, как эти мысли и чувства целиком захватывали тебя всего. Он еще раз оглядел границы небольшого плато, приютившего дом Морганов со всеми хозяйственными постройками. Если эта Аманда и

самом деле предполагала быть дома до темноты, то ей пора бы уже вернуться.

Не прошло и нескольких секунд, как до его ушей донеслось отдаленное гиканье, сопровождаемое все усиливающимся топотом копыт и треском ломающихся кустов; и вот из-за края лощины показалась первая группа лошадей, сбоку от которой скакал всадник в голубой шапочке; обогнав лошадей, он повел их в сторону загона и стоящего неподалеку Хэла.

К этому моменту на плато уже было десятка полтора лошадей, погоняемых двумя другими всадниками, на вид не старше Алефа. В это время первый всадник уже подскакал к загону и, бросив мимолетный взгляд на Хэла, начал открывать ворота.

«Это, — подумал Хэл, — видимо, и есть та самая Аманда Морган, хотя выглядит она не намного старше, чем ее помощники.» Девушка тем временем широко распахнула створки ворот. Двое других всадников уже подгоняли табун к загону. Одна серая лошадь с белой отметиной на морде вдруг заартачилась в воротах, развернулась и помчалась прямо в сторону стоящего возле дома Хэла. Хэл бросился вперед, крича и размахивая руками. Серая остановилась, попятилась и по-

далась в сторону, но тут ей путь преградил один из юных наездников, который снова отогнал ее к загону.

Наконец все лошади оказались за загородкой. К тому времени, как ворота загона были снова закрыты и крепко заперты, верхний край солнечного диска уже скрылся за вершинами гор. На усадьбу вдруг опустилась тень, и повеяло холодом.

Аманда Морган сказала что-то своим юным помощникам; они развернули своих лошадей и легким галопом направились в ту сторону, откуда появились.

Хэл, как зачарованный, следил, пока они не скрылись из виду. Затем повернулся и увидел прямо перед собой Аманду. Наконец ему удалось как следует разглядеть ее. При стройной фигуре у нее были довольно широкие плечи; она была одета в выгоревшие на солнце брюки для верховой езды, толстую рубашку в черно-белую клетку, кожаную куртку и голубую шапочку с широким козырьком, натянутую до самых бровей.

Аманда сняла шапочку, и Хэл обратил внимание, что ее светло-соломенные волосы, едва достающие до плеч, гармонируют с тонкими чертами лица.

— Я — Аманда Морган, — сказала она, улыбаясь. — А кто вы и когда вы сюда приехали?

— Только что, — медленно ответил он, потрясенный ее красотой. — Меня подбросил сюда на скиммере мальчик по имени Алеф Тормай из городской мэрии. Ах да, меня зовут Хэл Мэйн.

— Очень приятно, — кивнула она. — Я понимаю, у вас ко мне дело?

— О да...

— Неважно, — сказала она. — Мы поговорим об этом позже. Сначала я поставлю Барни в стойло. А вы проходите в гостиную и располагайтесь как дома. Я присоединюсь к вам минут через двадцать.

— Я... спасибо, — смущенно произнес он. — Хорошо, сейчас.

Он повернулся к двери, а Аманда, взяв лошадь под уздцы, повела ее к конюшне, черной тенью выделяющейся на вечернем небе.

Войдя в дом, Хэл почувствовал, что здесь заметно теплее, чем снаружи, где воздух уже начал остывать. Свет под потолком включился автоматически, и он увидел, что находится в большой кухне. Свернув влево, он оказался в коротком коридоре; на стене висела большая картина, изображающая девушку, которую он только что

встретил... Хотя нет, поправил он себя, присмотревшись к портрету повнимательнее, этой, на картине, по меньшей мере за двадцать, хотя она так похожа на Аманду Морган, как будто они родные сестры, если даже не близнецы. Он вошел в другую комнату, обставленную широкими диванами и глубокими мягкими креслами; вся мебель выглядела очень солидно, никаких плавающих штучек.

Слева от входа находился огромный камин, каминная доска которого была вся уставлена разнообразными маленькими вещицами, главным образом всевозможными поделками, начиная с явно детских творений вроде соломенной раскрашенной куклы в длинной юбке и кончая головой лошади с изящно выгнутой шеей, вырезанной из мягкого красноватого камня. Фигурка выглядела поразительно реалистично. Она напомнила Хэлу резные фигурки эскимосов — их он видел на Земле в денверском музее — обкатанные волнами камни, искусным прикосновением резчика превращенные то в тюленя, то в спящего человека. Та же творческая магия чувствовалась и здесь; даже шероховатая поверхность красноватого камня вызывала ассоциации с бурой мастью лошади.

Усаживаясь в одно из удобных мягких кресел,

он почувствовал в этой комнате что-то неуловимо родное, впервые с тех пор, как он покинул дом на Земле, в котором вырос. И не только потому, что здесь не было никаких реалий современного быта. Их он не встретил и в крестьянских домах на Гармонии. В этом доме сохранялся дух старины, как будто строители по просьбе первых хозяев вмуровали его в стены. Этот же дух в какой-то степени ощущался также и в Форали-Тауне; похоже, он вообще был присущ всему Дорсаю, но здесь его отличала особая утонченность — как теплый блеск дорогого дерева, за которым заботливо ухаживали многие годы.

Что бы то ни было, но все это, так же как и сам Форали-Таун, согревало его душу, как тепло очага хорошо знакомого дома, в который вернулся после долгого отсутствия. Настроение Хэла улучшилось, и, сидя в кресле, он полностью отдался потоку счастливых воспоминаний из той поры, когда в его жизни еще не было Блейза.

Хэл настолько погрузился в них, что не заметил, как в комнату вошла Аманда. В руках она держала поднос с чашками, стаканами, кофейником и графином, который затем поставила на приземистый квадратный столик, стоящий как раз перед креслом, где расположился Хэл.

— Кофе, виски? — предложила девушка, усаживаясь в кресло напротив него.

Хэл подумал, что у него нет ни малейшего желания привыкать еще к одному сорту кофе.

— Виски, — кивнул он.

— Это дорсайское виски, — предупредила Аманда.

— Я уже пробовал его, — ответил он. — Малахия, один из моих воспитателей, как-то раз, когда мне было одиннадцать, угостил меня на Рождество.

Аманда удивленно подняла брови.

— Его полное имя — Малахия Насуно, — добавил Хэл.

— Это дорсайское имя, — сказала Аманда, наливая темный напиток в толстостенный низкий стакан, затем протянула его Хэлу. Под ее пристальным, изучающим взглядом юноша невольно втянул голову в плечи. Этот взгляд напомнил ему Алефа Тормая, когда они впервые встретились в мэрии. Наконец она оторвала от него взгляд, наклонила голову и налила себе кофе.

— У меня было трое воспитателей, — произнес Хэл, как бы обращаясь сам к себе. Он отхлебнул виски, и его резкий обжигающий вкус вызвал но-

вый прилив воспоминаний. — Они же являлись и моими опекунами. Я — сирота, и они вырастили меня. Это было на Земле.

— На Земле... так вот откуда ты знаешь, как обращаться с лошадьми. Это... и то, что твоим воспитателем был дорсаец, многое объясняет. — Аманда снова подняла голову. Только сейчас Хэл заметил, какого цвета у нее глаза. При искусственном освещении они казались синевато-зелеными, как прозрачная морская вода. — Сначала я приняла тебя за одного из нас.

— С момента моего появления в Омалу уже несколько человек сделали ту же самую ошибку, — сказал Хэл. Он заметил вопрос в ее глазах. — Я прибыл туда с Мары несколько часов назад.

— Понимаю. — Она откинулась на спинку кресла, не выпуская из руки чашечку с кофе; в сгущающемся за окном сумраке ее глаза казались еще темнее. — Чем я могу быть тебе полезна, Хэл Мэйн?

— Я хотел увидеть Форали, — ответил он. — Алеф сказал мне, что никого из Гримов нет дома, а вы их ближайшая соседка и, может быть, вы позволите мне осмотреть усадьбу.

— Гримхаус сейчас закрыт, хотя я, разумеется, могу тебя туда впустить, — объяснила Аманда. —

Но ты ведь не собираешься отправляться туда ночью? К тому же днем ты сможешь увидеть гораздо больше.

— Тогда завтра?

— Завтра обязательно, — пообещала она. — Мне, правда, нужно будет еще кое-что сделать, но ведь я могу оставить тебя там и потом забрать на обратном пути.

— Очень любезно с вашей стороны. — Хэл допил виски, сделал глубокий выдох, мгновение подождал, пока восстановится голос, затем поднялся на ноги. — Меня сюда привез Алеф, но ему нужно было вернуться к ужину домой. Не хотелось бы обременять вас лишними проблемами, но не знаете ли вы, кого я мог бы попросить отвезти меня назад в Форали-Таун?

Девушка улыбнулась:

— Зачем?

— Я же сказал, назад в город, — несколько натянуто повторил он. — Мне надо где-то устроиться на ночь.

— Сядь, — велела Аманда. — В Омалу есть одна-две гостиницы, но здесь ничего подобного мы не держим. В городе ты мог бы остановиться у Тормаев или стать гостем какой-нибудь другой семьи. Но поскольку ты здесь, то будешь моим

гостем. Разве Малахия Насуно не рассказывал о дорсайских обычаях?

Хэл посмотрел на нее. Она все еще улыбалась. Он вдруг подумал, что, пока они говорили, его первое впечатление о ней как о молодой женщине, едва достигшей возраста зрелости, в корне изменилось. Ему впервые пришло в голову, что Аманда, возможно, значительно старше его.

Глава 42

Хэл сидел за столом в большой кухне усадьбы Фал Морган, ожидая, пока Аманда приготовит обед. Это была квадратная, с высоким потолком комната, стены которой были обшиты когда-то светлыми, а теперь приобретшими медовый цвет деревянными панелями; в них отражался свет ламп, яркость которых, похоже, усиливалась по мере того, как за окном сгущались сумерки. В комнате было две двери: одна вела в коридор, по которому он попал в гостиную, а другая — в столовую. Хотя сейчас она была не освещена, Хэлу все же удалось разглядеть в ее полумраке темные панели стен, стулья с высокими прямыми спинками и часть длинного стола. Оборудование кухни — плиты для приготовления пищи, шкафы для хранения продуктов и висящий высоко на стене экран видеотелефона — было современное, последнее слово техники. Что касается мебели, то ее отличали и незамысловатость и простота.

— Конечно, я могла бы что-нибудь поручить тебе, — сказала ему Аманда, как только они переступили порог кухни, — но не вижу в этом

смысла. Здесь ты мне не помощник, все это я сделаю гораздо лучше и быстрее. Так что сядь где-нибудь в сторонке, и, пока я буду заниматься обедом, мы с тобой просто поболтаем. Еще виски?

— Спасибо, — поблагодарил он. Сидеть за столом со стаканом в руке — какое ни есть, но все же занятие, и это хоть как-то оправдывало его бездеятельность, в то время как хозяйка занималась обедом.

Хэл боялся, что будет чувствовать себя неловко в роли этакого бездельника, но естественное очарование самого дома, тепло кухни и размеренность движений Аманды заставили его забыть об этом. Лишь на какую-то долю секунды без видимой причины, вот так, просто наблюдая за ней, он вдруг необычайно остро ощутил свое одиночество, ставшее за эти последние четыре года его неизменным спутником. Затем и эта мысль ушла в сторону; он просто сидел, потягивая темное крепкое виски, окутанный блаженством выпавшего на его долю комфорта.

— Ты что хочешь, баранину или рыбу? — поинтересовалась Аманда. — Это все, что у меня сейчас есть.

— Безразлично, — ответил он. — Я мало ем.

Странно, но после пребывания в тюремной камере на Гармонии свойственный ему когда-то чрезмерный аппетит куда-то исчез. Во время перелета с Гармонии на Мару он ел только тогда, когда пищу почти насильно впихивали ему в рот; на Маре это безразличие к еде также не прошло. Не то чтобы блюда ему не нравились — просто он перестал чувствовать как голод, так и аппетит. Он вспоминал о еде, когда пребывал без нее достаточно долго, но и тогда ему вполне хватало лишь утолить первое чувство голода.

— Понятно, — задумавшись на мгновение, сказала она и направилась к шкафу. — В таком случае почему бы нам не попробовать и того и другого? А потом ты мне скажешь, что тебе понравилось больше.

Хэл наблюдал за тем, как она готовит. Ему показалось, что дорсайская кулинария чем-то напоминает квакерскую. И тут и там берут немного мяса и долго готовят его, добавляя кучу овощей. А вот с рыбой поступают гораздо проще и быстрей.

— Ну а теперь скажи мне, зачем тебе понадобился Форали? — через некоторое время спросила Аманда.

В памяти непроизвольно возникла картина похорон. Он тут же отогнал ее, даже не пытаясь

осмыслить увиденное.

— Я тебе уже говорил о своем воспитателе Малахии, — ответил он, — он много рассказывал мне об усадьбе, о Донале и других Гримах.

— И ты решил взглянуть на все своими глазами?

В ее словах явно слышался другой вопрос.

— Мне все равно нужно было на Дорсай. — На мгновение у Хэла появилось желание рассказать ей все без утайки, но он тут же подавил его. — Когда я прилетел сюда, то понял, что не готов сразу же приступить к делам. Поэтому я решил сначала на денек-другой съездить сюда.

— И все из-за историй, рассказанных тебе Малахией Насуно?

— Когда ты молод, истории значат многое, — пожал плечами Хэл.

Аманда села за стол напротив него, положив перед собой разделочную доску, и принялась резать что-то похожее на зеленый перец. Он поймал на себе ее взгляд, брошенный через стол. В теплом отраженном свете янтарных панелей ее глаза блеснули, словно солнечный лучик на поверхности бирюзовой воды.

— Я знаю, — отозвалась она.

Они сидели молча; блестящее лезвие ножа,

нарезающего овощи, мелькало вверх и вниз.

— А что именно ты хочешь там посмотреть? — спросила она его немного погодя, собрав в миску нашинкованные овощи и поднявшись из-за стола, чтобы отнести их на другой конец кухни.

— Думаю, главным образом дом, — ответил он, обращаясь к ее худенькой прямой спине и улыбаясь про себя. — Я так много слышал о нем, что, думаю, смогу ориентироваться там с закрытыми глазами.

Аманда обернулась к нему.

— Завтра я собиралась навестить одну из своих сестер. Я дам тебе лошадь — ведь ты же умеешь ездить верхом, судя по тому, что я видела сегодня утром;

Он кивнул.

— Мы доедем до Гримхауса, там я оставлю тебя, съезжу по своим делам и затем вернусь. И тогда, если захочешь, мы побродим с тобой по дому и усадьбе вдвоем.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Очень любезно с твоей стороны.

Совершенно неожиданно она широко улыбнулась:

— Добрососедские отношения не требуют благодарности.

— Малахия рассказывал мне о добрососедстве на Дорсае. — Хэл улыбнулся в ответ. — Но с тех пор как я здесь, ни у кого не было времени рассказать мне об этом подробнее.

— Один из способов выжить на этой планете — сохранять добрые отношения с соседями, — рассудительно заметила Аманда. — И мы, Морганы, исповедуем этот принцип еще со времен Аманды Первой, то есть до того, как был построен Гримхаус.

— Аманды Первой? — повторил он за ней.

— Аманда Морган Первая, утвердившая наше имя здесь, на Дорсае, почти двести пятьдесят стандартных лет тому назад и первая хозяйка усадьбы фал Морган. Это ее портрет ты видел на стене.

— Неужели?

Он смотрел на нее с изумлением.

— И сколько же всего было Аманд?

— Три, — ответила она.

— Только три?

Она рассмеялась:

— Аманда Первая очень боялась, что ее имя достанется кому-нибудь, кто окажется недостоин этого имени — она была с характером. До меня ни одна девочка в семье не носила имени Аманда.

— Но ты же сказала, что их было трое. Если ты вторая...

— Я — третья. Аманду Вторую, сестру моей прапрабабушки, на самом деле звали Элейн. Но когда она немного подросла, все стали называть ее Амандой, потому что она была очень похожа на Аманду Первую. Она умерла четыре года назад. Она росла вместе с Кейси и Яном, дядьями-близнецами Донала. Они оба были влюблены в нее.

— И кто же удостоился чести стать ее мужем?

Аманда отрицательно покачала головой.

— Никто. Кейси погиб на Сент-Мари. Ян женился на Лии; это его дети продолжают род Гримов, поскольку Кейси умер, так и не создав семьи, а у Донала и его брата Мора не было детей. Но когда его сыновья выросли, а Лия умерла — ей было шестьдесят, — Ян почти все время проводил здесь, в Фал Моргане. Я тогда была очень маленькой, думала, что он просто один из Морганов. Он умер четырнадцать лет назад.

— Четырнадцать лет назад? — повторил Хэл. — Он прожил долгую жизнь. Сколько же лет было Аманде Второй, когда она умерла?

— Сто шесть лет. — Аманда поставила на плиту последнее блюдо. Затем, налив себе чашку чая, снова вернулась к столу. — Мы живем долго, мы,

Морганы. Она была главным специалистом на Дорсае по составлению контрактов.

— Контрактов? — спросил Хэл.

— Контрактов, заключаемых с представителями любого другого мира, кто желает нанять дорсайцев, — пояснила Аманда. — Наши семьи и отдельные граждане всегда заключали контракты как с правительством, так и с частными лицами других миров; но так как документы все больше и больше усложнялись, возникла необходимость в специалисте, способном проверить любой контракт.

— А кто на Дорсае сейчас главный эксперт по контрактам?

— Я, — сказала Аманда.

— О-о. — Хэл с удивлением уставился на нее.

— Мы, Морганы, не только долго живем, но и молодо выглядим, — улыбнулась Аманда. — Я не так молода, как кажется. Я начала читать контракты, когда мне было четыре года. Понимать же, что в них написано, несколькими годами позже. Аманда Вторая настояла, чтобы мои родители назвали свою старшую дочь Амандой. Она забрала меня к себе почти сразу же после моего рождения. В какой-то мере я была скорее ее дочерью, чем их.

— А если бы она не потребовала, дали бы они тебе такое имя?

Аманда снова широко улыбнулась:

— Ни один человек в этой семье не осмелится дать своему ребенку это имя только по собственному желанию.

Зазвонил таймер. Аманда встала и направилась к плите.

— Все готово, — сообщила она.

Хэл тоже поднялся, намереваясь перейти в столовую.

— Нет. — Аманда обернулась, услышав звук отодвигаемого стула. — Так как нас всего двое, мы будем есть здесь. Садись. Сейчас я все принесу.

Он с радостью вернулся на место. В этот момент кухня для него была более привлекательной, чем полутемная комната с длиннющим столом, за которым могла уместиться дюжина человек, если не больше.

— Ничего себе стол там, в столовой, — сказал он.

— Ты еще не видел стол в Гримхаусе. — Аманда принесла тарелки, расставила их на столе и села сама. — Так как тебе незнакома эта еда, я положу тебе сначала немного, просто попробовать. Ешь лишь то, что понравится, и потом скажи, что ты

о ней думаешь. Ну а что касается длины стола, то при рассмотрении контракта иногда даже такого стола бывает мало.

Она передала ему наполненную тарелку и стала накладывать себе со стоящих на столе блюд.

— Тебе что-то непонятно? — Аманда внимательно посмотрела на него.

— Для оценки контракта нужно место? — недоуменно спросил Хэл.

— Место нужно для работы, — ответила она. — Чтобы составить большой военный контракт, необходимо не меньше недели, а то и больше; и тогда у всех время расписано по часам. Попробуй с рыбой вон тот красный соус.

Хэл послушно взял себе соуса.

— Предположим, — начала она, положив локти на стол, — что местные власти на Сете обратились к кому-нибудь вроде Донала Грима с просьбой взять под военный контроль некую спорную в данный момент территорию и охранять ее, пока идут переговоры между правительством Сеты и другими претендентами относительно ее принадлежности. Этот человек прежде должен сесть и составить общий план того, как выполнить эту задачу и что ему для этого потребуется — войска, транспорт, жилье, оружие, медицинское обеспе-

чение, снабжение... и тому подобное.

Хэл кивнул:

— Понимаю.

— Уверен? Итак, сделав собственные общие предварительные расчеты, он приглашает других людей со всей планеты, иногда даже целые семьи, с которыми он работал раньше и остался ими доволен. Его интересует, хотели бы они принять участие в работе над контрактом. Те, кто соглашается, приезжают в Форали, садятся вместе, знакомятся с предварительным планом и разбивают его на несколько составных частей. На Дорсае каждый офицер — специалист в какой-либо конкретной области. Например, мы, Морганы, обычно служим полевыми командирами в пехоте. Один или несколько человек из нашей семьи получат ту часть плана Донала, которая касается боевых операций пехоты. Затем они должны будут представить Доналу свои соображения о том, сколько потребуется усилий и средств, чтобы успешно выполнить поставленные перед ними задачи. В это время другие специалисты должны будут работать над другими частями плана... В конечном счете все сведется воедино, и Донал получит конкретные цифры — во что обойдется ему выполнение контракта.

— Все не так-то просто, — покачал головой Хэл.

— На самом деле все гораздо сложнее, чем это прозвучало в моем изложении, — сказала Аманда. — Дело в том, что весь этот процесс, который я тебе здесь описала, должен быть пройден по меньшей мере дважды. Первоначальные цифры нужны лишь только для того, чтобы было от чего оттолкнуться. Ну а затем, как только будет определена конкурентная стоимость, они сядут и начнут заново пересматривать все позиции контракта с учетом неортодоксальных путей их решения, срезая затраты, которые сами только что определили, или ища другие пути, которые дадут им возможность быстрее решить поставленную задачу, пока в конце концов не получат цифру, которая позволит им не только одолеть любого конкурента, но и получить прибыль, покрывающую затраты на выполнение этого контракта.

— Понятно, — кивнул Хэл, — и все это делается за обеденным столом?

— На девяносто процентов, — ответила Аманда. — Стол почти до потолка завален картами, схемами, набросками, макетами, оборудованием, справками... Кроме того, стол — это место, где собирается вся семья и принимаются все важные

для семьи решения. Но хватит уже разговоров о столе. Что тебе больше всего понравилось? Рыба или баранина?

— Не могу сказать. И то и другое, — с трудом ответил Хэл с набитым ртом.

— Хорошо, — улыбнулась Аманда. — Тогда просто накладывай себе сам.

— Спасибо. Ты действительно замечательная повариха.

— В доме, полном народа, который надо ежедневно кормить, любой научится хорошо готовить.

— Возможно... — Хэл на секунду вспомнил свое одинокое детство. — Ты сказала, Морганы жили здесь еще до того, как тут появились Гримы? Как Морганы оказались на Дорсае?

— Это все Аманда Первая. Она прибыла сюда с Земли, когда Новые миры еще только заселялись.

— И что заставило ее выбрать Дорсай?

— Муж Аманды умер вскоре после свадьбы. Его родители были богаты и обладали властью; используя все доступные им средства, они отобрали у нее ее маленького сына. Аманда сумела выкрасть его и покинула Землю, с тем чтобы они не могли сделать это снова. Она эмигрировала

на Ньютон и вышла там замуж во второй раз. Когда умер ее второй муж, Джимми, ее сын, был уже подростком. Оставшись вдвоем, они решили приехать на Дорсай. Они оказались среди первых поселенцев на этой планете — и первыми в этом месте.

Хэл ел и слушал, только изредка задавая вопросы. Жестокое время и жестокий мир постепенно сформировали народ, для которого честь и отвага были столь же необходимым средством для их выживания, как плуг и насос для поселенцев на других планетах. И вот наконец более века тому назад о дорсайцах заговорили как о воинах, которым, если они воюют сообща, не могут противостоять никакие объединенные военные силы других миров.

«Это уж явное преувеличение, — думал Хэл, слушая Аманду. — Никто не может устоять перед подавляющей численностью и мощью; и дорсайцы тоже не смогут выиграть или даже достаточно долго сопротивляться, если против них объединятся военные силы всех других обитаемых миров. Но все же в этом утверждении была доля истины. Соглашаясь с тем, что при такой раскладке сил дорсайцы никогда не смогут победить, следовало также согласиться и с тем,

что объединенные войска никогда не будут торопиться мериться с ними силой. Бесспорно также и то, что в случае нападения дорсайцы будут сражаться с любыми превосходящими силами».

Постепенно история Морганов, которые в какой-то мере сами были частью истории Дорсая, стала приобретать вполне конкретные очертания. Морганы и Гримы жили бок о бок в течение нескольких поколений: вместе рождались, вместе росли и вместе воевали. Слушая Аманду, Хэл чувствовал себя гораздо ближе, чем когда-либо раньше, к Доналу, его дядьям — Кейси и Яну Гримам, а также к Ичан Хан Гриму — отцу Донала, и даже к Клетусу Гриму — стоявшему у истоков этой семьи, автору величайшего многотомного труда по стратегии и тактике военных действий, который позволил наиболее эффективно использовать специально подготовленных дорсайских воинов.

— ...Могу я тебе предложить еще что-нибудь? — услышал он голос Аманды, которая вдруг прервала свой рассказ, вернув его в настоящее из прошлого, в котором он чуть было не заблудился.

— Прошу прощения? — Хэл не сразу сообразил, что речь идет о еде. — Разве я могу съесть еще

хоть крошку?

— Да уж, это, конечно, проблематично, — сказала Аманда. Хэл с удивлением посмотрел на нее; уголки губ ее рта задрожали в легкой усмешке, и тут до него дошло, что все блюда на столе были пусты.

— Это что, все я съел? — потрясение спросил он.

— Ты, — подтвердила Аманда. — Как насчет кофе и стаканчика спиртного после обеда? Если да, то давай перейдем в гостиную.

— Я... спасибо.

Она расставила на подносе кофейник, чашки, стаканы и графин с виски. Покинув кухню, они направились по коридору в гостиную.

Свет на кухне погас, а в гостиной плавно зажегся, подчиняясь сигналам датчиков, следящих за их перемещением. Аманда поставила поднос на низкий столик и разожгла камин.

Пламя высветило четверостишие, вырезанное на полированной боковой грани толстой гранитной каминной полки. Хэл наклонился вперед, чтобы прочесть его.

— Песнь дома фал Морган, — пояснила Аманда, глядя через его плечо. — Первый стих. Это в честь Аманды Первой. Песню написал Джимми, ее сын,

он был тогда уже в зрелом возрасте.

— Это лишь часть песни? — взглянул на нее Хэл.

— Да, — кивнула она и вдруг тихо запела. Голос у нее был более низкого тембра, чем он предполагал, прекрасный, чистый голос, голос человека, любящего петь и вкладывающего в музыку свою душу.

Мои стены из камня,
И крыша прочна,
Но тверже камня
Хозяйка моя.
Можно стены разрушить
И крышу спалить,
Никому лишь хозяйку
Мою не сломить.

То, как Аманда пропела эти слова, вызвало в нем сильный эмоциональный подъем. Чтобы скрыть свои чувства, Хэл быстро отвернулся к подносу на столе и устроил маленькую церемонию из наливания виски в стакан, затем снова занял место в кресле у камина. Аманда же налила себе кофе и села напротив.

— Это вся песня? — поинтересовался Хэл.

— Нет, — ответила Аманда. — Там есть еще куплеты.

— Когда-нибудь, — быстро проговорил он, вдруг испугавшись, что она опять запоет и снова разбередит ему душу, — когда-нибудь я приеду сюда, чтобы дослушать остальные. Но скажи, где сейчас все Морганы и Гримы? Гримхаус пуст, а ты...

— А я здесь одна, — закончила за него Аманда. — Времена изменились. Жизнь нелегка сейчас для народа Дорсая.

— Я знаю, — сказал Хэл. — Я знаю, что Иные делают все возможное, чтобы лишить вас контрактов.

— Невозможно отстранить нас от всех контрактов, — покачала головой Аманда. — Но Иные могут вмешаться в крупные контракты, которые приносят нам почти шестьдесят процентов межзвездных кредитов. Так что, поскольку времена теперь трудные, большинство трудоспособного населения либо занято ловлей рыбы, либо другой работой, которая позволяет выживать за счет наших собственных ресурсов. Некоторые отправились искать работу за пределами планеты. Есть и такие, кто эмигрировал, не только отдельные люди, но и целые семьи.

— Покинули Дорсай?

— Эти люди считают, что у них нет другого выбора. Многие, конечно, никогда не сделают этого. Но на этой планете всегда взрослый человек был волен принимать любые решения, не спрашивая совета ни у кого, если только он или она сами этого не захотят.

Хэл был полностью поглощен тем, что только что услышал. Уже тогда, сидя в камере на Гармонии, он осознал, что время Осколочных Культур прошло. Но, услышав это впервые из уст Аманды, он понял, как глубоко огорчило его признание этого факта. Представить себе Дорсай без дорсайцев просто немыслимо, это более абсурдно, чем для любой другой планеты Молодых Миров. В одно мгновение перед его мысленным взором предстала брошенная планета — пустые разрушающиеся дома, нигде не слышно человеческой речи. Все его естество воспротивилось этому видению; но в глубине души он знал, что это будет именно так, как знал и то, что это будет концом Вселенной.

Хэл поднялся с кресла, чувствуя себя так, словно какая-то гигантская ледяная рука вдруг смертельно сжала его сердце. Сидевшая напротив Аманда озадаченно, как при первой их встрече, следила за ним.

Он почувствовал, как между ними, людьми абсолютно незнакомыми, вдруг возникло какое-то взаимное понимание.

— С тобой все в порядке? — донесся до него ее спокойный голос.

— Если бы я мог, я бы убил время! — услышал Хэл собственные слова, вырвавшиеся без предупреждения и поразившие его самого своей необычайной страстностью. — Я бы убил смерть. Я бы убил все, что несет смерть!

— Но ты не можешь, — тихо произнесла Аманда.

— Не могу. — Ему почти удалось обуздать свои чувства. «Все дело в виски». Но он выпил совсем немного, и алкоголь никогда не оказывал на него особого влияния. Им руководило нечто иное. — Ты права. Каждый имеет право на свое собственное решение. Именно так создается история — решениями. Решения меняются, меняются и времена. Все, к чему мы привыкли, должно быть отброшено, и на его место должно прийти нечто новое. Перед своим приездом сюда я пытался рассказать об этом кое-кому из экзотов. Я думал, что если уж кто и должен выслушать меня, так это они.

— Но они не поняли?

— Нет, — подтвердил он вдруг охрипшим голосом. — Это то, чему они не могут посмотреть в лицо. Но время уходит. Оно накладывает ограничения и на их исследования, а это означает, что теперь они никогда не узнают того, к чему стремились все это время, с тех самых пор, когда на Земле они назвали себя Гильдией. Странно...

Хэл замолчал, так и не закончив своей мысли.

— Что странно? — услышал он ее вопрос. Он уставился в стакан, в котором плескалась темная, озаренная огнем жидкость, и снова стал перекатывать его между ладонями. Затем поднял глаза на Аманду.

— Те, кто должен понимать, что происходит, — люди, которые могли бы что-то сделать, — отказываются это понимать. В отличие от тех, кто ничего не может сделать. Но чувствует это, как животные чувствуют приближение урагана.

— Ты сам тоже это чувствуешь, так ведь? — Глаза Аманды, ставшие еще более темными при свете камина, внимательно смотрели на него, вызывая на откровенность. И он продолжил:

— Конечно. Я как раз из тех, кто вовлечен в этот водоворот. Мне предстоит встретиться лицом к лицу с настоящим и грядущим.

— Тогда расскажи мне, что же происходит? —

спокойно спросила Аманда. — И что должно произойти?

Крепко сжав между ладонями стакан с виски, он перевел взгляд на пламя в камине.

— Мы движемся к последней битве, — начал Хэл. — Вот что нас ждет. Но это не будет битвой в буквальном значении этого слова, и в зависимости от того, как пойдет развитие процесса, раса либо погибнет, либо будет процветать и дальше. Я знаю, это звучит слишком невероятно, чтобы в это можно было поверить. Но мы сами на протяжении столетий создавали эту ситуацию. Однако те, кто в состоянии осознать, как же это могло произойти, ни за что не желают взглянуть правде в глаза. Я и сам не сразу понял это, пока не столкнулся с ней нос к носу. Но если оглянуться назад и посмотреть, что же происходило только в эти последние двадцать или тридцать стандартных лет, мы повсюду найдем доказательства. Появление Иных...

Хэл говорил почти наперекор себе. Слова вырвались из него, словно спущенные с цепи псы, и он понял, что рассказывает ей обо всем, что осознал в камере на Гармонии.

Аманда сидела тихо, лишь время от времени задавая краткие вопросы, молча наблюдая за

ним. Он почувствовал огромное облегчение, что наконец-то хоть немного сбросил с себя груз понимания ситуации, грозивший раздавить его своей тяжестью. Сначала он собирался обрисовать ей ситуацию лишь в общих чертах, но она слушала его с таким вниманием, что он изменил свое намерение и перешел к подробному рассказу о людях и вещах, приведших его к осознанию всей проблемы в целом. Хэл попал в тенеты ее внимания и слышал свой собственный голос, который говорил и говорил, словно жил отдельной, независимой от него жизнью.

И опять в голове мелькнула мысль, что, может быть, все дело в дорсайском виски. Но он снова отмел ее прочь. Уже в первый год своей жизни на Коби Хэл он понял, что алкоголь действует на него не так, как на других. В результате, когда шахтеры напивались до полного бесчувствия и потом отключались, он оставался бодрствующим. Правда, им овладевало беспокойство, причем настолько сильное, что он отправлялся в длительные одинокие прогулки по бесконечным каменным коридорам. С каждым глотком виски его сознание все глубже и глубже уходило в себя, пока наконец он не оставался один на один с собою, погруженный в печаль и одиночество,

которые заставляли его бежать прочь от этих бесчувственных тел, вперед по бесконечным коридорам.

Однако сейчас все было по-другому, его ощущения были прямо противоположны одиночеству. К тому же количество выпитого им тоже было невелико, если мерить его по собственным меркам и на основании собственного опыта.

Хэл осознал, что рассказывает Аманде о Сыне Божьем и о том, какое значение оказала его смерть на его собственное понимание всей концепции.

— ...Когда я впервые встретил его, мне показалось, что это второй Обедайя, — я ведь рассказывал тебе о двух других моих воспитателях, не так ли? Но чем больше я узнавал его, тем все менее интересным для меня он становился. Обычный фанатик, не способный ни сострадать, ни чувствовать, не интересующийся ничем, кроме догм своей религии. Но он был единственным, кто громко заявил о своем несогласии, когда местные жители потребовали, чтобы отряд отослал меня. И тогда впервые я начал постигать его роль в этом мире. Она была сложнее, гораздо сложнее, чем я первоначально думал.

Свет в гостиной вдруг мигнул.

— «Вечерний звон»[2], — чуть слышно проговорила Аманда. — Сегодня нам приходится экономить энергию, отдавая ее тем, кому она нужнее.

Она встала и снова подошла к камину — зажечь остатки двух больших свечей, стоявших в высоких подсвечниках по обе стороны камина. Сами свечи, похоже, были сделаны из каких-то прессованных серовато-зеленых воскообразных семян. Встроенное освещение начало постепенно гаснуть. Из углов комнаты стала наползать темнота, и вскоре Хэл и Аманда оказались в маленьком кругу света, поддерживаемого лишь свечами и камином. Его ноздрей коснулся слабый запах сосны.

Аманда вернулась в свое кресло. Даже на таком близком расстоянии он едва мог различить ее; в темноте ее одежда сливалась с обивкой, а бледное дружелюбное лицо, казалось, парило во мраке, наблюдая за ним.

Хэл продолжал говорить и вдруг понял, что, рассказывая ей о людях, которых он встречал на своем пути, как-то незаметно перешел на рассказ

---

[2] Примечание: 2

«Вечерний звон» — в средние века особый колокольный звон, призывающий жителей погасить свет и затушить огонь в установленный час вечера.

о самом себе. Какой-то крошечный звоночек внутри него пытался его образумить, но то, что подталкивало его на эту исповедь, было сильнее. Наконец в заключение он дошел до своей ранней юности и тех переживаний, которые испытывал в то время.

— Но что именно заставляет тебя связывать все это с Гримами? — спросила Аманда.

— Ты, конечно, помнишь, что я сирота, — глядя на огонь и уносясь мыслями в освещенную тусклым светом темноту, ответил он, подталкиваемый словно изнутри какой-то силой. — Я всегда был... одинок. Думаю, я отождествил это свое одиночество с одиночеством Донала. Тебе же известно — в академии его считали странным мальчиком, не похожим на других...

...Что-то неуловимо изменилось в комнате. Хэл быстро поднял глаза.

— Извини. — Он внимательно посмотрел на Аманду. Маленький звоночек внутри его зазвучал сильнее. Хэл сделал над собой усилие и заставил его замолчать. — Ты что-то сказала?

— Нет, — ответила она, неотрывно глядя на него из полумрака комнаты. — Ничего.

Он старался вспомнить, о чем только что говорил.

— Мне кажется, внутри себя он тоже всегда оставался одиноким... — Он приложил руку ко лбу, почувствовал, что он влажный, отнял и опустил руку. — О чем я говорил?

— Ты, наверное, устал. — Аманда наклонилась к нему. — Ты говорил, что Донал всегда был одинок. Но это не так. Он женился на Анне с Культиса.

— Да, но в этом была его ошибка. Понимаешь, тогда он думал, что все же сможет жить обычной жизнью. Но ничего не получилось. Донал сделал почти ту же ошибку, что и Клетус, женившись на Мелиссе Хан. Правда, Клетус должен был закончить свою книгу...

Хэл снова потерял нить разговора.

— Думаю, ты права, — тяжело вздохнул он. — Кажется, я действительно устал — у меня был долгий день...

— Конечно же, — мягко сказала Аманда. — Я покажу тебе твою комнату.

Она встала, взяла с подставки одну свечу и направилась в коридор. Хэл с трудом поднялся на ноги и последовал за ней.

Глава 43

Хэл спал как убитый, глубоким сном человека, вымотанного почти до предела. Ночью он лишь раз проснулся и несколько мгновений лежал, вглядываясь в темноту и соображая, где находится. Вспомнив, он почти сразу же провалился в сон.

Когда он снова проснулся, в спальне было уже светло от яркого солнечного света, проникавшего сквозь легкие белые шторы. Он смутно помнил, как Аманда со свечой в руке перед тем, как спуститься вниз в гостиную, велела ему задернуть оба ряда штор — и тонких и плотных. Похоже, он так и забыл задернуть тяжелые внешние шторы.

Впрочем, какая разница? Он сел, спустив ноги с постели. Теперь он был готов к началу нового дня и чувствовал себя превосходно, лишь немного кружилась голова, отчего все окружающее воспринималось несколько отстраненно. В комнате не было ничего похожего на умывальник — Аманда по этому поводу ему тоже что-то говорила. Он надел брюки и спустился вниз, где нашел дверь, ведущую в туалетную комнату.

Пятнадцать минут спустя, умытый, побритый и полностью одетый, он вошел в кухню Фал Моргана. Аманда, сидя за столом, разговаривала по видеотелефону со своей сестрой. Хэл подсел к столу и стал дожидаться окончания разговора. Сестра, судя по изображению на экране, висевшем на стене кухни, имела несомненное сходство с Амандой, хотя у нее было более круглое лицо и волосы скорее желтого, чем белого оттенка. Эта еще одна представительница рода Морганов тоже отличалась красотой, но в ней отсутствовала энергия, которую он с первого раза подметил в Аманде... Хотя, возможно, видеотелефон просто не способен это передать, подумалось Хэлу.

Но его внутреннее чутье все же отвергало такое объяснение. Энергия Аманды была просто уникальна, Хэл впервые сталкивался с таким человеком. Вряд ли это семейная черта.

Аманда как раз сообщала сестре, что должна проводить Хэла в Гримхаус, прежде чем приедет к ней, как обещала. Закончив разговор, она отключила видеотелефон и посмотрела на Хэла.

— Я уже собиралась идти будить тебя, — сказала она. — Мы выезжаем после завтрака. Есть желание подкрепиться?

Хэл улыбнулся.

— Не меньше, чем вчера пообедать, — ответил он. Похоже, к нему снова вернулся аппетит.

— Хорошо. — Аманда поднялась. — Сиди смирно. Через минуту все будет готово.

Покончив с завтраком, они сели на лошадей и двинулись в путь в утреннем свете Фомальгаута, яркой точкой сияющего на восточной половине небосклона. В его лучах покрытые снегом горные равнины блестели, словно зеркальные. Воздух был еще по-утреннему прохладен и чист; на небе виднелись редкие облачка. Лошади кусали удила и пританцовывали на месте, пока им не позволили мчаться вскачь. Однако у самого края плато, на котором расположился Фал Морган, Аманда натянула повод и перевела свою серую на шаг; Хэл последовал ее примеру.

Они начали спускаться по крутому склону, заросшему разнообразными хвойными деревьями и местными видами кустарника. Земля на открытых участках между деревьями и кустами была усеяна камнями; лишь кое-где виднелась чахлая растительность. Так они ехали минут десять, пока не оказались среди высоких холмов, покрытых коричневой жухлой травой, типичной для поздней осени. На склоне горы, господствующей над всеми этими холмами, на узкой полоске

земли, которую они смогли увидеть, только преодолев последний перевал, и располагалась усадьба Гримхаус.

Сам особняк был построен из темного дерева и, несмотря на два этажа, выглядел приземистым из-за своей несоразмерной длины — словно повторял изгиб уступа, где разместился со всеми хозяйственными постройками. Не более чем в десяти метрах позади дома горизонтальная площадка упиралась в уходящий дальше вверх голый крутой склон.

— А он не так хорошо укрыт, как Фал Морган, — глядя на дом, машинально заметил Хэл.

— Зато у него есть другие преимущества, — обернувшись к нему, сказала Аманда. — Посмотри сюда...

Она проехала немного вправо к самому краю уступа. Хэл приблизился к ней.

— Со смотровой площадки на крыше дома просматривается большая часть окрестностей. А эта крутая стена позади усадьбы надежно защищает ее от ветра, а зимой от снега. Клетус Грим знал, что делает, когда строил ее, — он ведь считал себя больше ученым, чем солдатом.

Они отъехали от края площадки, направили лошадей к дому и у главного подъезда спешились.

Предоставленные сами себе лошади принялись щипать траву на центральном газоне.

Аманда подошла к дверям и приложила большой палец к сенсорному устройству замка. Тяжелые массивные двери из потемневшего от времени дерева распахнулись. Они прошли в квадратную прихожую, по стенам которой были развешаны куртки и свитера. Прямо перед собой за открытым арочным проходом располагалась гостиная.

По атмосфере дома чувствовалось, что он пустой, но отнюдь не безжизненный. Аманда повернулась к Хэлу.

— Сейчас я тебя покину. Жди меня около полудня или чуть позже. Если же я задержусь или если ты проголодаешься или захочешь пить, кухня и кладовые находятся в западном крыле здания с левой стороны. Еда и напитки специально оставлены в доме для тех, кому они могут понадобиться, — у нас это в порядке вещей. Думаю, тебе не надо напоминать, чтобы ты прибирал за собой.

— Само собой разумеется, — ответил Хэл. — Но думаю, я дождусь тебя и мы пообедаем вместе.

— Только не нужно церемоний, — улыбнулась Аманда. — Почти во всех комнатах ты найдешь

телефоны, фамилия моей замужней сестры — Дебинье. Если возникнет необходимость — позвони мне.

— Еще раз спасибо. — Хэл вдруг почувствовал некоторую неловкость. — Я очень благодарен, что ты мне доверяешь, оставляя здесь одного.

— Думаю, с домом ничего не случится, — сказала она и вышла.

Хэл остался один в хрустальной тишине пустого дома. Постояв в нерешительности секунду или две, он прошел в гостиную.

Это была большая комната, гораздо больше аналогичного помещения в Фал Моргане, со стенами, обшитыми панелями темного дерева. Вытянутая конфигурация дома обусловила и форму гостиной — она была скорее прямоугольной, нежели квадратной, но в ней с удобствами могли разместиться не меньше тридцати человек, а при необходимости — и больше. Северная стена представляла собой одно сплошное окно со шторами от стены до стены, сейчас полностью раздвинутыми, через которое открывался вид на отвесную стену позади дома. «Видимо, — подумал он, — специальные датчики следят за тем, чтобы каждое утро шторы раздвигались; надо думать, в доме есть и другое автоматическое оборудо-

вание, чтобы в отсутствие хозяев переключать разнообразные устройства на дневной и ночной режимы работы, а также поддерживать постоянную температуру внутри дома в летнюю жару и в зимнюю стужу».

В стене справа от него был единственный проем, за которым тянулся длинный коридор. Облицовывавшие стену строгие деревянные панели украшал только один предмет — портрет стоящего в полный рост высокого, стройного мужчины средних лет в старомодной военной форме, которую могли носить только на Земле двести или даже больше стандартных лет назад. У него были седые усы с острыми нафабренными концами — это сразу же заставляло отбросить предположение, что на портрете изображен Клетус Грим. Наверняка Хэл видел перед собой портрет Ичан Хана, отца Мелиссы Хан, жены Клетуса, и, насколько он помнил историю этой семьи, Клетус сам и написал его. А старинную форму, в которой его запечатлела кисть художника, по всей видимости, он носил, когда служил офицером в афганских войсках до того, как вместе с Мелиссой эмигрировал с Земли.

В обшитой панелями южной стене за его спиной не было совершенно ничего примеча-

тельного, кроме расположенного в самом центре прохода, соединяющего гостиную с прихожей. Слева, в западной стене, имелось еще два прохода; за ближайшим к нему находилась лестница на второй этаж. Дальний, освещенный солнечным светом, вел, скорее всего, в столовую. Хэлу даже был виден уголок обеденного стола; именно о нем рассказывала Аманда, когда он отпустил замечание по поводу размеров обеденного стола в столовой фал Моргана.

Простенок между двумя проходами почти целиком занимал широкий глубокий камин, сложенный из черно-серого гранита. На широкой боковой грани каминной доски был изображен геральдический щит с тремя морскими раковинами. Прямо над доской висела сабля в украшенных серебром ножнах, такая же старинная, как и военная форма на портрете на стене напротив, принадлежавшая, надо полагать, тому же Ичан Хану.

Хэл сел в одно из больших глубоких кресел. Царившая в доме тишина давила на него. Он пришел сюда, объяснял он себе, потому что был не готов к разговору с дорсайцами. Не то чтоб не готов передать им послание экзотов, а не готов обратиться к дорсайцам от собственного

имени, найти слова, которые они услышали бы и поняли.

Тогда, на Маре, Хэл не знал, было ли это связано с его потерей уверенности в себе. Он отправлялся на встречу с экзотами без тени сомнения в том, что будет понят ими. Но там, где дело касалось дорсайцев, он никогда ни в чем не был до конца уверен; и Форали заставил его свернуть с ранее намеченного маршрута, так же как магнитный полюс Земли вынуждает поворачиваться магнитную стрелку компаса. Решение приехать сюда впервые возникло у него, когда он увидел эту бело-голубую, покрытую безбрежным океаном планету на экране в каюте корабля.

И теперь, сидя в кресле в тишине гостиной, Хэл ощущал, что дом как будто разговаривает с ним. Здесь было нечто, что будоражило его, каким-то необъяснимым, почти мистическим образом воздействовало на его тело, разум и душу. Дом словно задевал какие-то древние струны, спрятанные глубоко в его душе. Повинуясь странному внутреннему зову, Хэл медленно встал с кресла и вошел в коридор, ведущий на кухню.

Ему потребовалось сделать шесть шагов, чтобы дойти до конца коридора, и у него было такое чувство, словно он заранее знал, что это будет

ровно шесть шагов, ни больше и ни меньше. Кухня оказалась больше, чем в доме Аманды, а ее стены, в отличие от Фал Моргана, были обшиты, так же как и во всем доме, темными панелями. Стол — не круглый, а восьмиугольный — был больше того, за которым они с Амандой сегодня утром завтракали. На этом различия обеих кухонь заканчивались.

Минуту Хэл стоял не двигаясь. Смотреть особенно было не на что, да и слушать тоже, но ему казалось, что в комнате звучит гул голосов, впитавшихся, подобно времени, в деревянные панели. Хэл словно ощущал присутствие людей, давно ушедших или умерших, которые сидели когда-то за этим столом и рассказывали друг другу о своих делах и мыслях.

Наконец он стряхнул оцепенение и подошел к двери в северной стене кухни. Дверь открылась при первом же прикосновении, и он вышел на залитый утренним солнечным светом задний двор Гримхауса. Здесь находились хозяйственные постройки: конюшня, несколько складских построек, амбар и ближе других то, что, как ему было известно, на Дорсае обычно называется «манежем».

Он направился к нему по каменистой, освещен-

ной солнцем земле. Манеж оказался незапертым, и Хэл вошел внутрь. Это было строение такой же ширины и почти такой же длины, как и Гримхаус, манеж выглядел даже выше хозяйского дома. Окон не было, но застекленные секции крыши беспрепятственно пропускали внутрь солнечный свет, в лучах которого танцевали пылинки. Это помещение предназначалось для зимних тренировок; несмотря на то что под утрамбованным земляным полом оно отапливалось, температура здесь поддерживалась не намного выше нуля.

Но пока сезон для искусственного отопления еще не наступил. Струящийся сквозь стеклянные панели крыши солнечный свет согревал воздух внутри до летней температуры, и Хэлу снова показалось, что он слышит призрачные голоса. Именно сюда, едва научившись держаться на слабых детских ножках, следуя за старшими, должен был прийти Донал Грим. Он неуверенно ковылял по проходам, соединяющим дом с хозяйственными постройками, сооружаемым в зимнее время для защиты от непогоды. Для ребенка это строение на первых порах должно было казаться просто гигантским, а занятия взрослых, для которых требовались сила, скорость и чувство равновесия, таинственными и непонятными.

Но он тем не менее наверняка старался подражать им, и к пяти годам его движения уже вполне напоминали движения взрослых, хотя все еще отличались некоторой замедленностью и неуклюжестью.

Воспоминания об этих прекрасных годах, когда он инстинктивно чувствовал себя частью всей семьи и даже в мыслях не отделял себя от них, должно быть, часто посещали Донала в зрелые годы... Хэл резко повернулся и поспешил через весь манеж к дальнему выходу.

Выйдя наружу, он несколько мгновений постоял в раздумьях, а потом двинулся дальше, чтобы осмотреть другие постройки, которые тоже оказались незапертыми. Везде царили чистота и порядок; в большинстве своем они содержались в нормальном рабочем состоянии, и в них хранилось именно то, что и должно было бы храниться, если бы дом был обитаем. И хотя в них тоже слышались голоса поколений обитателей усадьбы, они не оставляли такого сильного впечатления, как дом и манеж. Хэл уже собирался возвращаться в дом, когда его взгляд остановился на последней постройке — конюшне, за которой виднелась почти полностью скрытая ее стенами небольшая ивовая роща. Он приблизился, шаг-

нул в полумрак помещения, и тут же прежние чувства вновь нахлынули на него.

Стойла по обе стороны центрального прохода были пустыми. Хэл перевел взгляд на кипы сена, аккуратно сложенные в дальнем углу конюшни; вот он и встретился лицом к лицу с тем, ради чего пришел сюда.

Он долго стоял, вдыхая пыльный, такой узнаваемый запах конюшни, потом вышел наружу. Свернув вправо, Хэл двинулся вдоль стены конюшни к ее дальнему концу, потом зашел за угол... Под низко свисающими ветвями ив белела деревянная ограда, окруженная могилами тех, кто некогда здесь жил.

Какое-то мгновение он остолбенело смотрел на нее, потом медленно шагнул вперед.

В ограде была небольшая калитка. Хэл открыл ее, прошел внутрь и осторожно закрыл за собой. На каждой могиле стояла каменная надгробная плита серого цвета. Трава на могильных холмиках и между ними была аккуратно подстрижена. Все надгробные плиты располагались ровными рядами по шесть в каждом и были повернуты в одну сторону. Хэл направился туда, где находились самые старые могилы.

Здесь он остановился и вгляделся в имена,

вырезанные на надгробиях. Ичан Мурад Хан... Мелисса Грэй Хан Грим... Клетус Джеймс Грим... он медленно продвигался вдоль ряда... Кемаль Саймон Грим... Анна Аутбонд Грим. Справа Мэри Кенвик Грим и Ичан Хан Грим покоились под общим камнем.

Он на мгновение смешался. Потом перешел к следующему ряду и снова склонился над могилами. Справа от него были надгробия Яна Тена Грима, затем Лии Сэри Грим и Кейси Алана Грима. Самая дальняя от него могила Кейси находилась возле самой ограды так близко к ивам, что концы их ветвей, словно пальцы, нежно касались травяного покрова могильного холма, колыхаясь на легком ветру.

Хэл подошел поближе и всмотрелся. Прямо за могилой Кейси он увидел плиту с вырезанным на ней именем Донала Ивена Грима; ветви ивы низко склонились и над его могилой, но не касались ее, как могилы его дяди. Рядом находилось надгробие Мора Кемаля Грима, а у самых ног Хэла, так что он даже касался ее кончиками ботинок, была могила Джеймса Уильяма Грима...

Хэл не мог плакать. В тюремной камере, терзаемый лихорадкой, страдающий от истощения и измученный постоянной борьбой с болезнью,

он плакал. Но здесь... У него лишь болезненно перехватило горло, да по телу начал разливаться холод, неумолимый, непреодолимый, шедший откуда-то изнутри и постепенно охватывающий все его тело. Где-то в самой глубине сознания он почувствовал, как его снова обнимают крепкие руки дяди, и услышал голос Кейси, просящий его вернуться, вернуться...

Он вернулся. Холод отпустил его, и Хэл пошел к калитке. Тихо закрыв ее за собой, он направился к дому.

Время пролетело незаметно. До полудня, когда обещала вернуться Аманда, оставалось меньше часа.

Теперь, когда Хэл оказался здесь во второй раз, он воспринимал дом уже немного иначе и больше не чувствовал себя чужаком; все в нем казалось давно знакомым.

Хэл решил осмотреть другую часть дома.

Покинув гостиную и пройдя по небольшому коридору, он оказался в библиотеке почти таких же размеров, как и гостиная. В дальнем углу комнаты возле окна стоял большой письменный стол из темного полированного дерева. Так же как и в гостиной, вся северная стена представляла собой практически одно сплошное окно, и дневной свет

освещал стеллажи с информационными кубиками и старинными фолиантами. На низкой полке около окна стоял ряд книг в темно-коричневых кожаных переплетах. Хэл подошел поближе и увидел, что это переплетенные рукописные копии трудов Клетуса Грима по стратегии и тактике. Проведя пальцем по корешкам, он все же не решился нарушить их покой.

Хэл повернулся и вышел из библиотеки.

Как только он снова оказался в главном коридоре, чтобы продолжить свое обследование помещений первого этажа, включилось внутреннее освещение. Эта часть дома составляла примерно половину всего здания. Проходя по коридору, он заглядывал в попадающиеся на пути комнаты; сначала это были спальни по левую сторону и рабочие комнаты по правую, но потом рабочие комнаты кончились и по обе стороны пошли одни спальни. Всего до конца коридора он насчитал шесть спален и четыре рабочие комнаты. Коридор упирался в главную спальню, объединенную с рабочим кабинетом.

Возвращаясь назад, Хэл подошел к комнате, которая, по всей видимости, и была спальней Донала. В биографиях Донала, написанных после его смерти, эта комната указывалась как третья от

главной спальни. Ближе всего к главной спальне обычно располагались комнаты больных, а также самых молодых членов семьи. По мере того как дети взрослели, они перебирались в большие по размеру двойные спальни, располагавшиеся ближе к гостиной, все дальше и дальше отодвигаясь от главной спальни. Когда Донал покинул этот дом, подписав свой первый контракт, он был самым младшим членом семьи. Домой он так и не вернулся.

Это была крохотная, больше похожая на каморку комнатка, рассчитанная на одного человека, особенно если сравнивать ее с другими спальнями. После отъезда Донала в ней жил, наверное, не один юный отпрыск семейства Гримов.

Хэл стоял как завороженный, оглядываясь по сторонам; уже знакомое ему легкое покалывание снова волной начало растекаться по спине и плечам. Он помнил эти стены и вид из окна на отвесную скалу, прикрывающую Гримхаус сзади.

Хэл протянул руку и коснулся деревянных стенных панелей, отполированных бесконечными чистками за многие годы до шелкового блеска. Невозможно было отвести взгляд от склона горы, который Донал видел перед своими глазами изо дня в день на протяжении всех своих детских и

юношеских лет. Неизвестно, сколько времени он пребывал в этом состоянии, но вдруг совершенно неожиданно, ему вспомнились строки, написанные им еще на Абсолютной Энциклопедии:

В церкви разрушенной в латы закованный рыцарь,

Из гроба восстав, с последней постели поднявшись,

С лязгом железным по плитам разбитым ступая,

К провалу окна подошел, чтобы вокруг оглядеться...

Ему показалось, что существовавший только в его сознании вихрь пронесся по комнате, и в следующий же момент Хэл почувствовал себя неотделимой частью всего, что его окружает, — этих стен, склона горы за окном, — это был момент его бытия, слившийся с таким же моментом, неоднократно пережитым тем, с кем он себя отождествлял.

«Я здесь», — подумал Хэл.

Нервный озноб усиливался, охватывая теперь уже все тело. Ему показалось, что внутри и вокруг него завибрировало само время и его личность окончательно слилась с личностью человека,

некогда жившего здесь.

Он — Донал — стоял в этой комнате, и он — Донал — смотрел на скалу за окном спальни.

Глава 44

Через минуту наваждение исчезло так же внезапно, как и появилось, оставив лишь чувство неуверенности во всем случившемся. Рука соскользнула со стены и упала вниз. Хэл с трудом поднял ее и приложил ко лбу. Пальцы ощутили холодную влажную кожу, словно пережитое им эмоциональное напряжение отняло половину всех его сил.

Некоторое время он стоял неподвижно, затем повернулся и пошел обратно в гостиную. Подобное состояние душевной пустоты и физической слабости всегда овладевало им после того, как в его душе внезапно рождались поэтические строки, — своеобразная ответная реакция на затрату огромных внутренних сил.

Но, подумал он, поэтическое вдохновение всегда оставляло после себя некий осязаемый результат. В то время как сейчас... но, не успев еще додумать до конца, Хэл понял, что и сейчас какой-то результат все же остался. Происшедшая в нем перемена теперь позволила ему увидеть дом совсем другими глазами.

Теперь, куда бы он ни посмотрел, ему казалось, что на всем, словно патина, лежал отпечаток узнаваемости. Стоило ему войти в гостиную, как в глаза ему бросился портрет Ичан Хана, такое родное и до мельчайших подробностей знакомое лицо. Ему казалось, что его пальцы и ладонь до сих пор помнят рукоять сабли, висевшей над камином, и мысленным взором он видел, как неожиданно вспыхивает и сверкает вынутый из ножен клинок. Все в комнате находило в нем отклик, отдаваясь эхом в его памяти.

Хэл опустился в кресло; он чувствовал, как медленно оттаивает душа, скованная холодом, охватившим его возле могил. Сейчас все вокруг него, весь дом сотрясался от беззвучного гула звуков прошлого. Он сидел, вслушиваясь в них, как вдруг, повинуясь какому-то импульсу, резко поднялся и поспешил в угол комнаты. На деревянной полированной поверхности крайней панели восточной стены не было никаких отметин, но что-то подсказало ему приложить к ней ладонь правой руки. Панель легко поддалась, отъехав вправо. Открылся высокий узкий проход, ведущий прямо из гостиной в библиотеку.

Хэл вспомнил, что Малахия упоминал о нем в своих рассказах о Гримхаусе. С этим проходом

связано что-то особенное. Хэл на мгновение задумался... Ну конечно же, именно здесь юные отпрыски Гримов отмечали свой рост — на левом косяке двери виднелись тонкие аккуратные темные линии, рядом с которыми были проставлены имена и даты. Хэл нашел инициалы Донала, но выше этой отметки, сделанной в пятилетнем возрасте, других отметок с его именем не оказалось.

В то время Донал был ниже всех остальных мужчин семьи Гримов. Неудивительно, что как только мальчик это понял, он перестал в дальнейшем измерять свой рост. Хэл посмотрел на дверной проем, и в памяти всплыла еще одна деталь. Малахия как-то упомянул о том, что во всех поколениях Гримов среди членов семьи не было ни одного столь крупного мужчины, чтобы он полностью занял собой весь дверной проем, за исключением близнецов — Яна и Кейси, дядьев Донала.

Несомненно, сама мысль о том, чтобы примерить свой рост к этим отметкам, даже зная, что он здесь один и никто об этом никогда не узнает, была глупостью. Но чем дольше он здесь стоял, тем сильнее становилось его желание.

Рассудок и логика здесь были бессильны. То, что толкало его на этот поступок, было частью

поиска доказательств его принадлежности к тем, кто жил здесь.

Хэл отбросил прочь все сомнения, шагнул в дверной проем и выпрямился.

Он похолодел от волнения, почувствовав, как его макушка уперлась в верхнюю планку дверного проема. Конечно же, он давно знал, что ростом выше обычного человека. И все же с трудом осознавалось, что он такого же роста, как и Ян Грим. В его воображении Ян до сих пор оставался гигантом, возвышающимся, словно башня, над остальными людьми, и поэтому на какой-то момент он просто отказывался поверить в то, о чем поведал ему дверной проем.

Лишь спустя какое-то время Хэл обратил внимание на то, что хотя он и упирается головой в притолоку, но его плечи все же не касаются вертикальных стоек дверного проема. Вряд ли ему когда-нибудь удастся настолько раздаться в плечах. Странно, но он почувствовал явное облегчение. Он был еще не готов стать Яном, во всяком случае не сейчас.

Он вышел из дверного проема; датчики как будто только этого и ждали: дверь тут же скользнула на место, закрыв проход, и стена снова стала единым целым. Хэл повернулся лицом к гости-

ной. С того момента, когда он в спальне ощутил себя Доналом, его восприятие окружающего еще более обострилось. Однако сейчас оно стало просто невыносимым, вызывая чувство почти физической боли.

Запах, который он ощущал, цветовая палитра, очертания предметов, звуки и эхо шагов во время его блуждания по дому, свет из окон и внутреннее освещение длинного коридора, идущего вдоль кабинетов и спален, — все это перекинуло мостик между ним и теми, кто когда-то ходил по этому дому, и наконец-то Хэл окончательно осознал, что также принадлежит дому наравне с ними.

В этом не было никакого чуда, все вполне объяснимо с точки зрения человеческой психики. Тем не менее он чувствовал себя так, как будто нарушил границу чего-то гораздо более таинственного и оказался в области, доселе еще никому не ведомой.

Какой-то внутренний импульс указывал ему на ту часть дома, которую он все это время подсознательно избегал. Как сказала ему Аманда, на Дорсае столовая была тем местом, где принимались решения не только деловые, но и семейные. Оттолкнувшись от этого воспоминания, его мысли наконец обратились к столовой, и он понял,

что только там надо искать величайшую разгадку жизни и назначения Донала.

Хэл шагнул в нужном направлении. Но тут же остановился, охваченный страхом, и опустился в одно из стоящих поблизости кресел. Он сидел и смотрел неподвижным взглядом на дверь, ведущую в столовую, пытаясь понять причину необъяснимого, но вполне реального ужаса.

На память пришли уроки Уолтера. Сосредоточившись, он выбросил из головы все эмоции, затем представил свой страх как нечто бесформенное, стоящее перед ним на небольшом расстоянии. Придавая ему очертание, он принялся рассуждать. Сам по себе страх был неважен. Важно лишь было его влияние на него. Но чтобы понять его воздействие, он должен разобраться, что же за ним кроется, в чем его суть?

Дело было не в самой комнате и не в том, что он мог там узнать. Он боялся необратимости воздействия на него того, что он мог там обнаружить. Если он войдет в столовую в том состоянии духа, в котором сейчас пребывает, это может помочь ему наконец понять, какая же часть его существа принадлежит ему, а какая Доналу.

...Он, вероятно, узнает, что должен совершить нечто, после чего ему уже не будет дороги назад.

Быть может, сейчас он как раз и стоит перед границей, которой инстинктивно всегда так боятся все мужчины и женщины, — границей, отделяющей возможное от невозможного; а если это так, то, переступив ее, он рискует остаться там навсегда.

Он вдруг понял, что этот страх для него не нов; он жил всегда, и не столько в нем, сколько во всем человечестве. Это был страх покинуть уютное лоно безопасности известного мира и оказаться во мраке неизвестности, таящей в себе все немыслимые опасности, которые могут поджидать там человека. Он понял также, что существует единственный способ противостоять ему, столь же древний. Это неодолимая потребность продолжать начатое, двигаться вперед и рисковать, открывать и познавать.

Осознав это, наконец он впервые ясно увидел, что та судьба, которой он только что так страшился, была выбрана им для себя уже много лет назад раз и навсегда. И как бы в подтверждение правильности его решения, откуда-то из глубин памяти в его мозгу всплыли строки из стихотво-

рения Роберта Браунинга[3]:

...И встали все, как рамой огневой,
Вкруг новой жертвы, замыкая дол.
Я всех узнал, я всех их перечел,
Но безоглядно в миг тот роковой
Я поднял рог и вызов бросил свой:
«Роланд до Замка Черного дошел».

Хэл поднялся с кресла и, медленно приблизившись к двери, открыл ее.

Внутри длинной безмолвной комнаты царил полумрак. Здесь, в отличие от других помещений, в которых он побывал, автоматические датчики оставили шторы из тяжелой мягкой ткани светло-коричневого цвета задернутыми. Они не раздвинулись и сейчас, когда он вошел в столовую. Яркий дневной свет Фомальгаута едва пробивался сквозь них, отчего вся комната была залита мерцающим янтарным сумеречным светом.

---

[3] примечани¤: 3

Роберт Браунинг (Robert Browning, 1812-1889) — английский поэт; ввел в англ, лирику жанр монолога-исповеди, поэтический язык его отличается затрудненностью. В сборнике стихов «Мужчины и женщины» на материале исторических сведений о жизни известных личностей эпохи Возрождения поэт исследует психологические мотивы, управляющие поступками своих героев.

И в этом полумраке длинная пустая поверхность стола и выстроившиеся по обе стороны от него резные деревянные стулья с прямыми спинками, один из которых стоял в торце стола рядом с входом на кухню, казались почти черными. Потолок был ниже, чем в гостиной, поэтому воздух здесь казался еще более сонным и застывшим, чем в других частях дома.

Хэлу показалось, что полумрак и тишина, наполнявшие эту комнату, поглотили его целиком, отгородив от остальной части дома. Словно сама столовая говорила: «Все может измениться, лишь я за эти двести лет осталась неизменной».

Шесть небольших старинных двухмерных картин в узких рамках висели на равном расстоянии друг от друга на стене напротив окон. Хэл медленно пошел вдоль прохода между стеной и столом, изредка останавливаясь, чтобы рассмотреть живописные полотна.

Это были пейзажи, на которых в различных ракурсах художник изобразил гору, озеро, узкую долину и морской берег — именно такими они сохранилось в памяти Ичан Хана. Вне всякого сомнения, Хэл видел перед собой земные пейзажи. Бесчисленное множество тонких неуловимых деталей подтверждало подлинность того, что было

изображено на каждой из картин. На мгновение они разбудили в Хэле воспоминания, которые уже давно не посещали его; он почувствовал неожиданно острый приступ ностальгии по Скалистым горам.

Хэл медленно подошел к торцу стола и стал чуть сбоку в стороне от него, окинув взглядом всю его длину. Здесь в разные времена собирались они всей семьей с тех самых пор, как впервые были воздвигнуты эти стены. Те, чьи имена он видел на надгробиях, — Ичан Хан, Мелисса и Клетус Грим, Кемаль Грим; Ичан, тот, который был отцом Донала, Мор — брат Донала; Джеймс, Кейси и Ян — его дядья; Лия — жена Яна; Саймон, Кемаль и Джеймс — сыновья Яна... и другие.

Включая Донала.

Донал, конечно же, часто сиживал за ним, вплоть до того самого вечера, когда после окончания Академии он готовился покинуть дом, подписав свой первый контракт. Должно быть, он впервые чувствовал себя вровень со старшими, и в тот вечер для него впервые открылась дверь к четырнадцати мирам. Заглянув в нее, он новыми глазами посмотрел на тех, кто находился рядом с ним.

Хэл медленно двинулся вдоль стены, на кото-

рой висели картины, к противоположному концу стола и остановился позади единственного стоявшего там стула. В тот вечер, накануне отъезда Донала, кто мог бы сидеть здесь, в Форали, из тех, кто уже побывал на других планетах?

Кемаль Хан Грим — нет, потому что ко времени отъезда Донала он уже был прикован к постели. Конечно же, Ичан, живший в поместье с тех пор, как получил ранение в ногу, в результате которого уже никогда не мог вернуться к своим обязанностям полевого командира. Медленно, словно по их собственному желанию, в памяти всплывали имена. В то время дома находились Ян и Кейси. И Мор, старший брат Донала, тоже был здесь, поскольку приехал в отпуск с Квакерских миров. Джеймс — нет, он погиб при Доннесворте семь лет назад.

Итак... тем вечером после ужина за столом сидело пять человек. Казалось, что ровный сумеречный свет в комнате стал сгущаться вокруг Хэла. Место во главе стола наверняка занимал Ичан. Ян и Кейси, следующие по старшинству два члена семьи, должны были бы сидеть слева и справа от Ичана. Но близнецы всегда садились рядом, так что в тот вечер, следуя давней привычке, они уселись по левую руку от Ичана, спиной

к стене и лицом ко входу. Тогда справа от Ичана должен был бы находиться Мор, а на соседнем стуле, рядом с Мором...

Хэл отошел от стула, стоящего во главе стола, и подошел ко второму стулу справа от Ичана, тому самому стулу, на котором должен был сидеть Донал.

Он сосредоточился, восстанавливая в памяти сцену прошлого, представляя людей, чьи портреты он видел в книгах о Донале. Ичан — высокий и сильно похудевший; глубокие складки вокруг рта и морщины меж прямых черных бровей говорят о том, что этот человек мужественно переносит сильные боли.

Ян и Кейси, похожие друг на друга, словно зеркальное отражение, но абсолютно разные по характеру. Кейси светловолосый, у Яна волосы темные, оба ростом выше Ичана и Мора, их торсы бугрятся натренированными мускулами. Мор худее обоих своих дядьев, лицо молодое и гладкое, но в его глазах сквозит какое-то одиночество и неуемная жажда действия.

И Донал... он на полголовы ниже Мора и выглядит намного стройнее, его отличают крайняя молодость и хрупкость, свойственные людям с узкой костью, так что среди взрослых мужчин,

собравшихся за столом, он кажется совсем мальчишкой.

Ичан облокотился на стол, Ян сидит выпрямившись на стуле и широко улыбается, Кейси лишь слегка посмеивается — его обычная манера. Мор наклонился вперед, готовый вступить в разговор. И Донал... внимательно слушающий их всех.

Это был деловой разговор, обсуждались условия воинской службы на тех мирах, откуда они недавно вернулись. Обычный разговор профессионалов. Конечно же, все, о чем они говорили, предназначалось для присутствующего здесь Донала, но делалось это столь деликатно, что никак не походило на прямые наставления...

Звуки их голосов уносились вверх, отдаваясь эхом от деревянных балок потолка, дробясь и затухая. Личные соображения по тому или иному вопросу и ответные реплики. Разговор то затихал, то возобновлялся.

— ...Те, кто рвется к власти, подобны вампирам, — задумчиво проговорил Ичан. — Воинская же служба — это настоящее искусство...

— ...Скажи, Ичан, — обратился Мор к отцу, — будь ты снова молод и здоров, ты бы остался дома?

— ...Ичан прав, — заговорил Ян. — Они до сих

пор мечтают о том, чтобы скрутить в бараний рог наш свободолюбивый народ, а затем торговать нами, используя в качестве кнута для остальных миров. Вот где таится опасность...

— ...До тех пор, пока Кантоны остаются независимыми от Совета, — сказал Ичан.

— ...Все меняется, — заметил Кейси.

При этих последних словах виски, которое они пили, ударило Доналу в голову; и ему показалось, что стол и эти темные суровые лица, которые он видел перед собой, как будто поплыли в полумраке столовой, и могучий бас Кейси стал доноситься до него словно издалека.

Комната вокруг Хэла начала заполняться другими людьми, членами клана Гримов, жившими здесь до и после них, они садились за стол, вступали в разговор; голоса смешивались, и гул усиливался, воздух в комнате словно бы сгустился... и затем внезапно беседа за столом оборвалась. Все разом встали, намереваясь идти спать, поскольку завтра надо было рано вставать. Комната оказалась переполненной высокими могучими людьми и рокотом их голосов; голова у него пошла кругом.

Ему тоже пора было идти. Хэл повернулся, как ему показалось, в сторону двери, ведущей из

столовой в гостиную, но которой ему уже не было видно из-за заслонивших ее фигур. Спотыкаясь, он стал пробираться между ними, чувствуя, как силы покидают его.

Чьи-то крепкие руки подхватили его и помогли пройти сквозь этот туман призраков. Внезапно Хэл почувствовал на лице струю свежего воздуха, в грудь ударил порыв ветра. Его правая нога соскользнула со ступеньки, и он ощутил под собой пружинящую поверхность. Руки, что удерживали его, заставили остановиться.

— Дыши глубже, — приказал чей-то голос. — Еще глубже, еще!

Хэл подчинился; зрение постепенно стало проясняться, он снова увидел землю, небо и горы. Прямо перед ним был вход в Гримхаус, а рядом с ним, поддерживая его, стояла Аманда.

Глава 45

— Я лучше провожу тебя домой, — сказала Аманда. Все еще ошеломленный и растерянный, Хэл не протестовал. Он пребывал в этом состоянии всю дорогу почти до самого фал Моргана. Только у самого дома в голове его немного прояснилось, и он понял, что совершенно обессилен, как будто пережитое им крайнее напряжение высосало из него всю энергию до последней капли.

— Извини, — сказал он Аманде, когда, пошатываясь, наконец добрался до гостиной Фал Моргана. — Я не хотел создавать тебе проблем. Просто все это так неожиданно свалилось...

— Я знаю, — ответила она. Ее пристальный взгляд казался непроницаемым и почти жестким. — А теперь тебе нужно отдохнуть.

Словно беспомощного ребенка, она провела его из гостиной в комнату, которую Хэл занимал предыдущей ночью, и усадила на край кровати. И тут же шторы на окнах плотно задернулись, и комната погрузилась в полумрак.

— Теперь спи, — отчетливо донесся в сумраке до него голос Аманды.

Хэл услышал звук закрывающейся двери. Какое-то время он сидел на краю кровати, затем откинулся навзничь. Все еще испытывая озноб, повернулся на бок и натянул на себя лежавшее поверх постели тяжелое стеганое одеяло; в следующее мгновение он уже крепко спал.

Хэл проспал до самого утра следующего дня. Выбравшись из постели, он оделся и отправился на поиски Аманды. Он нашел ее в небольшом кабинете рядом с гостиной; за столом, уставленным стопками, как он предположил, сброшюрованных распечаток контрактов. Аманда внимательно смотрела на встроенный в крышку стола экран, по всей видимости внося корректировки в текст с помощью электронного карандаша. Оторвавшись от работы, она пристально посмотрела на него.

— Проходи. Как ты себя чувствуешь?

— Довольно муторно, — ответил Хэл.

— Тогда лучше садись. — Аманда положила на стол электронный карандаш, не отрывая внимательного взгляда от Хэла.

Хэл поспешил воспользоваться предложением и плюхнулся в мягкое кресло.

— Тебе несколько дней надо как следует отдохнуть, — сказала она. — Что я могу для тебя

сделать?

— Подскажи, как организовать мое возвращение в Омалу, — попросил он. — Я и так уже чересчур тебя обременяю.

— Когда ты начнешь обременять меня, я не стану от тебя это скрывать, — произнесла Аманда. — Что касается возвращения в Омалу, то ты пока для таких путешествий недостаточно окреп.

— Но мне нужно вернуться, — упрямо повторил он. — У меня там есть дело. Мне нужно встретиться с кем-нибудь, кто уполномочен говорить от лица Дорсая.

— Тогда тебе нужны Серые Капитаны.

Он удивленно уставился на нее.

— Кто?

Она улыбнулась.

— Это старое выражение. Между прочим, мы говорим именно «серые», а не «седые». Я даже не знаю, известно ли кому-нибудь, откуда оно пришло. Давным-давно, еще во времена Клетуса, слово «капитан» перестало использоваться для обозначения воинского звания, кроме как на космических кораблях. Теперь этим словом называют общепризнанного лидера — не важно кто, мужчина это или женщина, — того, кому люди

доверяют принимать решения. И первая, и вторая Аманда входили в число Серых Капитанов.

— А как насчет третьей? — Он с любопытством взглянул на нее.

— Третья тоже, — спокойно ответила она. — Но Серые Капитаны, как правило, не сидят в Омалу. Обычно они предпочитают находиться дома.

— Тогда я должен встретиться с каждым из них в отдельности и уговорить их собраться вместе, чтобы я мог обратиться ко всем сразу.

Несколько секунд Аманда молча разглядывала его.

— Если бы ты был в порядке, — наконец медленно произнесла она, — чего нет в действительности, и то так не следовало бы поступать. А в твоем нынешнем состоянии ты вообще не способен говорить с кем бы то ни было. Прежде всего тебе нужен отдых, не меньше недели.

Хэл покачал головой:

— Ну уж это слишком.

— Именно столько.

— В любом случае, — он уперся ладонями в подлокотники кресла, собираясь встать, — я не могу столько ждать...

— Нет, можешь.

— Ты не понимаешь. — Хэл убрал руки с под-

локотников. — Во-первых, я должен передать важное послание, адресованное всему дорсайскому народу, от экзотов. Но, что для меня гораздо важнее, я должен лично переговорить с этими Капитанами. Я хочу, чтобы они поняли, что то, к чему мы идем, может уничтожить все, чем дорожат дорсайцы, и много чего еще помимо этого... не знаю, как убедить вас...

— Ты уже сделал это, — отозвалась Аманда. Он обеспокоенно взглянул на нее.

— Ты мне все уже рассказал, — Аманда спокойно смотрела на него, и он снова поразился бездонной глубине ее бирюзовых глаз, — в ту первую ночь, когда мы приехали сюда.

— Все рассказал? — воскликнул он. — Все?

— Думаю, что все. — Она снова несколько секунд изучающе смотрела на него. — Я знаю, что тебе необходимо сделать, и, в отличие от тебя, знаю, как это сделать. Для того чтобы ты смог встретиться с Серыми Капитанами, они должны собраться в одном месте. И этим местом вполне может стать Форали.

— Форали? — удивился Хэл.

— А почему бы нет? — Она пожала плечами. — Там достаточно места для проведения подобной встречи, к тому же там сейчас никто не живет.

Аманда замолчала и откинулась в кресле. Он тоже какое-то время хранил молчание. От одной мысли о том, что ему придется говорить с этими людьми в Гримхаусе, у него все похолодело внутри.

— Я могу собрать для тебя Капитанов и заручиться, если этого потребует ситуация, поддержкой округа, — продолжила она. — Вся встреча займет не больше суток, если только кому-нибудь из них не захочется переночевать здесь, прежде чем пуститься в обратный путь.

Хэл заколебался:

— И ты думаешь, они приедут?

— Да, — без тени сомнения в голосе заявила Аманда. — Они приедут.

— Но я не могу... — Он старался подобрать слова.

— Не можешь что? Обременять? — Она мягко улыбнулась. — Это ведь делается для нашего же блага, не так ли?

— Да... — все еще смущенно проговорил Хэл, — конечно. И все же...

— Тогда все в порядке, — кивнула Аманда. — Я разошлю приглашения всем, кому нужно. А ты тем временем сможешь отдохнуть.

— Сколько времени потребуется, чтобы собрать

их здесь? — спросил он, чувствуя, что события развиваются для него слишком быстро.

— Если дело срочное, то шесть часов. — Она смотрела на него почти холодно. — Но в случаях, подобных твоему, когда особой срочности нет, потребуется по меньшей мере неделя для того, чтобы они смогли найти время и прибыть сюда. Так что через неделю ты сможешь переговорить с двумя третями из них.

— Разве этого достаточно? — удивился Хэл.

— Если тебе удастся убедить большую часть из них, — ответила она, — у тебя потом не будет никаких проблем. Каждый из них принимает решение совершенно самостоятельно, но все они — люди в высшей степени ответственные. Если твои доводы окажутся разумными, большинство из них прислушаются к тебе и передадут твои слова своим согражданам.

— Хорошо, — согласился он, хотя и не был до конца уверен в словах Аманды. К тому же этот в общем-то спокойный разговор очень утомил его.

— Тогда я сразу же займусь этим. — Она внимательно посмотрела на него. — Ты можешь сам приготовить себе что-нибудь поесть? А то у меня сейчас дел невпроворот.

— Ну конечно, — кивнул он.

На короткое мгновение улыбка озарило ее лицо, но в следующий же миг оно вновь обрело прежнее серьезное, деловитое выражение.

— Тогда все в порядке. — Аманда взяла в руку электронный карандаш и склонилась над экраном. — Если тебе что-нибудь понадобится, спрашивай, не стесняйся.

Хэл стоял, озадаченно разглядывая ее. Во всем этом было что-то странное. Когда он впервые появился здесь, Аманда встретила его вежливо, но вполне открыто. Сейчас же она стала и ближе и дальше одновременно, как-будто спряталась в панцирь, отгородившись от него. Он повернулся и на ватных ногах двинулся в кухню, чувствуя, что каждое движение дается ему с большим трудом.

Хэл поел, и тут же его неодолимо потянуло в сон. Он отправился в спальню и рухнул на постель; спустя некоторое время опять поднялся, поел и снова завалился спать.

Аманда оказалась права. Прошло целых три дня, прежде чем он почувствовал себя более или менее в порядке. Таким образом, неделя, отведенная для сбора Серых Капитанов, оказалась для него как нельзя кстати.

Но слабость, которая свалила его на этот раз,

отличалась от прежней. Безусловно, все еще сказывались последствия крайнего физического истощения, в котором он находился на Гармонии. И тем не менее причиной его нынешней слабости было нечто другое. Сначала Хэл приписал ее психическому перенапряжению, но потом засомневался в правильности объяснения.

Но Хэл был абсолютно уверен в том, что его нынешнее состояние непосредственно связано с визитом в Гримхаус.

Так что же на самом деле произошло там, в столовой? И объяснение могло быть любым.

Одно из них, поддающееся логическому анализу, заключалось в том, что он нашел в Гримхаусе то, ради чего и приехал туда, а именно понимание семьи Гримов, и в частности Донала, но оно оказалось настолько глубоким, что на какой-то момент он, по крайней мере субъективно, как бы оживил эпизод из жизни Донала. Но было и другое объяснение, при мысли о котором у него поднимались волосы на загривке и по спине пробегала дрожь. Хэл упорно гнал его от себя, хватаясь за спасительную первую версию.

Но все равно приходил к некоему провалу, к какому-то качественному скачку, который вносил в эти рассуждения что-то неизвестное и необъяс-

нимое, почти магическое, и именно это нечто и было повинно в том, что с ним произошло.

Но разве в создании любого произведения искусства не присутствует тот же качественный скачок или магия? Вы можете проследить творческий процесс лишь до определенного предела, а затем происходит что-то, не поддающееся определению, в результате чего и появляется произведение искусства.

Точно так же и Хэл столкнулся с этим качественным скачком сначала в своем сне о похоронах Джеймса, еще там, на Гармонии, а затем в спальне Донала; но ярче всего это проявилось в столовой. Проще всего было бы объяснить все самогипнозом или разыгравшимся воображением. Но в глубине души он и сам не верил в это, а лишь смутно догадывался, в чем тут дело. Он это чувствовал так же, как порой осознавал, что за написанной им стихотворной строкой скрывается нечто большее, нежели просто суммарный смысл составляющих ее слов. Истинная поэзия, использующая этот качественный скачок, открывала дверь в другую вселенную, которую он мог бы ощутить так же реально, как тогда ощущал себя Доналом.

И в этом смысле те короткие мгновения в

столовой Гримхауса вмещают в себя гораздо больше, чем все хранящиеся в его подсознании воспоминания о том, что он когда-либо слышал о Гримхаусе. В глубине души, так глубоко, что никакие сомнения не могли поколебать этой уверенности, он знал — как знал, что живет, — что сцена, свидетелем которой он стал в столовой, была не просто реконструкцией возможных событий в ночь после выпуска Донала из Академии, а тем, что происходило там в действительности.

В последующие день или два, по мере того как слабость постепенно оставляла его тело и восстанавливались запасы физической и психической энергии, он стал больше интересоваться Амандой. Обычно она вставала очень рано и первым делом наводила порядок в доме, в конюшне и на всей территории усадьбы, а к десяти часам уже сидела в своем кабинете, работая над контрактами, — обычно до поздней ночи, не считая коротких перерывов на телефонные звонки, для приема пищи и мелких домашних дел, да редких деловых поездок за пределы усадьбы.

Ее работоспособность была просто поразительной. Чем бы Аманда ни занималась, у нее ко всему был выработан свой наиболее рациональный подход. И в то же самое время в ее действиях

не было заметно никакой заученности или автоматизма, которые можно было бы ожидать при столь продуманной организации труда; наоборот, все ее движения были легки, как дыхание, и полны непринужденной грации истинного художника, создающего свои творения.

Но совесть все-таки мучила его, и на второй день утром Хэл перехватил ее по дороге на конюшню.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Я скажу тебе, если понадобится, — довольно резко ответила Аманда, затем, посмотрев на него, смягчилась. — Фал Морган — моя забота. Понятно?

— Да, — кивнул он и посторонился, пропуская ее.

На третий день к нему почти полностью вернулись прежние силы и энергия. Большую часть дня он только читал и размышлял, но к вечеру в нем стала нарастать жажда деятельности, неотвратимо, как растет уровень воды в перегороженной плотиной реке. После ужина Аманда по своему обыкновению отправилась в кабинет, а он снова попробовал читать, но мысли его разбегались. Его мучили вопросы, на которые он не мог получить ответа. За эти последние дни

он почувствовал, что его все больше и больше тянет к ней, при этом что-то говорило ему, что его чувства находят у нее какой-то отклик. Но если это и так, то после поездки в Форали Аманда по совершенно непонятной ему причине стала все больше и больше отдаляться от него, скрываясь за домашними делами и работой.

После почти трех дней бесконечных размышлений об одном и том же все его естество взбунтовалось против столь затянувшегося безделья. Поужинав, Хэл направился в кабинет Аманды.

Но когда заглянул в приоткрытую дверь, то увидел, что она еще работает. В кладовке рядом с кухней он отыскал толстый свитер, оказавшийся вполне подходящим по размеру; надев его, он вышел во двор.

Сначала Хэл собирался прогуляться поблизости от дома. Высоко в небе светила одинокая, почти полная дорсайская луна, и все вокруг было залито чистым ярким светом. Он подошел к краю уступа, на котором располагался Фал Морган, и окинул взглядом лежащую под ним лощину. Его внимание привлекла игра света и тени внизу, а также каменистый склон на противоположной стороне лощины, и он начал осторожно спускаться вниз.

Хэл нисколько не боялся заблудиться. Окру-

жающие его горные вершины были хорошо видны отовсюду и служили отличными ориентирами, особенно для человека, родившегося в схожей местности. Он пересек привлекшую его внимание лощину и начал взбираться по ее противоположному склону, усеянному камнями.

Хэл совсем забыл о времени. После нескольких дней, проведенных в блужданиях из комнаты в комнату, эта прогулка на открытом воздухе была для него чистым наслаждением. Он совершенно забыл то чувство восторга, которое испытывал, мальчишкой бродя по Скалистым горам; он ни разу не вспомнил о нем даже во время горных походов на Гармонии. И теперь оно вернулось к нему вновь. Возвышающиеся над ним на фоне озаренного лунным светом горизонта горные вершины вовсе не казались зловещими или чужими; наоборот, здесь так же, как и на Земле, в тени этих гостеприимных гигантов он ощущал такую свободу, какую не мог найти больше нигде. Его шаг сделался шире, дыхание стало полным и глубоким; откуда-то из глубины возникло страстное желание позабыть обо всех этих великих целях и предназначениях и просто жить, работая, в каком-нибудь месте, подобном этому.

Очнувшись наконец от своих грез, он спохва-

тился, что гуляет уже по меньшей мере два часа. В ночном воздухе как-то незаметно похолодало, и он почувствовал, что продрог, несмотря на энергичные движения и толстый свитер. К тому же, вернувшись к реальности из страны грез, навеянных горными вершинами, он вдруг ощутил сильную усталость и повернул обратно в Фал Морган.

В доме царила тишина, вполне естественная для столь позднего часа. Аманда наверняка уже кончила работать и давно спит.

Но, оказавшись в коридоре, Хэл с удивлением обнаружил, что в гостиной все еще горит свет. Потом, заметив своеобразную мягкость и неровность освещения, понял, что это догорает огонь в камине; это было так не похоже на Аманду — ложиться спать, не загасив камин.

Может, она специально оставила камин для него, а может, сама еще там, в гостиной. Хэл осторожно двинулся дальше, но не успел дойти и до середины коридора, как услышал ее голос; она тихо, как будто про себя, что-то напевала в освещенной пламенем камина комнате.

Он растерялся и замер на месте; потом снял ботинки и совершенно неслышно, как во время тренировочных занятий по отработке движе-

ний, стал прокрадываться вперед, ко входу в гостиную.

Огонь в камине едва теплился; лишь изредка на крупных поленьях в самой его глубине вспыхивали длинные языки пламени, отбрасывая красноватые отблески на пол гостиной. Аманда сидела прямо перед камином на темно-красном прямоугольном ковре, скрестив ноги и положив на колени ладонями вверх расслабленные руки, и глядела на огонь; возле нее стояла полупустая чашка чая с молоком, если судить по светлому оттенку напитка, поскольку кофе она пила только черный.

В свете отблесков пламени она казалась тонкой, стройной тенью. Хэл видел главным образом ее профиль, чуть-чуть повернутый вперед. На ней были темно-коричневые рабочие брюки и мягкая желтая рубашка, в которой он видел ее во время обеда, но сейчас воротник рубашки был расстегнут. Волосы, обычно скрепленные на затылке, были распущены. Аманда сидела с задумчивым видом, слегка наклонив голову к огню. Он стоял настолько близко от нее, что в тишине дома до него отчетливо доносились слова песни, которую она негромко напевала своим чистым мелодичным голосом.

...Водных струй зеленый отблеск на лице твоем.

У подножья водопада мы с тобой вдвоем.

Дремлет пруд под сенью ивы... Сон уже забыт.

Утра яркий свет и птиц призывный свист...

Хэл резко отпрянул назад в темноту коридора, не желая дальше подслушивать. Это было все равно как если бы он увидел ее обнаженной. Так же тихо он вернулся обратно на кухню и остановился в нерешительности.

Доносящееся из гостиной тихое пение прекратилось. Хэл глубоко вздохнул, снова надел ботинки, затем беззвучно прокрался к двери, через которую перед этим вошел в дом. Тихонько открыв ее, затем с шумом захлопнул и, ступая обычным шагом, направился по коридору к гостиной.

Когда он вошел, Аманда стояла возле камина, повернув голову в ту сторону, откуда он появился. Ее взгляд упал на свитер, который был на нем надет, и Хэл заметил, что глаза ее слегка округлились.

— Я выходил прогуляться, — объяснил он. — Я взял его с вешалки. Надеюсь, я не сделал ничего непозволительного?

— Все в порядке, — сказала она. Потом после секундного колебания добавила:

— Это свитер Яна Грима.

— Неужели?

— Да. Он как-то зимой сам связал его. — Аманда мягко улыбнулась. — В зимнюю пору, когда вся усадьба погребена под снегом, мы стремимся хоть чем-то занять свои руки.

Она снова на секунду замолчала.

— Похоже, ты ожил? — Ее глаза, в свете камина ставшие совсем темными, внимательно смотрели на него.

— Да. И сейчас очень хочу спать. — Хэл улыбнулся ей в ответ. Их глаза на мгновение встретились. — Спокойной ночи, — произнес он и направился через комнату к коридору, ведущему в его спальню; он услышал за спиной ее ответное «спокойной ночи».

Войдя в спальню, Хэл закрыл дверь и вдруг ощутил на плечах тяжесть свитера. Он стянул его, затем разделся и повалился навзничь на постель. Когда он провел рукой над прикроватным столиком, датчик послушно выключил освещение, и

вся комната погрузилась в темноту.

Некоторое время Хэл просто неподвижно лежал на своей постели. Вскоре он услышал звук ее шагов — Аманда прошла по коридору мимо его двери в спальню. Наконец в доме воцарилась тишина. Он продолжал лежать без сна, глядя в темноту; сердце его разрывалось от тоски и грусти, о причине которых он не осмеливался даже думать.

Глава 46

На следующий день по дорсайскому календарю было воскресенье. Аманда решила объехать несколько ближайших поместий. Их владельцы предложили свою помощь в проведении встречи с Серыми Капитанами в Форали. Хэл отправился вместе с ней.

Возвращаясь после обеда в фал Морган, Аманда немного отклонилась от маршрута, чтобы заехать на смотровую площадку — покрытый травой плоский уступ. Они спешились, и Аманда достала из седельной сумки бинокль.

— Садись, — сказала она Хэлу и первая опустилась на траву, скрестив ноги.

Он сел рядом и взял протянутый ею бинокль.

— Посмотри туда. — Она показала рукой куда-то вниз мимо Гримхауса, крыши которого виднелись слева в тысяче метров под ними.

Хэл приложил бинокль к глазам и увидел небольшую, окруженную деревьями зеленую поляну метрах в восьмистах ниже усадьбы.

— Вижу, — отозвался он. — Что это такое?

— Здесь первоначально располагалась усадьба

Форали. Тогда ею владел Ичан Хан. Когда Клетус женился на его дочери Мелиссе, он построил Гримхаус там, где ты видишь его сейчас. Через некоторое время к ним переехал Ичан Хан и Форали опустел, хотя еще год или два там все оставалось по-прежнему. Вероятно, Ичан все не мог решить, что ему делать с ним дальше. Но однажды ночью случился пожар, и усадьба сгорела. С тех пор главной усадьбой Форали стал Гримхаус.

— Понятно, — кивнул Хэл.

— Мы могли бы туда спуститься, — продолжила Аманда, — но смотреть там особенно не на что; к тому же сверху отсюда ты можешь получить более полное представление о том, как выглядела раньше усадьба.

— Хорошо, — согласился он и протянул ей бинокль.

— Нет. Оставь его пока у себя, — сказала она. — Посмотри вон туда — отсюда можно увидеть даже Фал Морган, по крайней мере крыши некоторых из его строений.

— Да, верно. — Хэл снова приложил к глазам бинокль, потом опустил его и опять посмотрел на Аманду. Конечно, она имела все основания предположить, что его заинтересует предысто-

рия Форали и все с нею связанное. И все же он чувствовал: помимо этой, лежащей на поверхности причины есть и другая, не явная.

— Клетус вернулся именно сюда, в первую усадьбу Форали, после того как на планету вторглись войска Доу де Кастриса, — сказала Аманда. — Это тебе известно?

Хэл кивнул.

— Это ведь было очень давно, не так ли? — ответил он. — Около двух столетий назад, когда Земля была расколота на Альянс и Коалицию. Доу принадлежал к числу лидеров Коалиции. Он убедил правительства обоих союзов объединить свои армии под его командованием для того, чтобы он мог завоевать другие планеты. Клетус Грим выступил против Доу. Тогда Доу организовал целую серию контрактов и, когда все опытные воины покинули Дорсай, вторгся на планету, но был остановлен женщинами, стариками и детьми.

Он улыбнулся.

— До сих пор некоторые историки считают, что Доу следовало бы перерезать себе глотку. Ведь это просто немыслимо — отборные войска терпят поражение от гражданского населения!

— Ты никогда не задумывался, почему так произошло? — спросила Аманда.

— Нет, — сразу посерьезнев, ответил он. — Я впервые услышал об этом от Малахии, когда был еще ребенком. И не увидел здесь ничего неестественного, ведь речь шла о дорсайцах.

— Одной только репутацией многого не добьешься, — пожала плечами Аманда. — Каждый регион — у нас тогда еще не было Кантонов — должен был сам решить, как строить свою оборону. Клетус оставил двух своих заместителей — Арвида Джонсона и Билла Этайера, да еще шестерых человек, имеющих специальную подготовку. Оказавшись перед угрозой вторжения, Аманда и другие столь же уважаемые всеми жители региона собрались вместе и рассмотрели несколько вариантов плана обороны.

— И все же... Что было дальше? — спросил он. — Я должен это знать.

— Хорошо, — кивнула Аманда. — Я расскажу тебе. История оказалась весьма простой. Войска Доу высадились на острове и расположились лагерем рядом с Форали-Тауном. Аманде Первой удалось добиться от их командира разрешения на продолжение работы местного завода. Однако, как и было задумано, в атмосферу города и прилегающих окрестностей было выброшено огромное количество паров карбонила нике-

ля. Концентрации этих паров в пределах даже одной десятитысячной доли процента вполне достаточно для того, чтобы вызвать у человека аллергический дерматит и необратимый отек легких и через небольшой отрезок времени — неминуемую смерть.

Некоторое время подозрения захватчиков усыпляло то обстоятельство, что жители Форали-Тауна болели и умирали наравне с солдатами. Даже когда военные наконец поняли, в чем тут дело, им было трудно поверить, что горожане предпочли заплатить своими жизнями за гибель захватчиков.

Случилось так, что Клетус, прибыв на Дорсай, оказался в руках Доу, и тот заточил его в усадьбе Форали под охраной отряда еще здоровых солдат. Аманде вместе с восемью профессиональными военными, оставленными Клетусом, и группой вооруженных подростков удалось освободить Грима.

Каким бы захватывающим ни был рассказ девушки, основное внимание Хэла было приковано не к его содержанию, а к тому, как Аманда рассказывает о событиях далекого прошлого — как будто она сама принимала в них участие. У него снова возникло ощущение, еще более сильное,

чем раньше, что за потоком слов скрывается нечто большее, что она пытается сообщить ему о чем-то, чего он до сих пор так и не сумел понять. Он даже разозлился на себя за свою непонятливость.

Он сидел возле нее под ярким утренним солнцем, слушая рассказы не только об обороне округа Форали, но также о смерти Кейси на Сент-Мари. Пока они беседовали, наступил полдень; когда же они вновь въезжали во двор Фал Моргана, Фомальгаут был уже на половине пути к закату.

На следующий день, в понедельник, Аманда отправилась в деловую поездку; весь вторник она отсутствовала в Фал Моргане, занимаясь организацией подготовки Гримхауса к переговорам. Хэл все это время оставался в Фал Моргане, размышляя над загадкой Аманды и над тем, что он скажет, чтобы убедить Серых Капитанов. Из-за какого-то суеверного чувства, которое, как ни странно, похоже, оказалось понятным Аманде, он не хотел появляться в Форали до начала официальных переговоров.

К вечеру вторника начали прибывать Капитаны из наиболее отдаленных районов; в Гримхаусе их встречали Аманда и соседи, согласившиеся помочь ей. Лишь поздно ночью у Хэла появилась

возможность повидаться с ней.

— Что ты имела в виду в прошлый раз, когда сказала, что мне надо будет постараться убедить большинство из тех, кто приедет на переговоры? — спросил он, когда они уселись у камина в гостиной. — «Большинство» — это сколько процентов?

Аманда оторвала взгляд от языков пламени и мягко улыбнулась.

— Если ты сумеешь заручиться поддержкой семидесяти процентов прибывших, успех твоей миссии обеспечен, — сказала она. — Голоса тех, кто не сможет явиться на переговоры, после того как они побеседуют с непосредственными участниками встречи, распределятся примерно в такой же пропорции.

— Семьдесят процентов, — эхом повторил за ней Хэл; он медленно вертел в руках низкий стакан из толстого стекла, глядя на огонь сквозь коричневатую жидкость, которую едва успел пригубить.

— И пожалуйста, не жди чудес. — Повернув голову, он увидел, что она в упор смотрит на него. — Никому еще в жизни, за исключением Клетуса и, может быть, Донала, не удавалось заполучить все голоса. Семидесяти процентов

тебе вполне хватит. Будь доволен и этим. Я уже говорила тебе, что на Дорсае все привыкли думать собственной головой, а к Серым Капитанам это относится в еще большей степени, чем к кому бы то ни было.

Он согласно кивнул.

— Ты уже знаешь, что собираешься сказать? — после короткой паузы продолжила она.

— Прежде всего то, что просили передать экзоты, — ответил он. — Что касается остального, то у меня пока нет никакого плана.

— Достаточно будет того, о чем ты рассказывал здесь мне в первый свой вечер, — сказала она. Хэл удивленно посмотрел на нее:

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверена, — кивнула Аманда. Он продолжал испытующе смотреть на нее, стараясь вспомнить все, о чем говорил тогда.

— Боюсь, я не помню точно, о чем мы разговаривали, — медленно произнес он.

— Ты обязательно вспомнишь, — заверила его Аманда. Ее слова все еще звучали у него в ушах, когда она поднялась, держа в руке полупустой стакан.

— Ладно. Мне пора спать. — Секунду она молча смотрела на него и затем добавила:

— Думаю, тебе тоже.

— Хорошо, — согласился Хэл. — Хотя, пожалуй, я еще немного посижу. Заодно присмотрю за огнем.

— Смотри только, чтобы экран был на месте...

Аманда вышла. Он посидел в одиночестве еще минут двадцать, потом, протянув руку, провел ею над датчиком экрана и затем встал. Экран вплотную придвинулся к очагу; огонь в камине, лишенный притока кислорода, почти сразу же начал гаснуть и вскоре потух совсем. Хэл допил свой стакан, отнес его в кухню и пошел спать.

Переговоры в Форали должны были начаться через час после обеда. За полчаса до этого Хэл и Аманда сели на лошадей и выехали из фал Моргана.

У него не было особого желания общаться, и, похоже, Аманда решила оставить его наедине со своими мыслями. Он ожидал, что его голова будет гудеть от всевозможных доводов, которые он мог бы использовать в ходе переговоров. Но вместо этого он ощущал удивительное спокойствие и полную отстраненность от ситуации, которая ждала его впереди.

Хэл счел разумным не противиться этому настроению и целиком отдался окружающим его

звукам, запахам и созерцанию ландшафта.

Когда они достигли склона, на котором расположился Гримхаус, то увидели припаркованные перед особняком с полдюжины небольших челноков, приспособленных для полетов в атмосфере и в космосе. Оставив лошадей в загоне, Аманда и Хэл вошли в дом через главный вход.

В гостиной, сидя в стоящих рядом мягких креслах, мирно беседовали двое: темнокожая женщина с суровым лицом и орлиным носом и невысокий розовощекий мужчина; обоим на вид было не меньше шестидесяти.

— Мириам Сонгаи, Рурк ди Фачино, — представила их Аманда, — а это — Хэл Мэйн.

— Очень приятно, — скороговоркой по очереди пробормотали все трое.

— Я пойду соберу людей. — Ди Фачино поднялся с кресла и направился в коридор. Аманда осталась с Хэлом.

— Значит, ты тот самый парень. — У Мириам оказался неожиданно низкий и звучный голос.

— Я самый, — подтвердил Хэл.

— Садись, — велела она. — Они придут еще не скоро. Откуда ты родом?

— С Земли, со Старой Земли, — сказал Хэл, усаживаясь напротив Мириам.

— И как давно ты ее покинул? Расскажи мне о себе, — попросила она, и Хэл принялся излагать ей кое-какие факты из своей биографии.

Но его рассказ без конца прерывался людьми, по одному и по двое входившими в гостиную, и официальное представление каждый раз повторялось снова. Вскоре Хэл обнаружил, что находится в комнате, уже почти до отказа забитой народом.

— Все в сборе? — уточнил высокий мужчина лет восьмидесяти, не меньше, с мертвенно-бледным лицом. Правда, голос его был на удивление сильным и чистым. — Тогда давайте пройдем в столовую и начнем.

У самого входа в столовую Хэлом вдруг овладело замешательство, но почти сразу же прошло. Сейчас эта просторная длинная комната уже не напоминала то освещенное мерцающим янтарным светом помещение, в котором могли водиться привидения. Шторы наконец-то были раздвинуты, и столовую заливал беспощадный белый свет Фомальгаута, в котором все живые и неживые объекты приобретали необычайно резкие очертания и удивительную рельефность. Очутившись внутри, Хэл увидел Аманду, стоящую возле единственного стула в торце стола;

она кивком подозвала его.

Хэл сел на предложенный стул. Аманда расположилась через несколько человек справа от него. Комната быстро заполнялась народом, и вскоре свободных мест за столом уже не было.

Глава 47

Хэл сидел перед ними, глядя в застывшие в ожидании лица. И вдруг на него снизошло озарение, какого раньше он никогда еще не испытывал.

Позже подобные состояния станут для него привычными, но в тот раз это случилось с ним впервые. Ему представилось, что вся Вселенная замерла в неподвижности, и в это мгновение он увидел окружающее как бы с двух точек зрения — своими глазами и одновременно со стороны. Он был и наблюдателем и объектом наблюдения одновременно. В первый раз он подумал о себе как о ком-то принадлежащем другому, постороннему миру. На какую-то долю секунды его отчужденность от собственного «я» стала абсолютно полной, и в это неуловимое мгновение его отстраненный и пытливый разум обрел способность бесстрастно взвесить все обстоятельства, приведшие к этой встрече, включая и его собственную роль.

Совершенно поглощенный своим новым поразительным ощущением, Хэл, что было ему совсем несвойственно, на какое-то время совершенно

забыл о сидящих перед ним людях, и Рурк ди Фачино, занявший место в дальнем конце стола слева от Хэла, прервал затянувшуюся паузу, обратившись к Аманде:

— Итак, Аманда? Ты упомянула, что у тебя были серьезные причины пригласить нас на эту встречу. Ну вот, мы здесь.

В столовой оказалась удивительная акустика. Ди Фачино произнес свою фразу, не повышая голоса, но его слова, несмотря на разделяющее их расстояние, донеслись до Хэла с удивительной отчетливостью.

— Я сказала, Рурк, что нам следует выслушать Хэла Мэйна, — ответила Аманда. — Прежде всего — он привез послание от экзотов с Мары. Но кроме того, у нас могут оказаться и другие причины для того, чтобы отнестись к нему со вниманием.

— Хорошо, — кивнул ди Фачино. — Я сказал это только потому, что Морганы, как говорят, и прежде — не в обиду будь сказано — не раз, бывало, видели то, чего на самом деле нет.

— А может, — возразила Аманда, — они просто видели то, что по своей слепоте не сумели разглядеть другие. Тоже не в обиду будь сказано.

Они обменялись улыбками, как добрые старые враги. Глядя на собравшихся за столом, Хэл,

все еще находившийся в плену собственных ощущений, тем не менее заметил, что Аманда выделяется среди присутствующих, как ослепительный маяк в цепочке менее ярких сигнальных огней. Средний возраст Серых Капитанов был явно за пятьдесят; она же своим юным видом производила впечатление молоденькой девушки, тайком пробравшейся на семейный совет взрослых и ждущей, что ее с минуты на минуту разоблачат.

— В любом случае, — прогремел голос Мириам Сонгаи, — мы, дорсайцы, не испытываем никакого предубеждения к людям, обладающим повышенной чувствительностью, поскольку это зачастую нельзя ни измерить, ни взвесить, ни даже определить.

Она повернулась к Хэлу:

— Так что это за послание от экзотов?

Хэл оглядел сидящих перед ним в немом ожидании людей. Общее выражение их лиц разительно отличалось от выражения лиц пятерых экзотов, оппонировавших ему на Маре. Они были удивительно спокойны. Те пятеро тоже выглядели внешне спокойно, но внутри каждого из них ощущался какой-то разлад, неуверенность. Дорсайцы были у себя дома, и именно им предстояло при-

нять решение. Хэл почувствовал себя одиноким и беспомощным, он вдруг испугался, что не сможет убедить их.

— Я как раз собирался отправиться на Дорсай, — начал он, — но получилось так, что сначала я попал на Мару, и поэтому экзоты оказались первыми, к кому я обратился...

— Минутку, — перебил его крупный мужчина лет пятидесяти с лишним с жесткой щеткой седых волос на голове и восточными чертами лица. Секунду покопавшись в памяти, Хэл вспомнил имя, которое назвала Аманда, когда представляла их друг другу — Ке Гок или К'Гок, во всяком случае так ему послышалось. — Почему они поручили доставить это послание тебе вместо того, чтобы отправить его с кем-нибудь из своих?

— Я могу рассказать, о чем они сообщили мне, — ответил Хэл. — Аманда уже, возможно, говорила вам, что я был воспитан тремя воспитателями, и один из них был дорсайцем...

— Между прочим, — прервал его звонкий голос Аманды, — кто-нибудь здесь знает семью Насуно? У них еще поместье на Скалланде.

Последовала секундная пауза; затем мужчина с белым как полотно лицом, чье имя каким-то непостижимым образом ускользнуло из памяти

Хэла, несмотря на все его мнемонические способности, задумчиво произнес:

— Скалланд — один из островов моей зоны. Я знаю, ты уже спрашивала меня об этом, когда позвонила. Но на тот момент мне так и не удалось вспомнить никого под этой фамилией. Но это вовсе не значит, что они там не жили.

— И все же, — настаивал Ке Гок, — я хотел бы услышать, почему все-таки экзоты решили, что человек, воспитанный дорсайцем, будет наиболее подходящей кандидатурой, чтобы от их имени вести переговоры с нами.

— Другими моими воспитателями были маранец и квакер с Гармонии, — ответил Хэл. — Похоже, они считали, что человек, воспитанный в духе трех культур, сможет найти лучший контакт с вами, нежели кто-нибудь из них.

— И все же странно, — не успокаивался Ке Гок, — что два мира, имеющие в своем распоряжении опытных дипломатов, прибегают к услугам совершенно постороннего человека с Земли.

— Кроме того, они произвели расчеты, — добавил Хэл, — которые, похоже, указали на мою возможную историческую пользу в данный отрезок времени.

Он упомянул об этом с большой неохотой, из опасения вызвать чувство предубеждения, свойственного людям с практическим складом ума, к теоретическим долгосрочным онтогенетическим изысканиям экзотов. Однако никто из присутствующих не проявил никакого неудовольствия. Ке Гок тоже промолчал.

— Таким образом, — сказала стройная миловидная женщина по фамилии Ли с большими внимательными карими глазами и черными с проседью волосами, — они сочли, что ты мог бы оказаться исторически полезной личностью?

— Полезным в данной конкретной исторической обстановке — в частности, в ситуации, возникшей в связи с Иными, — ответил он. — В ситуации, которая тревожит и меня самого; именно об этом я и хотел поговорить с вами после того, как передам вам послание экзотов...

— Я думаю, мы обязательно выслушаем все, что ты собираешься сообщить нам, — прервала его Ли, — но сначала некоторым из нас хотелось бы задать тебе кое-какие вопросы.

— Разумеется, — кивнул Хэл.

— В таком случае правильно ли я тебя поняла? — продолжила Ли. — Экзоты обеспокоены проблемой Иных; и они послали тебя к нам, по-

скольку считают, что ты лучше, чем кто-либо из них, сможешь убедить нас в правильности их точки зрения на создавшуюся ситуацию?

Хэл глубоко вздохнул.

— Так оно и есть, — согласился он.

Ли с задумчивым видом откинулась на спинку стула.

— Итак, Аманда? — спросил ди Фачино. — Какова твоя роль в этом плане навязать нам точку зрения экзотов?

— Рурк, — возмутилась Аманда, — ты же сам знаешь, что это полнейшая чепуха.

Тот только улыбнулся:

— Я просто спросил.

— Тогда держи свои вопросы при себе, — парировала Аманда, — и не отнимай у нас время.

Она оглядела присутствующих. Больше никто из них не пожелал высказаться. Она посмотрела на Хэла.

— Продолжай, — сказала она.

Хэл обвел взглядом сидящих за столом. По их лицам невозможно было ничего прочесть. Он собрался с духом и начал:

— Я полагаю, нет смысла тратить ваше время, пересказывая вам то, что вы и так уже знаете. Межзвездное сообщество сейчас почти полно-

стью находится под контролем Иных, и ни для кого не секрет, к чему они стремятся. Они рвутся к полной и безграничной власти, а для этого им нужно избавиться от тех, кто никогда не будет сотрудничать с ними — от части квакеров и, в сущности, от всех экзотов и дорсайцев. Экзоты считают, что Иных необходимо остановить сейчас, пока еще есть время. По их мнению, только дорсайцы способны сделать это; и они послали меня передать вам: в случае если вы согласитесь, они готовы оказать вам любую поддержку.

Он сделал паузу.

Все продолжали выжидающе смотреть на него.

— Каким образом, по их мнению, мы можем остановить Иных? — воскликнул Ке Гок. — Им не приходило в голову, что мы бы уже давно это сделали, если бы знали как?

На мгновение за столом повисла тишина. Хэл хотел было еще что-то сказать, но передумал.

— Подожди, — бледнолицый старик пристально смотрел на него, — не думают же они... Они что, опять предлагают нам роль наемных убийц?

Это прозвучало как оглушительный хлопок хлыста. Хэл обвел взглядом внезапно посуровевшие лица.

— Мне очень жаль, но я считал себя обязанным

донести это послание до вас. Я им сразу сказал, что вы никогда не пойдете на это.

Еще секунду в комнате стояла тишина.

— А почему ты считал себя обязанным? — нарушила молчание Мириам Сонгаи.

— Это давало мне возможность встретиться с вами и рассказать о том, как я сам думаю можно бороться с Иными, — терпеливо объяснил Хэл.

Снова секундная пауза.

— Возможно, — произнес ди Фачино очень тихо, но тем не менее его голос отчетливо слышался на обоих концах длинного стола, — они не понимают, что наносят нам оскорбление.

— В эмоциональном плане, возможно, и не понимают, — ответил Хэл. — Но даже если бы и понимали, для них это не имело бы значения. Они все равно были бы вынуждены задать вам этот вопрос, потому что не видят другого выхода из создавшегося положения.

— Он хочет сказать, — вмешалась Аманда, — что экзоты чувствуют себя совершенно беспомощными, а в беспомощном состоянии люди готовы прибегнуть к любым мерам.

— Передай им от нашего имени, — начал бледнолицый старик, — что они могут еще раз обратиться к нам со своей просьбой, как только

наплюют на собственные принципы, которыми руководствовались на протяжении трех столетий. Но все равно наш ответ будет тот же — мы от своих принципов не отказываемся.

Он оглядел комнату.

— Что у нас останется, если мы пойдем на это ради собственного спасения? К чему тогда все эти прожитые столетия безупречно честной жизни? Если мы сейчас согласимся стать наемными убийцами, это будет означать, что мы не только перестали быть дорсайцами, но никогда ими и не были!

Никто ни словом, ни жестом не выразил своего одобрения, но, судя по выражениям лиц собравшихся за столом, было ясно: это мнение разделяют абсолютно все.

— Хорошо, — кивнул Хэл, — я передам им ваши слова. А сейчас я хотел бы спросить, раз уж все вы собрались здесь, что вы сами намерены предпринять в отношении Иных, пока они не уморили вас голодом?

Он посмотрел на Аманду. Та сидела, слегка откинувшись на стуле и молча наблюдая за происходящим. Первой паузу нарушила Мириам Сонгаи:

— Разумеется, у нас нет никакого плана. У тебя

же, по всей видимости, он есть. Так что рассказывай.

Хэл вздохнул и оглядел присутствующих.

— У меня тоже нет никакого конкретного плана. Но мне кажется, я располагаю информацией, на основании которой такой план может быть разработан. В основе его лежит понимание той исторической ситуации, что привела к столь значительному успеху Иных. В сущности, то, с чем мы столкнулись сейчас, это последний акт драмы человеческой эволюции; и появившиеся на сцене Иные представляют для нас реальную угрозу, поскольку они отстаивают одну позицию, характерную для расы в целом, а мы — вы, дорсайцы, экзоты, Истинные Хранители Веры в Квакерских мирах и некоторые представители других миров — придерживаемся прямо противоположной. Естественные исторические силы, определяющие человеческую эволюцию, неотвратимо подталкивают этот конфликт в сторону окончательной развязки. То, с чем нам предстоит иметь дело, это не просто амбиции Иных; нам грозит в ближайшем будущем настоящий Армагеддон...

Он продолжал говорить. Они внимательно слушали. В ярком солнечном свете, заливающем столовую сквозь широкие окна, гладкая

поверхность длинного стола блестела, как отполированная ветрами глыба льда; казалось, что замершие в неподвижности вокруг стола Серые Капитаны вырезаны из какого-то монолита и пребывают здесь вечно.

Хэла очень смущало полное отсутствие каких-либо признаков, свидетельствующих о том, что его слова доходят до них. Произносимые им слова срывались с его губ только для того, чтобы тут же умереть в тишине, натолкнувшись на глухую стену непонимания.

Он украдкой взглянул на Аманду в надежде, что она хоть как-нибудь подбодрит его, но и эта надежда не оправдалась. Он не увидел даже едва заметного кивка; ее ответный взгляд был столь же невыразительным. Хэл внутренне смирился и постарался побыстрее завершить свое выступление.

Какое-то мгновение Капитаны молчали. Затем все зашевелились на своих местах. Кто-то закашлял, прочищая горло.

— Хэл Мэйн, — наконец произнесла Мириам Сонгаи. — А что ты сам предполагаешь делать? Я хочу спросить, какими ты видишь свои дальнейшие шаги?

— Отсюда я отправлюсь на Абсолютную Эн-

циклопедию, — ответил он. — За информацией, которая может мне понадобиться для более четкого понимания ситуации. Как только я получу полную картину, я смогу предложить вам конкретный план действий.

— А что в это время делать нам? — насмешливо поинтересовался Ке Гок. — Сидеть и ждать твоих указаний?

Хэла захлестнуло отчаяние. Он снова потерпел фиаско; уже никакая магия, никакие призраки не помогут ему. Такова жестокая реальность — непонимание людей, способных видеть только то, что им уже хорошо известно. Внезапно в нем прорвалось раздражение — как-будто чья-то могучая рука легла ему на плечо и с силой толкнула вперед.

— Я думаю, в таком случае вы можете сидеть и ждать указаний от кого-нибудь еще, — услышал он собственный ледяной голос.

Его звук поразил Хэла. Голос принадлежал ему, да и слова были вполне обычными, но вырвались они откуда-то из самой глубины его души. Они прозвучали так же странно, как те призрачные голоса, которые он слышал в этой столовой несколько дней тому назад. Хэл чувствовал себя так, словно им изнутри управляла какая-то сила.

— Если мне повезет и я окажусь первым, кому удастся взять ситуацию под контроль, — продолжал он тем же жестким тоном, — то указания и в самом деле могут поступить от меня.

— Только не обижайся, Хэл Мэйн, — сказал ди Фачино, — но могу я поинтересоваться, сколько тебе лет?

— Двадцать один, по стандартному времени, — ответил Хэл.

— Не кажется ли тебе, — продолжал ди Фачино, — что ты просишь людей, вроде нас, в два-три раза старше, не раз на своем веку сталкивавшихся с понятием ответственности, принять тебя и то, что ты предлагаешь, просто на веру? Более того, ты просишь, чтобы все население планеты пришло в движение, основываясь на той же слепой вере? Ты пришел сюда, не имея никаких полномочий, за исключением высокого персонального рейтинга, определенного экзотами в результате каких-то теоретических изысканий, но наш мир не имеет к экзотам никакого отношения.

— В данном случае, — все так же сухо произнес Хэл, — чьи бы то ни было полномочия ни сейчас, ни потом не будут иметь никакого значения. Если я найду ответы, поиском которых сейчас занят, мои полномочия станут для вас так же, как

и для всех остальных, очевидны. Если мне это не удастся, то ответы найдет кто-нибудь другой, а может, и никто не найдет. В любом случае вопрос о моих полномочиях не будет иметь никакого значения. Экзоты это сумели понять.

— Неужели? — переспросил ди Фачино. — Это они тебе сказали?

— Они продемонстрировали мне это, — ответил Хэл. Непонятное ощущение силы неудержимо влекло его вперед. Вспыхнувшее минуту назад раздражение теперь уступило место железной логике. — Направляя меня сюда со своим посланием, которое, они были почти уверены, вы не примете, они в то же самое время предоставили мне возможность изложить вам мое личное понимание ситуации, не предпринимая никаких попыток повлиять на него. Если случится так, что вы согласитесь со мной, то и у них не будет иного выбора, кроме как в конечном счете тоже согласиться со мной; если вы отвергнете меня, то они не будут нести никакой ответственности за то, что я высказал вам от своего имени.

— Но мы не согласились с тобой, — заметил Ке Гок.

— Вам неизбежно придется с кем-то согласиться, если вы намерены держать ситуацию

под контролем, — пожал плечами Хэл. — Всего несколько минут назад вы сами сказали, что остановили бы Иных, если б знали как. Все дело в том, что вы не знаете, как это сделать. Я, возможно, знаю. И у нас нет времени ждать, пока найдутся другие решения. Уже сегодня, если бы нам удалось собрать всех, кто выступает против Иных, даже этих сил может оказаться недостаточно. Вы и экзоты, хотите вы этого или нет, находитесь по одну сторону баррикад; если вы не поймете этого, то и вы и они погибнете поодиночке, поскольку оба ваши мира и так уже находятся на пути к гибели. Только в отличие от экзотов вы, дорсайцы, люди действия. Не в ваших правилах закрывать глаза на необходимость действовать, когда таковая необходимость возникает. Поэтому единственная надежда и для вас и для них заключается в том, что появится кто-то, кто поведет вас всех вместе за собой; пока же этого не сделал никто, кроме меня.

— Никем не доказано, — вмешался бледнолицый старик, — что нам непременно надо принимать чьи-то предложения.

— Еще как доказано. — Хэл смотрел прямо в черные зрачки своего оппонента. — Дорсай уже начал испытывать нехватку продовольствия.

Эта проблема еще не очень беспокоит вас, но она уже возникла. И вы все прекрасно знаете, что она преднамеренно создана Иными, от которых немало достается и другим мирам. Совершенно ясно, что этот конфликт не замкнется только на вас и Иных. Он коснется всей человеческой расы.

— Но, — тихо произнесла Ли, — это вовсе не значит, что он непременно приведет к Армагеддону, со всеми вытекающими последствиями для нашего народа — народа воинов.

— Если вы так не считаете, взгляните на это с другой стороны, — сказал Хэл. — Настоящая ситуация существует уже свыше тридцати лет. И по мере ее развития связанные с ней проблемы растут экспоненциально как по своей сложности, так и по числу людей, вовлеченных в них. Как еще это может завершиться, если не Армагеддоном? Конечно, если только вы вместе с экзотами и другими, подобными вам, не решите отказаться от всего, во что верили, и покориться Иным; потому что это именно то, что Иным в конечном счете и требуется.

— Как ты можешь быть в этом настолько уверен? — спросила Ли. — Зачем Иным заходить так далеко?

— Они оседлали тигра и теперь не осмели-

ваются слезть с него. Их не так уж и много. И единственный способ для них обеспечить себе безопасную жизнь — сделать безопасными для себя все миры. Да-да, все миры, что означает изменение самого лица человеческого общества. Иные станут господами, а все остальное человечество попадет к ним в зависимость. Они это понимают. И вы ради всего, что дорого вам, тоже должны понять это.

В комнате надолго воцарилась тишина. Хэл сидел, все еще ощущая необычайный подъем и снизошедшую на него ясность и неистовость мысли.

— Эта идея об исторической конфронтации двух частей человеческой расы — всего лишь твоя теория, — весомо произнесла Мириам Сонгаи. — Как ты можешь рассчитывать на то, что мы примем на веру что-то, о чем все мы слышим впервые в жизни?

— Можете убедиться сами, — отозвался Хэл. — Вы лучше меня знаете, каким образом истощаются ваши финансы и другие резервы вашего общества. Придет время, и за пределами вашей планеты Иным будут принадлежать души всех тех, кто мог бы дать вам работу. Что тогда станет с Дорсаем?

— Но представление о них как о некоей исторической силе, имеющей на руках все козыри против нас, — сказал бледнолицый дорсаец, покачивая головой, — это выходит за рамки здравого смысла и больше походит на фантастику.

— А то, что уже случилось с другими мирами, за исключением Старой Земли, вы тоже назовете фантастикой? С вами этого еще не произошло только потому, что Иные торопились сначала взять под свой контроль другие миры, — ответил Хэл. — Иные в первую очередь стремятся захватывать те миры, где они не встречают противодействия.

Он замолчал и внимательно вгляделся в лица присутствующих. Глаза Аманды светились странным, почти победным блеском.

— Их харизме и организационной структуре, — продолжал он, — ни одна из наших современных культур не смогла ничего противопоставить. Если бы сейчас можно было бы заставить Иных предстать перед межзвездным судом, я готов спорить, вы вряд ли смогли бы найти законное основание для обвинения хотя бы одного из них. В большинстве случаев им даже не нужно говорить, чего они хотят. Они просто подбирают и приближают к себе людей с определенными

чертами характера и создают для каждого из них ситуацию, где эти черты могут наиболее полно раскрыться. Таким образом человек по собственной инициативе делает то, что требуется Иным.

Хэл внимательно вглядывался в лица всех сидящих за столом.

— Ради самих же себя постарайтесь оценить всю картину в целом. Вдумайтесь. Экзоты могли бы с самого начала справиться с любой экономической попыткой установить господство над всеми мирами. Вы могли бы в самом зародыше подавить любую попытку чисто военного характера. Но перед лицом Иных и вы и экзоты оказались беспомощны, потому что для своей атаки они не выбрали ни одну из этих форм. Они атаковали по-новому — так, как никто не ожидал, и они близки к победе. Потому что структура человеческого общества меняется, как, впрочем, менялась всегда; и старое, как было всегда, не в состоянии воспрепятствовать приходу нового.

Хэл на мгновение замолчал.

— Вы должны признать тот факт, что ни вы, ни экзоты, ни квакеры, ни кто-либо еще, кто привык жить по-старому, не способны противодействовать Иным, как прежде вы противодействовали своим врагам, — заговорил он вновь. — Если

вы будете продолжать и дальше двигаться в этом направлении, вы проиграете, неизбежно проиграете, а Иные выиграют. Но у вас есть возможность оказать им эффективное сопротивление и в конечном счете победить, если вы сумеете стать частью новой социальной структуры, которая сейчас как раз формируется.

Он снова замолчал; на этот раз он ожидал замечаний или возражений, какой-либо реакции в любой форме, но ничего подобного не услышал. Все продолжали молча смотреть на него.

— Иные — не чужаки. Они такие же, как мы, только с небольшим различием. Но этого различия достаточно, чтобы позволить им взять все под свой контроль. Я еще раз хочу повторить, что речь идет не более чем о смене старой формации новой, но только на этот раз вся проблема заключается в том, что тот путь, на который Иные хотят увлечь расу, является тупиковым. Человечество в целом не может выжить в условиях застоя, когда на одного господина приходится миллион рабов. Если общество пойдет по этому пути, оно неминуемо погибнет.

Он замолчал. Никто по-прежнему ни звуком, ни жестом не проявил себя. Все только молча смотрели на него.

— Мы не можем этого допустить, — продолжил он, — однако наше желание не допустить этого вовсе не значит, что мы можем оставить все, как есть. Это тоже означало бы застой и гибель расы. Поэтому мы должны четко отдавать себе отчет в том, что происходит. Лицо человеческого общества снова меняется, как это было уже не раз, и мы должны измениться вместе с ним либо оказаться выброшенными за борт истории. Здесь, на Дорсае, вам придется быть готовыми отказаться от многого, потому что вы — одна из тех Осколочных Культур, которые всегда придерживались традиций и обычаев. Но сделать это дополнительное усилие над собой необходимо ради блага ваших же детей. Потому что, я повторю это еще раз, на кону сейчас находится не выстраданный дорсайцами их образ жизни и не образ жизни экзотов или квакеров, а судьба всей человеческой расы.

Глава 48

Серые Капитаны сидели, глядя кто на стол перед собой, кто на стену напротив, кто в окно — только не на Хэла и не друг на друга.

Наконец Мириам Сонгаи шумно вздохнула.

— Да, нерадостную картину ты тут нарисовал, — сказала она. — Я думаю, мне нужно все еще как следует обдумать.

Со всех концов стола послышался одобрительный гул голосов. Но тут со стула поднялся старик с белым как полотно лицом.

— Мне не нужно ничего обдумывать. Я получил ответы на все вопросы, которые могли бы у меня возникнуть. Ты меня убедил. Но предложенный тобой единственный выход мне не подходит.

Он обвел взглядом сидящих за столом.

— Вы знаете меня, — продолжил он. — Я готов на все ради своего народа. Но я всю свою жизнь сражался за тот Дорсай, какой у нас сейчас есть. Я стар, чтобы отказываться от своих принципов. И я не хочу принимать участия в том, что изменит жизнь моей родины и моего народа. Вы все вольны идти этим новым путем, о котором мы

тут только что услышали, но только без меня.

Он повернулся и направился к двери. Еще двое мужчин и одна женщина встали и последовали за ним. Ке Гок тоже было поднялся, но тут же снова тяжело опустился на стул. Бледнолицый старик на мгновение задержался в дверях и, повернувшись, сказал, обращаясь к Хэлу:

— Извини.

Затем он покинул комнату, и вслед за ним вышли трое других Капитанов.

— Я понимаю, — произнес Хэл в наступившей тишине, — большинству из вас, подобно Мириам Сонгаи, хотелось бы подумать над тем, что я сказал. Я могу задержаться на Дорсае еще на неделю на тот случай, если кто-нибудь захочет вновь встретиться со мной. А затем я, как уже сказал, отправлюсь на Абсолютную Энциклопедию.

— Он будет в Фал Моргане, — вставила Аманда.

На этом официальные переговоры завершились, и столовая опустела.

Хэл думал, что сразу же отправится назад в Фал Морган, но обнаружил, что в гостиной собралось человек пятнадцать Серых Капитанов, намеревавшихся услышать его личное мнение о сложившейся ситуации. И среди них, к своему немалому удивлению, он увидел Ке Гока.

Это были в основном те, кто уже поверил в реальность той исторической ситуации, как ее описал Хэл, но еще не определился окончательно в отношении самого Хэла и плана, который он собирался им предложить. После дискуссии с экзотами, полной двусмысленностей и иносказаний, разговор с дорсайцами доставлял ему истинное удовольствие. Эти люди, сталкиваясь с проблемой, привыкли расчленять ее на составляющие части и затем решать каждую часть в отдельности или в совокупности с другими; и, без всякого сомнения, они восприняли как должное, что и Хэл мыслит аналогичным образом.

И в то же время, сидя здесь, в гостиной, и беседуя с ними в неофициальной обстановке, он испытывал некоторый внутренний дискомфорт, ощущая разницу между своим нынешним состоянием и тем, что еще совсем недавно владело им в столовой. Тогда он чувствовал себя настолько уверенно, что ему даже не приходилось подыскивать слова — они приходили ему в голову сами по себе. Теперь же в гостиной, разговаривая с людьми, уже наполовину им убежденными, он вдруг почувствовал, что утратил свою недавнюю кристальную ясность мышления и четкость аргументации. Хотя его умения доводить до собе-

седника собственные мысли и сейчас было более чем достаточно, но все же различие между этим умением и тем коротким озарением, которое снизошло на него в столовой, было настолько потрясающим, что он дал себе обещание при первой же возможности разобраться, что же это было с ним такое.

Только пять часов спустя, когда на горы уже спустились первые сумерки, они с Амандой смогли отправиться в обратный путь к фал Моргану.

— А что это за серьезные причины, на которые ты намекала, по словам Рурк ди Фачино? — спросил Хэл, когда Гримхаус скрылся из виду.

— Я сказала им, что убеждена, что тебя связывает с Дорсаем нечто большее, чем может показаться на первый взгляд.

Он на несколько мгновений задумался над ее ответом, машинально придерживая свою лошадь рядом с лошадью Аманды.

— И что ты отвечала тем, кто интересовался, в чем заключаются эти связи?

— Я отвечала, что просто чувствую, что такие связи есть. — Она открыто посмотрела ему в глаза. — Я говорила, что они могут либо поверить мне на слово и приехать, либо не верить и остаться дома.

— И большинство все-таки приехало... — Хэл пристально посмотрел на нее. — Я твой должник. Но мне хотелось бы побольше услышать о том, что именно ты чувствуешь, поскольку это касается меня. Могла бы ты рассказать мне об этом?

Она снова отвернулась, устремив взгляд поверх головы лошади.

— Могла бы, — ответила она, — но сейчас мне не хочется.

Несколько секунд они ехали молча.

— Разумеется, — наконец произнес Хэл. — Извини.

Она так резко натянула поводья, что лошадь от неожиданности запрокинула голову. Он остановился рядом с ней и увидел, что Аманда буквально сверлит его взглядом.

— Почему ты спрашиваешь меня? — воскликнула она. — Ты же знаешь, что с тобой произошло в Гримхаусе!

Несколько мгновений Хэл молча разглядывал ее, а затем сказал:

— Знаю. А откуда знаешь ты?

— Я знала, что нечто подобное должно было случиться.

— Почему? — спросил он. — Почему ты думала, что в Гримхаусе со мной должно было что-то

случиться?

— Потому что я увидела это в тебе в твой первый вечер в Фал Моргане, — в ее голосе слышался вызов, — помнишь? Ты же рассказывал мне о своей необъяснимой общности с Доналом, потому что как в семье, так и в Академии его всегда считали странным ребенком. А как ты узнал это о нем?

— Думаю, от Малахии, — ответил он. — Должно быть, мне рассказал об этом Малахия. Ты сама говорила, что Малахия, по всей видимости, участвовал в контрактах, заключаемых Гримами.

— Малахия Насуно, — возразила она, — не мог об этом знать. Гримы никогда не говорили с посторонними о членах своей семьи. Они даже Морганам ничего не рассказывали друг о друге. И ни один преподаватель Академии не стал бы обсуждать ученика ни с кем, кроме другого преподавателя или родителей ученика.

Хэл растерянно молчал.

— Ну хорошо, — требовательно продолжила она, — а почему ты решил, что Донал был одинок? Откуда ты взял, что учителя считали его странным мальчиком? Неужели ты сам все это выдумал?

Он по-прежнему не знал, что ответить. Аманда снова двинулась вперед; он машинально после-

довал за ней, стараясь держаться рядом.

Через некоторое время Хэл все же высказался, обращаясь даже не к ней, а скорее куда-то в пространство, глядя прямо перед собой на дорогу, по которой они ехали.

— Нет. Все, что угодно, но только не выдумал.

Они молча продолжали свой путь. Его голова была настолько переполнена различными мыслями, что он вряд ли замечал, что происходит вокруг. Поняв его состояние, Аманда больше его не беспокоила. Когда они подъехали к дверям конюшни в Фал Моргане и спешились, она взяла из его рук поводья.

— Я позабочусь о лошадях. А ты отправляйся к себе и постарайся разобраться со своими мыслями.

Хэл вошел в дом. Но вместо того чтобы направиться по коридору в свою спальню, неожиданно для себя свернул в гостиную. Как только он вошел, автоматически вспыхнул яркий свет, и Хэл невольно зажмурился. Махнув рукой возле ближайшего датчика, он сразу же выключил свет, и комната в тот же миг погрузилась в полумрак, освещаемая лишь рассеянным светом, пробивающимся из коридора. Хэл опустился в кресло перед незажженным камином, уставившись невидя-

щим взглядом в приготовленные для растопки лучины и поленья.

Два чувства боролись в нем. С одной стороны, огромное чувство облегчения и триумфа, но с другой стороны, такая острая печаль, какой он еще никогда не испытывал. Он снова почувствовал себя страшно одиноким. У него из головы все не выходил тот старик с белым как полотно лицом; то, как он обернулся в дверях, чтобы сказать «Извини». Хэл прекрасно понимал, что предстоит потерять этому человеку, что потеряют они все, если, послушавшись его, вступят в борьбу с Иными. Но их потери будут еще больше, если они откажутся последовать за ним.

Открылась и снова закрылась дверь кухни, затем послышался звук шагов Аманды. Она остановилась у входа в гостиную.

— Хэл? — От непривычного, какого-то неуверенного тона ее голоса у него по спине побежали мурашки. — Это ты, Хэл.

Не успев даже ни о чем подумать, он стремительно поднялся и бросился к ней; от неожиданности она прижалась спиной к стене возле самого входа в гостиную.

Он возвышался над ней, как скала. Хэл никогда раньше не задумывался о собственном росте, осо-

бенно в сравнении с ней; сейчас же, когда Аманда стояла вжавшись в стену, то казалась еще меньше. Он никак не мог понять, что так испугало ее. В полумраке гостиной они вглядывались в лица друг друга, разделенные всего лишь несколькими сантиметрами.

Хэл мягко взял ее за плечи и поразился тому, насколько хрупкими оказались ее узкие ключицы в его огромных ладонях. Не выпуская ее плеч, он оторвал ее от стены и, развернув, мягко подвел к одному из стоящих перед незажженным камином кресел.

— Нет, — сказала она, потом, закрыв глаза, освободилась от объятия Хэла и опустилась в кресло. Хэл сел напротив и встревоженно посмотрел на Аманду. Его глаза уже немного адаптировались к полумраку, и он заметил необычайную бледность ее лица.

— Все в порядке... — после продолжительной паузы тихо произнесла она сдавленным голосом. Затем открыла глаза и продолжила слегка запинаясь:

— Это было лишь секундное наваждение. Я думала, ты у себя. В последние годы он несколько похудел, но его волосы оставались черными... как у тебя. Он... иногда забывал разжечь огонь и вот

так же сидел в кресле, чуть-чуть ссутулившись. Это было просто наваждение, ничего больше.

Хэл изумленно взглянул на нее:

— Ян? Ты говоришь... о Яне?

Внезапно те чувства, что он сам испытывал к ней, подсказали ему правильный ответ.

— Ты была в него влюблена. — Он был не в силах оторвать взгляд от ее лица. — Несмотря на его возраст?

— Его возраст не имел никакого значения, — сказала Аманда. — Все женщины, которые его знали, были влюблены в него.

Хэлу показалось, что ему в грудь воткнули и медленно поворачивают тупой нож. А он-то надеялся, что заметил в ней какое-то ответное чувство. Как он заблуждался! Он был для нее всего лишь повторением человека, умершего много лет назад, человека, годящегося ему в прадеды.

— Когда он умер, — добавила Аманда, — мне было всего шестнадцать.

...И тут он все понял. Любить и не иметь возможности обладать, поскольку она была еще слишком юна, было тяжело уже само по себе. Любить же и видеть, как на твоих глазах умирает твой возлюбленный, было уже просто невыносимым.

Некоторое время они сидели молча; Хэл старался не смотреть на нее. Затем он встал и машинально разжег камин. Только когда тепло и свет, исходящие от маленьких красных язычков пламени, резво перескакивающих с полена на полено, начали понемногу преображать комнату, он осмелился снова взглянуть на нее. Румянец вернулся на ее щеки, но лицо все еще сохраняло напряженное выражение, вызванное недавним потрясением. Аманда сидела выпрямившись, опираясь спиной на спинку кресла и положив руки на подлокотники.

— У тебя сегодня все прекрасно получилось, — сказала она.

— Даже лучше, чем я надеялся, — согласился он.

— Не то слово. Все вышло замечательно, просто замечательно, — продолжила она. — Я уже говорила тебе, что для победы надо было заручиться поддержкой чуть более семидесяти процентов голосов. Ты же потерял только четырех человек из тридцати одного. Но даже и про них нельзя сказать, что ты их потерял — они ушли потому, что твои доводы оказались для них слишком сильными.

— Я тоже так думаю, — отозвался Хэл. На какое-

то мгновение к нему снова вернулось чувство облегчения и триумфа, не так давно испытанное им. — Но в самом начале я едва не потерял их всех. Но потом, когда Рурк ди Фачино задал свой вопрос, меня словно прорвало, и я высказал им все, что хотел сказать. Ты заметила?

— Заметила, — ответила она.

Этот короткий ответ отбил у него все желание обсуждать дальше свой прилив красноречия. Хэл отвернулся и принялся поправлять огонь в камине; когда же снова взглянул на нее, она уже стояла возле кресла.

— Пойду приготовлю что-нибудь поесть. — Она жестом остановила его, когда он тоже начал подниматься. — Нет. Оставайся здесь. Я принесу сюда.

Аманда быстро пересекла комнату, подошла к столику с напитками, плеснула в стакан темно-коричневого виски и вернулась к Хэлу.

— Расслабься, — сказала она, протягивая стакан. — Все прекрасно. Я свяжусь с Омалу и наведу справки насчет корабля, который мог бы подбросить тебя куда-нибудь поближе к Абсолютной Энциклопедии.

Хэл сделал глоток и улыбнулся. Она улыбнулась ему в ответ, затем повернулась и вышла из

комнаты.

У него не было никакого желания пить. Но от ее внимания не ускользнет, если содержимое стакана не уменьшится.

Что ж, он потихоньку справится с этой задачей. Аманда вернулась с подносом, на котором стояли две закрытые тарелки для горячих блюд, и поставила его на маленький столик между креслами.

— Спасибо, — поблагодарил он, снимая колпак с тарелки. — Пахнет хорошо.

— Есть один вопрос, который тебе надо решить, — сказала она, снимая колпак со своей тарелки. — Я связалась с космопортом в Омалу. Завтра днем оттуда стартует корабль на Фрайлянд, где ты мог бы пересесть на корабль, отправляющийся на Землю. Если ты не воспользуешься этим случаем, то следующий тебе придется ждать, возможно, недели три или больше. Они сами точно не знают. Ты по-прежнему намерен задержаться на неделю, как и обещал?

— Понятно, — кивнул Хэл, положив вилку. На ее лице он не мог прочесть ничего, кроме обычной вежливой озабоченности хозяина проблемами своего гостя. — Пожалуй, ты права. Мне действительно следует улететь завтра.

— Да, все складывается довольно неудачно, —

отозвалась она. — Если бы ты смог задержаться еще на неделю, возможно, кто-нибудь из участников встречи захотел бы снова с тобой переговорить. Было время, когда можно было вылететь из Омалу на любую из тринадцати планет практически в течение суток. Но только не сейчас. — Аманда опустила глаза и начала сосредоточенно есть. — У тебя, надеюсь, достаточно средств для перелета?

— О да, — сказал он, обращаясь к ее склоненной голове. — Здесь нет проблем...

Они продолжали есть молча. Нахлынувшее на него недавно чувство пустоты никак не сказалось на аппетите. Усыпляющее воздействие плотного обеда после всех треволнений дня притупило все эмоции, и Хэл вдруг почувствовал, насколько устал.

— Мне кажется, что некоторые из тех, кто был сегодня здесь, захотят напоследок перекинуться с тобой парой слов, — наконец произнесла она. — Я обзвоню Капитанов и все разузнаю. Мы можем пораньше прилететь в космопорт и поговорить в ресторане, если ты, конечно, не против.

— Конечно, не против, — кивнул он. — Но может быть, лучше мне самому обзвонить их?

— Не надо. Пойди немного поспи. У меня дел

еще на несколько часов.

— Спасибо.

— Пустяки.

И он, не мешкая, отправился в свою комнату.

Спал он как убитый. Его разбудил звонок Аманды по сети внутренней связи. Подняв голову от подушки, он увидел ее лицо на экране видеотелефона.

— Завтрак будет готов через двадцать минут, — сообщила она. — Нам пора уже собираться.

— Ладно, — сказал он, не совсем еще очнувшись ото сна. Когда Хэл появился на кухне, залитой ярким утренним светом, на столе его уже ждали тарелка густого супа и несколько ломтей черного хлеба. Аманда села рядом с ним.

— Как бы ты хотел добираться до Омалу? — спросила она.

— А что, есть выбор?

— Есть два варианта, — начала объяснять Аманда. — Мы можем воспользоваться оказией, если кто-нибудь собирается лететь сегодня отсюда в Омалу; в противном же случае, что наиболее вероятно, придется заказать транспорт в Омалу. Но в любом случае тебе придется оплатить дорогу. Я — другое дело. Конечно, я сама могла бы доставить тебя в Омалу; по роду своей работы я

имею право на персональный джитни.

Он нахмурился.

— В этом случае мне не пришлось бы платить за проезд, — медленно произнес он. — Но дорсайцам отнюдь не помешали бы межзвездные кредиты, не так ли?

— Ты прав, — ответила она. — Конечно, если ты можешь себе это позволить.

— Разумеется, могу, — пожал плечами Хэл. — Просто скажи мне, сколько я должен заплатить тебе за поездку.

— Только стоимость израсходованного топлива. — Аманда встала. — Пойду подготовлю джитни. А ты заканчивай завтрак и иди собери все, что думаешь взять с собой. Когда будешь готов, найдешь меня у конюшни.

Помимо того, с чем он приехал, ему нечего было собирать. Самое важное, что он увозил с собой с Дорсая, в основном из Фал Моргана и Форали, не было чем-то материальным — это хранилось у него в душе.

...Чуть больше часа спустя, пробив сплошную пелену облаков, они приземлились в Омалу.

Снова шел дождь, не очень сильный, но, похоже, затяжной. Спеша как можно скорее укрыться от дождя, Хэл и Аманда бросились бегом к боко-

вому входу вокзала.

Поднявшись на третий этаж в ресторан, они по списку предварительных заказов выяснили, что Серые Капитаны расположились в четвертом банкетном зале. Пройдя через центральный общий зал ресторана, они оказались в четвертом зале, где их ждали за зелеными квадратными столиками около сорока человек. Три простые бетонные стены комнаты были выкрашены в белый цвет, а четвертая представляла собой сплошное огромное окно, из которого открывался вид на посадочную площадку для внутрипланетных кораблей.

— В твоем распоряжении около двух часов, — предупредила Аманда. — Так что приступай. Здесь присутствует по меньшей мере человек двенадцать, с которыми ты еще не встречался.

Она представила Хэла вновь прибывшим. При этом выяснилось, что двое из тех, кто покинул переговоры накануне днем, мужчина и женщина, пришли снова и, кроме того, явились Серые Капитаны, которые в прошлый раз не захотели или не смогли приехать на встречу. Когда представление закончилось, Хэл сел на стул лицом к присутствующим, расположившимся перед ним полукругом на взятых из-за столов стульях, и на-

чал отвечать на вопросы. Через час с небольшим он решил сделать перерыв.

— Мне кажется, мы так не намного продвинемся. По существу, все вопросы, которые вы мне задаете, носят весьма конкретный характер. Я уже не раз говорил вам, что у меня пока еще нет никакого конкретного плана. Это как раз то, чем я собираюсь заняться на Абсолютной Энциклопедии.

Я всего лишь обрисовал вам ситуацию, как она есть; в сущности, все было вам и так известно. Вы дали мне ясно понять, что не можете обещать мне большего, чем обдумать то, что я вам сказал. Со своей стороны я тоже не могу вам обещать ничего, кроме того, что уже пообещал.

— Ну хотя бы, — отозвался Ке Гок, — намекни, чего нам следует ждать, скажи хотя бы пару слов о том, в каком направлении ты идешь.

— Ладно, — кивнул Хэл. — Тогда я поставлю вопрос следующим образом. Согласны ли вы, если обстоятельства соответствующим образом сложатся, начать военные действия против Иных?

Послышался дружный одобрительный гул голосов.

— Хорошо, — устало произнес Хэл. — Насколько правильно я вас сейчас понимаю, мне нужно

будет постараться подыскать вам именно такое применение. Разумнее всего использовать то, в чем вы наиболее сильны.

— Хэлу Мэйну пора уже отправляться, — сказала Аманда, поднимаясь. — Кто хочет попрощаться с ним, делайте это сейчас.

К удивлению Хэла, все тотчас же окружили его. Только через несколько минут Аманде удалось извлечь его из толпы; спускаясь по старомодной лестнице на первый этаж, Хэл впервые взглянул на свой хронометр.

— У нас в запасе есть еще десять минут, — недоуменно заметил он.

— Я хотела поговорить с тобой наедине, — пояснила Аманда. — Теперь сюда.

Спустившись на первый этаж, он проследовал за ней в небольшой зал ожидания, в дальнем конце которого находилась дверь. Аманда открыла ее, и они вышли на взлетно-посадочную площадку для межзвездных кораблей.

Из-за разности давлений в здании и снаружи дверь за их спиной сразу же плотно закрылась. Приближалось время старта; над взлетно-посадочной площадкой уже включилась система управления погодой. Под ее воздействием плотные облака вздулись над площадкой высоким

куполом, отделив ее с трех сторон от окружающего пространства серой колышущейся пеленой дождя. Воздух внутри купола был тяжелым и влажным и отличался странной неподвижностью, характерной для искусственной атмосферы. Высокое давление в сочетании с неестественной неподвижностью воздуха создавали у находящихся внутри впечатление, что они находятся в некоем пузыре. В центре площадки на расстоянии восьмидесяти метров боком к ним лежал космический корабль, отправляющийся на Фрайлянд, огромный, с отполированной до зеркального блеска поверхностью, в которой отражались здание космовокзала, облака и дождь за ними.

Аманда повернулась и быстро пошла вдоль восточной глухой стены космовокзала. Хэл, чуть сдерживая шаг, старался идти рядом.

— Понимаешь, — начала она, не отрывая глаз от серой пелены дождя у края взлетно-посадочной площадки, — ты здесь пробыл всего восемь дней.

— Да, — ответил он, — я пробыл здесь недолго.

— За восемь дней трудно разобраться в человеке; для этого может оказаться недостаточно и восьми недель, и даже восьми месяцев. — Аманда искоса взглянула на него и затем снова устремила свой взгляд на пелену дождя. — Когда

встречаются два представителя различных культур, они в одни и те же слова могут вкладывать разный смысл, и, если причины действий одного остаются непонятыми другому, тогда вольно или невольно они могут ввести друг друга в заблуждение.

— Я понимаю, — сказал он.

— Ты был воспитан дорсайцем, — продолжила она. — Но это не то же самое, что родиться здесь. Даже человек, рожденный здесь, может неправильно понять человека из соседнего имения. Ты не знаешь Морганов, а за восемь дней ты и не мог их узнать. Ты не знаешь меня.

— Все правильно, — согласился Хэл. — Мне кажется, я понимаю, о чем ты хочешь сказать мне. Это все из-за моего сходства с Яном.

Аманда резко остановилась и повернулась к нему. Он тоже вынужден был остановиться; они стояли, глядя в лицо друг Другу.

— Яном? — переспросила она.

— Но ведь именно это и обнаружилось вчера вечером, разве не так? Он на склоне лет чем-то был похож на меня, а ты... тебе он нравился.

— О! — воскликнула Аманда, затем снова отвернулась в сторону дождя. — Только этого еще не хватало!

— Что ты имеешь в виду? — Хэл удивленно посмотрел на нее.

— Конечно, я любила Яна, — сказала она. — Я не могла не любить его. Но с тех пор как он умер, я повзрослела.

Аманда помолчала, затем продолжила:

— Я пыталась объяснить тебе. Ты что, не слушал, когда я рассказывала тебе об Аманде Первой и Аманде Второй? Ты что, так ничего и не понял?

— Нет, — признался он. — Теперь, когда ты об этом, спрашиваешь, мне кажется, я все пропустил мимо ушей. Мне тогда в голову не пришло, что ты пытаешься мне что-то объяснить.

Из ее горла вырвался тихий гортанный звук; не произнеся больше ни слова, Аманда сделала несколько шагов в сторону дождя. Хэл молча шел за ней.

— Извини, — через минуту мягко сказала она. — Я сама виновата. Значит, я так объясняла. Если ты не понял, то вся вина лежит на мне. Я рассказала тебе о двух других Амандах в надежде, что это поможет тебе понять меня.

— А что я должен был понять? — спросил он.

— Кто есть я, кто все мы три. У Аманды Первой было три мужа; но в действительности она жила не ради них, и даже не ради своего первен-

ца Джимми, который заслуживает отдельного рассказа, а ради всей семьи и народа в целом. Она была неутомимой защитницей всех и вся. — Аманда глубоко вздохнула, продолжая идти вперед; ее взгляд по-прежнему был прикован к пелене дождя у кромки взлетно-посадочной площадки. — Аманде Второй удалось сразу понять свое предназначение. Вот почему она не вышла замуж ни за Кейси, ни за Яна, которого любила больше. Она отказалась от них обоих, потому что раньше или позже ей пришлось бы выбирать между своим мужем и долгом перед всеми остальными. И она знала, что, если это случится, ее выбор будет не в пользу любимого мужчины.

Она сделала еще несколько шагов.

— И я — я тоже Аманда. Поэтому я должна быть столь же мудрой, как и Аманда Вторая, и избавить и себя и других от лишней головной боли.

Какое-то время они шли молча.

— Понимаю, — наконец произнес Хэл.

— Я рада, что ты понял, — отозвалась Аманда, не глядя на него.

У Хэла внутри образовалась какая-то пустота. Под этим высоким куполом, созданным системой управления погодой, все казалось неестественным и нереальным. Он посмотрел на

космический корабль.

— Пожалуй, мне пора на посадку.

Аманда остановилась; он остановился рядом. Она повернулась к нему и протянула руку. Хэл взял ее после секундного колебания.

— Я вернусь, — сказал он.

— Будь осторожен. — Их ладони сомкнулись в крепком рукопожатии. — Иным может не понравиться то, что ты делаешь. И самый простой способ остановить все это — это остановить тебя.

— Я уже привык к этой мысли. — Он стоял, глядя ей в глаза. — Ты же помнишь, я бегаю от них уже пять стандартных лет.

Хэл улыбнулся ей и получил в ответ улыбку; их руки нехотя разомкнулись.

— Я вернусь, — повторил он.

— Возвращайся! И возвращайся невредимым.

— Непременно.

Он повернулся и побежал к кораблю. Поднявшись наверх посадочного трапа и остановившись у входа в шлюзовую камеру, чтобы показать документы и проездной сертификат дежурному офицеру, Хэл оглянулся и увидел вдали ее казавшуюся на этом расстоянии совсем крохотной фигурку. Она все так же стояла неподалеку от восточной стены здания космовокзала на фоне

продолжающего падать дождя и смотрела в его сторону.

Глава 49

— Передайте им, что у меня нет пропуска. По попросите связаться с Аджелой и сообщить ей мое имя — Хэл Мэйн.

Хэл обратился к офицеру, ответственному за высадку пассажиров. Они остались в салоне вдвоем — остальные сто пятьдесят три пассажира покинули корабль и были на пути к Земле, Светильники в дальних концах салона уже автоматически переключились в экономичный дежурный режим и горели вполсилы; в воздухе ощущалась прохлада, поскольку температура упала после того, как большая шумная толпа возбужденных людей разом покинула корабль. Хэл даже почувствовал легкий озноб, снова напомнивший ему о сне, который приснился ему однажды в горах на Гармонии и очнувшись от которого вдруг понял, что пытается задушить Джейсона Роу. Он еще раз увидел этот же сон всего десять часов назад. Так же как и тогда, он слез с коня и, оставив своих товарищей, отправился пешком через каменистую равнину к маячившей вдалеке башне, только на этот раз ему удалось

продвинуться в глубь равнины гораздо дальше, чем прежде. К тому же в этом сне равнина выглядела несколько иначе.

Чем дальше Хэл углублялся в ее голое пустынное пространство, тем более иллюзорной становилась ее первоначальная ровность и гладкость. Поверхность бороздили трещины, переходящие затем в овраги; вместо мелких камней все чаще стали попадаться большие булыжники, а затем огромные валуны; каменистый грунт сменился сплошной монолитной скалой. Поэтому его и без того нелегкий путь к башне стал еще более трудным: добавилось ощущение подъема в гору...

Хэлу почему-то вспомнилась малозначительная деталь из самого начала сна. Это был скрип кожаного седла, когда он слезал на землю, покидая своих ставших такими близкими товарищей, чтобы отправиться в неизведанный путь к неведомой, но страшно притягательной цели. Было что-то общее между тем моментом и этим ожиданием разрешения.

Наконец дежурному офицеру удалось найти на Абсолютной Энциклопедии кого-то, кто согласился передать просьбу Хэла Аджеле.

— Ждите, — послышался из динамика переговорного устройства голос далекого оператора и

тут же замолк.

— Кто такая эта Аджела? — поинтересовался офицер.

— Личный ассистент Тама Олина, — ответил Хэл.

— О-о, — протянул офицер и, опустив глаза, принялся сосредоточенно водить электронным карандашом по экрану настольного монитора. Хэл терпеливо ждал. Не прошло и минуты, как из динамика снова раздался голос.

— Нет необходимости направлять запрос по инстанции дальше, — сообщил оператор. — Имя показалось мне знакомым, и я навел справки. Хэл Мэйн включен в список лиц, имеющих постоянный пропуск.

— Спасибо, — поблагодарил офицер в переговорное устройство. — Мы сейчас же препроводим его к вам.

Он отключил связь и повернулся к Хэлу.

— А вы не знали, что у вас постоянный пропуск?

Хэл, едва заметно улыбнувшись, покачал головой:

— Нет.

— Все в порядке. — Офицер поднес к губам микрофон. — Пусковая палуба, ремонтный корабль

готов?

— Уже на пути к вам.

— Спасибо.

И в самом деле, не успел дежурный офицер отключить связь во второй раз, как раздался сигнал, извещающий о том, что катер подошел к шлюзу и уже началась разгерметизация. Хэл повернулся и направился к двери шлюза, офицер последовал за ним.

Они ждали, прислушиваясь к сопровождающим разгерметизацию звукам, доносящимся до них сквозь закрытую внутреннюю дверь шлюза. Наконец она распахнулась, и Хэл получил возможность заглянуть внутрь забитого ремонтным оборудованием катера через совмещенные двери шлюза.

— Счастливого пути, — попрощался офицер.

— Спасибо, — ответил Хэл.

Держа в руке сумку с личными вещами, он нырнул в совмещенные двери шлюза, на мгновение ощутив глубокий холод металлического нутра шлюзовой камеры, и шагнул на борт ремонтного корабля.

— Сюда, сэр, — пригласила встретившая его у входа крепко сложенная женщина средних лет в белом комбинезоне. — Придется вам протиски-

ваться между всеми этими приборами.

Хэл последовал за ней к кабине управления, расположенной в носовой части катера, довольно-таки замысловатым маршрутом, обходя вокруг или пробираясь между расставленным повсюду оборудованием.

— Дело в том, что обычный шаттл, доставляющий пассажиров с корабля на Землю, слишком велик для причальных шлюзов Энциклопедии, — пояснила женщина, слегка обернувшись к нему. — Он рассчитан на перевозку до двухсот пассажиров, не считая команды.

Они вошли в кабину, сплошь заполненную приборами управления, с тремя рабочими креслами, установленными перед разделенным на сегменты обзорным экраном. Дальнее левое кресло уже занимал пилот.

— Садись в центре, если не возражаешь, — предложила женщина-пилот.

Хэл послушно опустился в кресло. Она села справа от него и положила руки на консоль пульта управления. За спиной послышался звук закрывающегося шлюза, затем корабль немного тряхнуло. После этого ощущение какого-либо движения исчезло вообще.

— Вон она там впереди, — сказал пилот, невы-

сокий жилистый мужчина лет сорока, ростом чуть ниже своей напарницы.

Хэл посмотрел на большой экран. Все его сегменты в этот момент составляли общую картину. Прямо перед ними расстилалось заполненное звездами пространство, в его центре плавал в лучах солнца маленький шарик с размытыми краями — цель их перелета.

Висящая в пространстве неподвижно, как, казалось, и их корабль, Абсолютная Энциклопедия выглядела словно маленький мячик, который легко мог бы уместиться в руке ребенка. Постепенно шарик начал увеличиваться в размерах, и вскоре его дымчато-серая масса заполнила почти весь экран, заслонив собой большую часть звездного пространства.

Внезапно прямо перед ними открылось ярко освещенное отверстие; они нырнули в него и оказались в таком же гулком металлическом ангаре, какой запомнился Хэлу по первому посещению Энциклопедии пять лет назад.

Женщина-пилот поднялась со своего кресла и провела Хэла обратно к уже открытому выходному шлюзу.

Он спустился по наклонной аппарели, оглушенный грохотом машин, разъезжающих по

металлической палубе. Впереди он увидел сероватый круг — вход во внутренние помещения Абсолютной Энциклопедии; он шагнул в него, и тут же шум за его спиной стих. Движущаяся дорожка понесла его в сторону находящегося впереди на стене экрана. Как только Хэл поравнялся с ним, он засветился и на нем возникло лицо Аджелы.

— Хэл? Войди в первую дверь с правой стороны, — произнес ее голос.

Он проехал еще метров десять и увидел дверь; за ней оказался другой, более короткий коридор, уже без движущейся дорожки. В конце его была еще одна дверь. Подойдя к ней, он толкнул ее и вошел внутрь.

Дверь с тихим шипением закрылась за ним, и он обнаружил, что находится в помещении, похожем одновременно и на кабинет и на гостиную. Его дальняя стена представляла собой почти точную копию пейзажа, который Хэл видел в апартаментах Тама Олина, — такой же ручей, змеящийся по лесной поляне, только освещение здесь больше напоминало раннее летнее утро. Аджела, поднявшись навстречу из-за большого стола, подбежала к нему — ее розовое платье мягко колыхалось при каждом движе-

нии, — поцеловала и, отодвинувшись, принялась разглядывать его.

— Вы только посмотрите на него! — воскликнула она. Он тоже оценивающе окинул ее взглядом. После Аманды и других женщин, с которыми ему довелось встретиться на Дорсае, она показалась ему особенно тоненькой и хрупкой.

— А что я? — отозвался он, улыбаясь в ответ, тронутый ее неподдельной радостью. — В чем дело?

— Да ты просто великан! — сказала она. — Вдвое больше того Хэла, которого я видела в последний раз. Да к тому же своим дикарским видом ты можешь напугать людей.

— Дикарским видом? — переспросил он.

— Да посмотри на себя. — Аджела повернула его лицом к левой стене и, по всей видимости, одновременно послала сигнал датчику, поскольку размытая голубизна стены тут же превратилась в сплошную зеркальную поверхность, в которой отразились и он сам, и интерьер комнаты вокруг него.

Увидев свое отражение, Хэл от неожиданности растерялся. Он привык к ежедневному созерцанию своего лица по утрам во время бритья, да время от времени мимоходом ловил свое отра-

жение в больших зеркалах, подобных этому. Но ему ни разу еще не приходилось видеть себя вот так, как сейчас, как бы глазами стоящей рядом Аджелы.

Сейчас он видел перед собой темноволосого незнакомца, возвышающегося, словно башня, над стоящей возле него стройной блондинкой. У него были мускулистый, расширяющийся вверх от узкой талии к необъятной груди торс, а также могучие плечи. Скуластое, широколобое, с ровным ртом и прямым носом лицо; из-под узких черных бровей глядели темно-серые, слегка разного оттенка глаза. Все это вместе никоим образом не давало повод Аджеле называть его дикарем. Но все же в отражающейся в зеркале фигуре была некая сдержанная агрессивность.

Хэл повернулся к Аджеле.

— Итак, — сказала она, — ты вернулся, чтобы остаться? Или это всего лишь кратковременный визит?

Он ответил не сразу, пытаясь верно подобрать слова.

— И то и другое. Я должен объяснить, что под этим подразумеваю...

— Конечно, должен. — Аджела неожиданно снова крепко обняла его. — О, Там будет так

счастлив!

Она взяла его за руку, подвела к своему столу и жестом указала на стоящее рядом мягкое кресло.

— Ну как ты? — спросила она. — Хочешь есть? Тебе чего-нибудь принести?

Хэл засмеялся:

— У меня по-прежнему прекрасный аппетит. Но давай сначала немного поговорим. Присядь на минуту.

Она устроилась на краешке стола лицом к нему.

— Прежде всего я хочу кое-что тебе объяснить, — начал он и снова замолчал, подыскивая слова.

— Ну, я слушаю, — подбодрила его Аджела.

— Я думал, как лучше тебе это объяснить, — медленно произнес он. — Прошу тебя поверить: я был искренен, когда говорил, что даже в мыслях не желал бы для себя ничего большего, чем принять предложение Тама...

— Но потом ты понял, что это не так, — перебила Аджела, спокойно глядя на него. — Я права?

— И да и нет. — Он нахмурился. — Энциклопедия притягивает меня так же, как луна притягивает приливы. Мне есть чем заняться здесь. Она в буквальном смысле тот самый ин-

струмент, о котором я мечтал всю жизнь. И я знаю, что, если бы у меня было время, я смог бы сделать много такого, что другим даже не приходило в голову. Когда я был здесь в прошлый раз, я действительно хотел остаться. Но, ты помнишь, я не смог заставить себя сделать это. Меня ждали другие дела. И многое из того, что тогда звало меня в дорогу, до сих пор не завершено.

— Это единственная причина, которая не позволяет тебе остаться с нами? — спросила Аджела, пристально глядя на него.

Хэл виновато улыбнулся:

— Это самая главная причина. Но ты права, есть и другая... Видишь ли, эти последние несколько лет я провел среди людей...

Он на мгновение задумался, затем продолжил:

— Это не так легко объяснить. Я вдруг обнаружил, что у меня с людьми есть кое-какие общие дела; по крайней мере именно сейчас мне необходимо сделать нечто весьма неотложное и важное. Я хотел бы обсудить это вместе с тобой и Тамом. Это возможно?

— Конечно, — ответила она. — Я еще не сказала ему, что ты здесь, просто потому что хотела сначала сама минутку или две побыть с тобой. Дело в том, что как раз сейчас Там спит, но он

рассердится, если узнает, что я не разбудила его, чтобы сообщить о твоем возвращении. Подожди секундочку. Я позвоню ему...

Она повернулась и протянула руку через стол.

— Погоди, — остановил ее Хэл. — Позволь сначала объяснить тебе хотя бы в общих чертах, о чем идет речь. Пусть он пока поспит. Я хочу поделиться с тобой кое-какими соображениями. Для того чтобы ты вошла в курс дела, потребуется несколько часов.

— Хорошо. — Аджела убрала руку и снова повернулась к нему улыбаясь. — А сейчас признайся, ты в самом деле не хочешь есть?

Хэл рассмеялся.

Они зашли в одну из столовых и сели за столик; Аджела прикоснулась пальцами к сенсорной клавиатуре столика, и их тут же окружили четыре иллюзорные каменные стены.

— Может, лучше все-таки звезды? — предложил Хэл. — Чтобы они были со всех сторон, как в кабине для занятий?

Аджела улыбнулась, ее пальцы снова забегали по клавиатуре, и в следующее мгновение они уже словно парили в открытом пространстве; сбоку и совсем близко от них висел огромный бело-голубой диск Земли с только что появившейся из-за

его края Луной.

Во все стороны от них простирался бесконечный, сияющий огнями космос. Хэл озирался по сторонам, отыскивая глазами знакомые очертания Марса и Венеры; пытался рассмотреть далекие солнца других обитаемых миров — Сириус, Альфу Центавра, Тау Кита, Процион, Эпсилон Эридана, Фомальгаут и Альтаир. Мысленным взором он видел то, что не могли разглядеть его глаза, — тринадцать других планет, ставших домом для человечества, — Фрайлянд и Новую Землю, Ньютон и Кассиду, Сету, Коби, Сент-Мари, Мару и Культис, Дорсай, Гармонию и Ассоциацию, Мир Даннина.

В своем воображении он представлял себе не только эти планеты, но и живущих на них людей; у него даже на несколько мгновений перехватило дыхание при мысли о том, как их много, и на него снова нахлынуло недавнее чувство пустоты и одиночества.

— Что с тобой? — неожиданно потеплевшим голосом спросила Аджела, внимательно следя за ним своими ясными глазами цвета летней зелени.

— Ну, всего сразу и не расскажешь. — Хэл ободряюще улыбнулся ей. — В любом случае давай

сначала поедим, а потом я поведаю тебе о том, что со мною произошло.

И так, сидя в окружении звезд, они принялись за еду; Хэл тем временем начал рассказывать — о своей жизни на Коби и Гармонии и о тех людях, кто был с ним рядом. Поделился он с Аджелой и тем, как в одиночной камере пришло к нему новое миропонимание.

— Но что же здесь поможет тебе решить проблему Иных? — спросила Аджела, когда он закончил.

— Точнее, проблему современной истории, — поправил он. — Я не знаю. Но ответ должен быть здесь, или его не существует вообще. И я не просто должен найти способ остановить Иных. Я должен найти способ, который окажется одинаково убедительным и для экзотов, и для дорсайцев, и для всех других, кто считает необходимым бороться с ними.

— И ты в самом деле думаешь, что искомое находится здесь?

— Оно должно быть здесь, — сказал он. — Марк Торре утверждает, что Абсолютная Энциклопедия по своему предназначению — нечто гораздо большее, чем обычное хранилище знаний. Если бы это была только моя идея, я мог бы еще сомне-

ваться. Но все вместе мы не можем ошибаться, так как пришли к одному и тому же выводу каждый своим путем.

— Но если это действительно так и конечное предназначение Энциклопедии заключается в чем-то большем... — Она замолчала, неожиданно задумавшись.

— Все правильно, — подхватил он. — Если это действительно так, тогда очень многое становится ясным. Должен быть определенный исторический баланс. Природе совершенно несвойственно выбирать любимчиков и помогать им выиграть за счет других; ей необходимо найти ответ, как выжить. Причины появления Иных уходят своими корнями глубоко в историю; там же лежат и причины, приведшие к созданию Энциклопедии.

— Но как ты можешь быть так уверен в этом? — спросила Аджела.

Он пристально посмотрел на нее.

— Ты когда-нибудь слышала о Камилло Дель-

минио[4] или о «Театре памяти»? — спросил Хэл.

— «Театр памяти»? — Она нахмурилась. — Мне кажется, я где-то слышала или читала о нем... Средневековье? Ренессанс?

— Марк Торре упоминает о театре в своих «Мемуарах о строительстве», — пояснил он. — Именно там я впервые, еще в юности, натолкнулся на сведения о нем, роясь в домашней библиотеке. У меня тут же возникло желание построить себе такой же. Я отправился к Уолтеру, чтобы он подсказал мне, как это сделать, и с его помощью мне удалось обнаружить подлинные факты.

Аджела продолжала смотреть на него, задумчиво нахмурив брови.

— Так «Театр памяти» на самом деле был построен?

— По крайней мере частично. Сначала в Болонье, а позже при поддержке французского короля Франциска Первого в Париже. Камилло родился около тысяча четыреста восьмидесятого года. Он был профессором Болонского университета.

---

[4] ѕримечани¤: 4

Giulio Camillo Delminio (1485-1544) — итальянский литератор и знаток восточной и классической филологии; просвещеннейший человек своего времени. Увлекался неоплатонизмом и кабалистикой. Большой поклонник Цицерона; разработал идею «Театра риторики», в котором оратору помогали бы определенным образом расставленные на сцене предметы и символы.

Денег на строительство не хватало — вот почему он и его театр оказались связанными с именем Франциска Первого.

Идея заключалась вот в чем: любой человек, стоя на сцене и глядя на произведения искусства, расставленные в определенном порядке на разных, все возрастающих уровнях, мог бы произносить речи на любую тему из любой области знаний, известных человечеству, пользуясь при этом предметами как подсказкой.

Она удивленно смотрела на него.

— Где он мог почерпнуть свою идею? Шестнадцатый век... — Аджела задумалась.

— Идея использовать различные предметы в качестве мнемонических подсказок восходит, по меньшей мере, еще к Древней Греции, — сказал Хэл. — Ранние богословы и схоласты широко пользовались этим в своей проповеднической практике, а позже, во времена Ренессанса, философы-мистики применяли ее в качестве основного приема для пропаганды своих эзотерических знаний. В шестнадцатом веке эта идея породила «Театр» Камилло Дельминио, он явился как бы прообразом будущих технологий и самой Абсолютной Энциклопедии.

Тебе, надеюсь, понятно, что вся эта цепочка

взлетов человеческой мысли, начиная с «Театра памяти» и кончая Энциклопедией, представляет собой этапы беспрестанных попыток человеческой расы открыть в самой себе новые возможности. Именно это и лежит в основе конфронтации Иных и всего остального человечества. Разворачивается настоящая битва, и закончится она еще не скоро.

— Ясно, — кивнула Аджела. — Все в порядке. Теперь я понимаю. Поэтому чем скорее ты переговоришь с Тамом, тем лучше. Если ты закончил есть, то можно сразу отправиться к нему.

— Даже если и не закончил, — улыбнулся Хэл.

Хэлу показалось, что с тех пор, как он в последний раз видел Тама Олина, ни во внешности старика, ни в его манере держаться ничего не изменилось. И вот они опять — на иллюзорной лесной поляне. Более того, даже выражение лица было точно таким же, как и в прошлый раз.

— Приветствую тебя, Хэл Мэйн. — Но голос его прозвучал немного иначе.

Разница была совсем незначительной, но тонкий слух Хэла все же уловил, что голос старика стал чуть более тихим, усилие, с которым он произносил звуки, чуть более заметным, а паузы между словами — более длинными.

— Садись сюда, Хэл. — Аджела, подвела его к креслу, находившемуся на расстоянии вытянутой руки от кресла, в котором сидел Там, и сама заняла соседнее.

— Итак, ты вернулся, — сказал Там.

— Да, — ответил Хэл. — Но я вернулся, потому что мне необходимо здесь кое-что сделать. Это означает, что Энциклопедия, как мне кажется, наконец выполнит ту роль, для которой она и предназначена.

— Расскажи-ка поподробнее, — попросил Там.

— Вы были правы, когда говорили мне об Армагеддоне во время моего прошлого визита сюда, — сказал Хэл. — Мне понадобилось около шести лет, чтобы это осознать. Когда я уезжал отсюда на рудники Коби, я не понимал, что делаю. Я только знал, что мне необходимо найти безопасное укрытие, и то, что мне предстоит еще кое-что сделать. Что именно, я тогда еще и сам не знал. Но теперь знаю.

— Так, — кивнул Там. — Тебе необходимо было разобраться самому. Я это знал уже тогда.

— Я не понимал людей, — продолжил Хэл. — Я рос словно под стеклянным колпаком. Вот почему мои воспитатели хотели, чтобы я отправился на Коби. На Коби началось пробуждение...

И далее он поведал Таму об Уолтере, Малахии и Авдии, о Коби, Гармонии и часах, проведенных в милицейской камере, обо всем, что открылось ему там, и о том, что последовало потом, вплоть до настоящего момента. Там сидел абсолютно неподвижно и слушал его с каменным лицом. Когда Хэл завершил свой рассказ, он долго молчал.

— И кончилось все тем, что ты снова оказался здесь, — произнес он наконец.

— Кончилось, но только для данного этапа, — согласился Хэл. — Теперь я ясно представляю себе ситуацию; сейчас я способен видеть гораздо дальше, и понимаю, что Иные — всего лишь часть настоящей проблемы; они — лишь симптом, а не истинная причина. Настоящая проблема заключается в том, что мы все подошли к черте, где у нас больше нет выбора. И теперь мы должны — совершенно осознанно — взять на себя ответственность за то, что произойдет с нами, а не двигаться ощупью, полагаясь только на инстинкт, как мы привыкли всегда поступать с тех пор, как впервые стали задумываться над тем, что будем есть и где будем ночевать в очередной раз. Один из инструментов, который призван помочь нам в этом, находится здесь. Абсолютная Энциклопедия — это все, что нам удалось создать

за многие столетия варварства и всего несколько веков существования цивилизованного общества, которое в конечном счете и привело нас к критической ситуации, когда небольшая горстка людей способна уничтожить все человечество.

— Это так, — произнес Там и вновь затих. Его взгляд был устремлен куда-то в пространство между Аджелой и Хэлом; и когда через некоторое время он снова заговорил, он обращался не столько к ним, сколько к самому себе.

— Знаете ли вы, что это такое — пытаться управлять историей? — Он повернулся к Хэлу. — Имеешь ли ты представление о величине и мощи тех сил, которые, как ты говоришь, собираешься взять под свой контроль? Я однажды попробовал нечто в этом роде, у меня были для этого возможности. Я поднял социальную бурю против целого народа. Эта буря должна была поглотить всех квакеров, поглотить навсегда. И единственное, что меня остановило, — это встреча с человеком по имени Джеймтон Блэк, который ни за что не хотел уступить мне.

Аджела наклонилась и положила руку на его ладонь, покоящуюся на мягком подлокотнике кресла. Хэл смотрел на нежную белую руку, лежащую поверх темной, иссушенной годами

старческой ладони.

— Ты посвятил этому почти девяносто лет своей жизни, — мягко сказала она.

— Я? Все, что я делал, — это оберегал очаг, не давал огню погаснуть... — Его голова слегка качнулась из стороны в сторону. — Но мне известно, на что способна история, когда она приходит в движение.

Он снова посмотрел на Хэла.

— И это как раз то, с чем ты, как говоришь, собираешься иметь дело, — сказал он. — Даже если ты окажешься прав в отношении Энциклопедии, даже если все, на что ты рассчитываешь, сложится наиболее благоприятным для тебя образом, все равно ты будешь подобен муравью, который вознамерился управлять ураганом. Ты это понимаешь?

— Думаю, что да, — серьезно ответил Хэл.

— Кто знает, — вздохнул Там. — Хотелось бы посмотреть, что у тебя из этого выйдет. Может быть, послужит мне оправданием, покажет этим людям, которых я готов был уничтожить, если бы у меня это получилось, что за все эти годы от меня был хоть какой-то прок, а заодно послужит оправданием Марку Торре и всем, кто придет работать сюда после него. Но подумай, ведь ты

можешь просто закрыть глаза на то, что всех нас ждет. Ты можешь использовать свой разум и свою энергию на то, чтобы найти для себя и для того, кого ты полюбишь, уютную нишу, где можно укрыться от бури, и прожить там отпущенный тебе срок, не обращая внимания на то, что должно произойти с людьми, которые так никогда и не узнают, кем ты был и каких усилий стоило бы тебе то, что ты хотел осуществить. У тебя еще есть время отступить.

— Нет, — ответил Хэл. — Ни за что. Даже если бы мне дали возможность думать до бесконечности.

Там глубоко вздохнул и с усилием выпрямился в своем кресле.

— Ну хорошо, — сказал он. — Тогда тебе следует знать, что против того, что ты задумал, сразу же выступят, как минимум, десять миров. Блейз Аренс уже развернул план мобилизации денежных и физических ресурсов с тем, чтобы взять под свой контроль то, что Иным еще не подвластно, и не остановится перед тем, чтобы применить, если понадобится, оружие.

Несколько мгновений все молчали.

— Блейз? — наконец переспросил Хэл. — А Данно?

— Данно умер совершенно неожиданно четыре

стандартных месяца назад, — сказал Там. — Теперь Иными руководит Блейз. В сущности, он и раньше фактически был их главой, и совершенно ясно, что больше он ждать не будет и вскоре приступит к решительным действиям.

Хэл восхищенно смотрел на старика.

— Откуда вы это знаете? — спросил он. — Как вам удалось узнать об этом плане, о мобилизации?

— Это прослеживается по сотням тысяч самых обычных информационных сообщений, поступающих по нейтральным каналам, — сказал Там. — От меня только требовалось собрать и правильно прочитать их. Кроме того, к нам отовсюду приезжают ученые, и по тому, чем они интересуются и о чем расспрашивают, можно судить, какова ситуация на этих планетах.

— По нейтральным каналам? — Хэл вопросительно посмотрел на Аджелу.

— Я не в курсе дела. — Она слегка побледнела. — Но я уже говорила тебе, никто не умеет так считывать информацию с каналов, как Там.

— Этому со временем может научиться каждый, — сказал Там. — Уж поверь мне.

Глядя на этого человека, который так долго управлял Абсолютной Энциклопедией, неукос-

нительно следуя замыслам Марка Торре, Хэл впервые осознал, что Там воспринимал свою задачу совершенно иначе, чем часовой, охраняющий некий объект. Для него это скорее было сравнимо с охраной живого существа. Им руководила не обычная свирепость дракона, сторожащего чужое сокровище, а беззаветная преданность человека, защищающего и оберегающего собственное дитя. Для него станция была не бездушным творением технической мысли, а одушевленным существом, которому он посвятил многие годы своей жизни.

— В таком случае времени у нас осталось немного, — вздохнул Хэл.

— Совсем немного, — согласился Там. — Что ты думаешь делать?

Теперь, когда решение было практически принято, прилив энергии, который Хэл ощущал в старике еще мгновение назад, уступил место глубокой усталости.

— Я хочу с помощью Энциклопедии попытаться выявить причины, приведшие к появлению Иных, — сказал он, — а также к появлению тех, кто способен им противостоять. Это процесс, с помощью которого знание дает жизнь идее, а идея находит свое выражение в искусстве — это и является ключом к тому, как в конечном сче-

те должна использоваться Энциклопедия. Но начать нужно со знания. Пока у меня не будет полной ясности относительно того, каким образом мы пришли к текущей ситуации, я не могу надеяться, что мне удастся выявить человеческие факторы, ответственные за нынешнюю конфронтацию. Поэтому, пока Блейз проводит свою мобилизацию, я отправлюсь в глубь веков. И другого пути к поставленной цели у меня нет.

Глава 50

С тех пор как Хэл вернулся на Абсолютную Энциклопедию, прошло около года, и знания, почерпнутые им за это время, сложились в определенную схему, которая дала ему новый инструмент для осмысления мира, но этот опыт оказался гораздо более тяжелым испытанием для его духа, чем он мог себе это представить двенадцать месяцев назад. Новые знания позволили ему заглянуть внутрь себя значительно глубже, чем он считал возможным за такое короткое время, но одновременно разбудили спящих в его душе ангелов и демонов, о существовании которых он прежде и не подозревал. Он наконец не только понял, кто он сам такой, но и осознал, что он должен делать, и эти два открытия легли тяжелым бременем на его плечи.

Он сидел в кресле, которое, казалось, парило в пространстве где-то над восточным полушарием Дорсая. Прямо под ним находилось смоделированное объемное изображение поверхности планеты, почти сплошь покрытой водой. Обычно мешающие видимости облака отсутствовали, и

поэтому ему были прекрасно видны бесчисленные крохотные белые огоньки, разбросанные по поверхности многочисленных островов; именно эти огоньки и интересовали Хэла в данный момент.

Каждый из этих огоньков соответствовал взлетно-посадочной площадке, способной принимать и отправлять тяжелые космические корабли. Хэл повернул изображение поверхности Дорсая так, чтобы под ним оказалось теперь его западное полушарие; огоньков здесь оказалось не меньше.

Даже на Культисе и Маре суммарное количество подобных площадок было существенно меньше, чем Хэл видел сейчас перед собой. Большое количество взлетно-посадочных площадок на Дорсае объяснялось тем, что на протяжении почти трех столетий эта планета не только являлась основным поставщиком солдат другим мирам, но и была местом, где они проходили полный курс обучения в многочисленных пунктах подготовки.

Хэл запросил у справочно-информационной системы полный перечень взлетно-посадочных площадок, которые он только что наблюдал, с указанием их точного местонахождения и расстояния до ближайших населенных пунктов.

Раздался мелодичный звонок и вслед за ним голос, донесшийся как будто из самого звездного пространства.

— Хэл? Это Джимус Уолтерс. Я могу заскочить прямо сейчас, если ты не возражаешь.

— Давай, — ответил Хэл.

Коснувшись пальцами клавиатуры, он приостановил подготовку запрошенного перечня и восстановил привычный интерьер маленькой рабочей кабины, примыкающей к его комнате на Абсолютной Энциклопедии. Мгновение спустя дверной звонок тоном более низким, чем у переговорного устройства, возвестил о прибытии Джимуса Уолтерса.

В комнату вошел невысокий коренастый человек средних лет со светлыми волосами и приятным круглым лицом.

— Садись, — сказал Хэл. — Как у тебя со временем?

— Не беспокойся. Времени столько, сколько тебе будет нужно, — ответил Джимус. — Когда ты позвонил в прошлый раз, мы как раз занимались периодической проверкой.

Хэл опять коснулся пульта, одна стена комнаты исчезла, и на ее месте появилось изображение Абсолютной Энциклопедии, видимой как бы

снаружи; оно занимало все пространство между полом и потолком и было так близко, что присутствующие могли, протянув вперед руку, коснуться серой, чуть размытой поверхности защитного экрана станции.

— У меня так и не было времени узнать получше, что он собой представляет. — Хэл внимательно рассматривал защитный Экран. — Ты говоришь, периодическая проверка? Я думал, экран полностью автономен.

— Естественно, — кивнул Джимус. — Единожды созданный, он больше не зависит ни от чего во Вселенной. Так же как любой космический объект во время фазового сдвига должен быть независим от Вселенной, иначе он не мог бы перемещаться в пространстве. Но одно из следствий этой независимости заключается в том, что все внутри него постепенно выдвигается за его пределы, поскольку мы постоянно движемся вместе со всей Солнечной системой. Поэтому мы сделали так, что защитный экран движется вместе с нами; в противном случае мы уничтожили бы себя, пытаясь пройти сквозь него, точно так же, как уничтожается все, что пытается проникнуть сквозь него снаружи. Нам приходится постоянно производить определенную подстрой-

ку различных систем, например, обеспечивать функционирование лепестковых диафрагм — их раскрытие и закрытие...

Он замолчал недоговорив и посмотрел на Хэла.

— Но ведь ты пригласил меня не для того, чтобы выслушать лекцию о фазовом экране?

— Вообще-то именно для того, — ответил Хэл. — У меня в связи с ним есть кое-какие вопросы. Насколько большим вы можете его сделать? Меня интересует, какое максимальное пространство вы можете оградить и защитить таким экраном?

Джимус пожал плечами:

— Теоретически никаких ограничений нет. Ну, разумеется, естественный предел устанавливается мощностью источника энергии, необходимой для создания экрана и выполнения подстройки.

— Ну и каков в таком случае, к примеру, будет практический предел? — спросил Хэл.

Джимус озадаченно взъерошил поредевшие волосы на затылке.

— Теоретически мы можем расширить вот эту сферу до размеров, в несколько раз превышающих Солнечную систему, принимая в расчет энергию нашего солнца, но фактически, как только мы достигнем размеров земной орбиты, солнце окажется внутри сферы... — Он замол-

чал. — Я должен кое-что просчитать.

— Но тогда, — сказал Хэл, — практически нет никакой проблемы в том, чтобы создать защитную сферу, способную вместить один отдельно взятый мир?

— Пожалуй, нет... не должно, — ответил Джимус. — Правда, возникнут кое-какие проблемы, связанные с подстройкой. Из тех, что никогда нельзя предвидеть. Даже сейчас здесь, на Энциклопедии, у нас появилось несколько проблем, касающихся прохождения через защитный экран внутрь станции и в обратном направлении. Кроме того, чтобы черпать энергию, мы должны с определенной периодичностью раскрывать лепестковые диафрагмы навстречу солнцу... я хочу сказать, что управление сферой большей, чем эта, будет весьма сложно не только с точки зрения ее обслуживания, но и с точки зрения того, где и когда вы захотите использовать лепестковые диафрагмы. Я полагаю, надо исходить из того, что количество входящего и исходящего транспорта должно быть также пропорционально тому, что у нас здесь сейчас есть. Потому что при любом расхождении...

— Расхождения пока не будем учитывать, — поспешно вставил Хэл. — Не мог бы ты подготовить

для меня несколько цифр для планеты, скажем, чуть большей по размерам, чем Земля?

— Разумеется. — Джимус пристально посмотрел на Хэла. — Я думаю, мне не следует спрашивать, зачем тебе все это?

— Если ты, конечно, не против.

— Еще как против. — Джимус снова взъерошил волосы на затылке. — Я просто сгораю от любопытства. Ладно... дай мне неделю.

— Спасибо, — улыбнулся Хэл.

— Не надо благодарить. Мне и самому это интересно. Что-нибудь еще?

— Больше ничего. И спасибо за то, что зашел, — сказал Хэл.

— Пустяки. — Джимус встал. — Если через неделю я не объявлюсь, значит, я заклинился на какой-нибудь побочной проблеме, связанной с обслуживанием экрана. Тогда позвони мне сам, и я доложу тебе, как продвигается наше дело. Думаю, ты понимаешь, что, как только этот вопрос перестанет быть чисто теоретическим, ты должен будешь рассказать мне, что у тебя на уме, если рассчитываешь получить действительно точный ответ.

— Конечно. Я понимаю. Еще раз спасибо. — Хэл проводил взглядом Джимуса.

Как только дверь за ним закрылась, он убрал изображение Абсолютной Энциклопедии и позвонил Аджеле.

— Как дела? — спросил он, увидев на экране видеотелефона ее лицо. — Могу я сейчас прийти и рассказать вам обоим все, что я узнал?

— Прекрасно, — ответила она. — Будем ждать тебя в офисе Тама.

— Уже иду.

Хэл переступил порог кабинета Тама, направился к креслам около его стола, сел в одно из них и улыбнулся Таму.

— Как дела?

— Нормально, — кивнул Там. — Обо мне можешь не беспокоиться. Тебе удалось выстроить цепочку последовательных явлений?

— Во всяком случае до четырнадцатого века, — ответил Хэл. — Вплоть до конкретного исторического периода, ключевой фигурой которого был некто по имени Джон Хоквуд.

— Аджела рассказывала мне о нем, еще когда ты впервые был здесь, и о твоем интересе к Найджелу Лорингу, герою романа Конан Дойля. — Там изучающе смотрел на Хэла. — Но настоящий Лоринг был другим. Он был одним из первых кавалеров ордена Подвязки, служивших под ко-

мандованием Черного Принца, ведь так? Все, что я знаю, это то, что Хоквуд вскользь упоминается у Фруассара.

— После заключения мирного договора в Бретиньи, когда Черный Принц захватил у Пуатье в плен короля Иоанна[5], Англия и Франция жили в мире. Хоквуд был одним из предводителей Белого отряда, который, перевалив через горы, оказался в Италии, — пояснил Хэл. — Два десятилетия спустя он стал Главнокомандующим силами Флоренции, а ведь ему было уже за сорок.

— Аджела сообщила мне, что его называют «первым из современных генералов», — сказал Там. — Как же тебе удалось раскопать сведения о нем? И почему ты до сих пор ни словом не обмолвился о том, как продвигаются твои исследования?

— Потому что это один из тех случаев, когда невозможно было сложить полную картину, пока не собраны все ее фрагменты, — пояснил Хэл. — Вплоть до последней недели я двигался,

---

[5] Примечание: 5

Иоанн II Добрый (Jean Ie Bon) (1319-1364) — французский король. В ходе Столетней войны был пленен в битве при Пуатье (1356) и увезен в Лондон. После заключения в 1360 году в Бретиньи мирного договора между Англией и Францией, который закрепил за Англией значительную часть французских территорий, был отпущен в Париж, но вернулся в плен в 1364 году из-за неуплаты англичанам выкупа и бегства от них заложника, его сына.

полагаясь только на веру в себя. Вот почему я не мог сообщить вам ничего конкретного.

— Веру в себя, — пробормотала Аджела. Там посмотрел на нее:

— Все в порядке. — И снова повернулся к Хэлу:

— Расскажи нам обо всем, как ты это понимаешь. Я не буду перебивать.

— Как вы знаете, я начал свои исследования, продвигаясь от настоящего времени в глубь веков, — начал Хэл. — Иные — это потомки от смешанных браков между представителями различных Осколочных Культур. Тем самым они являются порождением тех же социальных факторов, которые характеризуют ту или иную Осколочную Культуру. Сами же Осколочные Культуры — продукт различных социальных формаций, существовавших на старушке Земле накануне и в самом начале эпохи фазового сдвига, и последовавшего за этим столетия массовой эмиграции с Земли, в результате которой были заселены нынешние миры. Так экзоты уходят корнями в существовавшую в двадцать первом веке организацию, называвшую себя Гильдией и возникшую на волне характерного для двадцатого века апокалиптического всплеска интереса к восточным религиям, оккультизму

и паранормальной деятельности. Квакеры же — это потомки колонистов, поддерживавшихся так называемыми странствующими общинами, что появились в век «великого переселения», и выступавших за возрождение религиозного фундаментализма; и так как далее и тому подобное.

— Действительно апокалиптическое время, — проворчал Там. — Всякий раз, как только возникает какая-нибудь социальная напряженность, появляются разнообразные религиозные общества, подогревающие истерию. Это касается не только западных христиан; то же самое происходит в подобной ситуации и с евреями, и с мусульманами.

— Однако в двадцатом веке история совершила резкий поворот, — продолжил Хэл. — Наступила эпоха освоения космоса. До того времени люди, как правило, не задумывались об истинных размерах Вселенной за пределами земной атмосферы и мизерности своей родной планеты по сравнению с ней. И вдруг стало невозможным игнорировать это и дальше, что для большинства явилось сильнейшим психологическим шоком. Земля внезапно перестала быть безопасным и уютным домом.

Шок, пережитый всем человечеством в целом,

сделал это столетие совершенно уникальным во всей его истории, как современной, так и древней, и люди не могли не понимать этого. Я знаю, что для каждого человека период времени, в котором он живет, представляется наиболее важным, но люди двадцатого века имели все основания считать так. Новое представление о космосе потрясло их, до самых глубин подсознания и, как следствие, встряхнуло всю существовавшую на тот момент общественную структуру старушки Земли. Эта структура формировалась на протяжении пяти столетий технического прогресса, темпы которого к середине девятнадцатого века стали подобны взрыву... Но может быть, я излагаю события слишком быстро?

— Разве я это сказал? — отозвался Там.

— Нет. — Хэл улыбнулся старику. — Все, что я старался делать во время своего экскурса в прошлое, это связать отдельные этапы развития истории с конкретными историческими персонажами. Например, необходимыми предпосылками для возникновения нынешних социальных условий, способствовавших быстрому подъему Иных, были объединение Доналом Гримом всех четырнадцати миров в рамках единой юридической системы и ликвидация эксплуатации одних ми-

ров другими.

— Я видел Грима только однажды. — Архаичная манера называть человека только по фамилии в сочетании с хрипловатым старческим голосом Тама невольно резанула слух Хэла. — Это было на приеме, устроенном в его честь, на Ньютоне. Нельзя сказать, чтобы он выглядел слишком впечатляюще.

— Но в любом случае, — продолжил Хэл, — то, что осуществил Донал, ему вряд ли удалось бы сделать, если бы не было такого уникального сообщества людей, как дорсайцы, которые изначально представляли собой просто пушечное мясо для межколониальных войн, сопровождавших освоение людьми новых миров. В свою очередь, то, во что они превратились, и то, что удалось совершить Доналу, было бы невозможно без неортодоксальной военной науки, разработанной Клетусом Гримом.

— Это что, семейная черта? — усмехнулся Там.

— Для дорсайской культуры характерно сильно развитое чувство семьи, — сказал Хэл. — То, что Донал и Клетус оказались родственниками, для Дорсая не так удивительно, как было бы для любой другой планеты. Но Клетус даже в то время немногого бы добился без материальной

поддержки экзотов; а экзоты стали теми, кем они есть, исключительно благодаря...

— Уолтеру Бланту, — закончил за него Там.

— Я так не думаю, — медленно произнес Хэл. — Уолтер Блант, по всей видимости, был совершенно искренен в своих проповедях относительно того, что человеческая раса может излечиться от своих болезней, только пройдя через очистительное разрушение. Мне еще многое предстоит узнать об Уолтере Бланте и Гильдии. На первый взгляд его теория противоречит исповедуемому экзотами принципу поиска эволюционных путей развития человечества, и тем не менее экзоты выросли именно из Гильдии. Нет, здесь в самом конце двадцать первого века на арене неизвестно откуда внезапно появляется совершенно другой человек — однорукий горный инженер Пол Формейн, который оказывается вовлеченным в деятельность Гильдии, основанной Уолтером Блантом. За весьма короткий срок он умудряется бросить вызов лидерству Бланта в этой организации и все в корне изменить в ней. Почти сразу же после своей победы Пол Формейн утонул вместе со своей маленькой парусной лодкой в Тихом океане неподалеку от берега.

Его прервал звонок переговорного устройства.

— Ну что там? — недовольно проворчал Там. — Аджела, я думал, ты предупредила...

— Я предупредила, чтобы нас не беспокоили за исключением экстренных случаев, — ответила она и протянула руку к пульту в подлокотнике своего кресла. — Они бы не позвонили, если бы... Чуни?

— Аджела? К нам обратился Блейз Аренс. Он просит о встрече с Хэлом Мэйном.

Аджела отпустила палец с кнопки связи. Оба, и она и Там, повернулись к Хэлу.

— Хорошо, — после секундной паузы произнес Хэл. — Думаю, так и должно было случиться. Конечно, я поговорю с ним.

— Скажи Блейзу Аренсу, что он может прилететь, — распорядилась Аджела. — Хэл встретится с ним.

— Хорошо, — ответил голос на том конце. — Да... Аджела?

— Что?

— Мы получили еще один запрос, почти в это же самое время, с шаттла, который как раз в этот момент находится в отсеке Б. Это некий экзот по имени Амид; у него нет пропуска, но он тоже хочет говорить с Хэлом. Блейз Аренс находится на борту частного корабля неподалеку от станции.

Мне кажется, они не знают друг о друге.

Аджела снова посмотрела на Хэла.

— Сначала Амид, — сказал Хэл, — потом Блейз. У Амида может быть информация, которая окажется для меня полезной при встрече с Блейзом. Я уже говорил вам об Амиде; ему я послал свои документы, когда милиция на Гармонии наконец добралась до меня, и он попросил экзотское консульство помочь мне, если мне когда-нибудь удастся добраться до них. Позже он взял меня под свою опеку на Маре.

— Пригласи их обоих, Чуни, — приказала Аджела. — Первым Хэл примет Амида. Проводи его в комнату Хэла и постарайся, чтобы они не встретились.

Она посмотрела на Хэла, тот кивнул. Она выключила связь.

— Хорошо, — сказал Хэл. — Я думаю, при сложившихся обстоятельствах мы вынуждены прервать наш разговор. Мне надо слишком много вам сообщить, поэтому я не хочу сейчас все комкать. Дело в том, что выстроенная мною цепочка приводит нас в четырнадцатый век к Джону Хоквуду. Или, иными словами, к Ренессансу; но, если бы не Джон Хоквуд, Ренессанса, возможно, и не было бы.

— Не слишком ли сильно сказано? — запротестовал Там. — Не хочешь же ты сказать, что история развивается в том или ином направлении не вследствие определенной последовательности социальных явлений, а лишь благодаря появлению цепочки необычных личностей?

— Вовсе нет, — ответил Хэл. — Изгибы и повороты потока истории определяются давлением существующих в нем исторических сил; и они же в поворотные моменты истории выбрасывают на поверхность различные необычайные личности. Но примерно тысячу лет назад человеческая раса вступила в пору, когда некоторые люди стали пытаться привнести в исторический процесс элементы осознанности; в зависимости от того, насколько велика была степень этой осознанности, каждый из них с этого момента получал возможность сознательно, с большим или меньшим успехом, изменять направление потока истории по своему усмотрению. Вот почему люди, подобные Блейзу, прекрасно разбирающиеся в происходящих процессах, могут сейчас воздействовать на историю во много раз сильнее, чем когда-либо в прошлом.

Он встал.

— Мне пора идти, — сказал он. — Я хочу успеть

переговорить с Амидом, чтобы Блейз не заподозрил, что я заставил его ждать.

— А что с того, если он и заподозрит? — удивилась Аджела.

— Не знаю, — ответил Хэл. — Будь это кто другой, я бы и не беспокоился. Но я не хочу давать его необыкновенно острому уму даже малейшую зацепку для возможных заключений. Мы встретимся снова, как только я переговорю с обоими визитерами.

Когда Хэл вошел в свою комнату, Амид, похожий на игрушку в своем серебристо-сером хитоне, уже дожидался его там. Маленький экзот стоял возле рабочего стола Хэла.

— Садитесь, — предложил Хэл и сам опустился в кресло немного в стороне от стола. — Очень рад вас видеть.

Амид сухо улыбнулся.

— Это очень любезно с твоей стороны, — сказал он. — Ты в самом деле рад видеть меня?

— Конечно, — кивнул Хэл. — Вы надолго сюда?

Лицо Амида помрачнело.

— Навсегда, — тихо произнес он. На какой-то момент он показался Хэлу таким печальным и старым, каким он его еще никогда не видел. — Или, выражаясь конкретным языком, на столько,

на сколько я смогу быть тебе полезным.

Хэл некоторое время раздумывал над его словами.

— Следует ли это расценивать как то, что экзоты наконец изменили свое мнение обо мне?

— В каком-то смысле, — ответил Амид. — Я боюсь, мы все-таки решили отказаться от борьбы. Вот почему я здесь.

— Отказаться от борьбы? — Хэл вопросительно посмотрел на него. — В этом не больше смысла, как если бы заявить, что слон решил отказаться от своей слоновьей сущности. Вас что, следует понимать буквально?

— Буквально? Конечно, нет, — покачал головой Амид. — Не буквальное, чем заявление любого здравомыслящего человека, говорящего, что он решил прекратить жить. Сама мысль о смерти невыносима, но, поскольку Иные все равно нас всех перебьют, нам больше не на что уповать. Все наши расчеты показывают — у нас нет другого выхода. По существу, борьба закончена. Иные уже победили.

— Вы не можете говорить так всерьез, — запротестовал Хэл.

— А другого ответа и нет. Что тебе известно об их последних акциях?

— Немного, — ответил Хэл. — Мы, конечно, анализируем данные, которые доходят до нас, и все говорит о том, что Блейз Аренс как раз сейчас проводит ускоренную мобилизацию. Правда, все это на уровне предположений, хотя и с высокой степенью вероятности. Конкретной же информацией мы практически не располагаем.

— Вот поэтому я и прилетел сюда. Я могу вам в этом отношении оказать существенную помощь. — Амид держался очень спокойно, как вообще свойственно экзотам, но тем не менее Хэл чувствовал в нем некоторую напряженность. — В частности, дело не столько в том, что Иные проводят против вас мобилизацию, сколько в том, что этот процесс зашел уже так далеко, что стал, похоже, необратимым. Но сначала обо мне. Поскольку все мы оказались в совершенно безвыходном положении, нам было позволено каждому действовать по собственному усмотрению. Поэтому я решил поддаться тому, к чему меня самого больше всего тянуло, и предложить тебе мои услуги, пока с Иными еще можно хоть как-то бороться. Именно это я имел в виду, когда сказал, что могу остаться здесь насовсем, если ты этого захочешь. Я могу оставаться с тобой до самого конца.

Хэл откинулся в кресле и задумался.

— Да, — добавил Амид, — между прочим, теперь мы признаем, что ты и дорсайцы оказались правы. Попытка индивидуального устранения Иных ничего бы не дала. Сейчас каждого из них поддерживает огромное количество сторонников среди населения тех девяти миров, которые они контролируют. Даже если бы удалось убить кого-нибудь из них, то это лишь привело бы к соответствующим акциям против нас.

— Каким образом Блейз смог настолько форсировать свою мобилизацию, что все экзоты разом поверили, что он уже победил? — спросил Хэл.

— Не то чтобы уже победил, — ответил Амид, — но победит непременно. Дело в том, что Иные, похоже, обладают колоссальной способностью воздействовать на людей. Блейзу фактически удалось настроить общественное мнение против всех, кто противостоит ему.

Амид грустно улыбнулся.

— Этот человек — гений. Он просто вывернул все наизнанку. Он сделал из Иных борцов с теми, кто намеревается погубить цивилизацию. В глазах общественного мнения Земля — теперь центр заговора, имеющего целью покорить Молодые Миры и поработить их население. И во главе

этого заговора стоят люди вроде тебя, обосновавшиеся на Абсолютной Энциклопедии, которые, как всем известно, на протяжении последних двухсот лет занимались разработкой научной черной магии огромной силы, и неоспоримое доказательство тому — феномен фазового сдвига, который позволил им самим укрыться за защитным экраном. Более того, последние два столетия Энциклопедия только тем и занималась, что создавала страшное оружие, способное полностью уничтожить население любой планеты, если те откажутся подчиниться им. Единственное, на что остается надеяться Молодым Мирам, так это то, что Абсолютная Энциклопедия еще не готова действовать, и поэтому если они не будут мешкать, то смогут убить дракона еще до того, как он вылезет из своей пещеры.

Несколько мгновений Хэл сидел молча.

— Понятно, — наконец произнес он.

— Иные объявили себя руководителями и организаторами движения за спасение Молодых Миров. По их словам, в заговоре вместе с Абсолютной Энциклопедией участвуют их исторические приспешники в лице экзотов, дорсайцев и части сбившихся с пути истинного квакеров, которые должны помочь деморализовать Молодые Миры

накануне решающего удара землян; поэтому с ними тоже необходимо покончить раз и навсегда.

Амид замолчал.

— Обрати внимание, — через несколько мгновений продолжил он, — насколько грамотно начата эта линия — она позволяет позже развить ее до утверждения, что если люди хотят обеспечить себе и дальше безопасное существование, они должны уничтожить или поставить под свой строгий контроль все знания, науки и тому подобных демонов, с тем чтобы в будущем они никогда больше им не угрожали.

— И как много в процентном отношении уже поддалось на эту пропаганду? — спросил Хэл.

— Процентов двадцать, — ответил Амид. — Вот почему по нашим расчетам выходит, что у нас нет надежды победить. Этого более чем достаточно для того, чтобы обеспечить пушечным мясом Иных в войне против нас. По существу, что двадцать процентов, что сто, уже не имеет значения. За этими двадцатью процентами стоит такое огромное количество людей, что, даже если их построить в шеренгу по двадцать человек, они будут двигаться на нас нескончаемым потоком. К тому же следует учесть их способность к естественному воспроизводству от поколения к

поколению на тот случай, если война затянется надолго.

— Хорошо, Иные располагают людскими ресурсами, — заметил Хэл. — Но для того чтобы развязать широкомасштабную войну между мирами, необходимо еще кое-что. Тыловое обеспечение.

— Это так, — ответил Амид. — Поэтому у нас еще есть время. Но по расчетам экзотов эта война в любом случае неотвратима и наша гибель неизбежна.

Он смотрел Хэлу прямо в глаза.

— Теперь ты понимаешь это. Да, я знаю, еще десять лет назад такое вооруженное нападение одного мира на другой показалось бы ожившим кошмаром. Никто не отважился бы на подобное, учитывая огромные человеческие потери. Иных не волнует цена; их интересует только результат.

Хэл кивнул.

— Поскольку все обстоит именно так, — сказал он, — а в расчетах экзотов вряд ли можно надеяться найти какую-нибудь погрешность...

— Исключено, — заверил Амид.

— Так стоило ли вообще приходить ко мне? — закончил свою мысль Хэл. — По вашим словам,

ни от меня, ни от вас ничего не зависит. При таких обстоятельствах мудрому экзоту ничего другого не остается, кроме как сдаться.

— В таком случае я, возможно, не мудрый экзот, — улыбнулся Амид, — несмотря на все мои морщины. Как я уже сказал, я волен теперь делать что захочу, и поэтому я могу позволить себе тешиться неоправданной иррациональной надеждой, что, когда Иные со своим харизматическим талантом вытащат из шляпы кролика, о существовании которого никто даже не подозревал, ты, возможно, вытащишь своего, столь же неожиданного для всех, умом я, конечно, понимаю, что эта надежда — сущий нонсенс, но думаю, я буду чувствовать себя гораздо лучше, если не перестану сопротивляться до самого конца, каким бы горьким он ни был. Так что я предпочитаю оставаться здесь по возможности столько, сколько смогу быть тебе полезен.

— Понимаю, — кивнул Хэл. — В каком-нибудь из твоих предков случайно не было дорсайской крови?

Амид рассмеялся:

— Я просто думаю, что могу пригодиться тебе, например, открыть тебе доступ к особой высоконадежной информации, хранящейся в

информационной сети экзотов, которую они создавали и совершенствовали на протяжении веков. Если бы я мог организовать для тебя информационный центр прямо здесь, ты бы сам убедился, насколько ценными сведениями я мог бы тебя обеспечить.

— Я не сомневаюсь, — ответил Хэл. — Хорошо. Спасибо. Буду рад видеть вас снова.

Он встал. Амид поднялся вслед за ним.

— Мне жаль сейчас прерывать наш разговор, — сказал Хэл. — Но у нас еще будет время поговорить. А сейчас мне нужно встретиться кое с кем еще.

Хэл протянул руку к пульту в подлокотнике кресла, с которого только что встал, и вызвал Аджелу.

— Хэл. — Ее голос отчетливо прозвучал в комнате, хотя изображения на экране видеотелефона не появилось.

— Я хотел бы, чтобы Амид остался у нас, — сказал Хэл. — Мы не могли бы предложить ему что-нибудь подходящее для жилья?

— Если его устроит обычная комната для приезжих ученых, то нет проблем, — ответила Аджела. — Скажи ему, чтобы, как только выйдет от тебя, сразу свернул направо; я буду ждать его в

первой же комнате.

— Спасибо вам обоим. — Амид вышел.

Хэл снова сел и нажал кнопку вызова. На этот раз на экране видеотелефона возникло лицо Чуни, старшего секретаря приемной.

— Чуни, где сейчас Блейз?

— Он сидит в отдельном салоне для отдыха неподалеку от причального дока.

— Он один?

— Да.

— Пришли его... нет, проводи его, пожалуйста, ко мне сам, ладно?

— Хорошо. Это все? — Чуни на экране видеотелефона выглядел несколько встревоженным.

— Все, — ответил Хэл.

Прошло несколько минут. Наконец дверь открылась, и Хэл встал с кресла.

— Вот мы и пришли, Блейз Аренс... — послышался голос Чуни, и в комнату вошел Блейз и вслед за ним секретарь. Он остановился сразу же за порогом, кивнул Хэлу и тотчас вышел, закрыв за собой дверь.

Блейз сделал три шага вперед и остановился. Высокий и сухощавый, он был одет в короткую черную куртку и узкие серые брюки, заправленные в сапоги. Его грубоватое, словно вырубленное

из камня, лицо с пронзительными карими глазами под прямыми черными бровями изучающе смотрело на Хэла.

— А ты повзрослел, — произнес он.

— Такое случается, — отозвался Хэл.

Без каких-либо видимых причин на него вдруг накатило чувство горечи: стоящий перед ним человек совершенно парадоксальным образом оказался единственным, что осталось от его прошлого, единственным, кто связывал его с тем временем, когда еще были живы его учителя.

Блейз повернулся, подошел к рабочему столу Хэла и присел на его край, как будто это Хэл, а не он был гостем.

— Такие перемены и всего за один год. — Блейз продолжал пристально смотреть на Хэла.

— Самая большая перемена произошла в милицейской камере в Аруме через день или два после твоего посещения. — Хэл опустился в кресло. — У меня было время, чтобы немного привести в порядок свои мысли.

— В столь непривычных условиях, — покачал головой Блейз. — Этот капитан умышленно исказил мои указания.

— Эмит Барбедж, — напомнил Хэл. — Ты что, забыл, как его зовут? Как ты потом с ним посту-

пил?

— Никак. — Блейз сидел, спокойно глядя на него. — Он поступил так сообразно своей натуре. Если кого винить, то меня за то, что не сумел вовремя разглядеть его. Но в любом случае я не занимаюсь людьми. Мой удел — история.

— Ты не занимаешься людьми? Даже такими, как Данно?

Блейз удивленно приподнял брови, затем покачал головой.

— Даже такими, как Данно. Как большинство людей, которые любят власть, Данно сам себя уничтожил. Все, что я сделал, это предложил Иным альтернативный план; и, отказавшись рассмотреть его, Данно сам создал условия, приведшие к его гибели, но от других рук, не моих. Как я уже сказал, я работаю с более достойной материей, нежели отдельные личности.

— В таком случае что привело тебя сюда? — На него вновь снизошла ослепительная почти до боли, кристально чистая ясность ума, подобная той, что посетила его за длинным обеденным столом в Форали во время встречи с Серыми Капитанами.

— Я прилетел сюда, потому что ты представляешь для нас потенциальную проблему. — Блейз улыбнулся. — Потому что я ненавижу терять хо-

рошие умы — спроси любого из моих соратников Иных — и потому что я чувствую себя перед тобой обязанным.

— И потому что тебе не с кем больше поговорить, — добавил Хэл.

Улыбка Блейза стала еще шире. Он секунду помолчал, затем продолжил:

— Весьма проницательно с твоей стороны. Но, видишь ли, у меня никогда не было, с кем поговорить, и поэтому, боюсь, я даже не знаю, чего лишился. Что до причин, приведших меня сюда, то я хотел бы, если это возможно, спасти тебя. В отличие от Данно, ты можешь принести пользу человеческой расе.

— Я как раз и намереваюсь это сделать, — произнес Хэл.

— Нет, — возразил Блейз. — То, что ты намереваешься сделать, это уничтожить себя — почти так же как Данно. Ты понимаешь, что схватка, в которую ты решил ввязаться, практически уже закончена, все остальное лишь пустое сотрясение воздуха? Твое дело не только проиграно, но скоро о нем вообще никто даже и не вспомнит.

— И ты хочешь спасти меня? — Хэл внимательно посмотрел на него.

— Я могу позволить себе эту прихоть, — ответил

Блейз. — Но сейчас дело не в том, хочу ли я спасти тебя, а в том, хочешь ли ты сам спасти себя. Через несколько стандартных лет неумолимая лавина поглотит все, ради чего ты собираешься сейчас сражаться. Поэтому, если ты сложишь оружие прямо сейчас, абсолютно ничего не изменится.

— Похоже, ты считаешь, что мне пришло время остановиться? — спросил Хэл.

— Либо ты остановишься сам, либо, извини меня, тебя остановят. Исход сражения, в которое ты собираешься ввязаться, был предрешен еще до того, как ты родился.

— Нет, — медленно произнес Хэл. — Я так не считаю.

— Насколько мне известно, ты собирался стать поэтом, — сказал Блейз. — Я тоже когда-то испытывал тягу к искусствам, пока не понял, что это не для меня. Но для некоторых людей поэзия может стать делом всей их жизни. Почему бы тебе не стать поэтом? Выбрось из головы все лишнее. Пусть случится то, что должно случиться, и не трать свое время на попытки изменить ход истории.

Хэл покачал головой:

— Мне было суждено заняться этим делом, и только этим делом, задолго до того, как тебе это

могло прийти в голову.

— То, о чем я говорю, абсолютно серьезно, — продолжал Блейз. — Остановись и подумай. Ну какой прок в твоей бессмысленной гибели? Разве не лучше будет и для тебя самого, и для многих других мужчин и женщин на разных планетах, если ты будешь жить долго и заниматься своим любимым делом — поэзией или чем-нибудь еще. Например, будешь делиться с согражданами плодами своих размышлений, и таким образом какая-то часть тебя станет всеобщим достоянием и будет и дальше служить на благо всей расе, даже когда тебя уже не станет. Разве это не лучше, чем совершить самоубийство лишь потому, что все складывается не так, как тебе хотелось бы?

— Мы говорим на разных языках. То, что тебе представляется неизбежным, мне таковым вовсе не кажется. То, что ты считаешь абсолютно невозможным, я полагаю вполне вероятным, — ответил Хэл.

Блейз покачал головой:

— Ты слишком увлечен своего рода поэтической иллюзией относительно жизни. Но это всего лишь иллюзия, хотя и поэтическая; потому что даже поэты, и притом хорошие поэты, приходят к пониманию жестких рамок реальности. Можешь

не верить мне на слово. Помнишь слова, которые Шекспир вкладывает в уста Гамлета в одном из его монологов:

«...каким докучным, тусклым и ненужным мне кажется все, что ни есть на свете»?

Хэл неожиданно улыбнулся.

— Ты знаешь Лоуэлла[6]? — спросил он.

— Лоуэлла? — переспросил Блейз. — Вряд ли.

— Джеймс Рассел Лоуэлл, — сказал Хэл, — американский поэт девятнадцатого века.

И он продекламировал:

Когда в суровом детстве
Я жил в сырой дыре,
Лишь Лампа Аладдина
Была утехой мне...

Он сидел, глядя Блейзу прямо в глаза.

— Ну что ж, ты читаешь стихи гораздо лучше меня. — Блейз поднялся. Хэл последовал его примеру. — Вынужден признать, что я не в состоянии спасти тебя. Так что я пойду. Могу я поинтересоваться, что ты нашел здесь, на Энциклопедии, если, конечно, что-нибудь нашел?

---

[6] примечани¤: 6

Лоуэлл (James Russell Lowell, 1819-1891) — американский поэт и публицист, в своих произведениях отражавший позицию демократов.

Хэл смотрел на него, не отводя глаз.

— Как сказал бы один из моих учителей, Уолтер, — это глупый вопрос.

— Ясно, — буркнул Блейз.

И он направился к выходу. Он уже был почти у самой двери, когда услышал за спиной вопрос Хэла и остановился.

— Как это случилось?

Блейз обернулся.

— Ну, разумеется, — мягко сказал он, — откуда тебе было узнать? Мне следовало бы подумать об этом раньше. Ладно, я расскажу тебе сейчас. Люди, которых мы в подобных ситуациях обычно пускаем впереди себя, обнаружили двух твоих учителей, дорсайца и Уолтера, на террасе. Третьего квакера они доставили туда же минуту спустя. Кстати, твой экзот, похоже, обожал поэзию, и в тот момент, когда я появился перед ними, он цитировал отрывок из драмы Алфреда Нойеса «Шервуд», как Робин Гуд спас одну из фей от того, что Нойес называл Мрачной Старой Тайной. Я в качестве примера более сильной поэзии процитировал ему песнь Блондена из того же произведения. Потом я спросил его о том, где ты; он сказал, что не знает, но на самом деле он, конечно же, знал. Они ведь все знали, не так ли?

— Да, — кивнул Хэл.

— Их ответ заинтриговал меня. Почему они так старались скрыть тебя? Я сказал им, что никому из них ничего не грозит, а они должны были прекрасно знать — я свое слово держу.

Он на секунду замолчал.

— Во всяком случае, — продолжал Блейз, — я попробовал расположить их к себе, но они были людьми старой закалки, и мои попытки не увенчались успехом. Это еще больше подогрело мой интерес — отчего это они так упорствуют; я уже было собирался попробовать подобрать к ним другие ключи, которые вполне могли бы подойти, когда Уолтер в прямом смысле атаковал меня — довольно странный поступок для экзота.

— Но не при данных обстоятельствах, — услышал Хэл собственный голос.

— Естественно, это послужило сигналом для дорсайца и квакера. Втроем они расправились с моими людьми, за исключением только одного, и естественно все трое при этом были убиты. Как раз в это время приехал Данно, и у меня не было времени обшаривать усадьбу в поисках тебя.

— Я был в это время на озере, — сказал Хэл. — Уолтер и Малахия Насуно, дорсаец, догадавшись о вашем вторжении, дали мне сигнал. У меня

было время спрятаться в прибрежных кустах. А потом... я пробрался на террасу и увидел вас с Данно через окно библиотеки.

— Неужели? — удивился Блейз. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Потом Блейз медленно покачал головой.

— Значит, наше противостояние началось уже тогда...

Он открыл дверь и вышел, тихо закрыв ее за собой. Хэл подошел к ближайшему креслу и протянул руку к пульту управления связью.

— Чуни, Блейз Аренс направляется к выходу. Проследи за тем, чтобы он не заблудился.

Глава 51

Некоторое время Хэл находился под впечатлением только что состоявшегося разговора, затем вызвал Аджелу.

— Я хотел бы переговорить с тобой и Тамом прямо сейчас, — сказал он. — Если вы не будете возражать, мы придем с Амидом.

— Я спрошу Тама. — Лицо Аджелы удивленно смотрело на него с экрана. — Не думаю, что он будет возражать. Почему бы вам не подойти сейчас к кабинету Тама? Если возникнут какие-либо проблемы, я встречу вас у дверей и все Амиду объясню.

Хэл связался с комнатой, где находился Амид, и они отправились к апартаментам Тама. Аджела уже ждала их, придерживая рукой дверь.

— Боюсь, то, что я собираюсь сообщить вам, несколько нарушает привычный ход событий, — начал Хэл, усаживаясь в кресло, после приглашения Тама. — Я предполагаю на некоторое время покинуть вас...

Он повернулся к Амиду.

— ...и возьму с собой Амида, если он не против.

Хэл пока еще не поделился своими соображениями со старым экзотом. Тот удивленно приподнял брови, но ничего не сказал.

— Кроме того, я хочу предложить начиная с этого момента ужесточить меры безопасности на Энциклопедии. Это означает, что все посетители станции, включая ученых, прибывших сюда для своих научных исследований, должны покинуть Энциклопедию.

Там нахмурился.

— Энциклопедия еще никогда не закрывалась. Даже тогда, когда она еще находилась на Земле, в Сент-Луисе, она всегда была открыта для тех, кто нуждался в ней и кто имел право воспользоваться ею.

— Но сейчас, я думаю, у нас нет выбора, — сказал Хэл. — Иначе в один прекрасный день сюда войдет через причальные шлюзы живая бомба. Блейз всегда найдет людей, готовых отдать свои жизни ради уничтожения Энциклопедии. А если мы закроемся, то останемся неуязвимыми. Естественно, если соответствующим образом позаботимся о снабжении.

— Об этом мы позаботились уже давно, — сказала Аджела. — Еще в самом начале Марк Торре полагал, что Энциклопедия в один прекрасный

момент может оказаться изолированной, поэтому она представляет собой почти идеальную автономную систему. Единственное, чего нам будет не хватать в ближайшие полсотни лет, так это энергии для поддержания нашего существования на протяжении столь долгого периода. Если мы полностью закроемся, то сможем просуществовать на запасенной энергии от полугода до года, а после этого нам придется раскрыть лепестковые диафрагмы для того, чтобы пополнить запасы солнечной энергии. Конечно, я могу поручить Джимусу Уолтерсу поработать над способом поглощения солнечной энергии через защитный экран, не раскрывая панелей...

— Я все же не думаю, что в ближайшее время нам грозит прямое нападение извне, — сказал Хэл. — Что касается других аспектов, то мне кажется, времени у нас осталось гораздо меньше, чем мне представлялось раньше.

— Это связано с тем, что ты услышал от Блейза? — спросил Там.

— По существу, все его речи сводились к тому, чтобы я признал фактическую победу Иных.

— Победу! — хмыкнул Там.

— К сожалению, — продолжал Хэл, — эта согласуется с информацией, полученной от Амида.

Амид, почему бы тебе самому не рассказать все Таму и Аджеле?

Амид так и поступил. Когда он закончил, Там фыркнул.

— Примите мои извинения и все такое, — сказал он Амиду. — Но я вас не знаю. Как я могу быть уверен в том, что вы не явились от Блейза Аренса?

— Это не так, Там, — мягко произнесла Аджела. — Я знаю его. Он из тех экзотов, кто ни за что не согласится работать на Блейза.

— Допустим, — проворчал Там, глядя поочередно то на Аджелу, то на Амида. — Вы, экзоты, разумеется, знаете друг друга. Но, возвращаясь к утверждению Блейза, что ты думаешь предпринять, Хэл?

— Я должен побывать еще раз на Гармонии, Маре или Культисе и на Дорсае. Пора организовывать наши силы. — Хэл повернулся к экзоту:

— Амид, ты поможешь мне. Пожалуйста, отправь прямо сейчас сообщение на Гармонию о нашем предполагаемом визите туда. Пусть они организуют мне встречу с одним из командиров отрядов сопротивления по имени Рух Тамани.

Амид нахмурился:

— Энциклопедия может соединить меня с по-

сольством экзотов на Земле, в Реймсе?

— Разумеется, — кивнула Аджела.

— Прекрасно. Теперь дайте мне подумать, что я могу сделать, — сказал Амид. — С вашего позволения я отправлюсь в комнату, которую вы мне предоставили, и позвоню оттуда.

— Спасибо, — поблагодарил Хэл.

Немного угрюмо улыбнувшись, Амид вышел из комнаты.

— Он чрезвычайно догадлив, — сказал Хэл, когда дверь за маленьким человечком в сером хитоне закрылась. — Я думаю, он понял, что мне надо переговорить с вами наедине.

— Конечно, понял, — пожала плечами Аджела. — Но о чем он не должен знать?

— Особых причин скрывать что-либо от него у меня нет, — ответил Хэл, — но я пока не хочу полностью посвящать его в наши планы; во всяком случае пока...

— Весьма разумно, — произнес Там. — Когда мы узнаем его лучше... Но до поры до времени давайте ограничим круг посвященных только нами тремя. Так о чем ты собирался сообщить нам, Хэл?

— О моих выводах касательно Блейза и его визита. У меня сложилось впечатление, что он

уже готов выступить против Земли. Вот почему я считаю, что с этого момента Энциклопедия находится в опасности.

— Почему? — потребовал объяснений Там. — С чего ты вдруг решил, что он готов выступить против Земли? И почему это должно означать немедленную опасность для Энциклопедии?

Хэл переводил взгляд с одного на другую.

— Я думал, это и так понятно. Неужели вы не видите? — Аджела, по-прежнему стоявшая возле Тама, покачала головой. — Хорошо. Тогда прежде всего вы должны уяснить себе, что Блейз совершенно искренен во всем, о чем он говорит, потому что считает ниже своего достоинства перед кем-либо притворяться, не говоря уже о том, чтобы откровенно лгать.

— А откуда ты об этом знаешь? — спросил Там.

Хэл задумался, подбирая слова.

— Интуитивно я как-то понимаю его, — ответил он. — Некоторым образом я даже думаю, что он и я очень похожи. Это один из моментов, который я уяснил для себя, когда еще находился в милицейской камере на Гармонии, где мне открылось очень многое. Я не могу вам этого доказать, но я понимаю его. Но здесь я могу только просить вас поверить мне на слово Я, например, совершенно

уверен, что, если он когда-либо будет вынужден солгать, он перестанет быть в своих глазах Аренсом Блейзом. А оставаться Аренсом Блейзом для него — самое главное в мире.

— И снова задаю тебе тот же вопрос, — сказал Там. — Почему?

Хэл слегка нахмурился.

— Потому что, кроме этого, у него ничего нет. Неужели этого по нему не видно?

Там ничего не ответил.

— Да, — медленно произнесла Аджела. — Мне кажется, он всегда был таким.

— Итак, — продолжил Хэл. — Поскольку он не лжет и, как он сообщил, искренне заинтересован в том, чтобы спасти меня, мы вынуждены признать, что сама по себе эта причина недостаточна весома для того, чтобы заставить его прилететь сюда. Кроме того, основная цель его визита, какой бы она ни была, вряд ли связана с Энциклопедией, которую он уважает, но не боится. Поэтому речь идет скорее всего о Земле. Земля всегда была одним из миров, где идеи Иных совершенно необъяснимо не получили признания у большинства населения.

— Ты хочешь сказать, — вмешалась Аджела, — в отличие от экзотских и квакерских миров, а

также Дорсая, большая часть населения которых имеет вполне достаточно причин для того, чтобы оказать противодействие харизматическим способностям Иных?

— Именно так, — подтвердил Хэл. — Жители Старой Земли, в общем, никогда не испытывали такого пиетета перед своими идеалами, как граждане этих трех великих Осколочных Культур. И несмотря на это, люди Земли в большинстве своем сумели не поддаться харизме Иных. Иные понимают, что в конце концов им придется покорять Землю, но предпочли бы решить эту проблему совершенно по-иному, а не военным путем. Ни Блейз, ни другие его сторонники вовсе не желают до конца своих дней играть в генералов. Все, что они хотят, это наслаждаться властью, утвердившись на покоренных ими мирах. Поэтому приезд сюда Блейза может означать, по меньшей мере, две вещи. Во-первых, он планирует в ближайшее время предпринять определенные действия против Земли, но не в военном смысле, поскольку для проведения подобной военной операции они не успели еще создать систему тылового обеспечения. Во-вторых, Блейз хочет лично оценить ситуацию, прежде чем будут предприняты такие действия.

— Ну хорошо, — сказал Там. — Но из того, что ты сказал, я все же не понимаю, что заставляет тебя отправляться на Гармонию, экзотские планеты и Дорсай.

— То, что Блейз не такой, как другие.

— Именно это и подразумевается под понятием «Иные», — сухо заметил Там.

— Я хочу сказать, — пояснил Хэл, — не такой, как остальные Иные. Он участвует в их борьбе, преследуя свои собственные, еще не до конца мне понятные цели; и пока я не разберусь, в чем тут дело, я буду использовать любую возможность, способную пролить свет на эту загадку.

Он замолчал и посмотрел на Тама; тот медленно кивнул.

— А нам необходимо понимать текущую ситуацию, — продолжил Хэл, — если мы хотим точно знать, что задумали Блейз и Иные в отношении Земли.

— И что ты по этому поводу думаешь? — спросил Там.

— Ну, — сказал Хэл, — они знают, что жителей Старой Земли им не удастся подавить психически, как они это сделали на других планетах; с другой стороны, земляне всегда легко попадали под влияние незаурядных, эмоционально ярких

личностей, особенно в критические моменты своей истории. Вы слышали Амида. В своей мобилизационной практике на других мирах Иные уже начали использовать в качестве одного из доводов утверждение о том, что отдельным личностям на Земле традиционно всегда было присуще желание доминировать. А если в руках подобных личностей окажется новое секретное оружие, переданное им Энциклопедией, они достаточно быстро завоюют все Молодые Миры. Обратите внимание, что при этом вся ответственность возлагается на отдельных личностей.

— А почему это важно? — спросила Аджела.

— Потому что представить негодяями отдельных людей гораздо проще, чем все население планеты. Разумнее всего предположить, что Блейз собирается послать на Землю своих сторонников, наделенных харизматическими способностями, которые, ведя свою пропаганду среди простого населения, подняли бы волну народного возмущения, направленную против Энциклопедии и гнусных авантюристов, вынашивающих планы завоевания Молодых Миров. И если им удастся вызвать хоть сколь-либо значительное волнение среди населения планеты, то Молодые Миры могут сказать, что к ним обратились с просьбой о

помощи, и после этого силой взять власть. Между прочим, этот их довод вполне может найти отклик в душах землян и в то же время является превосходным стратегическим ходом для захвата власти Иными на Молодых Мирах. Пользуясь своим особым даром, они как бы одним выстрелом убивают двух зайцев, а учитывая характерное для населения Старой Земли разнообразие взглядов и воззрений, Иные имеют здесь много шансов добиться успеха.

Хэл замолчал.

— Вам обоим понятно, о чем я говорю? — спросил он. Там кивнул головой.

— Продолжай. — Его низкий хриплый голос эхом отразился от стен комнаты.

— Поэтому необходимо, чтобы я донес до экзотов и дорсайцев то, что мы знаем и о чем я догадываюсь; я постараюсь убедить экзотов, что вывод о неминуемой победе Иных преждевременен, что с ними можно бороться, если они предпримут то, что, как я думаю, они собираются предпринять. Они могут получить отпор и быть остановлены прямо здесь, на Земле.

— И каким образом, по твоим предположениям, они получат отпор, как ты выражаешься, прямо здесь, на Земле? — поинтересовался Там.

— С помощью контрпропаганды. — Хэл смотрел прямо в темные глаза старика — Один из выводов, к которому я пришел в тюремной камере на Гармонии, заключается в том, что эти харизматические качества Иных развились в сущности на базе особых способностей, присущих квакерам, которых всегда отличала жажда подвижничества, питаемая силой их веры. Рух Тамани, если я найду ее, сможет посоветовать мне, кто из известных ей гармонийцев согласится отправиться на Землю для того, чтобы развернуть контрпропаганду против Иных. Нам нужны люди, которые не уступят посланцам Иных по силе веры и убежденности. И тогда, если экзоты и дорсайцы увидят, что надежда одолеть Иных небеспочвенна, нам, возможно, удастся объединить всех, кто готов подняться на борьбу с Иными, в единую силу, которая будет способна, пока еще не поздно, остановить Блейза.

Несколько мгновений Там хранил молчание.

— Понимаю. — Он посмотрел на Аджелу. — Как только Блейз увидит, что ты начал борьбу против него на Земле, неважно, насколько успешную, он, чтобы обеспечить себе победу, будет вынужден прибегнуть к силе. Вот почему ты считаешь, что мы должны подумать о защите Энциклопедии

уже сейчас?

— Именно так, — кивнул Хэл.

Там тяжело вздохнул:

— Я полагаю, ты учел вероятность того, что Блейз мог уже внедрить своего человека здесь, на Энциклопедии?

— Да, — ответил Хэл. — Но это маловероятно. Планы Иных окончательно сформировались относительно недавно, и поэтому у них еще не было возможности завербовать кого-нибудь из наших постоянных сотрудников; к тому же никто из наших сотрудников в последние годы не покидал Энциклопедию надолго и не мог оказаться в таких условиях, когда его мог бы завербовать кто-нибудь из Иных, пусть даже такой талант, как сам Блейз. Так что, как я уже говорил, у нас остаются только приезжие ученые; и хотя трудно поверить в то, что кто-нибудь из них может оказаться ренегатом, учитывая их возраст и репутацию, я не стал бы рисковать. Во всяком случае, я не вижу способа проверить и с уверенностью доказать, не прибыл ли кто-нибудь из тех, кто у нас сейчас находится, с целью диверсии.

— Возможно, я знаю, как это сделать, — сказал Там. — Давайте пройдем в Центр координации научных исследований. Я хочу взглянуть на

схему информационных каналов и проверить, над чем последние двенадцать месяцев работали наши гости.

Центр координации выглядел таким же, каким его помнил Хэл со времени своего первого визита на Энциклопедию, когда он заходил сюда в сопровождении Аджелы. Вдоль стен располагались многочисленные пульты управления. Между ними мягко двигались с полдюжины техников, они записывали выполненную посетителями работу и просматривали ее на предмет выявления новой информации для пополнения основных файлов.

Там сразу подвел Аджелу и Хэла к сплетению красных толстых нитей-линий, плавающих в воздухе в центре комнаты приблизительно на высоте пояса. Находившийся поблизости техник тихо ретировался. Там долго стоял, изучающе их разглядывая.

— Поверни все изображение на сорок пять градусов, — произнес он почти отсутствующим тоном.

— Повернуть?.. — ошеломленно переспросил вновь подошедший техник. — Но тогда пропадет вся текущая настройка...

Он осекся, увидев внезапно вскинутую голову Тама и блеск в его глазах. Там открыл было рот,

собираясь что-то сказать, но потом передумал.

— Да, конечно. Одну минутку... — Техник подскочил к пульту управления; Там снова повернулся к схеме информационных потоков Энциклопедии, которая не столько поворачивалась, сколько как бы таяла и деформировалась, образуя новые узоры из красных линий. Через секунду изображение стабилизировалось и Там принялся внимательно его изучать.

Через несколько секунд он вздохнул, посмотрел на Аджелу, а затем на стоящего за ней техника, застывшего возле пульта, с которого он только что осуществил поворот изображения.

— Подойди сюда, — сказал Там.

Техник подошел ближе. Хотя остальные находящиеся в комнате люди даже не смотрели в их сторону, все они замерли в неподвижности.

— Я изо всех сил стараюсь, — тихо сказал Там технику, — держать себя в руках, но иногда мне этого не удается. Постарайся запомнить, что вы все вместе не знаете и части того, что за последние сто лет узнал я, и я уже устал без конца объяснять это очередному новичку всякий раз, когда мне требуется что-либо сделать.

— Конечно, Там, — поспешно отозвался техник. — Мне не следовало открывать рот.

— Но теперь, — продолжил Там, — тебе следует также понять, почему не следовало; и впредь ты будешь обязан объяснять это другим, чтобы и они тоже знали. Тебе понятно?

— Да, Там. Конечно.

— Хорошо. — Там снова повернулся к Хэлу и Аджеле. — Хайме Глюк и Еу Сан Лой. Мне кажется, оба эти посетителя уже исчерпали лимит нашего гостеприимства.

— Там... — начала Аджела.

— О, я могу и ошибаться, — прервал ее Там, — Но давайте будем исходить из предположения, что я прав. Лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

— Хорошо. Я проинформирую их об этом прямо сейчас. — Аджела повернулась к Хэлу:

— И как скоро покинешь нас ты?

— Я улечу с первым же кораблем, направляющимся в дальний космос... — машинально ответил Хэл, не отрывая глаз от Тама, продолжавшего сосредоточенно изучать схему информационных каналов. Аджела тоже перевела взгляд на Тама; так они и стояли, молча наблюдая за стариком, но того интересовало только то, что в данный момент находилось перед его взором. Наконец он медленно повернулся, огляделся вокруг и остано-

вил свой взгляд на Хэле; Хэл еще ни разу не видел у него такого выражения лица.

— Ты это делаешь, — протяжно выдохнув, произнес он.

— Не совсем, — ответил Хэл. — Пока еще нет. Я только приступил к изучению возможностей...

— Ты это делаешь — наконец-то! — сказал Там громче. — Делаешь то, о чем мечтал Марк Торре, — используешь Энциклопедию как чисто интеллектуальный инструмент. Господи, используешь ее так, как он планировал это с самого начала!

— Вы должны понимать, — покачал головой Хэл. — Я только попытался использовать поэзию в качестве созидательного рычага. Я собирался показать вам все, как только получу более или менее достоверные результаты...

Темная морщинистая рука Тама с неожиданной силой сжала запястье Хэла.

— Эта твоя поездка... Отложи ее. Сейчас ты нужен здесь. Оставайся и работай дальше с Энциклопедией.

— Мне очень жаль, — сказал Хэл. — Я возобновлю с ней работу, как только вернусь сюда. Ведь никто, кроме меня, не может решить вопросов с экзотами, квакерами и дорсайцами. Я должен

лететь, если мы намереваемся спасти этот мир.

— К черту все! Мир хоть раз может позаботиться о себе сам, — рявкнул Там. — Мы на пороге новой эпохи! И только ты можешь сделать ее доступной для всех. Сейчас мы не можем рисковать тобой! — Техники удивленно смотрели на него, но Там не обращал на них никакого внимания. — Хэл! Ты слышишь меня?

— Мне очень жаль. — Хэл мягко высвободил свою руку из цепких пальцев старика. — Я ведь сказал совершенно серьезно. Кроме меня, никто не может провести необходимые переговоры с представителями других миров, если мы намерены их спасти.

— Оставайся — до тех пор, пока существует Энциклопедия и ты в состоянии вести на ней свои исследования, — продолжал свирепеть Там. — Ну и пусть Блейз со своими друзьями захватят все миры на пятьдесят, ну, на сто лет. Они не смогут помешать тебе и твоей работе здесь, а именно здесь и рождается будущее. Разве будущее этого не стоит?

— Будущее неотделимо от людей, — сказал Хэл. — Без людей не может быть и будущего. Какой прок от подарка, если его некому дарить? Мы оба прекрасно знаем, что Блейз оставит Эн-

циклопедию в покое только в том случае, если все мои открытия здесь окажутся никому больше не нужны. А с другой стороны, когда Блейзу будут принадлежать все миры и он вознамерится завладеть Энциклопедией, что ему помешает сделать это? Располагая Ньютоном, Кассидой и венерианскими станциями, он получит в свое распоряжение самые лучшие научные и технические кадры. А уж они в конце концов додумаются, как добраться до нас. Я должен лететь, Там.

Там стоял совершенно неподвижно. Он больше не произнес ни слова и как будто стал еще меньше. Аджела подошла и обняла его за плечи.

— Все в порядке, — мягко произнесла она. — Мы все предусмотрели, Там. Хэл вернется живым и невредимым. Поверь ему... поверь мне.

— Да... — прохрипел Там. Он медленно отвернулся от нее и направился к двери, что вела в его апартаменты. — Вы не оставляете мне выбора, не так ли?

Глава 52

Первый же межзвездный корабль, летевший в нужном им направлении, доставил Хэла и Амида до города Новая Земля на Новой Земле, откуда их пути дальше расходились в разные стороны. Амид отправлялся на Мару, чтобы подготовить своих соотечественников к предложению, с которым собирался обратиться к ним Хэл, а Хэл должен был вылететь в Цитадель на Гармонии.

После того как Хэл проводил Амида, у него оставалось еще полдня свободного времени, которое он решил посвятить анализу перемен, происшедших в городе с тех пор, как он побывал здесь еще подростком семь лет назад по дороге на Коби. Заметнее всего были перемены, которые никак нельзя было объяснить только прошедшим семилетним периодом. Это был все тот же город все того же мира, и деловая активность в нем протекала так же, как и раньше, но люди, которых он встречал на улицах и в учреждениях, носили на себе печать перемен, которые не могли бы произойти и за десять раз по семь лет.

Подобно муравьям, удваивающим свое мельте-

шение перед самым закатом солнца, все жители Новой Земли казались одержимы идеей безотлагательно завершить все свои дела, проявляя при этом крайнюю поспешность и не желая видеть, что на самом деле никакой срочности в том, что они делают, нет.

Но за этим нежеланием считаться с реальностью Хэл чувствовал пронзительный и всепоглощающий страх перед наступающей ночью, в которой все, что они сделали для того, чтобы как-то обезопасить себя, окажется бесполезным.

Поэтому он был рад оказаться наконец на борту корабля, который должен был доставить его на Гармонию. Прибыв туда, он дальше на шаттле добрался до аэропорта Цитадели; это был редкий день, когда небо над планетой не было затянуто серыми дождевыми облаками. Бледный, но чистый свет, исходящий от большого желтого диска Эпсилона Эридана, придавал золотистый оттенок унылым кирпичным и бетонным зданиям города неподалеку от аэропорта. Хэл взял автотакси и указал адрес на северной окраине квакерской столицы. Машина доставила его к зданию под куполообразной крышей в центре большой, вымощенной булыжником площади посреди массива жилых домов. Отпустив такси,

он вошел в здание.

Внутри со времени его первого визита сюда, казалось, ничего не изменилось. Воздух, всего на градус или на два теплее, чем снаружи, как и прежде, был пропитан легким запахом, напоминающим аромат бананов, — так пахло смазочное масло, получаемое жителями квакерских планет из одного из местных растений, открытых ими еще во времена первой волны колонизации. В неярком свете, проникающем через прозрачный купол, Хэл увидел стоящие в разных концах большого зала без каких-либо перегородок несколько наземных машин с открытыми и частично разобранными двигателями. В дальнем конце зала он заметил коренастого пожилого человека в рабочей одежде, склонившегося над одним из автомобилей.

Хэл подошел к нему.

— Привет, Хилари, — сказал он.

Голова пожилого человека поднялась; серые глаза из-под туго натянутой на голову промасленной круглой шапочки без козырька холодно смотрели на Хэла.

— Чем могу быть вам полезен? — спросил механик.

— Ты что, не узнал меня? — В голосе Хэла сме-

шивались удивление и грусть.

Это было неудивительно. За те два года, что прошли с тех пор, как они потеряли друг друга из виду, Хэл уже переступил черту, отделяющую юношу от взрослого мужчины. Когда Хилари в последний раз видел Хэла, тот был высоким тощим энергичным юношей; теперь же, хотя лицо Хэла и не претерпело заметных возрастных изменений, а двадцать дополнительных килограммов мяса и мышц увеличили массу его тела лишь в разумных пределах, это был совершенно другой человек. Теперь он был не просто очень высоким. Он был большим. В самом деле, как он только совсем недавно уяснил себе, когда при его втором посещении Абсолютной Энциклопедии Аджела показала ему его отражение в зеркале, он был очень большим.

Он понял это также по реакции Хилари на его габариты — сначала тот, увидев его, слегка напрягся, но затем, успокоившись, стал, казалось, еще меньше ростом. Это было как бы подсознательным рефлексом, частью того необъяснимого инстинкта автоматического сопоставления размеров, который заставляет подниматься шерсть на загривке собаки при первом взгляде на незнакомую и более крупную собаку и затем ровно

укладывает ее обратно, если разница в размерах оказывается слишком большой для того, чтобы реально рассчитывать на победу в схватке.

За последний год Хэл не раз сталкивался с подобной реакцией на Энциклопедии и даже испытал ее на себе, когда однажды, свернув за угол, неожиданно наткнулся на зеркало.

Какую-то долю секунды он смотрел на себя как на незнакомца, и когда он наконец узнал себя, то почувствовал не только некоторую неловкость, но и также грусть; до этого момента он считал, что некоторое время назад уже привык жить с мыслью о своей внутренней непохожести на других и о своем одиночестве. Но сейчас, встретившись здесь с человеком, которого он знал раньше, он снова почувствовал на себе это несмываемое клеймо непохожести.

— Хилари, ты разве не узнаешь меня? — снова спросил он. — Ховард Билавд Иммануэльсон. Помнишь, как меня привел Джейсон Роу и ты отвел нас в отряд Рух Тамани?

Глаза Хилари потеплели. Он протянул руку.

— Извини, ты малость изменился. Кто ты сейчас?

Хэл двумя руками сжал протянутую руку.

— В моих документах значится, что я маранец

по имени Эмер, коммерческий представитель экзотского посольства на Гармонии. Кстати, хочу сообщить, но только тебе, свое настоящее имя. Меня зовут Хэл Мэйн. Я с Земли.

— Со Старой Земли?

— Да, — кивнул Хэл. — Со Старой Земли, а сейчас еще и с Абсолютной Энциклопедии. Я сейчас по самое горло занят делами посерьезнее, чем схватки с милицией.

Он пристально смотрел на Хилари, пытаясь уловить его реакцию.

— Теперь это касается не только этой планеты или Ассоциации, — продолжил он, не услышав от Хилари ни слова в ответ. — Сейчас сражение против Иных разгорается на всех мирах.

Хилари кивнул. Из его груди вырвался еле уловимый вздох.

— Я знаю. Старые времена подходят к концу. Я чувствовал это уже давно. Так чем я могу быть тебе полезен?

— Сообщи мне, пожалуйста, где я могу найти Рух Тамани, — попросил Хэл. — Я уже отправил на ее поиски несколько человек, но пока безрезультатно. Ради блага всех миров я должен встретиться с ней как можно скорее. У меня для нее есть задание, с которым может справиться

только она.

Лицо Хилари помрачнело.

— Я не уверен, что имею право сообщать тебе хоть что-нибудь, пока за тебя кто-нибудь не поручится. За год люди могут резко поменять свои взгляды. Правда, в данном случае это не имеет никакого значения. Что бы там ни было у тебя на уме, тебе лучше было бы поискать кого-нибудь другого. Рух Тамани мертва, а если еще не мертва, тем хуже для нее. Она в лапах милиции. Они схватили ее три недели назад.

Хэл удивленно посмотрел на Хилари.

— Три недели назад... где?

— В Аруме.

— В Аруме? Ты хочешь сказать, она оставалась там все это время с момента нападения на Кор Тэп?

— Они уже почти восстановили ее. И Рух решила разведать, можно ли как-нибудь саботировать восстановительные работы. А там было это дьявольское отродье по имени полковник Барбедж, Эмит Барбедж, который посвятил все свое время ее розыску. Ему донесли, что Рух в Аруме, он прочесал город и захватил двух человек, которые знали о ее местонахождении.

Хилари замолчал и пожал плечами.

— Когда их доставили в Милицейский центр, они, естественно, заговорили. А затем он схватил и ее.

Хэл продолжал, не мигая, смотреть на своего собеседника.

— Я должен как можно скорее освободить ее, — сказал он.

— Освободить? — Хилари долго, с удивлением рассматривал Хэла. — Ты что, серьезно? Тебе не кажется, что, если бы мы могли вызволять заключенных из Милицейских центров, мы бы давно это сделали?

— А вам это, как я понимаю, еще ни разу не удавалось, — услышал Хэл собственный резкий голос, эхом отразившийся от сводчатых стен, плавно переходящих в купол.

Хилари никак не прореагировал на эти слова.

— Извини, — покачал головой Хэл. — Но на карту поставлено слишком многое. Я должен сделать это, и как можно скорее.

— Послушай, приятель, — мягко произнес Хилари. — Как ты не можешь понять? Сто шансов против одного, что она мертва уже по меньшей мере две недели!

— Я должен исходить из того, что она жива, — упрямо сказал Хэл. — Нам надо отправиться за

ней. К кому я могу обратиться за помощью в Аруме? Есть там кто-нибудь из ее старого отряда?

— Помощь, — изумленно повторил Хилари. — Послушай меня, Хэл, если это и на самом деле твое имя, мы не можем просто так взять трубку телефона и позвонить в Аруму. Все междугородные разговоры прослушиваются. Мне понадобится три дня на то, чтобы найти курьера, неделя на то, чтобы связать его или ее с людьми, которые могут организовать транспорт для переезда отсюда в Аруму, еще неделя, чтобы собрать людей для обсуждения возможности освобождения Рух, и час спустя после того, как они услышат, что ты задумал, они разъедутся по домам, потому что всем им, так же как и мне, прекрасно известно, что это сделать невозможно. Ты был в отряде. И что, ты думаешь, сможет сделать кучка людей, вооруженных игольными и конусными ружьями, против крепости, битком забитой полицейскими силами?

— Существуют способы взятия даже крепостей, — сказал Хэл. — А что касается звонка в Аруму, думаю, я могу воспользоваться экзотскими каналами дипломатической связи при условии, что текст будет как следует закодирован. И зачем тратить неделю на поиски курьера, если

воздушный транспорт доставит тебя на место за пару часов?

— Видимо, что-то случилось с твоими мозгами, — спокойно заметил Хилари. — Даже если мы найдем здесь кого-нибудь, кто сможет представить на пропускном пункте убедительные причины для такой поездки, у нас все равно нет сумасшедших денег, чтобы оплатить ее. Я еще раз говорю, вспомни свой отряд. Вспомни, как мы вынуждены были постоянно пользоваться на ходу разваливающимся оборудованием и оружием.

— Финансовые проблемы? — Хэл сунул руку в карман куртки и достал бумажник. Он раскрыл его и продемонстрировал Хилари пачку межзвездных кредитных чеков. — У меня здесь столько денег, что в пересчете на валюту Гармонии хватит даже для того, чтобы вооружить небольшую армию. Это все принадлежит мне и Абсолютной Энциклопедии. Но если понадобится, я смогу достать еще по экзотским дипломатическим каналам.

Хилари все не мог оторвать глаз от чеков. На его лице появилось задумчивое выражение.

— Кофе? — предложил он.

— Не откажусь, спасибо.

Хэл проследовал за Хилари к находившемуся в

семи метрах от них столику, на котором стояли небольшой кофейный автомат и стопка одноразовых чашек. Они сели, и Хилари наполнил две чашки. Он пил кофе медленно и с явным удовольствием, Хэл же быстро поднес свою чашку к губам и тут же поставил ее на место. Он уже успел забыть, какой вкус у кофе на Гармонии.

— Ладно, я готов поверить тебе. — Хилари поставил чашку на потертую поверхность стола среди разбросанных пачек документов. — Я, разумеется, считаю твою затею неосуществимой, но с такими деньгами... почему бы не помечтать.

— Ну почему она неосуществима? Что делает ее неосуществимой? — воскликнул Хэл.

Несколько мгновений Хилари молча смотрел на него.

— Ты сказал, что ты со Старой Земли, — наконец произнес он. — Не с Дорсая?

— Со Старой Земли.

— Ладно, поверим. — Хилари медленно кивнул. — Тогда, прежде чем ответить на твои вопросы, позволь спросить тебя. Ты ведь сидел день или чуть больше в Центре перед тем, как вы вместе с Джейсоном пришли ко мне? Нужно ли мне поэтому объяснять тебе, что собой представляет Центр изнутри?

— Я не слишком-то много и видел, — пожал плечами Хэл. — К тому же ты сказал, что Рух сидит в арумском Центре, а не здесь, в Цитадели.

— Они построены по одной схеме, — сказал Хилари. — Чтобы пробиться внутрь, нужна целая армия, не говоря уже о том, чтобы вызволить кого-нибудь оттуда; к тому же милиционеры, скорее всего, сразу же убьют заключенного, если только заподозрят, что его собираются спасти.

— Если будет нужна армия, у нас будет армия, — кивнул Хэл. — Ведь речь идет о том, что касается всех четырнадцати миров. Но возможно, армии и не потребуется. Нарисуй мне план Центра, если, как ты говоришь, они все похожи один на другой. Кто в Аруме мог бы помочь мне организовать все?

— Аталия Макнотон. Я слышал, ты с ней уже встречался, — коротко ответил Хилари. Он сгреб в сторону документы и из ящика стола достал ручку и чистый лист бумаги. Затем придвинул все это к Хэлу. — Я рисую не лучше, чем курица лапой; поэтому я буду рассказывать, а рисуй ты. Внутри Центр разделен на три основных сектора: канцелярию, казармы милиции и тюремные камеры...

— Постой, — прервал его Хэл. — Как насчет

поиска курьера? Мы не можем тратить три дня на это...

— Курьер не понадобится. Я отправлюсь с тобой, — ответил Хилари. — Ты можешь попытаться убедить Аталию, а я тем временем попробую разузнать, на кого мы в крайнем случае можем рассчитывать на той территории. А теперь рисуй, как я тебе говорю. Все три сектора Центра размещаются в одном кирпичном здании, расположенном в самом конце городского квартала; здание тянется на всю ширину квартала, а ширина его раза в два меньше длины. Центр в Аруме занимает здание высотой не более шести этажей, но помимо этого имеет еще, как минимум, три уровня подземелий. Именно там, как ты догадываешься, и находятся тюремные камеры...

Им удалось попасть на вечерний рейс на Арумy, и три часа спустя Хэл уже сидел в чем-то среднем между приемной и гостиной в доме Аталии Макнотон на окраине Арумы; поздние летние сумерки за окном уже сменяла ночная тьма. Хилари же находился в маленьком рабочем кабинете Аталии и, пользуясь ее записями, обзванивал местных участников сопротивления с приглашением прибыть на совещание. Аталия Хэла помнила, но еще более скептически отнес-

лась к идее освобождения Рух, чем Хилари.

— ...То, что ты располагаешь средствами, это хорошо, — сказала высокая женщина с каштановыми волосами, выслушав первоначальное предложение Хэла. Они сидели в одном из углов комнаты в мягких креслах друг против друга, почти как враги. — Но многие хорошие и нужные люди будут рисковать жизнью ради весьма сомнительного предприятия. Хилари уже говорил тебе — ее, вне всякого сомнения, нет в живых. Единственное, почему она может быть еще жива, это если от нее хотят еще что-то.

— Ее было бы нелегко разговорить, — сказал Хэл.

— Ты думаешь, я об этом не знаю? — вспыхнула Аталия. — Любого командира отряда нелегко заставить говорить, а ее я знала еще ребенком. Но она либо стала бы говорить, либо они давно убили бы ее, убедившись, что все попытки не дают результатов. Не в их правилах держать у себя заключенных дольше нескольких дней.

— Хорошо, — кивнул Хэл. — Тогда давай попробуем выяснить, жива ли она еще. Только не говори мне, что у тебя нет каких-либо информаторов внутри Центра.

— В самом Центре есть. Есть в казармах. Но не

в тюрьме... — медленно произнесла Аманда под пристальным взглядом Хэла. Ее голос стал почти резким. — Что касается тюрьмы, все, что нам когда-либо удавалось, это передавать средства для самоубийства нашим товарищам, попавшим в лапы милиции.

Он сидел, молча наблюдая за ней. Теперь, когда, возможно, решался вопрос о жизни и смерти Рух, Хэл чувствовал себя очень спокойно и уверенно. Он вспомнил Дорсай — как только настал момент окончательно сломить сопротивление Серых Капитанов, он тоже ощущал в себе способность влиять на людей, обычно недоступную ему. Одной из составляющих этой способности была своего рода интуитивная логика, позволявшая ему давать ответы на поставленные вопросы с абсолютной уверенностью. Какая-то внутренняя сила, которая до этого момента спокойно дремала в нем, теперь пробудилась и полностью захватила его.

— Я знаю, что Рух жива, — твердо произнес он. По едва заметно расширившимся глазам Аталии он понял, что нашел верный ход.

— Откуда ты знаешь? — удивилась она.

— Просто знаю и все, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Но, естественно, нам надо

попытаться самим удостовериться, если тебе требуются доказательства. Я ни за что не поверю, если ты скажешь, что у тебя нет никакой возможности проверить это.

— Я думаю... — медленно произнесла Аталия, — да, я думаю, что это проверить мы сумеем.

— В таком случае нет никакого смысла терять время, не так ли? — сказал Хэл. — Пока ты занимаешься проверкой, мы начнем подготовку; и как только мы услышим, что она жива, мы уже будем в состоянии выступить. Как ты посмотришь на то, если мы заключим соглашение?

И, не давая ей возможности ответить, он продолжил:

— Как тебе известно, я был членом отряда. Мне бы и в голову не пришло подкупать тебя или кого-нибудь еще. Но не могла бы ты сделать кое-что для меня? Постарайся организовать и максимально ускорить подготовку операции по спасению Рух, подключив к этому всех, кто только может быть полезным, а я, если окажется, что Рух уже нет в живых, возмещу всем участникам операции потери за потраченные время и усилия и, если ты не будешь возражать, дополнительно передам для помощи местному населению пятьсот единиц межзвездных кредитов.

Он остановился, чтобы перевести дыхание.

— Я не думаю... — начала она холодно.

— Но, — перебивая ее, снова заговорил он, — если Рух жива, мы забудем о всяких компенсациях и пожертвованиях за исключением расходов, которые не по карману вашим людям. Если же нет, я в любом случае буду считать, что они сделали для спасения Рух все от них зависящее.

Он замолчал в ожидании ее реакции. Она смотрела на него долгим, почти враждебным взглядом.

— Хорошо, — кивнула она. — Я согласна в той степени, в какой это не будет противоречить здравому смыслу и не причинит вреда людям, за которых я несу ответственность.

— Прекрасно, — быстро ответил он. — Тогда, поскольку я готов платить, если окажусь не прав, я хотел бы начать кое-что делать уже сейчас. Прежде всего мне необходимо знать все, что вы только сможете раздобыть для меня, о Милицейском центре, включая количество милиционеров и офицеров, находящихся там в настоящее время. Я понимаю, вы не сможете назвать мне точную цифру, но мне важно представлять хотя бы приблизительно, сколько людей там будет, когда мы отправимся вызволять Рух. Кроме того, мне

нужны сведения о снабжении и движении транспорта, въезжающего и выезжающего из Центра, как часто вывозится мусор и каков порядок в случае необходимости вызова ремонтных рабочих из сторонних служб, а также кому из лиц, не входящих в число постоянных сотрудников, разрешено периодически посещать здание Центра. Не забудьте про график дежурств, характеристики старших офицеров и сведения об имеющихся в здании средствах связи.

Он замолчал.

— Не больно-то много тебе и надо. — Аталия мрачновато улыбнулась.

— Естественно, нам нужно также знать о вооружении, замках и системе безопасности, — продолжил Хэл. — Но есть еще одна вещь, с которой я и попросил бы тебя начать прямо сейчас, — ни тебе, ни твоим людям это ничего не будет стоить. Надо распустить по городу слух, что Рух до сих пор жива. Тогда, когда выяснится, что это и в самом деле так, народные массы уже будут готовы принять эту информацию и, может быть, даже организуют какую-нибудь отвлекающую демонстрацию.

После короткого колебания Аталия кивнула:

— Хорошо, это мы сделаем. Я пойду и сразу же

запущу машину в действие, если мне удастся оторвать от телефона Хилари хотя бы на пять минут.

— Как скоро ты рассчитываешь получить первые результаты? — поинтересовался Хэл.

— Не знаю, — Аталия пожала плечами, — думаю, не раньше чем через сорок восемь часов.

Но столько времени не потребовалось. Уже на следующее утро торговец рыбой, который снабжал казармы Милицейского центра и был в приятельских отношениях с поваром и другими кухонными работниками, сообщил Аталии, что Рух жива, во всяком случае была жива днем накануне, и находится в тюремном изоляторе.

Восемь часов спустя, как только темнота окутала улицы, шестнадцать человек собрались в помещении склада Аталии вокруг примитивного дощатого стола на козлах, воздвигнутого специально для этого случая.

Глава 53

Хэл сидел во главе стола и смотрел на участников встречи, расположившихся по обе стороны от него. Эта сцена снова, как во время вчерашнего разговора с Аталией, напомнила ему переговоры с Серыми Капитанами в столовой Форали. Помимо Аталии и Хилари большинство лиц были ему незнакомы, за исключением двух человек из отряда Рух — нагловатого и агрессивного Таллаха, а также Морелли Уолдена. Морелли, похоже, совсем недавно оправился от ранения: он сильно похудел — теперь его торс был едва ли толще конечностей — и постарел.

По виду остальных приглашенных Аталией людей нельзя было сказать, были ли они тоже в прошлом членами того или иного отряда. И Хэл инстинктивно почувствовал, что убедить их ему не помогут ни бывшие соратники по отряду, ни Хилари, даже если он и захочет помочь ему.

Представив Хэла как члена отряда Рух, Аталия начала с краткого изложения сути его предложения.

— ...и, как вы все знаете, — закончила она, — се-

годня утром мы получили подтверждение того, что Рух жива и содержится в тюремном изоляторе Милицейского центра. Вы уже слышали о тех предложениях, которые он нам сделал. А теперь пусть Хэл продолжит сам.

— Благодарю за предоставленную возможность, — сказал Хэл.

Он оглядел незнакомых ему мужчин и женщин; выражение их лиц никак нельзя было назвать обнадеживающим.

— Но прежде чем я начну говорить, я хотел бы задать вам один неудобный вопрос; считает ли кто-нибудь, что даже сидеть здесь и слушать меня — пустая трата времени Пусть каждый из вас спросит у своей совести.

Все продолжали молча смотреть на него. Никто даже не шелохнулся и не произнес ни слова.

— Я спрашиваю об этом, — продолжил он, — потому что знаю, что многие так думают, поскольку ни одному заключенному еще не удавалось покинуть Центр подобным образом. И я нахожусь здесь не только для того, чтобы сказать вам, что это заблуждение, я хочу также подчеркнуть, что освобождение Рух из милицейских застенков относится к операциям такого рода, какие люди вроде нас неоднократно проводили на протя-

жении всей истории человечества. Однако я не смогу убедить в этом никого из вас, если вы заранее решили, что нет никакого смысла даже слушать меня. Поэтому я спрашиваю вас снова, ответьте прямо ради свободы Рух, есть ли здесь кто-нибудь, кто не хочет даже и думать об этом?

Несколько мгновений в помещении стояла полная тишина. Потом все разом зашевелились, переглядываясь друг с другом; через несколько секунд раздался скрип металла по бетону, и в дальнем конце стола, отодвинув металлический ящик, на котором он сидел, поднялся высокий мужчина в темной кожаной куртке. Увидев его, вскочил на ноги еще один человек, ростом пониже, одетый в строгий деловой костюм.

— Одну минутку, — сказал Хэл. Оба повернулись к нему.

— Я ценю вашу честность, но, пожалуйста, не уходите. Просто посидите с нами, хорошо? Вы можете не участвовать в дискуссии, просто послушайте.

Некоторое время они молча смотрели на него. Потом поднявшийся первым сел, второй последовал его примеру.

— Спасибо, — сказал Хэл. Прежде чем продолжить, он сделал паузу и обвел всех взглядом. —

Теперь я хотел бы обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство. Я уже сказал Аталии, и, надеюсь, она довела до вашего сведения, почему предпринимается попытка освободить Рух. Она должна выполнить определенное задание, которое никто, кроме нее, во всех четырнадцати мирах выполнить не может.

— Она принадлежит Гармонии, — прервал его сидящий рядом с Таллахом крупный мужчина в темно-зеленом вязаном джемпере.

— Совершенно верно, — кивнул Хэл. — Но в данный момент она принадлежит милиции. Я понимаю, что вы хотите этим сказать. Рух — жительница Гармонии, одна из Избранных, и должна служить своей родной планете. Это так, она должна служить своей планете, но сейчас помимо этого она должна послужить и всем другим мирам. Я снова спрашиваю вас, готовы ли вы все воспринять все, о чем я здесь говорю?

Он сделал паузу. Все продолжали сидеть молча с бесстрастными лицами.

— Выслушайте меня внимательно, — продолжил он. — Я никого не удивлю, если скажу, что Иные — это всего лишь ничтожно маленькая в сравнении со всеми мирами группка индивидуумов. Сами по себе, даже несмотря на свои таланты

и возможности, они не могут представлять опасности для всего человечества. По-настоящему опасными делает их способность манипулировать другими людьми, используя их для того, чтобы многократно увеличить свою мощь и получить возможность управлять всеми нами.

Он снова сделал паузу, давая возможность несогласным оспорить его точку зрения, но никто не пожелал высказаться. Он продолжил:

— Они имеют возможность манипулировать другими людьми, потому что умеют делать их своими сторонниками, умеют заставить поверить себе. Всем также известно, что в то же время существуют люди, с которыми Иные не могут ничего поделать, люди сильные верой, вроде вас, а также такие, как дорсайцы и экзоты. Может быть, меньше известен тот факт, что и среди населения Старой Земли много таких, кто не подвержен влиянию Иных...

— Я слышал об этом, — опять бросил реплику человек в вязаном джемпере. — В это трудно поверить.

— Вам трудно поверить. Но позвольте вас спросить; неужели ваши первопроходцы, те, кто эмигрировал с Земли и основал первые поселения на Гармонии и Ассоциации, неужели

они обладали меньшей верой, чем вы, сидящие здесь, и люди вашего поколения на обеих ваших планетах?

Вопрос Хэла вызвал дружный хор протестов.

— Конечно, большей! — заглушая всех, раздался сильный голос крупной женщины средних лет с блестящими черными глазами, сидящей через пять человек слева от Хэла.

— Ладно, допустим, — кивнул Хэл. — Людям свойственно помнить о предках только самое лучшее и забывать все, что может оскорбить их память. В таком случае позвольте задать вам еще один вопрос. Неужели вы считаете, что в свое время все, кто разделял принципы веры квакеров, покинули Землю и перебрались сюда? Разве не могло случиться так, что кто-то по самым разным причинам, начиная с отсутствия необходимых средств и кончая просто нежеланием расставаться с Землей, остался на старом месте, женился и обзавелся собственными детьми?

Все продолжали молчать, хотя он и дал им возможность высказаться.

— Таким образом, — мягко произнес он наконец, — нет оснований считать, что Землю покинули все, из кого потом могли бы вырасти дорсайцы. Или что на Мару и Культис перебра-

лись все, кто мог бы положить начало цивилизации экзотов. Еще один, последний вопрос, прежде чем закрыть эту тему и перейти к нашим основным проблемам. До того как эти эмигранты прибыли на другие миры, было ли им свойственно нечто такое, от чего пришлось отказаться на новом месте?

Снова пауза и снова молчание в ответ.

— В таком случае резонно предположить, что нет, — продолжил он. — Что были истинно верующие мужчины и женщины еще до того, как появились Гармония и Ассоциация, что существовали храбрые и самоотверженные люди задолго до того, как возник Дорсай, и что люди мечтали о некоем этическом идеале и разрабатывали на его основе философские концепции, когда еще никто не имел ни малейшего представления о Маре или Культисе.

Он снова прервался, но на этот раз лишь на долю секунды.

— Короче, квакеры, и дорсайцы, и экзоты первоначально появились на Старой Земле, где до сих пор есть люди, подобные им, часть общего генофонда, давшего начало всей человеческой расе.

— Принято, — резко бросила Аталия со своего конца стола. — А теперь, как ты сам сказал, давай

перейдем к основным вопросам, ради которых мы все здесь собрались.

— Хорошо, — сказал Хэл. — Важно только понимать то, ради чего все это делается, и ценность Рух для всех миров. А необходима она, потому что в ней сосредоточено все лучшее, что было создано вашей культурой. Вы должны гордиться ею, а не ревновать к другим мирам. Но давайте, как только что напомнила мне Аталия, перейдем к основным вопросам нашей встречи...

Он еще раз оглядел присутствующих и заметил, что выражение лиц, во всяком случае у некоторых из них, изменилось, перейдя от первоначальной тупой бесстрастности к задумчивости и даже некоей заинтересованности. «По крайней мере, — подумал он, — мне удалось увлечь хотя бы несколько человек из этой аудитории».

— Что касается того, каким образом мы освободим ее, — произнес он и заметил, как лица присутствующих вновь застыли, но на этот раз в напряженном внимании, — то здесь нашим главным козырем становится идея о принципиальной невозможности вызволения заключенного из Милицейского центра. Поскольку это означает, что милиция тоже непреложно верит в этот постулат, то им и в голову не придет мысль о

возможной попытке освобождения. Нам это существенно облегчит задачу, поскольку для того, чтобы осуществить эту операцию, мы должны подготовиться к ней заранее, а убежденность милиции в неуязвимости своего Центра сыграет нам только на руку и усыпит их подозрительность. Мы, конечно, справились бы и так, но это стоило бы нам дополнительных усилий.

— Ты все еще ни слова не сказал нам о том, почему ты считаешь, что освобождение возможно, — сказал мужчина в вязаном джемпере.

— Оно возможно, — кивнул Хэл, — потому что, как я уже сказал, подобные операции проводились неоднократно и раньше. Необходимо только свести до минимума противодействие другой стороны, когда мы проникнем на территорию Центра, для того чтобы группа спасателей могла без труда справиться с ситуацией.

Худой мужчина лет пятидесяти с недовольным лицом, сидящий через три человека от Хэла, презрительно фыркнул:

— Прекрасно! Все, что нам надо, это только чудо!

— Нет, — ответил Хэл тем же спокойным тоном, которым начал сегодняшнюю встречу, — все, что нам надо, это четкий план.

Он посмотрел на Аталию в противоположном конце стола.

— Я узнал, что в казармах вашего Милицейского центра расквартированы четыре роты примерно по двести человек в каждой, плюс пара сотен чиновников и обслуживающего персонала. Таким образом, максимальная численность, с которой мы можем столкнуться, составляет не больше тысячи ста человек.

— Это много, — заметила женщина средних лет, которая так горячо протестовала против предположения о том, что у первых поселенцев Квакерских миров было меньше веры, чем у нынешних поколений.

— Да, на первый взгляд это кажется много, — сказал Хэл. — Но для города подобной величины на любой другой планете, за исключением Ассоциации, Дорсая и Экзотских миров, обычно требуется раза в три больше полиции. В данном случае нам опять повезло, что характер вашей культуры не требует больших полицейских сил.

— Очень мило, — усмехнулась женщина. — Возможно, это и комплимент, но нам от этого вызволять Рух будет не легче.

— А я считаю, легче, — возразил Хэл. — Потому что это означает, что для выполнения полицей-

ских функций по обеспечению порядка в таком большом городе, как Арума, у местной милиции недостаточно людей. Это не имело особого значения до того, как появились Иные и население было дружественным. Но сейчас местное население — во всяком случае, если исходить из того, что я сам видел в тот день, когда Рух выступала на площади после диверсии на Кор Тэп, — дружественным никак уже не назовешь.

— Я все же не понимаю, чем это может нам помочь, — упорствовал мужчина в вязаном джемпере.

— Тише, Хавес, — сказала женщина. — Кажется, я понимаю. Ты намереваешься воспользоваться помощью населения города, не так ли, Хэл Мэйн?

Хэл кивнул:

— Совершенно верно. Я хочу оттянуть от Центра основные силы милиции и, когда там останется минимальный отряд, предпринять попытку освобождения Рух.

— Каким образом? — раздался голос Аталии с противоположного конца стола.

— Да, — подхватил мужчина в вязаном джемпере, — каким образом? Не говоря уже о чем-нибудь другом, каким образом мы сохраним готовящую-

ся операцию в секрете, если собираемся привлечь к ней широкие массы народа? У милиции повсюду в городе свои шпионы и осведомители, так же как у нас свои осведомители в рядах милиции.

— Люди не будут ничего знать, пока мы сами не скажем им, — пояснил Хэл.

— Если они не будут знать... — озадаченно повторил мужчина, — то как они смогут нам помочь? Как ты предполагаешь воспользоваться их помощью?

— Я хочу, чтобы они организовали пожары, бунты, уличные бои — вы лучше меня знаете, что именно, — продолжил Хэл. — Мне необходимо, чтобы в разных концах города вспыхнуло полсотни различных инцидентов, чтобы милиция без конца отправляла на места происшествий свои наряды до тех пор, пока у нее в резерве не останется ни одного человека.

— Но где найти столько людей — я имею в виду обычных людей, а не Детей гнева или тех, кто тем или иным образом посвятил себя борьбе с этим сатанинским отродьем, — чтобы они сделали то, что ты от них хочешь, не требуя от тебя никаких объяснений, — почти закричал худой человек со злым лицом. — И что насчет самой милиции? Неужели ты думаешь, они ничего не заподозрят,

когда повсюду вдруг начнутся беспорядки и заполыхают пожары? Они сразу почувствуют, что здесь что-то не то, и удвоят охрану Центра!

Несколько мгновений Хэл молча разглядывал его.

— Когда я раньше был на Гармонии под именем Ховарда Билавда Иммануэльсона, — наконец произнес он, — я был прихожанином Возрожденной Церкви Откровения. А к какой церкви принадлежишь ты, брат?

Мужчина удивленно посмотрел на него, его лицо посуровело.

— Я принадлежу к Церкви Восьмого Завета, — резко ответил он. — А что?

— Восьмого Завета... — Хэл с задумчивым видом откинулся назад, положив руки на стол и сплетя пальцы. — Не та ли эта церковь, которая была основана одним богоотступником? Погрязшим в грехе и прочей мерзости, за что церковь, к которой он раньше принадлежал, вышвырнула его вон, велев забыть дорогу обратно, и поэтому он почел за лучшее основать свою собственную церковь, которая, как всем известно, является теперь средоточием греха и разврата...

Раздался треск, и бочка, на которой сидел человек со злым лицом, отлетела в сторону, с грохотом

покатившись по бетонному полу, а сам человек вскочил на ноги и уже готов был прямо через стол броситься на Хэла, если бы его не удержали сидящие рядом с ним.

— Мир! Извини меня! Извини, пожалуйста! — Хэл поднял руку и протянул ее открытой ладонью вперед. — Я только хотел продемонстрировать вам то, что и так всем хорошо известно, а именно, что споры между представителями различных церквей не так уж и редки, особенно в таком большом городе, как этот, и что эти споры часто выливаются в открытые столкновения, и тогда милиция вынуждена посылать свои наряды для восстановления спокойствия, разве не так? И если масштабы этих споров будут все время расти, то следует ожидать, что уже десятки милицейских нарядов покинут Центр для наведения порядка в городе.

— Я не понимаю, — сказал мужчина в вязаном джемпере, пока человек со злым лицом медленно и неохотно усаживался на место, сверля Хэла глазами.

— А я понимаю, Хавес, — отозвалась женщина средних лет с пронзительными черными глазами. — Устроив уличные беспорядки, мы сможем постепенно оттягивать силы милиции от Центра.

Хорошо, Хэл Мэйн, но ведь милицейское руководство сможет заранее рассчитать, сколько им понадобится людей, так чтобы не оголять Центр.

— Разумеется, они постараются это сделать, — кивнул Хэл. — Но мы должны предусмотреть в своем плане непрерывную эскалацию напряженности на протяжении от пятидесяти до семидесяти пяти часов, которая до предела вымотает и тех, кто наводит порядок на улицах, и их начальство, лишив и тех и других нормального сна. А физическая усталость притупит их рефлексы и способность правильно оценивать ситуацию. По существу, нам надо попытаться довести до крайнего изнеможения всех, кто останется в Центре. Для этой цели у нас будет от сорока восьми до семидесяти двух часов. Если мы растянем операцию на большее время, они сумеют адаптироваться. К тому же фактор времени крайне важен для освобождения Рух. Мы знаем, что сейчас она жива, но нам неизвестно, в каком она состоянии и как долго еще сможет продержаться.

Хэл сделал паузу и еще раз оглядел лица сидящих перед ним людей; что-что, а уж их вниманием он сейчас завладел полностью; только на лице худого мужчины, которого он спровоцировал,

еще были заметны следы недавней ярости.

— Пожалуй, это может сработать. — Мужчина в вязаном джемпере обращался даже не к Хэлу, а ко всем сидящим за столом. Потом он повернулся к Хэлу:

— Допустим, эта часть плана, касающаяся оттягивания основных сил милиции от Центра и последующего выматывания их, сработает, а что потом?

— Когда наступит нужный момент, мы пошлем группу, которая проникнет в Центр через служебный вход, используя маршрут, по которому в тюремный сектор Центра доставляются продукты питания и что-нибудь вывозится, начиная с грязного белья и кончая трупами заключенных.

— А когда они будут выходить, их уже будут ждать все оставленные в Центре милиционеры! — резко бросил худой мужчина.

— Вовсе не обязательно, — пожал плечами Хэл. — Не забывайте, что милиция в первую очередь будет думать об уличных беспорядках, которые к тому времени достигнут такого размаха, что это будет попахивать уже всеобщим бунтом. Когда они получат сообщение, что кто-то проник в Центр через служебный вход, то воспримут это как просто одну из акций бунтовщиков

— погром в Центре. Ничто не должно указывать им на то, что все эти беспорядки — лишь предлог для того, чтобы спасти из тюрьмы заключенного, всего одного заключенного.

В помещении склада повисла тишина.

— Риск довольно большой, что они ничего не заподозрят, — вздохнула Аталия.

— Особого риска не должно быть, — возразил Хэл. — И мы намерены еще больше повысить наши шансы, организовав перед самым проникновением группы отвлекающее нападение на главный вход Центра. Это должно выглядеть, только выглядеть, как будто нападающие пытаются пробиться внутрь здания; это должно не только оттянуть к главному входу все оставшиеся в Центре силы милиции, но и как-то объяснить проникновение в здание небольшой группы через служебный вход.

— И все же ты слишком много ставишь на то, что подумает милиция, — сказала Аталия.

— А мы можем существенно помочь им сориентировать свои мысли в нужном нам направлении, — отозвался Хэл, — прежде всего соответствующим образом одев нашу группу, направляющуюся в Центр, и проинструктировав ее членов, чтобы своими действиями они созда-

вали впечатление о банде мародеров, которые, воспользовавшись нападением на центральный вход, решили втихаря пробраться внутрь, чтобы поживиться всем, чем можно; кстати, сколько сейчас стоит на черном рынке милицейское конусное ружье с боеприпасами?

Аталия нехотя кивнула головой:

— Много.

— Таким образом, — продолжил Хэл, — я думаю, у нас есть все основания полагать, что милицейское начальство направит против тех, кого они примут за плохо вооруженную необученную уличную банду, которая разбежится при одном только виде милицейской формы, лишь крохотную часть имеющихся в его распоряжении сил. Тем временем, если мы будем двигаться достаточно быстро, мы сумеем добраться до Рух, вызволить ее из камеры и двинуться обратно. Мы должны быть готовы к тому, что нам придется оружием прокладывать себе путь сквозь первый пикет, присланный от главного входа для того, чтобы нас задержать; и нам надо постараться быть уже за пределами Центра к тому моменту, когда прибудет подкрепление. Не забывайте, что, по имеющимся у меня сведениям, все важнейшие подразделения Центра, такие как архив, арсенал

и некоторые другие, расположены в передней части здания. Поэтому полковник Барбедж и его люди прежде всего будут стремиться оборонять именно эту часть здания, а уж потом, когда у них появится возможность, займутся теми, кто вторгся в служебную зону.

Хэл замолчал. Он инстинктивно чувствовал, что им надо дать время обдумать его слова. Но его обостренное восприятие говорило ему: на этом этапе он уже достиг гораздо больше того, на что мог надеяться.

— Извините, я покину вас на минутку, — сказал он. — Я скоро вернусь.

Он повернулся и вышел в дверь, соединяющую склад с жилыми помещениями дома Аталии. Он еще не успел закрыть за собой дверь, как услышал за спиной разом вспыхнувшую жаркую дискуссию; их приглушенные голоса доносились до него даже через тонкую филенку двери.

«Пусть поспорят между собой, — подумал он. — Пусть поговорят». Он посмотрел на свой наручный хронометр. Минут пять им будет вполне достаточно, и после этого я вернусь туда...

Убивая время, он прохаживался по гостиной Аталии. Его мысли разбегались в разные стороны, и он вдруг подумал о Рух, томящейся в тюремной

камере Милицейского центра. Он вспомнил, как впервые увидел ее, освещенную неровным солнечным светом, пробивающимся сквозь ветви хвойных деревьев, зеленовато-бурый мох, усыпанный сухими иглами под ее ногами, а над головой рваные бело-серые облака на фоне пронзительно голубого неба; какое-то мгновение они просто стояли и смотрели друг на друга.

Он вспомнил, что подумал тогда, какой же высокой, стройной и подтянутой она выглядит в своей перетянутой портупеей армейской куртке и плотных темно-коричневых брюках — словно освещенный солнцем темный клинок меча. Ее образ снова всплыл перед его мысленным взором, но его тут же вытеснил другой образ — Рух в руках милиции. И в тот же миг внутри его как будто что-то оборвалось, и волна озноба прокатилась по всему его телу, достигая самых кончиков пальцев.

Позади него с шумом распахнулась дверь, и он мгновенно развернулся к ней, подобно разъяренному тигру. В дверном проеме стояла Аталия.

— В чем дело? — спросила она. — Мы тебя ждем.

— Ждете... — эхом повторил за ней он. Он посмотрел на хронометр, но никак не мог вспом-

нить, сколько он показывал, как ему казалось, мгновение назад.

— Уже прошло больше десяти минут. — Аталия жестом пригласила его обратно. — Проходи. У нас к тебе масса вопросов.

Глава 54

Как только он вошел в помещение склада, ему сразу же бросилась в глаза перемена, произошедшая в настроении находящихся там людей и в самой атмосфере этой обширной промозглой комнаты. Он увидел перед собой лица, горящие яростной решимостью, с блестящими от возбуждения глазами, как у людей, которых долго морили голодом, а потом неожиданно положили перед ними каравай хлеба. Ему вдруг пришло в голову, что он совсем забыл, как долго люди этого мира страдали от произвола милиции, не имея возможности ответить ей тем же. «Кроме того, — подумал он, — если они решат поставить меня во главе операции за спасение Рух и против такого заклятого врага, для меня это будет актом доверия с их стороны».

Он шагнул через порог и направился к столу, их головы тут же опустились, и они отвели глаза, стараясь не смотреть на него — излишняя предосторожность. Любому прошедшему такую же жизненную школу, как он, было бы заметно это тщательно скрываемое возбуждение, в котором

пребывали сидящие за столом.

— Вопрос в том, — начал мужчина в вязаном джемпере, обращаясь к Хэлу, когда он снова занял свое место, — где нам взять людей, которые могли бы выполнить такую крупную, задуманную тобой, операцию. Сколько мужчин и женщин, по твоим прикидкам, тебе понадобится?

— Какой этап операции ты имеешь в виду? — спросил Хэл. — Чтобы проникнуть в тюремный сектор Центра, достаточно человек двенадцать, к тому же половина из них будет расставлена вдоль маршрута нашего продвижения, с тем чтобы в случае высылки противником подкрепления со стороны главного входа в Центр они могли своевременно предупредить нас об этом. Если в группе будет более шести человек, в этих маленьких комнатушках и коридорах мы будем просто мешать друг другу, беспрестанно натыкаясь один на другого. Наше спасение в быстроте проведения операции, мы должны пробраться в тюрьму и выбраться из нее вместе с Рух до того, как милицейское начальство что-либо начнет понимать.

— Всего лишь двенадцать? — усомнился высокий мужчина, собиравшийся ранее покинуть встречу. — А кто будет прикрывать вас, когда вы

вместе с Рух Тамани выберетесь из тюрьмы?

— Возможно, для этого понадобится еще человек шесть, — сказал Хэл, — но им не обязательно иметь опыт участия в военных операциях, как для тех, кто будет действовать со мной внутри; фактически, настоящих профессионалов, которые будут мне помогать, нужно только пять. Дайте мне пять бывших членов отряда, а остальные могут быть просто отважными ребятами, не теряющими голову при перестрелке.

«Или дайте мне всего лишь двоих дорсайцев, таких как Малахия или Аманда», — мысленно добавил он. И тут же отбросил прочь эту мысль. Ничего нет бесполезнее, чем желать невозможного.

— Тем не менее ты хочешь, чтобы мы организовали самое настоящее нападение на главный вход Центра, — допытывался мужчина в вязаном джемпере.

— Для этого нужно всего лишь тридцать человек, которые действительно способны попасть туда, куда целятся, — ответил Хэл. — Добавьте к ним еще тех, кого сможете обеспечить оружием и кто умеет с ним обращаться и не перестреляет себя или своих товарищей. Но еще до того вам необходимо задействовать подстрекателей к

бунту и беспорядкам, которые должны будут предшествовать самому нападению. Я вынужден повторить еще раз — нападение на Центр со стороны его главного входа нужно лишь для того, чтобы отвлечь внимание милиции в самом здании по крайней мере минут на двадцать или около того, что даст нам время вызволить Рух из тюрьмы. И не говорите мне, что в таком большом городе не найдется сотни убежденных противников режима.

Он замолчал и оглядел стол и всех сидящих за ним. На какое-то время воцарилась тишина. Кто-то разглядывал крышку стола, а кто-то просто смотрел в сторону, они изо всех сил старались не выказать своего удовлетворения его ответами.

— Хорошо, — подвела итог Аталия со своего места в конце стола, которое она снова заняла после перерыва. — Ты, конечно же, понимаешь, что мы должны обсудить все детали твоего предложения. Почему бы тебе не пройти в свою комнату и не подождать там, пока я не извещу тебя о нашем решении?

Хэл кивнул и встал. Он покинул помещение склада, оставив их один на один с решением, которое, по его убеждению, уже было предопределено. Но вместо того чтобы пойти к себе в

комнату, он вышел через входную дверь дома Аталии в темноту и прохладу ночного двора. Пригнув головы к земле и приветливо помахивая хвостами, к нему метнулись три приземистые тени. Он присел на корточки посреди грязного двора и протянул к ним навстречу руки.

Высоко в ночном небе то тут, то там сквозь разрывы туч сияли крохотные, как булавочные головки, звездочки. Собаки навалились на него, облизывая ему лицо и руки...

На следующий день в разных частях города начались беспорядки; сначала это были небольшие стычки между отдельными горожанами, а затем конфликт перекинулся на церкви различных конфессий. Кое-где вспыхнули пожары. Днем спустя пожаров стало больше, драки происходили все чаще и матери перестали отпускать детей в школу. К полудню второго дня на улицах Арумы можно было видеть лишь взрослых мужчин, вооруженных дубинками, да отряды милиции, которые разгоняли их по близлежащим домам, а затем спешили обратно на помощь вконец обессилевшим пожарным, не успевавшим бороться с, казалось, вездесущим огнем. Настроение милиции портилось, усталость возрастала так же, как и активность горожан.

— Дело дрянь, — сказал Морелли Уолден, входя в конце дня в переднюю дома Аталии. — Мы больше не контролируем ситуацию. Она развивается по собственному сценарию.

— Так и должно было случиться, — ответил Хэл. Переднюю комнату дома Аталии превратили в штаб-квартиру; но в данный момент, кроме Морелли, Хэла и Аталии, в ней больше никого не было. Морелли перевел взгляд с Хэла на Аталию.

— В городе не осталось ни одного района, в котором не отмечалось бы по меньшей мере двух или трех пожаров. Дело может кончиться тем, что заполыхает весь город.

— Нет, — возразил ему Хэл. — Поджигатели, занимающиеся этим по собственному почину, тоже устали, так же как милиция, да и мы сами. К завтрашнему утру дело пойдет на спад. Такова схема развития городских бунтов, существующая с тех пор, как появились города, создающие почву для бунтов.

— Я верю тебе, — вздохнул Морелли, — потому что знаю тебя со времен совместной борьбы в отряде Рух. Тем не менее я не могу не волноваться. Я думаю, сейчас самое время предпринять наступление на Центр.

— Нет, — покачал головой Хэл. — Мы должны

дождаться ночи — как по психологическим, так и по тактическим соображениям. Если же тебе непременно хочется о чем-либо беспокоиться, Морелли, то проверь готовность обеих оперативных групп. — Пусть те, кто будет атаковать главный вход Центра, до вечера хоть немного отдохнут. Иди-ка и проверь, как у них дела. Нападающие должны занять свои места только с наступлением полной темноты; боевики же не должны двигаться с места, пока начавшаяся перед главным входом заваруха не продлится по меньшей мере часа два; этого вполне достаточно, чтобы оттянуть как можно больше милиционеров, находящихся в здании, к его главному входу.

— Хорошо, — согласился Морелли.

Он прошел через комнату к двери, ведущей в склад, где были расставлены топчаны для тех, кто в настоящее время не был задействован на улицах.

Как только дверь за ним закрылась, Аталия, глядя на Хэла, стоявшего в другом конце комнаты, сказала:

— Не думаешь ли ты, что сейчас самое время еще раз проинструктировать тех, кто пойдет с тобой?

— Они не хуже меня знают, с чем им придется столкнуться, — ответил он, кивнув головой в сторону разостланных на столе планов коридоров и переходов, ведущих к камере Рух, составленных на основании информации, которую им удалось добыть с помощью находящихся в Центре информаторов Аталии. — С этого момента все будет зависеть от принятых решений и от их подчинения моим приказам. Пусть лучше они как следует отдохнут, если смогут.

Вскоре после захода солнца в штаб-квартиру Аталии поступило сообщение, что у здания Центра началась стрельба. Хэл отправился на склад собирать членов обеих своих команд; одна проникнет в здание, а другая должна будет охранять расположенный с тыльной его стороны служебный двор, из которого обычно производится снабжение Центра и куда выходит дверь в кухню казармы, через которую первая команда проникнет внутрь здания. Он огорченно вздохнул, увидев, что из двадцати пяти человек мужчин и женщин все, кроме одного, бодрствовали, сидя на краю своих топчанов и тихо переговариваясь. Исключение составлял стройный, темнокожий мужчина в грубой камуфляжной форме, заменивший в последний момент одного из членов

команды, в задачу которой входило проникнуть внутрь здания. С этим человеком он пока еще не успел познакомиться. Мужчина лежал лицом вниз и спал.

Хэл потряс его за плечо, и тот сел на топчане. Это был Джейсон Роу, который впервые привел Хэла в отряд Рух Тамани.

— Джейс! — воскликнул Хэл.

— Я только что прибыл на последнем грузовике, — сказал Джейсон, широко зевая. — Привет, брат. Извини, но в последнее время мне редко удавалось поспать.

— А я-то подумал, вот единственный здесь человек, у кого железные нервы, — рассмеялся Хэл. — Тебе удалось поспать?

— Обо мне не беспокойся, Ховард, вернее, Хэл, я сплю уже шесть... — Джейсон посмотрел на хронометр на своем запястье:

— Нет, семь часов с того момента, как прибыл сюда. Как только узнал, что ты здесь, тут же решил, что могу тебе пригодиться.

— Рад видеть тебя и рад, что ты со мной, — сказал Хэл. Джейсон поднялся. Хэл оглянулся вокруг и повысил голос:

— Внимание, все, кто идет со мной! Выходите в переднюю, мы скоро отправляемся.

Грузовики, в которых они разместились, были уже почти у Центра, когда до их ушей донесся свист конусных ружей, стрелявших всего лишь в нескольких кварталах от них; подъехав еще ближе, они услышали хриплый, подобный рыку огромных разъяренных зверей резкий рев энергетического оружия, эхом отдававшийся от плоских высоких фасадов зданий по обеим сторонам улицы.

Грузовики свернули на улицу, идущую вдоль одной из сторон Центра; металлические ворота служебного двора, расположенные в конце длинного, почти с квартал здания, были широко распахнуты. Несмотря на то что обычно у ворот стояла милицейская охрана, сейчас здесь никого не было видно. На ее месте в ожидании грузовиков стояли четверо мужчин и одна женщина, одетые в гражданскую одежду и вооруженные энергетическими ружьями; позади них у задней стены двора лежали два неподвижных тела в военной форме. Грузовики завели во двор, и ворота за ними закрылись.

— Всем слезать! — скомандовал Хэл, как только грузовики остановились.

Он соскочил на землю и увидел, как сидящие в кузове машин боевики спускаются вниз и тут же

разбиваются на группы. Он обернулся к группе из семи мужчин и пятерых женщин, с которой должен был действовать внутри здания, и обратил внимание на то, что все собрались вокруг Джейсона, распознав в нем офицера отряда сопротивления.

— Внутри здания применять только личное энергетическое оружие и ружья, — говорил он. — У кого кабель?

— Здесь. — Один из мужчин приподнял закрепленную у пояса небольшую катушку с намотанным на нее, как могло показаться с первого взгляда, тонким проводом серого цвета. Этот провод представлял собой экранированный кабель для обеспечения телефонной связи между группами, которую оборудование Центра было не в состоянии засечь, не говоря уже о том, чтобы подслушать.

— Носилки?

— Здесь, — ответила женщина. Она подняла вверх нечто похожее на пару длинных шестов, обернутых плотной тканью.

Хэл поискал глазами тех четверых, которые охраняли черные металлические ворота в момент прибытия грузовиков, и, обнаружив неподалеку от машин одного из них, мужчину, спросил:

— Тебе известно, есть кто-нибудь на кухне?

— Мы заходили внутрь, — ответил он, перекладывая свое энергетическое ружье из одной руки в другую. — Там была лишь одна дежурная. Мы ее связали и оставили в углу главного помещения.

«Значит, — подумал Хэл, дежурная по кухне была лицом гражданским. — Если бы она была милиционером, они бы ее убили».

— Хорошо. — Он повернулся к своим людям. — Итак, вы следуете за мной. Если не сможете по каким-либо причинам связаться со мной или если со мной что-нибудь случится, вы обязаны подчиняться приказам Джейсона Роу, вот он. Держитесь вместе; что касается наблюдателей — занимаете свои посты в том порядке, о котором мы договорились ранее. Если увидите или услышите что-нибудь подозрительное, докладывайте обо всем по телефонной связи. Пошли.

Вслед за Хэлом они вошли внутрь. Свет на кухне горел только в одном ее конце, над мойкой, удушливо воняло вареными овощами и мылом. Под самой дальней раковиной Хэл заметил что-то вроде темно-синего тюка. Должно быть, это была связанная с кляпом во рту дежурная.

— Первый наблюдатель, здесь, — приказал он. От группы отделилась женщина, одна из двоих

в его группе, лет сорока, та, что была выше и худее. Она нагнулась, подняла конец телефонного провода от катушки, прикрепленной к ремню, перекинутому через плечо стоявшего рядом с ней мужчины, и подсоединила его к своему наручному телефону на запястье правой руки. Хэл мысленно представил себе подробную карту внутренних помещений Центра, которую составила для него Аталия. Он повел остальных боевиков через дверь в левой стене и далее по длинному прямому коридору, пропитанному в отличие от предыдущего помещения резким едким запахом какого-то дезинфицирующего средства.

Расставляя наблюдателей в тех местах, которые были отмечены на изученной им накануне карте, Хэл вел группу все дальше и дальше в глубь прямоугольного здания; затем они начади осторожно спускаться вниз по трехмаршевой металлической лестнице. У подножия последнего марша рядом с пустым письменным столом слева от забранной решеткой двери, ведущей в коридор, по обе стороны которого видны были металлические двери, стоял топчан, на котором безмятежно спал одетый в черную милицейскую форму охранник. Он спал глубоким сном до пре-

дела измотанного человека и проснулся лишь только тогда, когда они уже принялись связывать его по рукам и ногам.

— Как открыть дверь в камеры? — спросил его Хэл.

— Так я тебе и выложил, — прохрипел милиционер.

Хэл пожал плечами. Времени на убеждение, даже если бы он и хотел этого, не было. С помощью энергетического пистолета он сбил замок с зарешеченной двери, которая явно не была рассчитана на такое варварское обхождение. Отшвырнув ногой еще горячие прутья решетки, мешавшие открыть дверь, Хэл повел шестерых оставшихся боевиков, включая связиста, по коридору, по обеим сторонам которого находились двери тюремных камер. Последний наблюдатель был оставлен сзади рядом со связанным, с кляпом во рту, милиционером.

Двери камер, как и дверь камеры, в которой когда-то давным-давно они с Джейсоном вместе сидели в Милицейском центре Цитадели, были цельнометаллическими с единственным маленьким смотровым окошком, прикрываемым скользящей пластиной.

Смотровые окошки камер, мимо которых они

проходили, были открыты. Хэл заглядывал в каждую камеру, но все они были пусты. Они дошли до конца коридора и обнаружили, что справа и слева от него отходят под прямым углом еще два коридора.

— Может, нам разделиться, Хэл? — предложил Джейсон.

— Нет, — отрезал Хэл. — Давай проверим сначала правый.

В правом коридоре почти все камеры были пустыми, но в трех оказались узники. Они сбили замки с камер и нашли там двоих мужчин и одну женщину, арестованных накануне за участие в беспорядках. Все трое были страшно избиты, но лишь один из мужчин не мог передвигаться без посторонней помощи, которую и оказали ему двое других освобожденных узников. Хэл отослал их назад в комнату, где были оставлены последний наблюдатель и связанный милиционер, приказав им оттуда идти, придерживаясь телефонного провода, до кухни и далее на все четыре стороны.

Аналогичным образом Хэл и его команда просмотрели еще восемь коридоров и боковых ответвлений, освободив более двадцати заключенных, и только один из них попал в тюрьму

до начала бунта; его товарищам по заключению пришлось нести его на импровизированных носилках. Но до сих пор они не могли найти Рух. Где-то в глубине души Хэла закопошился страх при мысли о том, что они могли запоздать всего лишь на полсуток: быть может, она уже мертва и ее тело вывезли отсюда, чтобы избавиться от него.

— Все, конец, — услышал он за своим левым плечом голос Джейсона Роу.

Они дошли до конца коридора и уперлись в голую стену, в которой не было никаких дверей.

— Этого не может быть. — Хэл повернул назад и направился в комнату перед входом в тюремный сектор.

— Где остальные камеры? — спросил он плененного милиционера.

На него смотрело бледное лицо одетого в черную форму связанного охранника. Охранник молчал. Хэл вдруг почувствовал, как в его груди пробежал холодок. Его распирало от ярости и, взглянув на лежащего на топчане охранника, он понял, что тот почувствовал это.

— Ты непременно скажешь, — услышал он, словно со стороны, свой изменившийся голос.

Глаза охранника округлились, лицо побелело.

Ему казалось, что под неотрывным взглядом Хэла его кожа как будто съеживается, обтягивая кости. Между этими двоими металось нечто гораздо большее, чем страх. В голове Хэла, словно древнее эхо, звучал голос, его собственный голос, обрекающий такого же вот человека на страдания; и лежащий перед ним милиционер замер, словно кролик перед удавом, не смея отвести от него взгляд.

— Вторая дверь в первом коридоре справа ведет не в камеру, — хрипло выдавил он. — Это дверь на лестницу, ведущую в камеры подземелья.

Хэл вернулся в тюремный сектор. Позади себя он слышал топот шагов по бетонному полу Джейсона и остальных, старавшихся не отстать от него боевиков. Он подошел к двери, о которой говорил милиционер, и увидел, что смотровое окошко на ней открыто. Заглянув в него, он увидел знакомую картину — пустую камеру. Он взялся за дверную ручку.

Камера была не заперта.

Он толкнул дверь, и она широко распахнулась. Переступив порог, Хэл обернулся и увидел, что с обратной стороны двери к окошку прикреплен экран видеомонитора. Впереди была хорошо освещенная широкая серая бетонная лестница,

ведущая вниз. Он быстро повел их по ней, и через дверь у подножия лестницы они вошли в коридор, длина которого не превышала пятнадцати метров. По обеим сторонам его находились глухие без окошек двери камер.

В том месте, где обычно находились окошки, здесь были красные металлические флажки, которые на всех дверях, кроме одной, были опущены. В пять прыжков Хэл подскочил к этой двери и протянул руку к замку.

Дверь была заперта. Он выжег замок. Засунув пистолет обратно в кобуру, оторвал кусок материи от своей рубашки, скомкал его, чтобы уберечь руку от ожога, ухватился за ручку над сломанным замком и рванул дверь.

В лицо ударило невыносимое зловоние. Он вошел внутрь камеры и чуть не упал, поскользнувшись на человеческих экскрементах, покрывавших пол. После ярко освещенного коридора, он ничего не мог разглядеть. Он остановился, выжидая, пока глаза адаптируются к темноте.

Левой щеки коснулась струйка смрадного воздуха, гонимого, по-видимому, едва работающей вентиляционной системой. Где-то впереди его ухо уловило чуть слышный звук частого дыхания. Вытянув перед собой руки, он осторожно

двинулся вперед и уперся в твердую голую стену. Ощупывая стену, он стал медленно опускаться, и у основания стены его руки наткнулись на человеческое тело. Он поднял его; ему показалось, что оно весит не больше, чем тело подростка. Он повернул обратно к двери и вынес его на свет.

Не прошло и секунды, как он понял, что эта смрадная куча тряпья, которую он держал на своих руках, не что иное, как Рух Тамани. От нее, по существу, остался почти один скелет. Обожженное, покрытое кровоподтеками и гноящимися ранами лицо ее было трудно узнать, измазанные нечистотами волосы сбились в колтуны. Темные веки были плотно сжаты, чтобы защитить глаза от яркого света, но когда она медленно приподняла их, на него смотрели все те же ясные, ничуть не изменившиеся карие глаза.

Она с усилием разомкнула сухие потрескавшиеся губы. И до него отчетливо донесся ее шепот:

— Верую, что ты есть, Господи!

В памяти мгновенно всплыла картина далекого прошлого: он стоит по шею в воде, глядя сквозь прикрывающие его ветви прибрежных кустов. Впервые за долгие годы, сквозь ажурный узор тонких коричневых веток и крохотных зеленых листочков он отчетливо, как никогда раньше,

видит вдали на террасе троих стариков, окруженных молодыми парнями в черной форме с длинноствольными пистолетами в руках, и очень высокого худого мужчину. Он бережно прижал тело Рух к своей груди, словно желая защитить ее, как будто ценнее не было ничего во всей Вселенной. Как тогда в кабинете в доме Аталии, внутри его снова стало разгораться холодное пламя, превращаясь в бушующий ледяной пожар.

— Вот, возьми, — сказал он, осторожно передавая Рух в руки Джейсона. — Забери ее отсюда и отдай мне свое ружье.

Пальцы его руки сомкнулись на прикладе энергетического ружья, которое отдал ему Джейсон. Прикосновение к гладкому дереву вызвало у него странное ощущение, как будто он никогда раньше не прикасался ни к чему подобному, и в то же время оно было хорошо знакомо и незабываемо. Положив в кобуру свой пистолет, он повернулся к одному из боевиков, у которого тоже было ружье, и сказал:

— Твое тоже...

Он взял второе ружье в другую руку и снова посмотрел на Джексона.

— Если меня не будет во дворе с остальными,

когда вы погрузитесь в грузовики, — сказал он, — не ждите меня.

Он повернулся и пошел прочь, прежде чем Джейсон успел задать ему вопрос. Хэл слышал за собой топот шагов остальных боевиков, потянувшихся за ним. Но звуки быстро замерли вдали, когда он перешел на быстрый шаг. Он мигом взлетел вверх по лестнице, миновал тюремный сектор и оказался в комнате охранника. Не задерживаясь, пошел дальше вверх и по коридору, даже не ответив на вопрос оставленного там последнего наблюдателя — она пыталась выяснить, что же ей теперь делать со связанным милиционером.

Перед его мысленным взором с необыкновенной четкостью стояла столь хорошо изученная им карта внутренних помещений Центра. Он приближался уже к предпоследнему наблюдателю. Увидев его, она в недоумении переводила взгляд то на него, то на ружья в его руках.

— Только что позвонили из группы технического наблюдения во дворе: они полагают, что от главного входа Центра отправляется отряд, чтобы разобраться с нами... — начала она.

— Рух уже с Джейсоном и остальными, — прервал он ее, не замедляя шага. — Как только они

появятся здесь, уходи с ними.

Он продолжал свой путь дальше по коридору, оставив без внимания отходившее под прямым углом боковое ответвление коридора, в котором скрывался телефонный провод, ведущий назад на кухню, а оттуда на выход.

— Но куда ты идешь, Хэл Мэйн? — крикнула ему вдогонку наблюдатель.

Он не ответил; ее вопрос эхом прокатился по коридору за его спиной.

Он шел вперед, следуя схеме, хранившейся в его памяти; у второго перекрестка коридора, ведущего к главному входу в здание, он повернул. Холодный огонь внутри него разрастался, охватывая тело. Все его чувства были болезненно обострены. Он видел и запоминал каждую трещину, каждую неровность в стенах, мимо которых он проходил. Он слышал обычно беззвучный ток воздуха в вентиляционных решетках на потолке, под которыми он проходил. Его мысли были устремлены к кабинетам главного здания Центра, отдаленным от него этими стенами и коридорами, где сосредоточились основные силы облаченных в черное милиционеров во главе со своими офицерами, среди которых должен быть и Эмит Барбедж.

Бушевавший в нем холодный пожар полностью поглотил его. Им владело лишь одно желание — достичь своей цели. Завернув за угол очередного коридора, он увидел метрах в десяти от себя трех милиционеров, выкатывающих в его направлении небольшую энергетическую пушку на колесах.

Увидев его, они от неожиданности словно окаменели, но он продолжал двигаться вперед. Наконец один из них пришел в себя и потянулся к спусковому рычагу. Ружья в руках Хэла коротко рявкнули, левое из них — дважды, и все трое упали на пол. Он поравнялся с ними, не задерживаясь, прошел мимо и устремился дальше к главному входу в здание.

— Докладывайте! — резко прогремел по коридору хриплый голос из динамика под потолком. — Сержант Эйбрам, докладывайте!

Но он уже шел дальше.

— Что там у вас происходит, сержант? Доложите немедленно! — донесся до него приглушенный расстоянием призывный вопль из динамика. Он продолжал свой путь.

Он шел, словно одержимый; холодная ярость не оставила места для других мыслей. Свернув еще в один коридор, он в упор столкнулся с двумя

милиционерами и тут же уложил их выстрелами своих ружей, но один из ответных разрядов энергетических пистолетов, которыми оба они были вооружены, полоснул его по рукаву куртки, слегка задев, верхнюю часть левой руки. Запахло паленой материей и горелым мясом, но он не почувствовал ни боли, ни ожога.

Хэл находился уже совсем близко от главного входа. Коридор, по которому он двигался, невдалеке упирался в другой коридор. Он заметил изменения в окружающем его интерьере. Простенки между дверьми, теперь уже застекленными, стали гораздо шире, что говорило о том, что скрывающиеся за ними комнаты больше тех, мимо которых он проходил раньше. На расстоянии шагов шести до конца коридор неожиданно расширялся; здесь и дальше его выкрашенные белой краской бетонные стены были облицованы гладким камнем. Пол тоже стал другим, он был выложен узором из серых кафельных плиток разного размера и формы и тщательно отполирован; звук его шагов стал более звонким. Зрение его было обострено до предела, и в ярком свете скрытых под потолком ламп ему казалось, что воздух впереди колеблется, словно живая плоть.

Он действовал движимый не инстинктом и

не приобретенной в ходе тренировок военной выучкой, а тем, что скрывалось в нем раньше и поднялось из глубин его памяти. Он вдруг почувствовал, как будто чья-то властная сильная рука опустилась на его плечо, остановила, развернула и направила его в один из этих темных кабинетов. Закрыв за собой дверь, он отступил в сторону, скрывшись в темноте комнаты и глядя через стеклянную дверь в пустоту коридора.

Какое-то время он ничего не видел и не слышал. Затем издалека донесся нарастающий топот сапог бегущих людей, которые быстро приближались к этому кабинету. И через минуту человек двенадцать вооруженных до зубов милиционеров появились из-за угла находившегося впереди коридора и промчались мимо двери в ту сторону, откуда он пришел. Он дал им пройти. Когда они скрылись, он снова вышел в коридор и, дойдя до пересечения его с другим коридором, повернул налево и продолжил свой путь в ту сторону, откуда появились милиционеры. Снова свернув за угол, он оказался у последнего перекрестья коридоров, забитого людьми в черной форме, деловито снующими из двери в дверь. Они в недоумении смотрели на то, как он шел между ними, но ни один из них не остановил его. И вот

он уже у открытой двери, расположенной в левой от него стене коридора. Заглянув внутрь, он увидел большую комнату с высокими, закрытыми темными шторами окнами в дальнем конце ее и длинным, заваленным бумагами, столом для совещаний. По обеим сторонам двери стояли два рядовых милиционера, вооруженных конусными ружьями; и когда он, повернув, собрался войти в нее, они направили на него свои ружья и сделали шаг вперед, загораживая ему дорогу.

— Кто вы?.. — начал один из них.

Хэл, не раздумывая, нанес одновременно удары правой и левой рукой. Приклад энергетического ружья пришелся одному охраннику в голову, а ствол другого ружья по горлу другого; оба тут же замертво свалились на пол. Хэл вошел в комнату, закрыв за собой дверь.

Сидевшие за столом совещания вскочили на ноги. Не останавливаясь ни на минуту, Хэл понял, что сделанное им предположение, когда он мельком заглянул в комнату через дверь, оказалось верным — в комнате, судя по форме, находились одни офицеры.

Двое потянулись к кобуре висевших у пояса пистолетов; ружья в руках Хэла коротко рявкнули. И оба офицера упали. Остальные стояли, не дви-

гаясь, и молча смотрели на него. Кто-то взялся за ручку двери со стороны коридора и повернул ее.

— Не входить! — крикнул офицер в дальнем конце стола.

— Где Эмит Барбедж? — спросил Хэл, поскольку того, за кем он пришел, в кабинете не было. Задавая свой вопрос, он все время перемещался вдоль стен комнаты, с тем чтобы его не могли подстрелить не только присутствующие в комнате офицеры, но и те, кто стоял за закрытой дверью, через которую он вошел.

Ему никто не ответил. Продолжая двигаться и подбираясь ближе к столу, Хэл навел ствол ружья, которое он держал в левой руке, в грудь старшего по званию крепко сбитого пятидесятилетнего офицера, стоявшего в дальнем от двери конце стола у одного из зашторенных окон.

— Его здесь нет... — ответил майор.

— Где он? — требовательно спросил Хэл. Лицо майора побледнело. Но потом снова стало приобретать свой цвет.

— Никому из присутствующих здесь это не известно, — сказал он хрипло — Если бы кто и мог ответить на твой вопрос, так это только я, но я тоже не знаю.

— Но он здесь, в Центре, — сказал Хэл; люди

Аталии сообщили, что Барбедж несколько часов тому назад вернулся в Центр и с тех пор не покидал его.

— Черт возьми! — гневно воскликнул майор. — Неужели ты думаешь, что я сказал бы тебе, если бы даже и знал?

Но сверхобостренный слух Хэла уловил нотки торжества в голосе офицера. Очевидно, тот не только лжет и знает, где Барбедж, но и успел что-то сделать, едва только Хэл вошел в комнату.

В памяти всплыли слова предпоследнего наблюдателя у телефонного кабеля, предупредившего его о том, что оборудование слежения во дворе кухни засекло подозрительное передвижение отряда от главного входа, — его, очевидно, направили ликвидировать группу по освобождению Рух. Хотя руки майора лежали на виду на столе, сам он стоял, прижавшись животом к торцу стола. Хэл быстро обошел стол и оттолкнул майора. В столешнице находился скрытый до этого от его глаз нижней полой форменного кителя майора узкий, не шире линейки, и длиной с ладонь Хэла пульт связи.

Дверь в комнату с грохотом распахнулась, и в нее ворвался отряд милиционеров.

— Взять его! — скорее взвизгнул, чем крик-

нул майор. Стоящие вокруг стола офицеры, не успевшие до этого вынуть личное оружие, вновь потянулись за ним.

Малахия Насуно или любой, прошедший дорсайскую подготовку, мог бы сразу сказать, в чем заключалась ошибка милиционеров. Их оказалось слишком много в комнате, и поэтому попытка с самого начала была обречена на провал. Расчетливо и уверенно маневрируя вокруг стола, прикрываясь телами тех, кто жаждал убить или схватить его, Хэл убивал сам или подставлял под огонь противника всех, кто попадал ему под руку. Наконец, когда в комнате почти не осталось никого, стоящих на ногах, уцелевшими овладела паника. Они вдруг все разом бросились ко все еще распахнутым дверям.

Хэл увидел, что стоит один в комнате и что путь к двери открыт.

Охваченный не отпускавшей его холодной яростью, он все же прекрасно понимал, что его победа призрачна; уходить через открытую дверь было слишком опасно. Хэл направил свой энергетический пистолет на одно из зашторенных окон и одним выстрелом разнес окно и штору. Многослойное стекло выдержало бы энергетический удар из пистолета с большого расстояния, но не с

такого, с какого это сделал он.

По схеме, хранившейся у него в памяти, он помнил, что это окно находится в конце фасада как раз там, где он образует угол с боковой стеной, в конце которой находился вход в служебный двор и кухонный блок. Он спрыгнул на бетонный тротуар прямо позади припаркованных вдоль его обочины милицейских машин. Упав на землю, он остался лежать на животе у самого основания фасадной стены Центра, поскольку над его головой беспрестанно слышался свист зарядов. В него стреляли нападающие, что засели в здании на другой стороне улицы напротив главного входа.

Безусловно, среди тех, кто вел непрерывный огонь по фасаду Центра, были люди, способные сообразить, что выпрыгнувший из разбитого окна здания человек, к тому же не в милицейской форме, вряд ли похож на врага. Но таких могло оказаться слишком мало, и они могли быть слишком разбросаны, чтобы успеть быстро сообщить об этом всем остальным, охваченным азартом схватки.

Стрельба из конических ружей продолжалась, но, как он и предполагал, припаркованные вдоль края тротуара машины заслоняли его нападавших и защищали от выстрелов тех, кто близко

подобрался к зданию. В то же время его позиция у основания стены под выступающим узким декоративным каменным карнизом окна, из которого он только что выпрыгнул, была не видна и прикрыта от выстрелов из самого здания. Не задерживаясь долго на одном месте, он стал продвигаться вдоль стены к углу здания, находившемуся от него на расстоянии нескольких метров.

Наконец он добрался до конца стены и свернул за угол. Поднявшись на ноги, он побежал вдоль пустынной освещенной улицы в сторону видневшихся впереди фонарей служебного входа.

Подбежав ближе и не услышав со двора никакого шума, он замедлил шаг. По его расчетам, боевики еще не могли погрузиться в машины и уехать. Он двигался быстро и бесшумно, пока не достиг стены, отделяющей двор от улицы. Оставив без внимания ворота, он забрался на стену, цепляясь пальцами за трещины в том месте, где она примыкала к самому зданию, и спрыгнул во двор.

Грузовики все еще были там, они стояли совсем близко от него, загораживая ему обзор большей части двора. Он вытащил энергетический пистолет и, держа его в руке перед собой, стал

осторожно обходить ближайший к нему грузовик... и с облегчением вздохнул.

Боевики еще готовились к отъезду. Возможно, вид Рух настолько потряс их, как это было и с ним, что они не смогли погрузиться раньше. Они старались двигаться как можно тише, общаясь друг с другом по большей части жестами.

Рух как раз подносили к задней двери ближайшего к нему грузовика. Не обращая внимания на изумление членов команды, для которых он появился словно бы из воздуха, он приблизился к носилкам, на которых она лежала.

Державшие носилки замешкались, не зная, как передать их тем, кто стоял в грузовике, задний борт которого был высоко поднят. Рух тоже смотрела на него. Наверное, медсестра, бывшая в команде второго состава, ожидавшей их во дворе, уже дала ей лекарства, стремясь облегчить ее страдания и подкрепить силы; сейчас ее глаза были раскрыты, а голос, хотя все еще очень тихий, звучал гораздо тверже, чем тогда в камере тюремного сектора.

— Спасибо тебе, Хэл, — прошептала она. На какое-то время бушевавшая в нем холодная ярость отпустила его.

— Благодари других, — сказал он. — У меня

на это были корыстные мотивы; остальные же просто хотели вытащить тебя.

Она заморгала. Глаза ее увлажнились. Ему показалось, что она хочет еще что-то сказать ему, но на это у нее уже нет сил. Тогда он заговорил сам.

— Лежи спокойно, — прохрипел он осипшим вдруг голосом. — Я заберу тебя отсюда на Мару. Там экзоты живо починят тебе тело и душу, будешь как новенькая.

— Только тело... — прошептала она. — Душа всегда со мной...

Хэл почувствовал, как кто-то дергает его за рукав. Он обернулся и увидел позади себя Аталию, лицо ее было искажено гневом. Он позволил ей отвести себя в сторону, чтобы их не услышала Рух.

— Ты ничего не говорил нам о своем намерении увезти ее с этой планеты! — свирепо прошептала она ему в ухо.

— Если бы я сказал это, разве стали бы вы рисковать своими жизнями, чтобы освободить ее? — ответил он. — Я говорил вам, что как бы ни ценили ее здесь, на Гармонии, ее жизнь гораздо важнее для всей расы в целом. Теперь, когда ее освободили, не кажется ли тебе, что самым разумным и безопасным для нее, равно как и

для любого другого, кто попытается спрятать ее, будет покинуть эту планету?

— И все же ты не друг, — произнесла она с горечью.

— Ответь себе на этот вопрос через год, — отозвался Хэл. — В любом случае, вывезти ее с Гармонии мы сможем только через посольство экзотов, никому из вас не удастся этого сделать. А как только станет известно, что ее на планете нет, милиция оставит вас в покое.

— Ладно, — нехотя согласилась Аталия. Но взгляд, которым она проводила его, все еще оставался свирепым.

Приподняв носилки с одного края, чтобы было удобнее взяться за них тем, кто находился в кузове, боевики начали было погружать их в грузовик. Но затем передумали, решив, в конце концов, что будет все же разумнее опустить задний борт грузовика. И тут со стороны входа в кухонный блок, как гром среди ясного неба, неожиданно прогремело:

— Итак! У нашей мерзкой блудницы нашлись друзья, готовые на все, лишь бы уберечь ее от Божьего суда? — жестко и торжествующе прозвучало в тишине двора.

Все обернулись. У входа на кухню тонкий, как

палка, в своей облегающей черной форме полковника милиции, стоял Эмит Барбедж. Он был один. Энергетическое ружье в его руках держало под прицелом всех находившихся во дворе; и даже не глядя вокруг, Хэл знал, что у одного из них, как и у него самого, не было в руках оружия.

— Несите ее обратно, — грубо приказал Барбедж. — Живо!

При этих его словах Хэла вновь охватила холодная ярость; и оттуда же из глубин его души пришло и знание, что нужно делать.

Тишину двора разорвал дикий бессмысленный крик, вырвавшийся из его горла. Он исторгался не только из легких, он рвался из каждого нерва, из каждого мускула его естества, это был самый мощный крик, на который только было способно его тело. Эта лавина звука, направленная исключительно против одного Барбеджа, обрушилась на тощего бледнолицего полковника, словно дубина. На какое-то мгновение Барбедж, казалось, остолбенел от этого крика, и в ту же секунду Хэл, отпрыгнув в сторону, оказался вне зоны поражения из ружья Барбеджа, выхватил свой пистолет и выстрелил.

Само решение и действия были правильными. Но его тело не подвергалось с детства безжа-

лостным тренировкам, и от него не требовалось постоянно поддерживать себя в безукоризненной физической форме. Занятия с Малахией в раннем детстве и последняя пара лет самостоятельной тренировки на Энциклопедии не могли дать его телу того, чем оно обладало бы, будь он рожден и воспитан на Дорсае. Выпущенный из его оружия энергетический заряд попал не в Барбеджа, в которого он целился, а в ружье, выбив его из руки офицера. Оно оказалось на бетонных плитах двора; кончик его дула тускло светился красным светом.

И Барбедж, в отличие от Хэла, который оказался не на высоте, Барбедж превзошел самого себя. Несомненно, он был дважды выбит из колеи, сначала этим безумным криком, а потом потерей оружия, но он пришел в себя прежде, чем Хэлу удалось полностью восстановить свое равновесие. Безоружный он бросился к грузовику, возле которого стояли носилки Рух.

Хэлу никак не удавалось поймать его на мушку, слишком много людей было между ними. И, отбросив в сторону свой пистолет, он рванулся вперед наперехват Барбеджу, достав его как раз в тот момент, когда тот достиг заднего борта грузовика. Ухватив за пояс и за плечо яростно

сопротивляющееся тело, Хэл поднял его высоко в воздух. Он сделал это так легко, словно поднял над собой одетое в мужскую одежду и набитое соломой чучело.

— Нет! — произнесла Рух.

Звук ее голоса был вряд ли сильнее, чем раньше, минуту назад, когда он с ней разговаривал; но Хэл услышал этот шепот и остановился. Ярость сжимала его своей ледяной рукой.

— Почему? — спросил он. Барбедж, которого он все еще держал над головой, замер, понимая, что в любую минуту может запросто окончить жизнь на плитах двора.

— Ты не можешь причинить ему вред, — сказала Рух. — Поставь его на землю.

Дрожь судорогой пробежала по всему его телу; но он продолжал держать Барбеджа в воздухе.

— Ради меня, Хэл, — услышал он ее голос, пробившийся сквозь сковывающую его ярость, — опусти его снова на землю.

Хэл выполнил просьбу Рух. Барбедж стоял, словно в ступоре, его окаменевшее лицо смотрело на Рух, а не на него.

— Его надо остановить, — пробормотал Хэл. — Еще давным-давно Джеймс Сын Божий говорил мне о том, что его надо остановить.

— Джеймс был слишком любим Господом, равно как и многими из нас, — сказала Рух. С большим усилием она приподнялась на носилках и заглянула Хэлу в лицо. — Но даже и святые не всегда правы. Я снова говорю тебе, ты не можешь навредить этому человеку. Он принадлежит к Избранным и слушает только себя и Господа. Ты думаешь, что, разбив его тело, сможешь наказать его за то, что он сделал со мной и с другими. Но его тело для него ничего не значит.

Хэл повернулся и пристально посмотрел на белое лицо над черным воротом мундира, которое не видело никого, кроме Рух.

— Что тогда? — услышал Хэл свой голос. — Что-то же должно быть сделано.

— Вот и сделай это, — сказала Рух. — Сделай то, что будет гораздо ужаснее, чем просто разрушить его смертную оболочку. Он не услышит своих товарищей. Оставь его Господу. Оставь его одного внимать гласу Божьему.

Хэл все еще внимательно следил за Барбеджем, ожидая, что тот вот-вот заговорит. Но, к его удивлению, Барбедж молчал. И не двигался. Он просто стоял и смотрел на Рух, которая снова опустилась на носилки.

Какое-то время во дворе не было заметно ника-

кого движения. Затем медленно боевики стали заносить носилки в машину; погрузив их, они забрались в нее сами, присоединившись к тем, кто их уже ждал там. Хэл продолжал стоять, зорко следя за тем, чтобы Барбедж не смог поднять упавшего ружья. Но тот так и не пошевелился, выражение его лица не изменилось, он все так же напряженно всматривался в темноту брезентового фургона, в котором исчезла Рух.

Загудели моторы грузовиков.

— Хэл! Давай сюда! — услышал он голос Джейсона. Медленно, не отрывая глаз от Барбеджа, Хэл отступил на два шага назад и поднял отброшенный им пистолет там, где он упал. Осторожно, не поворачиваясь спиной к милицейскому офицеру, он запрыгнул в кузов грузовика, в котором была Рух. Забравшись, он обернулся в его сторону и, стоя у вновь поднятого заднего борта, не выпускал из руки пистолета, пока грузовик медленно выруливал из двора и до тех пор, пока стена не скрыла его из вида.

Но Барбедж так и не сдвинулся с места.

Глава 55

Самые удобные пути между звездами не всегда самые прямые; и поэтому для Хэла кратчайшим путем на Дорсай оказался полет сначала вместе с Рух на Культис, а уже оттуда на другом корабле к месту своего конечного назначения.

Итак, он снова в космопорте Омалу. Стараясь не обращать внимания на довольно-таки прохладный воздух и ослепительный свет Фомальгаута, раскаленной белой точкой висящего над головой, Хэл пересек поле взлетно-посадочной площадки. Увидев встречавшую его Аманду, в тот же миг он почувствовал, будто камень свалился у него с души. Внезапное чувство любви захлестнуло его, и его руки, повинуясь неосознанному импульсу, как бы сами по себе заключили ее в объятия.

Он ощутил ее стройное, сильное и такое живое тело, и в следующее мгновение ее руки обвили его шею и она крепко прижала его к себе. Они стояли молча, прижавшись друг к другу, забыв обо всем на свете. Хэл впервые осознал, насколько призрачно и мимолетно почти все в жизни по сравнению с этим моментом. Он ни за что не

хотел выпускать ее из рук, но понимал, что они не могут вечно стоять вот так, сжимая друг друга в объятиях, посреди терминала. Наконец он разжал руки; она тоже отпустила его и отступила на шаг назад.

— Как ты узнала, что я прилетаю? — удивленно спросил Хэл.

— Командир корабля сообщил о тебе еще с орбиты, — сказала Аманда. — Теперь ты из тех пассажиров, чье присутствие на борту не остается незамеченным.

— Неужели?

Ему совсем не показалось, что находившиеся вместе с ним на борту экзоты относились к нему как-нибудь по-особенному. Правда, экзоты никогда не отличались склонностью устраивать ажиотаж вокруг кого бы то ни было.

— Именно так, — ответила Аманда. Хэл по-прежнему не мог отвести от нее взгляда. На ней было трикотажное платье из ослепительно белой шерсти, плотно облегающее фигуру, а на шее небольшое ожерелье из маленьких морских ракушек, ослепительно белых снаружи, но с нежным розовым ободком по краю внутренней поверхности.

— Ты сегодня нарядно выглядишь, — сказал он.

Аманда улыбнулась, глядя прямо перед собой.

— Я оделась так, потому что у меня сегодня важные дела в Омалу, — пояснила она. — Ты на этот раз с багажом?

— Только дорожная сумка.

Вслед за ним она направилась к сектору выдачи багажа; хотя они и не соприкасались друг с другом, он все время ощущал рядом живое тепло ее тела.

— Я написала о тебе Саймону Хану Гриму, старшему из живущих Гримов, — сообщила она. — Он все еще на Новой Земле, занимается там вопросами организации полицейской службы; и по его оценкам пройдет еще не менее нескольких месяцев прежде чем экспансия Иных выжмет его и оттуда. Но он собирается оставаться там до последнего, с тем чтобы заработать как можно больше межзвездной валюты. Из двух других членов семьи младший брат Элистер проводит консультации на Культисе, а их сестра Мэри находится сейчас на Сент-Мари в связи с каким-то пограничным конфликтом; так что усадьба по-прежнему пуста. Но Саймон сказал, что ты можешь останавливаться там всякий раз, как окажешься на Дорсае.

— Очень любезно с его стороны, — улыбнулся

Хэл. Она открыла свою маленькую сумочку и достала оттуда напальчник с факсимиле отпечатка большого пальца.

— Ты можешь пользоваться моим факсимиле, чтобы отпирать входную дверь, — сказала она. — Но лучше всего, как только прибудешь туда, зарегистрируй в памяти замка свой собственный палец. Блок памяти замка находится слева, как только войдешь в дверь; если сразу не увидишь, поищи под висящими куртками и свитерами.

Хэл взял напальчник и положил его в нагрудный карман своей серой куртки. Аманда осмотрела его придирчивым взглядом.

— Ты уже достиг максимума своей физической формы, — сказала она. — Ты подойдешь этому дому как нельзя лучше.

На мгновение между ними повисла пауза.

— Да... — смущенно произнес он. — Ты поблагодаришь от моего имени Саймона Хана Грима?

— Разумеется. Но в том, что он пригласил тебя остановиться у него, нет ничего необычного. — Она чуть заметно улыбнулась. — В конце концов гостеприимство — один из принципов добрососедства. Кроме того, я же ему о тебе все рассказала. Вряд ли на Дорсае найдется хоть один дом, который не распахнет перед тобой двери.

— И при этом хозяев в нем не будет?

— Ну... может, и не обязательно не будет. — Аманда снова улыбнулась ему в ответ.

— Спасибо за твою заботу о том, чтобы я мог пожить в этом доме, — медленно произнес Хэл. — Может быть, другого шанса мне больше не представится.

Ее лицо сделалось серьезным, она отвернулась в сторону багажного сектора.

— Я подумала, тебе этого захочется, — сказала она. — Тебе нет смысла заезжать в Форали-Таун, если ты этого не хочешь, да и люди нынче там чрезвычайно заняты. Впрочем, сейчас дел хватает у всех.

Они молча продолжали свой путь. В багажном секторе выяснилось, что багаж с корабля, на котором прилетел Хэл, еще не доставлен.

— После того как ты закончишь свои дела в Омалу, ты не заедешь навестить меня? — спросил он.

— О да. — На мгновение их глаза встретились. — А вот и твой багаж.

Участок стены впереди раскрылся подобно лепесткам цветка, и из образовавшегося прохода появилась автоматическая тележка. Она подъехала к распределительному кругу и начала

сгружать вещи в лотки, откуда они уже расходились по боксам, к пассажирам. Хэл опустил свой багажный талон в прорезь регистрационного устройства бокса, возле которого стояли они с Амандой. Через секунду автоматика удостоверилась, что линия отрыва талона совпадает с линией отрыва корешка талона, прикрепленного к багажу, и сумка, проскользнув в дверки люка, вывалилась на пол бокса прямо к их ногам.

Хэл поднял ее и направился к стойке заказа местного транспорта, Аманда последовала за ним. Пока они шли, никто из них не произнес ни слова. Хэл чувствовал, что его переполняют слова, но здесь и сейчас это прозвучало бы неуместно.

Но у стойки выяснилось, что все рейсы дальнего следования на сегодня уже закончились и ему придется наземным транспортом ехать в Омалу и заказывать билет уже там, в Транспортном центре.

— В таком случае мы можем добираться до города вместе, — сказал он Аманде со вздохом облегчения, как заключенный, которому вдруг объявили об отсрочке приговора. Она нахмурилась.

— Я уже договорилась насчет обратного пути. — Я не могу... но, с другой стороны, если ты хочешь

заплатить за мой билет на автобус, что ж...

— Конечно, хочу, — решительно произнес он.

Они ехали вместе, сидя в соседних креслах в третьем от конца ряду практически пустого салона наземного автобуса. Он положил свою ладонь на ее, и она слегка сжала ее пальцами, затем, отпустив его руку, просунула свою под локоть Хала и снова взяла его ладонь. Так они и сидели, положив сплетенные руки на подлокотник кресла между ними и крепко стиснув ладони друг друга. «Как два человека, собирающиеся принести клятву на крови и ждущие, когда нож одним движением вскроет их вены и их кровь смешается в едином потоке», — подумал он.

Но сейчас не было никакой необходимости ни в ноже, ни в клятве. И хотя они всего лишь держали друг друга за руку, Хэлу казалось, что все жизненные системы их тел объединены в единую систему и что с каждым ударом его сердце гонит кровь не только в его артерии, но и в ее тоже, точно так же, как ее сердце посылает кровь в кровеносные сосуды их обоих.

Ему по-прежнему многое надо было ей сказать, но сейчас уже не надо было торопиться. Даже стоявшая в этот момент тишина была по-своему бесценна. Он смотрел на ее чистый профиль, вы-

рисовывавшийся на фоне окна. Ее лицо светилось умиротворением и счастьем, которых раньше он в ней не наблюдал. Оно словно излучало тепло, которого так не хватало этому времени года. В прошлый свой приезд он был здесь в самом конце лета; сейчас, полтора года спустя, в этом полушарии стояла ранняя весна.

В Транспортном центре в Омалу Хэл попрощался с Амандой. Он хотел ей напомнить о данном обещании, но почему-то не сделал это. Корабль вознес его над планетой в черноту околокосмического пространства и затем вновь опустил на землю на площадку перед Гримхаусом.

Внутри в особняке все, как всегда, было в полной готовности для проживания, но неподвижность воздуха как будто отсекала то ощущение зимы, с которым он сталкивался повсюду перед этим; казалось, время здесь остановилось. Он, не глядя, протянул руку и, отодвинув висящую куртку, нащупал блок памяти замка; затем, приложив к нему большой палец, ввел его отпечаток в память. После этого он, нигде не задерживаясь, прошел прямо в комнату, бывшую некогда спальней Донала, бросил свою сумку на белое покрывало кровати и вернулся обратно в гостиную.

Он открыл дверь, ведущую из гостиной в библиотеку и остановился в проходе. Его голова достигала верхней планки дверного проема, а плечи упирались в боковые косяки. Аманда была права — он достиг максимума своей физической формы. Он чувствовал себя в своем огромном теле маленьким, тихим и одиноким.

Он направился в кухню и приготовил себе немудреный обед, состоящий из хлеба, козьего сыра и чего-то наподобие перлового супа. Взгляд его не отрывался от крутого склона за окном, который он уже видел из спальни Донала. Поев, он прибрал за собой и направился в библиотеку, чтобы покопаться в книгах. Это были старые, знакомые ему фолианты, и он увлекся чтением.

Он оторвался от раскрытой перед ним книги только тогда, когда солнце уже висело низко над горами, заставляя все предметы отбрасывать длинные вечерние тени. Хэл снова почувствовал одиночество и, чтобы освободиться от этого настроения, поставив книгу на место, вышел на площадку перед домом.

Уже скоро закат, а Аманды все еще не было. Он зашагал прочь от дома в сторону хозяйственных построек. Из конюшни донеслось ржание. Он вошел и увидел двух стоящих там лошадей; их

длинные морды повернулись в его сторону.

Хэл улыбнулся. Обе нетерпеливо перебирали ногами, кося на него глаза в ожидании, что какая-нибудь из них отправится на прогулку. Но он повернулся и вышел из конюшни.

Хэл продолжил свою прогулку по усадьбе, заходя по очереди во все хозяйственные постройки и прислушиваясь к царящей там тишине. Когда солнце село, он вернулся в дом. Наступило время вечерних новостей, и он обосновался в гостиной, устроившись перед информационным экраном. Сначала он плохо понимал, о чем говорится в сообщениях из жизни незнакомого ему мира, о его людях и событиях. Однако постепенно он стал улавливать главное событие, которое стояло за всеми остальными явлениями местной жизни — на Дорсае шла мобилизация, на что он и рассчитывал, когда решил приехать сюда во второй раз.

Он продолжал следить за трансляцией со все возрастающим интересом, пока вдруг не осознал, что уже почти десять, а Аманды все еще нет; она даже не позвонила. За окном уже несколько часов стояла темнота.

Хэл сидел, снова погрузившись в окружающую его тишину и пустоту дома. Потом переключил

освещение в гостиной на ночной режим и направился в спальню, где оставил свою дорожную сумку.

Улегшись в постель, он сначала подумал, что несмотря на усталость ему уснуть не удастся. Но ему удалось забыть о своем разочаровании, и желанный сон вскоре пришел. Хэл так и не понял, долго ли он спал, когда его разбудил легкий шорох.

Ложась спать, он открыл окно и раздвинул шторы, чтобы свежий воздух беспрепятственно проникал внутрь, и теперь нижний край прозрачной занавески слегка колебался. В комнате было довольно прохладно; он ощущал это кожей лица и рук, хотя самому ему было тепло под толстым одеялом. Пока он спал, луна поднялась еще выше, и сейчас ее свет лежал ярким пятном в центре комнаты, в стороне от постели; и в центре этого пятна вполоборота к нему стояла, раздеваясь, Аманда.

Он лежал, молча наблюдая за ней. Она преднамеренно не старалась двигаться особенно тихо, зная, что даже легкий шорох непременно разбудит его, и продолжала раздеваться, как будто не замечая его взгляда. Наконец последний предмет туалета упал к ее ногам. Аманда выпрямилась и

секунду стояла, похожая на теплую живую статую из слоновой кости, омываемая, точнее сказать, залитая с ног до головы лунным светом. Лунный свет рельефно подчеркивал на фоне царящего в комнате мрака плавный изгиб линии ее бедра и ягодиц, ярко высвечивая полную грудь. Волосы, словно освещенное изнутри облако, создавали нечто вроде ореола вокруг ее головы. Она настороженно замерла с поднятой головой, как дикий зверь на водопое, внезапно услышавший подозрительный шум, затем, приподняв край одеяла, скользнула в постель и заглянула ему в лицо.

Хриплый прерывистый вздох облегчения вырвался из горла Хэла, и в тот же миг его руки заключили ее в объятия — одна легла на плавный изгиб ее бедра, другая, проскользнув под телом, нежно обхватила плечи, коснувшись пальцами мягких волос. Он легко одним движением перевернул ее на себя.

— Ты приехала... — только и успел сказать он; их губы встретились, и тела плотно прижались друг к другу.

Он возвращался к реальности окружающего мира медленно, как будто всплывая на поверхность. Одеяло куда-то задевалось, и теперь они лежали на постели рядом обнаженные; луна,

за это время еще дальше переместившаяся по небосводу, покинула центр комнаты и светила теперь прямо на них.

— Теперь все будет иначе, — сказал Хэл.

Он лежал на спине; она рядом на боку, повернувшись к нему и положив голову на подушку так, что он чувствовал ее взгляд.

— Ты так считаешь? — мягко спросила она. Правой рукой, закинутой за голову, она нежно перебирала его жесткие черные волосы. Хэл посмотрел на свое широкое запястье и могучую руку, лежащую поперек ее груди, и с удивлением подумал, неужели это действительно Аманда рядом с ним, неужели им было суждено встретиться именно здесь и именно сейчас, когда все миры вокруг них в любой момент могут рухнуть в пропасть.

Его удивление все нарастало. Как это возможно, чтобы в такое время его переполняло безграничное счастье и чувство близости к другому человеку; когда всего несколько дней назад на Гармонии...

Он невольно передернул плечами, и ее руки крепко обхватили его.

— Что такое? — встревоженно спросила она.

— Ничего... — сказал он. — Ничего. Так, старый

призрак показался из могилы.

— Какой призрак?

— Очень и очень старый. Ему уже двести лет.

— Но он еще не ушел, — вздохнула Аманда. — Он все еще с тобой.

— Да, — нехотя признался он. Сковывавший его изнутри холод не отступал даже перед теплом ее рук, и, почти сам того не желая, он заговорил:

— Я отправился на Гармонию, чтобы найти одну женщину по имени Рух Тамани — я, кажется, рассказывал тебе о ней, когда был здесь в прошлый раз? Она нужна на Земле для дела, которое имеет значение для всех миров. Но когда я прилетел туда, оказалось, что она находится в милицейском застенке в Аруме.

Он замолчал, чувствуя, как холод растекается по его телу.

— Мне известно о квакерской милиции, — сказала Аманда.

— Чтобы освободить ее, я вошел в контакт с членами местного сопротивления. Мы совершили нападение на Управление милиции. Когда я нашел ее, она находилась в камере...

Память живо воскресила в его мозгу картины недавнего прошлого. Он продолжал говорить. Холод внутри него все продолжал разрастаться,

распространяясь по всему телу. Спальня и Аманда как будто отодвинулись на задний план, как нечто несущественное. Он все дальше и дальше погружался в глубины памяти; от чувствовал себя таким далеким и холодным...

— Нет! — донесся до него испуганный голос Аманды. — Хэл! Вернись! Сейчас же!

Какое-то мгновение он, казалось, балансировал на краю черной бездны; потом медленно, цепляясь за присутствие женщины, как за соломинку, начал возвращаться оттуда, куда чуть было не ушел во второй раз. Он возвращался; все ближе и ближе... пока, наконец, окончательно не пришел в себя. Сковывавший его ледяной панцирь растаял. Он лежал на спине, и Аманда сжимала его в объятиях.

Он тяжело выдохнул, но этот громкий хриплый звук, вырвавшийся из его груди, даже нельзя было назвать выдохом. Затем повернул голову и посмотрел на нее.

— Ты знаешь, что со мной было? — удивленно спросил он. — Откуда тебе это известно?

— Это не столь уж большая редкость здесь, — без тени улыбки ответила она. — Такое случалось с Гримами. Это называется холодная ярость.

— Холодная ярость... — повторил Хэл. Он задум-

чиво посмотрел на скрытый во мраке потолок. Это выражение вызвало в его мозгу какие-то ассоциации. Он воспринял то, что она только что сказала, но тут же, словно подбирая ключ к замку, начал сличать эту информацию с разнообразными хранящимися в памяти понятиями, значение которых ему самому еще не до конца было ясно. Он почувствовал, как Аманда ослабила свое неистовое объятие, в котором все еще сжимала его. Она отпустила руки и чуть-чуть отодвинулась от него. Но он по-прежнему чувствовал на себе ее взгляд.

— Мне очень жаль. — Его слова долетели до нее слабым дуновением воздуха, а глаза все еще были устремлены в потолок. — Я вовсе не хотел, чтобы это случилось при тебе.

— Я уже сказала тебе, — ответила она; голос ее звучал гораздо мягче, чем слова, которые она произносила. — Это здесь не редкость. Такое случалось с Гримами. Только представь, сколько за последние триста лет было ночей, когда кто-нибудь из них, мужчина или женщина, так же, как ты, лежал и разговаривал с близким ему или ей человеком.

Он не знал, что ответить. Он чувствовал стыд... и одновременно облегчение.

— Кто ты? — мягко спросила Аманда.

Он закрыл глаза. Ее вопрос, свидетельствующий о том, что ей известно то, что она, по его представлению, никак не должна была знать, поразил его, как удар в солнечное сплетение. Сейчас, когда он только что попытался уйти от нее так далеко, насколько это вообще доступно человеческому разуму, и она все-таки сумела вопреки его воле вернуть его обратно, ему больше негде было спрятаться от нее.

— Донал, — услышал он собственный голос, прозвучавший необычайно громко в ночной тишине. — Я был Доналом.

Глаза его все еще были закрыты; он боялся посмотреть на нее.

— Как ты это узнала? — после продолжительной паузы спросил он.

— Морганов всегда отличала способность к ясновидению, — ответила она — А Аманды обладали этим даром даже в большей степени, чем другие члены семьи. Кроме того, я росла вместе с Яном. Как я могла не распознать этого?

Он молчал, не зная, что ответить.

— Ты и похож на Яна, — сказала она. — Да ты и сам знаешь.

Он вымученно улыбнулся и наконец открыл

глаза, но, как и прежде, продолжал смотреть в потолок. Теперь, когда все уже было сказано, он испытал столь огромное облегчение, что не сразу смог привыкнуть к этому ощущению.

— Еще мальчишкой — Доналом — я всегда хотел походить на Яна и Кейси, но мне этого никогда не удавалось.

— А почему не на Ичан Грима, твоего отца?

При этой мысли он даже улыбнулся.

— Ичан Хан такой, каким я его видел тогда, был просто неподражаем, — ответил он. — Нечего даже было и думать о том, чтобы быть похожим на него. Но близнецы — мне казалось, что я вполне мог стать таким, как они.

— Почему же ты говоришь, что тебе это никогда не удавалось? — спросила она.

— Потому что для Гримов я был весьма невысок. Даже по сравнению с моим братом Мором, — ответил он.

— Две жизни... — задумчиво произнесла она. — Две жизни переживать из-за того, что ты ниже остальных мужчин в твоей семье?

— Три жизни, — поправил он ее. — Для мужчины это иногда имеет большое значение.

— Три? — удивленно переспросила она.

Некоторое время он лежал в тишине, подбирая

слова.

— Мне пришлось также какое-то время быть умершим человеком, — наконец нарушил он молчание. — Я хочу сказать, я использовал тело и имя умершего человека. Мне нужно было вернуться в прошлое, а другой возможности для этого не было.

Сам того не желая, тоном своего голоса он как бы пресекал ее дальнейшие расспросы относительно той второй жизни.

— И как давно ты знаешь, кто ты... на этот раз? — спросила она.

До этого момента он разговаривал, не глядя на нее. Теперь же он повернулся к ней, и ее глаза, небесно-голубые в лунном свете, притянули его к себе, как магнит. Он поцеловал ее с тем трепетом, с каким берут в руки талисман.

— Если быть точным — только последние два года, — сказал он. — Почти до семнадцати лет я рос на Земле, ни о чем не подозревая. Позже, когда я работал на шахтах Коби, я впервые начал замечать в себе что-то необычное. Еще позже, на Гармонии, у меня бывали моменты, когда я делал что-либо значительно лучше, чем должен был бы делать. Но только когда я приехал сюда, в Гримхаус, в первый раз — когда я сидел в столовой

и... — он оборвал себя на полуфразе, заглянув ей в глаза. — Тогда, должно быть, ты все поняла, — продолжил он, — или, по крайней мере, что-то заподозрила, когда, вернувшись, обнаружила меня там в том состоянии.

— Нет, — сказала она. — Впервые я почувствовала это еще накануне вечером. Я поняла тогда не кто ты, а кем ты был.

Он покачал головой, вспоминая.

— Но тогда я еще сам не был уверен, пока не побывал во второй раз, в этом году, на Абсолютной Энциклопедии. И там, когда я впервые начал использовать Энциклопедию в качестве творческого инструмента, как этого желал и планировал Марк Торре, я заставил ее провести ретроспективный поиск, чтобы узнать, откуда я взялся.

— И она обнаружила, что ты происходишь с Дорсая?

Волна холода, не того, из которого Аманда вырвала его, но столь же пугающего, пробежала по его телу.

— Да, — ответил он. — Но, помимо этого, и еще многое, многое другое, что уходит корнями в далекое прошлое.

Она смотрела на него, не отводя глаз:

— Не понимаю, о чем ты.

— Я — Солдат времени, — мягко сказал Хэл. — Я всегда им был. И это продолжается уже очень, очень давно. А сейчас мы находимся накануне последней, решающей схватки.

— Уже сейчас? — переспросила Аманда. — А можно от нее как-нибудь уклониться?

— Нет, — хмуро ответил он. — Это исключено. Вот почему в ней примут участие все, кто сейчас еще жив, хотят они того или нет. Я как-нибудь свезу тебя на Энциклопедию и покажу тебе все это в динамике — как развивались события на протяжении веков; то же самое я должен продемонстрировать Таму Олину и Аджеле, как только снова попаду туда.

— Аджеле?

— Аджела — экзотка примерно моего возраста. — Хэл улыбнулся. — Она является чем-то вроде заботливой няньки при Таме. Сейчас ей уже за двадцать, а опекать его она начала, когда ей было всего шестнадцать лет. Именно она в основном и осуществляет от его имени все административное руководство Энциклопедией.

Глава 56

Аманда замолчала. Тишина сомкнулась вокруг них; не сговариваясь, они повернулись лицом друг к другу и окунулись в вечность, разговаривая на языке, понятном только им двоим. Потом они тихо лежали рядом на спине, наблюдая за игрой лунного света в дальнем углу комнаты.

— Ты ведь не ожидал, что я буду встречать тебя в космопорте, когда вернулся на Дорсай? — вдруг спросила Аманда. Он покачал головой.

— Я даже не мог предположить. Это слишком фантастично. Просто я думал, что, когда приеду, обязательно найду и навещу тебя, где бы ты ни была. Я только надеялся...

Не договорив, он снова затих.

— У меня было больше года на размышления о тебе, — помолчав, сказала Аманда.

— Да, — задумчиво улыбнулся он. — Неужели так долго? Пожалуй, ведь так? Столько всего произошло за это время...

— Ты не понимаешь.

Она приподнялась на локте и заглянула ему в лицо;

— Помнишь наш разговор в твой прошлый приезд сюда?

— Да, о двух Амандах, — ответил он и добавил серьезно:

— Я помню.

Он посмотрел на нее.

— Извини, что я такой тугодум и не сразу понял, о чем ты говоришь, — продолжал он. — Теперь до меня дошло. Ты говорила мне, что, как и они, ты несешь ответственность за судьбы многих людей, слишком многих, чтобы брать на себя еще дополнительную ответственность за кого-нибудь вроде меня. Я тебя понял. И увидел, что и сам не могу уйти от исполнения своих обязанностей. Так что вряд ли я мог надеяться, что ты решишься оставить свои.

— Если ты помолчишь и послушаешь, — прервала его Аманда, — мне, может быть, удастся объяснить тебе, что я хочу тебе сказать.

— Я тебя слушаю, — ответил он.

— Я хочу сказать, что после твоего отъезда мне представился случай хорошенько все обдумать. Ты прав, я отослала тебя потому, что мне казалось, в моей жизни нет места никому вроде тебя — потому что я думала, что должна повторить путь Аманды Второй, а она ведь отвергла Яна. Но,

в размышлениях над этим, мне вдруг открылось многое из того, чего я не понимала раньше в предыдущих Амандах.

Он лежал и слушал ее. Когда она замолкла, он просто продолжал смотреть на нее.

— Одно из самых больших потрясений, — почти сурово продолжала она, — как мало я знала об Аманде Второй, несмотря на то что она вырастила меня. Я тебе рассказывала, что в детстве так часто видела в этом доме Яна, что даже считала его тогда одним из Морганов. Ему и Аманде было тогда уже достаточно много лет. Его дети выросли и имели своих детей, жена Лия умерла. Он и Аманда уже на склоне лет наконец-то стали жить так, как в силу жизненных обстоятельств и обязанностей не могли себе позволить раньше — то есть вместе, в любви и согласии. Все это происходило тогда прямо на моих глазах, но я была слишком молода, чтобы понять это. В силу своей молодости и романтичности, единственное, что я смогла осознать, так это великое самоотречение, на которое пошла молодая Аманда, отказавшись от своей любви к Яну, ради исполнения своих обязанностей перед жителями Дорсая.

Она помолчала.

— Скажи хоть что-нибудь, — потребовала

она. — Ты успеваешь следить за ходом моей мысли, а?

— Успеваю, — ответил он.

— Хорошо, — продолжила она. — И лишь только после того, как я взглянула на Яна и Аманду как на обычных людей, каковыми они и были на самом деле, я наконец смогла увидеть определенную закономерность в развитии линии Аманды. Аманда Первая отвечала только за свою семью и людей, проживающих в ближайшей округе. Аманда Вторая имела уже обязательства перед всеми жителями Дорсая. Что касается моих обязательств, то они такие же, как и твои — обязательства перед всей человеческой расой. В конце концов я поняла, — продолжала она, — вопреки тому что наши обязательства заставляют нас идти каждого своим путем, возможно, в результате получится все как раз наоборот. Быть может, именно они, хотим мы этого или нет, заставят нас идти одним путем; и, если это так, тогда все в порядке, по крайней мере для меня.

Аманда замолчала, посмотрела на него и лукаво улыбнулась, чего он никак не ожидал от нее.

— Ты следишь за моей мыслью? — требовательно спросила она.

— Нет, — ответил он. — Если честно, не успе-

ваю. Я совсем сбился с толку.

— Вот тебе на! Неожиданная ограниченность гения. Я говорю о том, что пришла к выводу: если уж наша встреча действительно неизбежна и предопределена, то ты непременно вернешься сюда, просто это вопрос времени. Если же ты вообще не приедешь, то мне надо просто выбросить все это из головы.

Они внимательно смотрели друг на друга; затем она убрала локоть, на который опиралась, и легла, примостив голову у него на груди. Хэл обнял ее свободной рукой и крепко прижал к себе. Какое-то время они лежали молча.

— Меньше всего на свете я мог ожидать этого, — наконец заговорил он, глядя в потолок. — Мне понадобилось две жизни, чтобы понять, что мне надо научиться любить. А вот теперь, когда я действительно полюбил, оказалось, это совершенно некстати и не сулит мне ничего хорошего.

Он замолчал и нежно провел ладонью вдоль ее спины.

— Мне бы не надо было этого делать, — вдруг произнесла Аманда совершенно иным тоном. — Я не знаю, что заставляет меня дразнить тебя. Это примерно как если бы тебе удалось прокатиться на дикой лошади, к которой все и подходить-то

боятся. Но я хоть немного, но все же могу себе представить, каково тебе пришлось все эти годы и все эти жизни. Странно, что это не наложило на тебя какого-то особого отпечатка теперь, когда ты узнал, кем ты был и что делал раньше.

— Каждая жизнь начиналась как бы заново, — просто объяснил он. — Так и должно быть. Каждый раз доска вытирается начисто, чтобы старые знания не мешали постижению новых. Я заново создавал себя в каждой новой жизни. Только так я мог быть уверен, что вспомню о том, что знал в предыдущей жизни, лишь после того как освоил это в новой. Я учился, учился все время.

— Понятно, но все же странно, не так ли? — сказала она. — Все идут по своей жизни снизу вверх. Ты же фактически наоборот — сверху вниз. От Донала, главы миров, ты пробивал себе дорогу вниз, стараясь стать как можно ближе к обычному человеку.

— Это потому, что решение должно быть найдено на уровне обыкновенного человека — либо его не существует вообще. Донал начал исправлять расу силой и понял, что у него ничего не вышло. Силой внутреннюю сущность человека изменить нельзя. Говорят, что при жизни Чингисхана дева

с сумой, полной золота, могла проскакать на коне от одной границы его империи до другой и никто бы ни ее, ни золота не тронул. Но после его смерти и девы, и золото стали передвигаться только под вооруженной охраной, впрочем, так было всегда до его правления. Все, что один человек может сделать для другого, — это проложить тропу и надеяться, что кто-нибудь последует за ним. Но как бы я смог проложить людям дорогу, если бы не думал, как они, не чувствовал, как они, — не осознавал себя одним из них?

Его голос звучал необычно в ночной тиши этой комнаты и даже для его собственных ушей.

— Конечно, не смог бы, — мягко произнесла Аманда. — Но в чем Донал допустил ошибку?

— Не совсем ошибку. Он двигался в правильном направлении, хотя не совсем ясно себе его представлял; возможно, даже я не до конца еще все понимаю. Но направление, повторяю, с самого начала было выбрано им правильно, и то, что он завещал мне, будучи еще совсем ребенком, до сих пор является целью моей жизни, моей работой.

— Завещал тебе? — удивилась Аманда. — Ты хочешь сказать, что, так же как Донал, с детства ты посвятил себя делу, которое выполняешь и сейчас? Неужели со столь раннего возраста?

Память болью отозвалась в нем. Над ним вновь сомкнулись тюремные стены камеры на Гармонии.

— Ты помнишь Джеймса Грима? — спросил он ее.

— Которого Джеймса? — уточнила она. — Среди Гримов, начиная с Клетуса, были трое с таким именем.

— Джеймса, который был самым младшим из дядьев Донала, — ответил он. — Того Джеймса, которого убили при Доннесуорте, когда я... когда Донал был еще совсем ребенком.

Он помолчал, глядя в спокойное лицо Аманды, которая лежала, прижавшись одной щекой к его груди, и смотрела на него из темноты, освещенная бледнеющим светом луны.

— Разве я не рассказывал тебе, когда был здесь в прошлый раз, о видениях, которые посещали меня в тюремной камере на Гармонии, о кладбище и похоронах? — спросил он.

— Нет, — сказала она. — Ты мне многое рассказывал о тюремной камере и о раздумьях в ней о своем дальнейшем пути. Но ты не упоминал ни о каких видениях, связанных с похоронами.

— Это случилось, когда я уже готов был от всего отказаться. Тогда я не осознавал этого, но наконец

был на грани понимания той истины, на поиски которой и был мною послан Хэл Мэйн. То, что я должен был понять, начало пробиваться сквозь поставленный мною же для Хэла барьер, ограждавший его от того, что он знал в прошлой жизни, и этим воспоминанием — церемонией похорон Джеймса в Форали, когда я был еще мальчиком...

Его голос задрожал от боли, которую он ощутил при этом воспоминании, затем он взял себя в руки.

— Именно тогда Донал принял решение, взял на себя обязательство, — продолжал Хэл. — Джеймс был для него ближе, чем даже родной брат, так иногда бывает. По возрасту Мор был где-то между нами, но Мор...

Голос его сорвался. Это имя как будто вызвало спазм в его горле.

— Что Мор? — не дождавшись продолжения, спросила Аманда. Протянув руку, она нежно коснулась пальцами его руки, лежащей на кровати.

— Донал убил Мора, — отрешенно произнес он. Ему показалось, что ее пальцы коснулись оголенных нервов его руки и побежали по ним вверх, словно пытаясь добраться до самой сокровенной сути его естества.

— Это неправда, — услышал он словно издалека

ее голос. — Ты придаешь этому больше значения, чем надо. Это так и не так. Что же было на самом деле?

— Донал виноват в смерти Мора, — словно повинуясь ее приказу, ответил он.

— Хорошо, — сказала она. — Давай сейчас не будем говорить об этом. Ты рассказывал мне о смерти Джеймса и о том, как она связана с решением Донала, которое руководило тобой во всех твоих жизнях и на протяжении всех этих лет. Что же такое там произошло?

— Что произошло? — Он с трудом отогнал образ изувеченного тела Мора и вновь вызвал в своей памяти картину похорон Джеймса. — Они все просто смирились с его смертью. Все, даже Ичан, даже мой отец, он просто смирился с убийством Джеймса, этим абсолютно бессмысленным убийством. А я... не смог. Я... он, Донал, впал в состояние холодного неистовства. Точно такого, из которого ты недавно вывела меня.

— Неужели? — в голосе Аманды сквозило явное сомнение — Это невозможно, Донал был слишком молод. Сколько ему было?

— Одиннадцать.

— В этом возрасте такого не могло быть. Это просто невозможно.

Хэл рассмеялся, его смех резко прозвучал в тишине спальной.

— Но так это и было. Кейси тоже, как и ты, не поверил когда отыскал его на конюшне, куда тот забился после похорон, в то время как все остальные пошли в дом. Но он смог это сделать. Ведь он был Донал.

При этом последнем слове, словно само имя было магическим ключом, внутри него как будто что-то щелкнуло и прошлое вновь вернулось к нему; и вместе с холодной яростью им неожиданно завладела огромная сила, захлестнувшая его, словно неистовая волна прилива, грозящая поглотить все на своем пути.

— Я — Донал, — сказал он; могучая сила подхватила его, взметнула вверх. Неистовая, огромная...

— Не Блейз.

Тихий голос Аманды, донесшийся до него, словно издалека, разбил и усмирил эту силу. Он с облегчением вздохнул, почувствовав, что приходит в себя. Несколько минут он лежал, не говоря ни слова, затем повернулся и, стараясь разглядеть ее лицо в полумраке, спросил:

— Что я рассказывал тебе о Блейзе?

— Это было в первый твой приезд в Фал Морган, — мягко ответила она. — В ту ночь ты очень

много говорил.

— Понятно, — вздохнул он. — Грех воина все еще сидит во мне. От него мне тоже еще предстоит избавиться, как ты понимаешь... если вспомнишь, что я тебе рассказывал об освобождении Рух. Нет, слава Богу, я не Блейз. Но и в одиннадцать лет я тоже им не был. Единственное, что я понимал, так это то, что не могу вот так просто смириться с бессмысленной смертью Джеймса, со всем этим злом, творящимся во Вселенной: с тем, что творят люди друг против друга, чего никогда не должно было быть.

— И ты тогда поставил перед собой задачу положить этому конец?

— Ее поставил Донал. И всю свою жизнь он старался осуществить ее. В каком-то смысле не его вина, что он пошел не той дорогой. Он был все еще слишком молод...

— И что он сделал? — ее голос вернул его к действительности и к тому, о чем он собирался ей рассказать.

— Он стал искать средство, средство, которое не позволило бы больше людям совершать поступки, подобные тем, что привели к смерти Джеймса, — сказал Хэл. — И он нашел его. Я называю его — он называл его — интуитивной

логикой. Это логика, срабатывающая на интуитивном уровне, или интуиция, дающая ответы на основе жестких законов логики. Называй это как хочешь. В действительности он был далеко не первый, кто открыл ее. Люди творчества — художники, писатели, композиторы и музыканты пользовались ею уже давно. Пользовались ею и ученые. Он только привел ее в стройную систему и применял сознательно по своей воле и своему желанию.

— Но что это такое? — подгонял его голос Аманды.

— Это нельзя объяснить, так же как нельзя объяснить словами математику, — сказал он. — Чтобы объяснить ее, надо говорить на том языке, которым пользуется она сама, но еще раньше твое мышление должно сделать качественный скачок к истокам понимания этого языка; только тогда ты действительно начнешь постигать, что же это такое. Я приведу тебе аналогичный пример. Разве у тебя не бывало так, чтобы какое-нибудь великое художественное полотно вдруг стало тебе очень близким, полностью захватило тебя, разве тебе не приходилось слышать гениально исполненного музыкального произведения, читать книгу, которую, вне всякого сомнения, можно было бы

поставить в ряд бесспорно выдающихся литературных произведений?

— Да, бывало, — ответила она.

— Тогда ты знаешь, что у всех их есть одна общая черта — это то, что ты снова и снова возвращаешься к ним. Ты готова без устали смотреть на картину. Готова бесконечно слушать одну и ту же музыку, каждый раз находя в ней что-то новое. Читать и перечитывать книгу, даже не задумываясь над тем, что единственное, что тебя в них привлекает, — это радость открытия и наслаждения.

— Я это знаю, — сказала она.

— Понимаешь, — продолжал он, — то, что неудержимо влечет тебя к ним, заключается в их способности постоянно открывать для тебя что-то новое; и все эти бесчисленные открытия, которые тебе предстоит совершить, были в них изначально заложены их творцом. Ни один человеческий разум никогда не мог бы сознательно породить такое бесконечное многообразие и выразить его в одном художественном полотне, в одной музыкальной фразе, в одной книжной строке. Ты это знаешь. Но оно все же существует. Только что его не было, и вот оно уже есть. Лишь человеческое существо, создавшее каждое из этих

произведений, могло заложить его туда. И существует единственный способ, позволяющий ему или ей сделать это: творец должен пользоваться не только сознательным разумом, который хоть и точен, но в то же время не способен одновременно вынашивать множество замыслов, но и подсознанием, не знающим границ и способным отразить все наблюдения жизни, весь жизненный опыт в единственном штрихе, звуке или слове, помещенных среди других таких же штрихов, звуков или слов.

Он замолчал. Она задумалась, подбирая слова.

— И это, — наконец проговорила она, — то, что ты называешь интуитивной логикой?

— Не совсем, — сказал Хэл. — То, о чем я только что говорил, это созидательная логика, которая обычно управляется подсознанием. Если подсознанию не нравится задание, оно отказывается его выполнять и никакой силой воли его не заставишь это делать. Единственное, что удалось Доналу, это переместить управление логикой полностью в область сознания. Он заставил ее работать, манипулируя рычагами причин и следствий. Тогда он был слишком молод и не понимал, как многое из того, что он создал, было заимствовано им из трудов по стратегии и такти-

ке, написанных его прадедом.

— Ты имеешь в виду Клетуса?

Хэл кивнул головой:

— Да. Ты ведь помнишь, не так ли, что в самом начале Клетус собирался стать художником? Только много позже его захватила наука о военных действиях и противодействиях. При разработке своей доктрины он использовал принципы созидательной логики, но в действительности, как явствует из его работы, время от времени ему самому, возможно, удавалось пересекать грань между сознанием и подсознанием, уходя в область сознательного управления творческим процессом.

— Понимаю. — Аманда, казалось, на мгновение задумалась. — Но ты все же не знаешь, было ли это так на самом деле. Хотя, похоже, ты знаешь, что Донал это делал.

— Я никогда не был Клетусом. — Он улыбнулся, но его улыбка была адресована скорее самому себе, чем ей. — Но я был Доналом.

— И ты считаешь, что именно благодаря созидательной логике Клетусу удалось одержать победу над Доу де Кастрисом и Землей, настолько богатой всевозможными ресурсами, что у Молодых Миров практически не оставалось никаких

шансов противостоять ей? И что благодаря именно символической логике Донал достиг того, что получил титул Протектора четырнадцати миров, включая Землю, когда ему не было еще и сорока?

— Да, — без тени улыбки сказал Хэл. — И уже после того, как Донал достиг всего этого, он понял смысл притчи о деве и золоте, о том, что с ними произошло после смерти Чингисхана. Он взглянул на мир и порядок, установленные им на всех цивилизованных планетах, и понял, что ему так ничего и не удалось сделать. Он не изменил склада ума и поведения, лежащих в самой структуре человеческого существа.

Аманда нежно погладила его руку.

— Все в порядке, — снова улыбнулся он, но улыбка его была печальной. — Он пережил это. Я пережил это. Будучи тем, кто я есть, я не имею права сдаваться. Это как раз то, что в действительности произошло в тюремной камере. Мой сознательный разум и тело были готовы сдаться, просто-напросто от всего отказаться, но им это не позволено было сделать. Что-то сидело во мне, заставляло меня действовать несмотря ни на что. Как оно заставляло в свое время действовать Донала. Как и Донал, я понял, что ошибся. Следующим шагом было откорректировать эту ошибку

— исправить, но не заблудший род людской, а всю историческую схему, приведшую человечество к заблуждению.

— И как он думал, ему удалось бы это сделать? — голос Аманды словно подталкивал его к продолжению разговора и желанию освободиться от этого невыносимого груза, который он так долго носил в себе, что уже забыл, жил ли он когда-нибудь без него.

— Он применил свой метод интуитивной логики, но не к настоящему, а к тому, что его породило, к причинам, приведшим к тем результатам, которые он видел повсюду вокруг себя, и к причинам, породившим эти причины, и так далее, пока он не добрался до точки, в которой можно было хоть что-то изменить.

— И он нашел ее.

— Да, нашел, — кивнул Хэл. — Но одновременно он понял: то, что ему предстояло, нельзя сделать так, как он делал это до сих пор. Для того чтобы осуществить задуманное, он должен был измениться сам, набраться знаний. Дорасти.

— Итак, — произнесла Аманда, — твоя вторая жизнь начинается с этого места. Ты можешь мне об этом рассказать сейчас?

Он почувствовал, что благодаря вот этим сего-

дняшним разговорам с ней, он впервые в жизни полностью освободился от своей тяжелой ноши.

— Да, — ответил он, — теперь могу. Проблема была неоднозначной. Как ему тогда казалось, человечество нельзя было изменить на том временном этапе, на котором он жил, точно так же как нельзя изменить уже взрослое дерево. Но если вернуться ко времени его посадки и внести в него изменения, которые, с учетом условий, в каких ему предстояло расти, смогли бы оказаться столь эффективными, что позволили бы ему стать таким, каким оно должно было быть в настоящем...

Он замолчал.

— Продолжай, — попросила Аманда.

— Я стараюсь как можно короче и понятнее изложить тебе все это, — ответил он. — А для этого мне надо подумать. С помощью интуитивной логики и исходя из имевшихся на тот момент результатов и следуя к уже известным либо предположительно обнаруженным им на тот момент причинам, он понял, что мог бы проследить эту цепочку до ближайшей к нему исторической точки, где в едином для них временном отрезке присутствовали бы все элементы, которые, как он предполагал, следовало бы изменить.

Он нашел эту точку в двадцать первом веке, а именно накануне практического использования фазового сдвига, как раз перед расселением по Молодым Мирам, в том временном отрезке, когда все основные расы, впоследствии образовавшие Осколочные Культуры, существовали в единой для них среде, то есть на Земле.

Аманда снова приподнялась на локте и заглянула ему в лицо:

— Не хочешь ли ты сказать, что он действительно совершил путешествие во времени для того, чтобы изменить прошлое?

— И да и нет, — сказал Хэл. — Конечно же, физически он не мог совершить путешествия во времени. Но он мог бы заставить свое сознание пройти по цепочке причин и следствий до нужного ему временного отрезка и уже там попытаться сделать нужные изменения не в том, что уже фактически произошло тогда, а в возможных последствиях произошедшего. Он мог открыть умам людей, живущих в том периоде, возможности, которых они в противном случае могли и не заметить.

— И как же он собирался сообщить людям об этих возможностях — проникая в их мечты или обращаясь к ним ментально напрямую?

— Нет, — ответил он, — косвенно, но через человека, которого на самом деле в то время не существовало. Не вдаваясь в подробности всей этой истории, он оживил мертвое тело утонувшего в двадцать первом веке горного инженера по имени Пол Формейн. Будучи Полом Формейном, он оказал влияние на людей, которые были предшественниками дорсайцев, квакеров и остальных, но больше всего его влияние сказалось на людях, которые образовали то, что впоследствии получило название Гильдии.

— Я помню это из истории, — сказала Аманда. — Из Гильдии вышли экзоты.

— Да, — подтвердил Хэл. — В Гильдию и в изначальные организации Осколочных Культур он привнес возможности, которые должны были оказать свое воздействие, но не на время Донала, а на то, в котором мы живем. На наше время.

— Но когда же Доналу удалось это сделать? — спросила Аманда. — Ведь он был у всех на глазах, вплоть до самой своей смерти, когда он один сел на корабль и не вышел на нем из фазового сдвига. Вероятность такого случая равна — один из миллиона.

— Он не погиб, — сказал Хэл. — Просто когда он не прибыл в предполагаемое место назначения и

нигде не удалось найти его корабля, все решили, что он погиб. Он скрывался в космосе более восьмидесяти лет, пока не пришло время позволить людям найти корабль, который продрейфовал к орбите Земли.

Долгое время она лежала молча, не проронив ни слова.

— С ребенком на борту, — наконец произнесла Аманда. — Очень маленьким ребенком — это был ты?

— Да, — кивнул Хэл. — Это то, что разум может сделать с телом, если в этом есть необходимость. Даже Клетус вылечил свою искалеченную ногу с помощью разума.

— Я знаю эту историю, — откликнулась Аманда. — Но ему помогли экзоты.

— Нет, — возразил ей Хэл. — Они просто заставили его поверить в свои собственные возможности это сделать.

Она ничего не сказала и лишь продолжала молча смотреть на него.

— Нам рассказывали о чудесных исцелениях, которые случались во все времена, — продолжал он. — Задолго до экзотов. Как я понимаю, у них у самих собралась целая библиотека с записью таких случаев. Такая же библиотека, как мне

говорили, есть и на Абсолютной Энциклопедии. Там, в тюремной камере, я умирал от воспаления легких или чего-то в этом роде, пока не понял, что просто не могу себе позволить умереть. И как только я это понял, лихорадка прошла. Конечно, это могло быть и совпадением. Но во время эпидемий матери, пока они ухаживают за своими больными детьми, как правило, не заболевают.

— Да, — медленно произнесла она. — Я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Это и овладение мертвым телом после того, как жизнь покинула его, — два аспекта одного и того же явления. Но мне бы не хотелось сейчас знакомить тебя с этой проблемой. Главное в том, что Донал вернулся в прошлое и стал Полом Формейном для того, чтобы изменить грядущее и измениться самому.

— Может, ты сядешь? — сказала вдруг Аманда. — Тогда и я смогу сесть. А то мне очень неудобно лежать, опершись все время на один локоть.

Они приподнялись и, заложив между спиной и металлическими прутьями изголовья кровати подушки, устроились поудобнее.

— Итак, — сказала Аманда. — Ты сказал «чтобы измениться самому». Измениться самому как?

— Донал увидел, почему он в свое время сбился

с пути, — сказал Хэл. — Он понял, что это случилось потому, что он не сумел, как это должно было быть, сочувствовать тем, кто окружал его; и он был прав, если посмотреть на то, к чему он пришел. В любом случае, он отправился в путь, чтобы научиться чувствовать то, что чувствуют другие, с тем чтобы он больше никогда не мог оказаться в ловушке, считая, что ему удалось изменить людей, в то время как в действительности он лишь только изменил законы, руководившие их поступками.

— Сопереживание? Он этого хотел?

— Да, — сказал Хэл.

— И он нашел его?

— Он научился ему. Но этого оказалось мало.

Аманда посмотрела на него.

— Что так тревожит тебя о том периоде, когда Донал — нет, не Донал — когда ты был этим оживленным умершим человеком... как его звали?

— Пол Формейн, — сказал Хэл. — Это нелегко объяснить. Видишь ли, будучи Формейном, он — я — снова повторил ту же ошибку. Донал играл в Бога. Он не делал этого просто потому, что ему вздумалось поиграть в Бога, но результат его деятельности для народов четырнадцати миров был именно таковым. И потом, когда он оглянулся и

понял, что это так, он почувствовал огромную вину за содеянное и решил, что впредь, что бы он ни делал, этого не должно было повториться. Затем, уже будучи Полом Формейном, он опять повторил ту же ошибку.

— Повторил ошибку? — Аманда недоуменно глядела на него. — Я не понимаю, почему ты так говоришь, разве можно назвать, как ты говоришь, игрой в Бога его желание посеять возможности нашего настоящего времени... Нет! — вдруг решительно произнесла она. — Стоит последовать такой логике, и ты придешь к выводу, что любая попытка сделать что-нибудь для людей, даже из лучших побуждений, безнравственна.

— Нет, — покачал головой Хэл. — Я не это имел в виду. Я хочу сказать: он понял, что и на этот раз снова действовал, не сознавая до конца всей глубины проблемы. Будучи Доналом, он совсем не учитывал человеческий фактор, он смотрел на людей скорее как на шахматные фигуры на доске. Будучи Полом Формейном, он считался с людьми, но только с теми, которым сопереживал. Он все еще пытался работать с человеческим родом как бы со стороны — это в нем осталось неизменным.

Он помолчал, затем продолжал:

— Он понял это, когда сделал то, ради чего отправился назад в двадцать первый век. Он привел в действие все те силы, которые сегодня вылились в открытую борьбу внутри всего расового организма и вынуждают всех нас ради всеобщего спасения принять ту или иную сторону, с Иными или против них. Но он сделал это, пораженный в некотором смысле слепотой, и именно из-за этой своей слепоты он не смог предвидеть появления человека, подобного Блейзу, с его всевозрастающей мощью. После того как он вернул тело Пола Формейна в пучину океана, откуда он его взял, он осознал, насколько он был не прав, — хотя он не мог себе даже представить тех последствий, в тисках которых мы сейчас оказались. Но он понял достаточно, чтобы наконец-то увидеть, в чем заключалась та огромная ошибка, которую он совершил.

— Огромная ошибка? — почти сурово переспросила Аманда. — И в чем же заключалась эта огромная ошибка?

— В том, что он никогда не имел в себе мужества перестать смотреть на все отстраненно, перестать стоять в стороне от всех других. — Хэл повернул голову и посмотрел ей прямо в глаза. — Он был «странным мальчиком», как

говорили его учителя. Он был маленьким гадким утенком среди Гримов, совсем непохожим на них. Он родился с тем же складом ума, который привел Блейза Аренса к тому, что между ним и остальной человеческой расой пролегла глубокая пропасть. Донал тоже родился сиротливой одинокой душой, страдающей от своего одиночества, и он пришел к его осознанию точно так же, как пришел к нему Блейз. То сопереживание человеческим чувствам, которое удалось развить в себе Полу Формейну, было сравнимо с тем, как если бы человек мог почувствовать голод лягушки при виде пролетающей мимо мухи. Его душа была все еще одинока и в стороне от всех тех, которые, как он думал раньше, отвергли его.

Он снова замолк.

— Тогда я боялся стать человеком, — сказал он, не глядя на нее. Он почувствовал, как она обняла его одной рукой за талию и положила голову ему на плечо.

— А теперь не боишься, — сказала она.

— Не боюсь. — Он глубоко вздохнул. — Но это было непомерно трудно, труднее всего, что я когда-либо делал. Только у меня не было выбора. Это был мой долг. Я обязан был идти вперед — и я пошел.

— Вернувшись назад ребенком, — сказала она.

— Да, вернувшись ребенком, — подтвердил он. — Начав все заново, ничего не помня, не имея сил и опыта двух прошлых жизней, которые могли бы оказать мне помощь в том, что мне предстояло совершить и о чем я не знал, что мне нужно это совершить. Так и только так я наконец-то мог научиться быть таким, как все. Со стороны можно лишь вести или направлять, но указать путь можно только изнутри. Знать, что они чувствуют, недостаточно — ты сам должен чувствовать то же, что и они. Когда я был Формейном, я думал, что умения сопереживать будет достаточно, чтобы выполнить задуманное мной, — вот здесь-то я и ошибался. И я был прав — все годы, которые я прожил как Хэл Мэйн, подтвердили, насколько я был в этот раз прав. Я родился Доналом, и что бы я ни делал, я никогда не забываю об этом, но я способен стать больше, чем просто Донал. Я способен чувствовать так же, как если бы я принадлежал к сообществу всех людей — и я это делаю.

Он замолчал и повернул голову, чтобы увидеть ее лицо.

— И конечно же, — сказал он, — это подарило мне тебя.

— Как знать? — Аманда пожала плечами. — Быть может, ты пришел бы к этому другим путем, но непременно пришел бы. У меня все же такое чувство, что исторические силы, как ты их называешь, на своем длинном пути, так или иначе, все равно свели бы нас вместе.

— Мне казалось, ты думала, что наша встреча могла случиться по любой из этих причин, а ты отдала ее на произвол судьбы, — возразил он.

— Да, — ответила она. — Но, обдумав все еще раз, я пришла к убеждению, что ты вернешься. Я научилась доверять себе в ситуациях, подобных этой. Я знаю, когда я права. Так же, как я знаю...

Она не закончила свою мысль.

— Знаешь что? — спросил он.

— Ничего. Ничего, о чем бы стоило говорить, по крайней мере, сейчас. Ничего особенного. — Он почувствовал, как она коротко тряхнула головой. — В старые времена подобное чувство назвали бы вторым зрением. Но это никоим образом не касается тебя. Расскажи мне лучше о другом. Когда ты говорил о расовом организме, ты что, действительно имел в виду нечто живое, существующее на самом деле, отличное от всех нас?

— Не отличное, — покачал головой Хэл. — Хо-

тя, думаю, ты могла бы назвать его отличным в том смысле, что он мог бы захотеть чего-то, чего ты или я, будучи его составной частью, вовсе не хотим. Это всего лишь комплекс обычных, свойственных любой расе рефлексов, подобных рефлексу самосохранения, только поднятых почти до уровня самостоятельной личности, и поэтому теперь это уже комплекс рефлексов разумной, думающей расы, в отличие от аналогичной совокупности рефлексов других видов, родов, классов существ, к примеру львов или леммингов, или кого там еще.

— И всего-то? — удивилась она. — Тогда как ты объяснишь мне то, что ты говоришь об этом расовом организме так, как будто он обладает самостоятельной волей, с которой нам предстоит иметь дело?

— Ну, здесь опять мы сталкиваемся с тем же самым противоречием, поскольку вместе все мы, из кого он состоит, представляя собой расу разумных личностей, в то же время являемся обычным конгломератом самостоятельных индивидуумов. Он думает потому, что думаем мы, следуя нашей же манере мышления. Попробуй в качестве примера исходить из этого. Это своего рода коллективное мышление, как если бы все наше

индивидуальное подсознание было объединено в единое целое чем-то, похожим на телепатию. И опять же в прошлом можно найти примеры такого рода общего мышления.

— Да, — произнесла Аманда задумчиво. — Сопереживание между близнецами. Или между родителем и ребенком, или между двумя влюбленными, сопереживание, которое позволяет им иногда чувствовать на расстоянии то, что происходит с другим. Я могу согласиться с этим. Ты знаешь, между нами — тобой и мной — я думаю, это тоже существует.

— Верно, — продолжал он. — Но если взять наш случай, здесь имеется один существенный момент, отличающий нас от организмов более низкого порядка, что особенно хорошо видно на примере пчелиного улья или муравейника. Оно состоит в том, что мы не только можем иметь желание, отличное от желания расового организма, мы фактически можем попытаться изменить мотивы и само желание расового организма путем воздействия на подсознание наших индивидуумов-соплеменников. И, если нам удастся набрать себе достаточное количество сторонников, желающих того же самого, расовый организм будет вынужден свернуть с первоначально избранного

им пути.

— И как же ты собираешься воздействовать на подсознание других? Ведь его ничем нельзя сдержать. Можно говорить лишь о воздействии на чей-либо сознательный разум. Ну хорошо, хорошо, я знаю, что экзоты достигли потрясающих результатов в лечении душевнобольных, обращаясь к их сознанию и внося исправления, профильтрованные через подсознание. И именно так воздействует харизма Блейза и Иных — то есть непосредственно на подсознание других людей. То же касается и гипноза. Но ничто из того, что я перечислила, не может дать постоянного результата, пока то, что закладывается в субъекта, не будет согласовано в первую очередь с подсознанием. Не существует прямого способа обращения к подсознанию.

— Нет, существует, — возразил Хэл, — и он применялся еще первобытными людьми, жившими в пещерах Дордони[7] в стародавние времена на Земле — ты можешь обратиться к подсознанию других людей посредством искусства.

— Искусства... — протянула она задумчиво.

— Именно так, — сказал он. — И ты знаешь

---

[7] ѕримечани¤: 7

Дордонь (Dordogne) — река на юго-западе Франции, правый приток Гаронны.

почему? Потому что искусство, подлинное искусство, никогда никому ничего не навязывает. Оно только предлагает мысли художника тем, кто готов принять их.

— Может, и так. Но оно, несомненно, старается представить их в наиболее привлекательном виде тем, кто готов последовать за ними. Ты должен согласиться с этим.

— Да, это так. Если они стоящие. В противном случае они ничего не скажут подсознанию зрителя, читателя или слушателя. Но разница между таким и сознательным воздействием на умы равносильна разнице между приказом и показом. Создатель произведения искусства ничего не внушает человеку, соприкоснувшемуся с его творением, этот человек, он или она сами приходят к этому, если решают, что то, что заложено в нем, стоит их внимания. Именно поэтому я решил опуститься вниз, как ты говоришь, от уровня Донала. Никакие усилия Донала не могли даже на миллиметр сдвинуть расу с избранного ею пути. Но если я проложу свой след на снегу, быть может, кто-нибудь за мной и последует, а за ним и другие.

— Почему? — спросила она. — Я не то чтобы не согласна с тобой, любовь моя, но я хочу понять

причины. Почему кто-то должен последовать за тобой?

— Из-за моей мечты, — сказал он. — У могилы Джеймса Донал мечтал о времени, когда больше не будет глупых и бессмысленных жертв, подобных смерти Джеймса. Моя мечта глубже — я понял, что сегодня вековая мечта всей расы вполне осуществима.

— И в чем же состоит эта мечта всей расы? — едва слышно прошептала она, и не будь в спальне так тихо, он вряд ли бы услышал ее вопрос.

— Это мечта о том, чтобы стать расой богов. Еще в самом начале человек, отдельное слагаемое этой расы, дрожащий и мокнущий под дождем дикарь из каменного века, сказал: «Я хотел бы быть богом, чтобы прекратить этот дождь», и наконец, спустя тысячелетия и многие поколения, он стал таким богом — его божественная сила получила название управления погодой. Но еще задолго до того, как сбылось его страстное желание управлять дождем, он сделал шляпы, построил крыши и придумал зонтики — но в основе всего, что двигало человека вперед, всегда было это древнее первородное желание остановить дождь лишь простым приказанием: «Дождь, прекратись!»

Он посмотрел на слегка различимый в полумраке комнаты ее силуэт.

— И так было со всем, о чем бы ни мечтал человек и, следовательно, расовое существо: о тепле — когда было холодно, о прохладе — если было слишком жарко, о возможности летать, как птица, пересекать огромные водные пространства, не замочив ног, слышать или говорить на большом, а то и на огромном расстоянии, избавляться от боли, побеждать болезни и смерть. В конце концов все это вылилось в одно огромное желание. Стать всемогущим. Стать богом.

Он замолчал, услышав, как громко зазвучал его голос в тишине комнаты, и продолжал более спокойно:

— И всегда на пути к тому, чтобы осуществлять свои желания, по одному мановению богоподобной руки, люди находили десятки простых, но действенных способов, дававших желаемый результат. Но мечта всегда бежала впереди. Мечта, как всегда, прежде всего находила свое отражение в искусстве и никогда не забывалась до тех пор, пока не становилась явью. Медленно и постепенно человеческое существо менялось: от существа, жившего и умиравшего ради материальных ценностей, к человеку, живущему и

умирающему, сражающемуся и погибающему за ценности нематериальные; за веру и долг, любовь и власть, сначала за власть над ценностями материальными, затем за власть над себе подобными и, наконец, за самую могущественную и всеобъемлющую — власть над самим собой. И мечта всегда залетала вперед, представляя желаемое так, как если бы оно уже было достигнуто; пока расовый организм не привыкал, что бы он ни задумывал, он всегда это получал.

Он замолчал, наконец-то выговорившись.

— И ты говоришь, что эти мечты выражались языком искусства? — спросила Аманда.

— Да, — ответил он, — и продолжают выражаться. Следы, которые я хочу оставить на снегу, ведут к реализации того, о чем до сих пор только мечтали. К миру, в котором понять что-то — значит его иметь. Ты хочешь замок? Тебе надо его лишь пожелать — но ты должен иметь материал, из которого он будет построен, знать законы архитектуры, которые будут гарантировать, что он не развалится после того, как будет построен, знать природу и размер участка, на котором он будет стоять. Если ты все это знаешь, ты можешь построить свой замок хоть сейчас, с помощью всем известных средств. Но тебе требуется нечто

большее, нежели просто материальный объект. Ты хочешь, чтобы твой замок обладал всеми теми нематериальными качествами, которые и делают его собственно замком и из-за которых ты прежде всего и захотела построить его. Этого ты нигде не найдешь в материальном мире, но найдешь его в другом, о котором мы все знаем и к которому подсознательно стремимся. Так что этот мир предлагает тебе гораздо больше, чем простое воплощение материальной мечты, он дает тебе осуществление той первородной мечты стать богом — шанс исцелить все болезни, познать все тайны и, наконец, построить то, о чем до этого никогда не мечтал ни один из нас.

— Ты хочешь, чтобы все мечтали о том, о чем мечтаешь ты, — сказала Аманда.

— Да, — подтвердил он. — Но моя мечта — это уже и их мечта, если они не откажутся от нее, как это сделал Блейз и ему подобные. Я только облекаю ее в форму слов.

— Но может так случиться, что она так никогда и не приобретет словесного выражения нигде, кроме как в твоем собственном сознании, — продолжила она его мысль. — А когда исчезнешь ты, исчезнет и она.

— Нет, — произнес он твердо. — Она существует

в сознании и других людей тоже, и она слишком сильна, чтобы ее можно было забыть. Она присутствует в самом расовом организме, наряду со страхом перед попыткой ее осуществления. Разве ты не чувствуешь ее в себе — разве не чувствовала ее всегда? Уже слишком поздно, чтобы пытаться спрятать или убить ее. Четыреста лет назад расовый организм был вынужден столкнуться с фактом, что тот безопасный теплый мир, в котором он родился, всего лишь пылинка в материальном мироздании, таком огромном, что оно вбирает в себя все, что только можно вообразить. Он мог попытаться закрыть глаза на то, что со всей очевидностью предстало перед ним, или он мог рискнуть и ступить в эту чуждую территорию за пределами привычной для него атмосферы.

— У него не было выбора, — пожала плечами Аманда. — Прежде всего его толкала на этот шаг перенаселенность Земли.

— Перенаселенность — это дьявол, которого он знал. А вот о безграничности Вселенной ему ничего не было известно. Но он рискнул — дрожа от страха и повторяя, что «человеку этого не дано было знать», он все же пошел на это, и он выбрал, как считал, лучший вариант, дав свободу раз-

вития различным, созданным его обществом на тот момент, культурам, чтобы выявить, какие из них выживут, если выживут вообще. Для любой выжившей культуры это был период поиска и адаптации. Сейчас это время пришло и для нас; вопрос только в том, на какой из двух моделей остановить свой выбор? Той, которая предпочитает остановиться и сохранить уже достигнутое, или той, которая предлагает рискнуть и пойти на эксперимент? Если победившей окажется модель, предлагаемая Блейзом с его философией застоя, тогда мы, поднявшиеся впервые над тяготами своей повседневной жизни, останемся там, где мы находимся сейчас. Если выбор будет сделан в мою и твою пользу и в пользу тех, кто разделяет нашу точку зрения, — мы пойдем путем, который либо преобразит, либо уничтожит нас. Расовый организм ждет, кто же из нас победит.

— Но если вопрос стоит «или-или», — сказала она, — тогда, быть может, расовое существо — знаешь, я все время спотыкаюсь об это придуманное тобой неуклюжее определение из двух слов, тебе действительно стоит подыскать что-нибудь более удобоваримое — так вот, быть может, оно сделает правильный выбор, пойдя с Блейзом и Иными в случае их победы.

— Нет, — мрачно произнес Хэл, — не сделает. Потому что это существо состоит из частей, а эти его части все же не боги. Они, как и оно само, все еще могут ошибаться. И они ошибутся, приняв сторону Иных, потому что ни они, ни оно, похоже, не поняли, что единственным концом этого застоя непременно будет смерть. Любой конец эволюции — это смерть. Никогда не останавливаясь в своем развитии с самого начала своего зарождения, расовое существо подобно ребенку, который не может себе представить, что когда-нибудь его не будет. Но я знаю, что это может случиться.

— И все же ты можешь оказаться не правой стороной.

— Нет! — снова возразил он и внимательно посмотрел на нее. — Позволь мне рассказать тебе, что произошло за этот последний год. Ты знаешь, что я вернулся на Абсолютную Энциклопедию; и все, что мне было известно как Полу Формейну и Хэлу Мэйну, в этот раз я использовал именно так, как об этом мечтал Марк Торре. А в качестве ключа я использовал поэзию. Мечта о богоравенстве, о котором я тебе говорил, личном богоравенстве каждого отдельного человека, впервые совершенно ясно проявилась во времена Ренессанса. И

не только в произведениях искусства, но также во всем, что с тех пор было создано рукой человека.

Он замолчал.

— Ты мне веришь? — спросил он, глядя на нее в упор.

— Продолжай, — тихо сказала Аманда, — я тебя слушаю.

— Даже сегодня, — сказал он, — когда речь заходит о Ренессансе, о нем говорят лишь с точки зрения его выдающихся произведений искусства. Но это было время не только расцвета искусства. Это было время многочисленных свершений в форме технических новшеств и социальных и концептуальных экспериментов. Я ведь тебе рассказывал о «Театре памяти», являющемся прообразом самой Абсолютной Энциклопедии. И совсем не случайно Леонардо да Винчи был инженером. В действительности то, что мы называем технологической эрой, началось с прагматических новшеств еще в позднем средневековье — сейчас она вышла на стадию нового осознания того, что могло бы быть полезным для людей. Оттуда до выхода в космос... и всего того, что за тем последовало, оставалось всего лишь шесть столетий. В каждом поколении всегда оказывался некто, кто жаждал остановить человечество на

пути его развития и закрепиться на достигнутом, кто-нибудь, вроде Блейза. Но разве мы остановились? На протяжении всего этого долгого пути сомнений и страхов, разве мы остановились?

Он замолчал.

— Нет, — покачала головой Аманда. — Конечно нет.

Она повернулась и быстро слегка подтянулась вверх — он резко дернул головой, отстраняясь от нее. И в недоумении уставился на нее.

— Ты укусила меня за ухо! — воскликнул он.

— Верно. — Она лукаво посмотрела на него. — Потому что уже хватит этих разговоров. У нас еще будет время, чтобы обсудить, как справиться с бедой до того, как она постучится в наши ворота. А сейчас я хочу есть. Уже пора завтракать.

— Завтракать?

Он непроизвольно бросил взгляд на окно и увидел, что она права. Они, скорее он, с грустью подумал Хэл, проговорили почти до утра; луна закатилась и за окном уже были предрассветные сумерки. Сероватый склон холма позади дома стал виден более отчетливо, маяча, словно материализовавшийся призрак будущего.

— Да именно так. — Аманда уже встала с кровати и, ухватив его за запястье, старалась вытащить

его из постели. — У нас была насыщенная ночь, а впереди предстоит трудный день, до которого осталось не так уж много времени. Мы должны поесть, привести себя в порядок, и затем, если тебе удастся, можешь вздремнуть. Твоя встреча с Серыми Капитанами назначена на поддень.

— Встреча? — эхом откликнулся Хэл. Глядя на то, как она одевается, он машинально протянул руку за своими шортами, чтобы последовать ее примеру. — Я ведь даже еще не успел тебя об этом попросить.

— Всем капитанам было разослано соответствующее уведомление, как только командир корабля, доставившего тебя сюда, доложил нам, что ты уже на борту, — пояснила Аманда. — Вот почему вчера я задержалась на Омалу, в последний момент пришлось готовить документы для этой встречи. Я привезла с собой мяса, Хэл Мэйн. На этот раз будет не рыба, а мясо! Как насчет хорошего куска баранины, это будет тебе и завтрак, и ужин, поскольку вчера вечером тебе, по всей видимости, так и не удалось поужинать?

Глава 57

Управляемый Амандой небольшой корабль, приспособленный для полетов как в воздухе, так и в космическом пространстве, на борту которого были лишь она и Хэл, поднялся над Форали, и, наблюдая, как быстро исчезает внизу из виду усадьба, Хэл вдруг почувствовал внутри сосущую пустоту. И он не сразу понял, что есть что-то общее между этой пустотой и тем чувством, которое не оставляло его в первые дни пребывания на Коби, а также тем чувством, которое он как Донал испытывал, покидая этот дом и направляясь к звездам.

— Я думал, что задержусь здесь по меньшей мере на неделю, — сказал он. — Но если мне удастся сегодня решить все дела с Серыми Капитанами, то мне лучше, не теряя времени, двигаться дальше. Мы можем по пути заскочить в космопорт Омалу — я только узнаю, когда летит ближайший корабль в сторону Солнца и Абсолютной Энциклопедии.

— В этом нет необходимости, — отозвалась Аманда. На ней был темно-синий полотняный

пиджак, такая же юбка, светло-голубая блузка и на шее тонкая нитка бус из серо-голубых кораллов; этот наряд придавал ей деловой и немного официальный вид. — Мы предоставим тебе посыльный корабль с пилотом.

Хэла это приятно удивило. Но не величиной суммы, в которую обойдется наем частного корабля для перелета до Земли — при необходимости он мог бы получить межзвездный кредит для этой цели от Энциклопедии или, возможно, даже от экзотов. Он был поражен тем, что его наконец стали воспринимать как человека, занимающегося делом настолько важным, что совершенно недопустимо сковывать его активность расписанием межпланетных коммерческих рейсов. Пока он размышлял над этим новым обстоятельством, Аманда протянула руку к отсеку для ручной клади, не глядя, вытащила оттуда пачку бумаг и положила ее Хэлу на колени.

— Что это такое? — спросил он, беря ее в руки. Пачка была толщиной не меньше трех сантиметров.

— Копия контракта, который ты должен прочитать, пока мы летим до Омалу, — ответила она, не отрывая глаз от скопления облаков впереди по курсу.

«Контракт... — печально улыбнулся он про себя. Положив бумаги на колени, он начал читать. — Эти контракты, как и межзвездные кредиты, скоро сделаются бессмысленными и никому не нужными». Но в то же время он испытывал что-то вроде признательности и благоговения, держа в руках обязательства народа целой планеты, выраженные в столь компактной форме в виде пачки отпечатанных листов.

Когда они прилетели в Омалу, Аманда посадила корабль рядом с другими такими же на парковочной стоянке возле здания Центральной Администрации. Здесь опять шел дождь и небо над головой было сплошь затянуто беспросветной уныло-серой пеленой. Они прошли в широкие двойные двери главного входа, и Хэл, подняв глаза, увидел вырезанные на каменной стене прямо над входом две строфы из стихотворения А. Э. Хаусмана[8] «Эпитафия наемной армии». Пока они проходили мимо, четыре суровые строки первой строфы, врезались в память Хэла.

Когда задрожал весь до основанья
И замотался наш шар на оси,

---

[8] ѕримечани¤: 8

Альфред Эдуард Хаусман (Alfred Edward Houseman, 1859-1936) — английский ученый и поэт.

Они получали солдатские жалованья
И знали, что взявшись за ношу — неси...

Встреча состоялась в одном из главных конференц-залов, в которых обычно обсуждались вопросы, касающиеся населения значительных территорий Дорсая, если не всей планеты в целом. Это помещение могло вместить по меньшей мере несколько сот человек, и именно такое количество народу ожидалось сегодня.

— И что, все они Серые капитаны? — тихо спросил Хэл Аманду, пока они шли к возвышению в центре торцевой стены полукруглой комнаты; отсюда были хорошо видны полукольца рядов амфитеатра, отделенных друг от друга длинными сплошными столами.

— Ныне действующие, бывшие, а также все те, кто хотя формально и не входит в их число, но причастен к тому, что нам всем сейчас предстоит сделать, — так же тихо ответила Аманда. — Здесь нет ни одного человека, кто так или иначе не был бы связан с происходящим.

Они стояли на возвышении возле трибуны, дожидаясь, пока в зале стихнет шум разговоров; наконец все лица повернулись в их сторону.

— Я думаю, вы все узнали Хэла Мэйна, — ска-

зала она; благодаря великолепной акустике ее голос отчетливо слышался в любой точке зала. — Председательствует на этом собрании Рурк ди Фачино. Передаю бразды правления ему.

Аманда сошла с возвышения и села в единственное остававшееся свободным кресло в первом ряду. Хэл узнал розовощекое немолодое лицо Рурка ди Фачино, сидящего в центре второго ряда прямо напротив трибуны. Он также отметил, что кресла второго ряда находятся как раз на уровне возвышения, на котором он стоял, и только первый ряд, где сидела Аманда, был расположен несколько ниже, а все остальные места в зале, начиная с третьего ряда, располагались заметно выше его.

На какой-то момент Хэла охватило нетерпение. Сейчас он ясно видел, что именно нужно сделать и что выбора у них нет, и это собрание казалось ему совершенно ненужной тратой времени. Но потом он понял: собрание — не менее важная часть ритуала, чем церемония, сопровождаемая музыкой волынщиков на могиле Джеймса. Сейчас Хэл являлся свидетелем «лебединой песни» целого народа, и ему стало стыдно собственного нетерпения.

Он все еще стоял возле трибуны. Слева от нее

находился пустой стол с гостеприимно отодвинутым стулом. Но он по-прежнему продолжал стоять, только положил на наклонную поверхность трибуны копию контракта и терпеливо ждал. К его удивлению, Рурк ди Фачино, не покидая своего места во втором ряду, заговорил прямо оттуда.

— Объявляю собрание открытым. — Его высокий голос буквально зазвенел в тишине зала. — О начале прений я объявлю, когда придет время. А пока будем придерживаться повестки дня, выработанной организационным комитетом.

Он повернулся к Хэлу.

— Мы рады снова видеть тебя, Хэл Мэйн, — сказал он.

— Благодарю вас, — ответил Хэл.

— Может быть, ты хочешь что-нибудь сказать, прежде чем мы приступим к основному вопросу?

Хэл посмотрел на него, затем оглядел присутствующих.

— Разве что... Как я вижу, вы меня ждали.

Глядя с трибуны в зал, он заметил, скорее даже почувствовал, что сидящие сейчас перед ним люди чем-то неуловимо отличаются от той сравнительно небольшой группы Серых Капитанов, с

которыми он встречался в Форали.

Он даже не ожидал, что воспримет это столь остро и с такой жгучей горечью. Ему даже захотелось понять причину этих перемен и почему все это так сильно подействовало на него; и в короткий миг между его ответом и последующей репликой Рурка ему удалось разглядеть представшую его взору картину, всю до мельчайших подробностей.

Ему показалось, что на какой-то момент время остановило свой бег, словно схваченное чьей-то рукой. На самом же деле остановилось не время, а многократно ускорился его собственный мыслительный процесс. Это умел делать Донал; и сейчас, когда Донал снова начал просыпаться в нем, вместе с ним вернулась и эта поразительная способность.

В этот неимоверно растянувшийся миг Хэл обратил внимание на то, как одеты сидящие перед ним люди; их одежда, хотя и была по большей части самой обычной, носящей приметы индивидуального вкуса, как костюм Аманды, тем не менее выглядела все же более официально, чем при его последней встрече с Капитанами.

И хотя все были одеты каждый по-своему, преобладание в цветовой гамме мягких коричневых,

синих и серых оттенков и явное предпочтение в верхней одежде рубашек с открытым воротом и откинутыми на плечи концами воротников, а также безупречная чистота и свежесть всех предметов туалета производили впечатление, что все присутствующие одеты в какое-то подобие единой формы.

Но затем он понял, что дело не только в одежде. Было что-то общее в том, как они сидели, как они держались. Все, включая стариков, производили впечатление людей отменного здоровья, находящихся в прекрасной физической форме. Ни у кого, даже у самых крупных и широкоплечих, не было заметно ни грамма лишнего жира. Все сидели прямо, расправив плечи, но в то же время спокойно и без малейшего напряжения, как обычно сидят люди, полностью уверенные в себе.

Но помимо одежды и манеры держаться, еще одна черта объединяла их, несмотря на то что их лица отличались одно от другого гораздо больше, чем лица присутствующих на любой подобной встрече на любом из Молодых Миров или на Земле. Здесь не было видно ни одного лица, даже отдаленно напоминающего чье-либо еще, начиная с розовощекого лица Рурка и кончая суровым черным ликом Мириам Сонгаи или чуть трону-

тым загаром бледным лицом Аманды.

Хэл впервые заметил то, что раньше как-то ускользало от его внимания. Суровость — спрятанную так глубоко, что ее невозможно увидеть, но накладывающую свой отпечаток на манеру поведения, внешний облик и даже речь обитателей этого мира.

Это была суровость, за которой скрывалась, молчаливая скорбь без слез. Скорбь настолько сильная и личная, что они даже не говорили о ней друг с другом. Скорбь, так тщательно скрываемая за традициями и ответственностью, что ее скорее можно было увидеть в нераспаханном поле или в голой клумбе, чем в словах или поступках этих людей. Он чувствовал ее также и в своей душе благодаря необыкновенной способности к сопереживанию, ради которой он, будучи Доналом, оставил свое тело и вселился в тело мертвого человека двадцать первого века.

Хэл вдруг понял, почему уходил от разговора, даже с Амандой, о своем втором воплощении в облике Пола Формейна. Каждый раз, когда ему надо было начинать жизнь заново, будь то в облике Пола или Хэла, процесс расставания с прошлой жизнью и вхождения в новую был для него крайне болезненным.

В первый раз, когда он воплотился в Пола Формейна, было труднее всего — требовалось освободить свой разум от прошлых знаний и воспоминаний и бросить тело в незнакомую обстановку, рассчитывая на то, что оно выживет без привычных ориентиров. Тогда Донал пошел на это только потому, что у него уже не оставалось выбора.

Воспоминание о той своей боли сделало для него совершенно понятной и боль людей, сидевших перед ним. Их боль была вызвана не возможными личными потерями и не мыслью о гибели своего мира. Она была связана с чем-то гораздо более мучительным, с осознанием того, что все, чем они жили, все, что казалось им незыблемым на все грядущие времена, сейчас рушилось, чтобы никогда больше не возродиться вновь.

Вся гордость и мечты Дорсая должны были кануть в Лету, как когда-то мечты рыцарей «Круглого стола», и присутствующим в зале предстояло стать свидетелями этого краха.

— В таком случае продолжим, — донесся до Хэла сухой и бесстрастный голос Рурка. Он перелистал бумаги, лежащие перед ним на столе. — На протяжении трехсот лет жизнь на Дорсае определялась исключительно контрактами, — отрывисто про-

изнес он. — Мы даже готовы отдать свою жизнь, если это предусмотрено правильно составленным контрактом. Я полагаю, ты уже прочитал копию контракта, который подготовила для тебя Аманда Морган?

— Да, — кивнул Хэл. — Для начала я хотел бы...

Рурк жестом остановил его.

— Мы приступим к обсуждению самого контракта через минуту, — сказал Рурк. — Необходимо заметить, что в нем используются некоторые не совсем привычные для нас понятия, впрочем, и сам документ во многих отношениях не похож на то, с чем до сих пор нам приходилось иметь дело. Поэтому, с твоего позволения, мы сначала зададим тебе несколько вопросов, и, если ответы покажутся нам удовлетворительными, мы перейдем непосредственно к обсуждению самого контракта.

— Ради Бога, — отозвался Хэл.

— В контракте содержатся положения, — начал Рурк, — предусматривающие определенные выплаты лицам, непосредственно занятым в работах по контракту, на содержание их самих и их иждивенцев в случае их гибели или увечья, а также выплаты всем жителям этой планеты, связанным с выполнением контракта. Но по

большому счету разве можно оплатить услуги, о которых здесь идет речь. Я полагаю, в этом ты согласен со мной?

— Да, — кивнул Хэл. — Это правда.

— Тогда, — Рурк пристально посмотрел на него, — позволь от имени всех нас задать тебе по-солдатски прямой вопрос. При данных обстоятельствах почему мы должны рисковать всем, что у нас есть, сражаться и умирать за тех, кто неспособен или не хочет сражаться сам за себя?

— Я не думаю, что вы найдете какие-либо свидетельства того, что они не хотят сражаться, — медленно произнес Хэл. — Они неизбежно присоединятся к вам, некоторые с самого начала, большинство же с течением времени. Честно говоря, я бы очень удивился, если 6 вы не учли этого в своих раскладках.

— Естественно, мы это учли, — сказал Рурк. — И все же я хотел бы получить ответ на свой вопрос.

— Я попробую ответить на него... — Хэл мысленно отступил назад, как бы уступая свое место Доналу, которому было гораздо проще ответить на этот вопрос точно так же, как совершенно непроизвольно это произошло во время предыдущей встречи с Серыми Капитанами, и чувствуя, как вперед выходит его более раннее «я».

— Ведь этот вопрос уже не нов, не так ли? — услышал он собственный голос. — И ясного, окончательного ответа на него так никогда и не было получено. Древние греки, принимавшие яд, римляне, бросавшиеся на меч, имели на то свои причины. Еще более подходящий пример: когда слепой король Богемии Иоанн девятьсот лет назад в возрасте пятидесяти четырех лет отправился на помощь французскому королю Филиппу, сражавшемуся с англичанами при Креси[9], у него тоже были для этого свои причины; даже несмотря на то что в тот памятный день двадцать шестого августа 1346 года он позволил своим оруженосцам увлечь себя в самую гущу сражения, где, как он знал, наверняка найдет свою смерть.

Он сделал паузу, вглядываясь в лица своих слушателей, но не заметил на них ни тени озадаченности или неуверенности, только внимательное ожидание.

— Что касается меня лично, — продолжал он, — то я прекрасно знаю, почему я готов отдать все, что у меня есть — не только жизнь, но и все

---

[9] примечание: 9

В сражении у селения Креси (Crecy-en-Ponthieu) на севере Франции войска короля Англии Эдуарда IV в ходе Столетней войны разгромили армию французского короля Филиппа VI.

надежды на будущее, — ради той цели, во имя которой мы все здесь собрались. Я мог бы рассказать вам о причинах, почему я так поступаю. Я мог бы также объяснить поступки древних греков, о которых я говорил, или римлян, или слепого короля Богемии. Но в конечном итоге, какими бы ни были эти причины, все они сводятся к тому, что человек, совершивший тот или иной поступок, сделал это потому, что именно таков он есть. Я поступаю сейчас так, а не иначе, потому что таков я есть. И вы, все вы, сделаете то, что сами выберете для себя, потому что как личности и как общество вы именно такие и всегда были такими с тех самых пор, как возник ваш мир.

Он замолчал.

— Это мой ответ на ваш вопрос, — добавил он.

— Хорошо, — спокойным тоном произнес Рурк. — Еще один вопрос — где ты хочешь, чтобы мы сражались?

Хэл посмотрел ему прямо в глаза:

— Вы должны понимать, что на этот вопрос я не могу ответить. Во-первых, выбор места будет зависеть от того, что произойдет между сегодняшним днем и моментом, когда мы все решим перейти к активным действиям. Во-вторых, хотя я и доверяю вашей системе безопасности, в

данном случае, когда дело касается будущего народов различных миров, эту информацию, пока не придет время, я не доверю никому. Когда потребуется ваше участие, я вам сообщу; и только тогда, если у вас возникнет такое желание, вы будете решать, соглашаться вам или нет, поскольку в любом случае я не смогу вас заставить принять мой план, если вы этого не захотите.

В конференц-зале стояла тишина. Рурк держал в руке электронный карандаш и делал пометки на экране, вмонтированном в стол перед ним. Хэла охватило странное чувство, что он уже видел все это раньше, но оно тут же было вытеснено еще более странным ощущением. Внезапно ему показалось, что он чувствует движение этой маленькой планеты вокруг своего далекого солнца, движение самого Фомальгаута среди соседних звезд, а также движение всех остальных обитаемых миров вместе со своими светилами; более того, ему показалось, что он ощущает даже гигантское движение всей звездной галактики, неумолимо несущее всех к тому, что ждет их во времени и в пространстве.

— Я включил это условие в контракт. — Рурк вновь поднял глаза на Хэла. — И на этом пока заканчиваются наши вопросы к тебе. У тебя есть

к нам вопросы?

— Нет, — сказал Хэл. — Хотя, простите, есть. Вы составили этот контракт между всеми вами и лично мной, за спиной которого стоит лишь одна Абсолютная Энциклопедия. Вы должны понимать, что я никоим образом не могу гарантировать выполнение в полном объеме всех своих обязательств перед вами, возложенных на меня этим контрактом. Даже Энциклопедия не располагает достаточными ресурсами для того, чтобы гарантировать вам в определенных ситуациях получение всего того, что может вам причитаться по контракту. Например, восстановление жизненного потенциала вашей планеты в случае причинения ущерба или уничтожения какой-либо ее части вследствие вражеских действий в порядке компенсации за вашу деятельность, связанную с выполнением контракта. Это за пределами возможностей и средств даже нескольких миров, не говоря уже об Энциклопедии. Я уже не говорю о личных ресурсах частных лиц вроде меня.

— Мы это понимаем, — кивнул Рурк. — Этот контракт составлен главным образом для истории, но тем не менее он носит характер правового документа. В данном случае мы оказываем услугу

всему человечеству, но не существует правового механизма, который мог бы связать обязательствами всю человеческую расу. И поскольку в договорах, подобных этому, обязательно должна присутствовать противная сторона, мы решили для обеспечения выполнения условий данного контракта связать моральными обязательствами тебя и Абсолютную Энциклопедию в объеме тех ресурсов, которыми вы располагаете.

— Понятно, — кивнул головой Хэл. — В таком случае возражений нет. Мы оба, Там Олин от Энциклопедии и я сам, охотно примем ваши условия.

— Тогда, — сказал Рурк, — нашему собранию остается только пройтись по всему контракту, пункт за пунктом, для того чтобы удостовериться, что мы одинаково понимаем то, что в нем записано.

Так они и поступили. Это заняло у них более трех часов по местному времени, и, когда Хэл наконец сошел с трибуны, он почувствовал, что ноги и голова у него немного гудят. Аманда вытащила его из толпы Серых Капитанов, обступивших его, чтобы пожать руку:

— Я хочу кое-кого представить тебе.

Обходя поднимающихся с кресел и направляю-

щихся к выходу людей, многие из которых тем не менее старались подойти и пожать Хэлу руку, они взобрались на самый верх амфитеатра. По мере того как они поднимались, толпа все больше и больше редела, и наконец он увидел человека. Тот стоял возле одного из выходов. На вид ему было немногим больше тридцати; его глаза смотрели со сдержанным любопытством. На какое-то мгновение Хэлу показалось, что он видит перед собой одного из оживших близнецов Гримов, какими они запечатлелись в памяти Донала.

Но когда они подошли ближе, он увидел разницу. Ожидающий их человек безусловно принадлежал к Гримам — у него были прямые жесткие черные волосы, такой же мощный торс и темные глаза, но он был ниже ростом, чем Ян и Кейси, и выглядел чуть более грузным, менее подвижным, чем они. Он производил впечатление скорее мощи и непоколебимости, нежели легкости и живости, присущих близнецам, но при всем том этот представитель последнего поколения Гримов держался с той уверенностью и раскованностью, которые свидетельствовали о многолетней тренировке.

— Хэл, — сказала Аманда, — я хочу представить тебе человека, который будет пилотом твоего

корабля. Это нынешний глава семейства Гримов, о котором я уже тебе говорила — Саймон Хан Грим. Он только что вернулся с Новой Земли.

Саймон и Хэл обменялись рукопожатиями.

— Я у вас в долгу за ваше любезное разрешение остановиться у вас в Форали, — произнес Хэл.

Саймон улыбнулся. У него была скупая, но удивительно теплая улыбка.

— Ты оказал честь старому дому.

— Нет, — возразил Хэл, — Форали сам по себе слишком значителен, чтобы ему мог оказать честь своим посещением кто бы то ни было.

Саймон чуть крепче сжал руку Хэла, прежде чем выпустить ее.

— Я благодарю тебя за эти слова, — сказал он. — И к моим словам с удовольствием присоединились бы остальные члены семьи.

— Может быть, придет время, когда я смогу встретиться с ними всеми, — улыбнулся Хэл. — А вы, должно быть, правнук Яна?

Это был неосторожный вопрос, поскольку исходил от человека, чья внешность бесспорно указывала на фамильное сходство с Гримами. Хэл заметил, как в глазах Саймона мелькнула догадка, тут же переросшая в уверенность.

— Да, — ответил Саймон, но его невысказанный

вопрос: «А кем ты приходишься Яну?» — так и остался висеть в воздухе между ними.

— Если хочешь, я готов лететь немедленно, — сообщил Саймон. — Дома меня практически ничего больше не задерживает.

— Теперь, когда все вопросы здесь решены, мне нужно как можно скорее вылететь на Мару, — сказал Хэл. — Что касается расходов, связанных с вашими услугами и наймом корабля...

— Нет, Хэл, — прервала его Аманда, — эти расходы являются частью обязательств Дорсая, вытекающих из условий контракта. Саймон доставит тебя, куда тебе потребуется и останется с тобой и дальше. Все затраты, связанные с ним или кораблем, должны пересылаться назад в нашу Центральную бухгалтерию.

— В таком случае почему бы нам втроем вместе не пообедать? — предложил Хэл. — А после этого, пока ты, Саймон, будешь заниматься предполетной проверкой корабля, мы немного поговорим с Амандой.

— Но ты сам сказал, что нам нужно вылететь как можно скорее, — напомнил Саймон.

— Боюсь, что так и есть.

— Тогда, я думаю, мне лучше сразу же заняться кораблем, — сказал Саймон. — Я все равно сего-

дня завтракал поздно, а поговорить с тобой, Хэл Мэйн, у нас еще будет время в пути. Вы, я полагаю, не будете против того, чтобы перекусить вдвоем?

Хэл улыбнулся:

— Конечно нет. Спасибо.

— Не за что, — ответил Саймон. — Тогда встретимся на корабле. Извиняйте.

Повернувшись, он быстро исчез. Хэл взял Аманду за руку:

— Он очень внимателен и догадался, что мы хотим еще побыть немного наедине друг с другом.

— Я тоже так думаю, — кивнула Аманда. — А теперь пошли. Я знаю, где мы сможем поесть.

Место, куда она его привела, как оказалось, находилось в самом здании космовокзала; но если не принимать во внимание эпизодический приглушенный шум, производимый взлетающими и садящимися кораблями, да открывающийся из занимающего всю стену окна вид на взлетно-посадочную площадку, этот небольшой зал наводил на мысль о космических полетах не больше, чем любой другой ресторан в Омалу. В нем было всего четыре столика, но то ли благодаря усилиям Аманды, то ли чисто случайно все они оказались незанятыми.

Аманда указала на небольшой серебристый корабль в самом центре площадки: именно его предоставили в распоряжение Хэла.

— Меня нашли примерно на таком же корабле, — тихо, как бы про себя, произнес Хэл, — конечно, на гораздо более старом.

Он оторвал взгляд от поля космодрома и посмотрел на Аманду; она сидела, съежившись, будто озябла.

— Как ты думаешь, тебе придется пройти через это еще раз? — спросила она.

Ее голос был больше похож на шепот. Она смотрела куда-то в пространство мимо него; казалось, ее взгляд обращен в бесконечность.

— Нет, — ответил он. — Не думаю. На этот раз я останусь Хэлом Мэйном до смерти.

Глаза ее по-прежнему были устремлены в какую-то отдаленную невидимую точку. Он потянулся через стол и взял в свою руку ее ладонь, неподвижно лежащую на столе.

Ее пальцы сжали его ладонь и Аманда снова посмотрела на него; ее взгляд был полон такой невыразимой тоски, какую можно видеть в глазах человека, наблюдающего за отплытием корабля, увозящего на борту возлюбленного или возлюбленную.

— Со мной будет все в порядке, — сказал Хэл. — Но даже если и не так, то для нас это не будет иметь никакого значения.

Ее пальцы стиснули его ладонь еще сильнее. Они держались за руки, как накануне ночью, ничего не видя и не слыша вокруг, словно время снова замедлило свой бег.

Глава 58

За бортом курьерского корабля освещенная лучами Проциона проплывала Мара, похожая на голубой шар в обрамлении клубящихся белых облаков. Она удивительно напоминала Землю, и мысль о Земле всколыхнула в Хэле чувство одиночества и грусти с тайным горьким привкусом вины. Если бы не отсутствие луны, Мару вполне можно было бы принять за Землю; обе планеты удивительно походили друг на друга, только Мара была чуть больше по размеру. Даже зная, что перед ним не Земля, Хэлу все равно казалось, будто он смотрит на мир, в котором вырос, и впервые в жизни он понял, насколько прочны духовные узы, связывающие его с материнской планетой.

Они уже минут двадцать висели на стационарной орбите. Наконец громкоговоритель бортовой связи ожил, и они услышали голос диспетчера поста управления наземным движением:

— Дорсайский корабль, класс Джей-Эн, бортовой номер 549371, вам разрешен самостоятельный спуск в отведенный сектор на площадку для частных кораблей. Пожалуйста, сообщите ваши

координаты.

Саймон Хан Грим нажал белую кнопку доступа к бортовому навигационному оборудованию, чтобы ввести координаты корабля в сеть поста управления, и послушный его умелым рукам корабль начал снижение.

Поверхность Мары становилась все ближе. В следующий момент они увидели прямо под собой голубую гладь океана и плавно заскользили в направлении линии побережья. Оказавшись над сушей, корабль резко, почти отвесно пошел вниз, и вдруг совершенно неожиданно для себя они заметили замелькавшие в воздухе снежинки. Теперь внизу, насколько мог видеть глаз, простирались бесконечные леса, укутанные снежным покровом, и только прямо под ними находилась небольшая площадка. Спустя некоторое время корабль опустился на бетонное покрытие, рядом со скованной льдом речушкой неподалеку от живописной группы строений, выкрашенных в пастельные тона и соединенных друг с другом крытыми переходами. Хэл и вслед за ним Саймон вышли из корабля и увидели встречающего их Амида.

— Амид, познакомься, это Саймон Хан Грим. — Хэл отступил в сторону, чтобы пропустить вперед

Саймона. — Он — пилот корабля, любезно предоставленного в мое распоряжение Дорсаем.

— Рад познакомиться с вами, Саймон Хан Грим, — кивнул Амид.

— Взаимно, — ответил Саймон. Амид по экзотскому обыкновению не стал протягивать для пожатия руку, но Саймон, похоже, и не ждал этого. Хэл совсем забыл, какого маленького роста этот старый экзот, и, увидев его сейчас рядом с Саймоном, он испытал нечто вроде эмоционального шока, пораженный тем, насколько контрастно они выглядят вместе. Казалось, что с момента их последней встречи Амид еще больше постарел и сжался. Они стояли на бетонной площадке словно под незримым куполом, внутри которого был сухой теплый воздух, а на дома, лес и реку мягкими хлопьями продолжал тихо падать снег.

Это выглядело немного странно. Хэл как-то уже успел привыкнуть к тому, что в обоих экзотских мирах царит вечное лето — небо всегда голубое, а поля зеленые.

Вместе с Саймоном они проследовали за Амидом в дом — если это удивительное хитросплетение различных строений можно было назвать домом, а затем, оставив Саймона в отведенных

ему апартаментах, Амид вместе с Хэлом отправился на поиски Рух.

Вскоре они обнаружили ее возле прихотливо изогнутого бассейна, окруженного высокими зелеными растениями. Они раскинули длинные перистые листья над шезлонгом, в котором Рух лежала, закутавшись в нечто, походившее на старинное пестрое стеганое одеяло.

Как только Рух увидела их, она откинула одеяло и села; шезлонг тут же послушно принял форму, удобную для сидения. Длинный бело-бордовый экзотский хитон скрывал ее неестественную худобу, а смуглая кожа имела несколько желтоватый оттенок. И все же ее осунувшееся лицо казалось еще более привлекательным, чем прежде. Они подошли, и Хэл наклонился, чтобы поцеловать ее. Он почувствовал в своих объятиях ее молодое тело, но оно было таким худым, таким худым...

Он отпустил ее лишь после того, как Амид придвинул к шезлонгу два кресла. Они сели.

— Спасибо, Хэл, — поблагодарила она.

— За что? — удивился он.

— За то, что ты стал орудием моего освобождения в руках Господа.

— У меня были для этого свои причины. — Его

голос в тишине бассейна прозвучал несколько резко, но за резкостью ему удалось спрятать холодную ярость, которая охватила в тот миг, когда он увидел, в каком она состоянии. — У меня есть к тебе дело. Ты мне нужна.

— Не только тебе. — Рух пристально разглядывала его. — А ты сейчас выглядишь гораздо взрослее.

— Да. — Трезвый рассудок наконец взял верх над проснувшимися было эмоциями. — Мне кажется, я должен объяснить тебе, почему тогда в окрестностях Арумы, когда нас по пятам преследовала милиция, я поступил не так, как сказал тебе.

— Тебе не надо ничего объяснять. — Она улыбнулась. — Ты выбрал единственно возможный путь, который выводил всех нас из-под удара и позволял, избежав милицейских пикетов, благополучно доставить взрывчатку в Аруму. Как только я поняла это, мы сразу же рассредоточились и стали вообще недосягаемы для милиции. Мы собрались снова, только когда пришло время уничтожить Кор Тэп. Но ты же оказался в лапах милиции.

Рух положила на его руку свою узкую ладонь.

— Но по сравнению с тем, что они сделали с

тобой, — с горечью заметил Хэл, — они доставили меня в тюрьму на серебряном блюде.

— Я была под защитой Господа, — мягко, но с укором произнесла она. — Не то что ты. Что бы они со мной ни делали, я была для них недосягаема точно так же, как много позже там, во дворе Центра для тебя оказался недосягаемым Эмит Барбедж.

При этих словах, вызвавших в памяти сцену, о которой она говорила, он, сам не зная отчего, почувствовал неловкость. Но Рух снова улыбнулась, мягко и терпеливо, как мать, втолковывающая что-то своему непонятливому ребенку, и чувство неловкости прошло.

— Ты сказал, у тебя были свои причины для того, чтобы сделать то, что ты сделал? — Ее карие глаза внимательно смотрели на него. — И что же это за причины?

— Мои причины остаются теми же самыми и сейчас, — ответил он. — Рух, есть место, где ты нужна больше, чем на Гармонии.

Хэл сделал паузу, ожидая ее протестов, но она продолжала молча терпеливо смотреть на него.

— Продолжай, — кивнула она.

— Я говорю о Земле, — сказал он. — До сих пор Иные воздерживались от широкомасштабных

попыток подчинить себе ее население, поскольку чувствовали там сильное сопротивление своим харизматическим талантам. Тебе это известно. Поэтому прежде чем предпринять что-либо, Блейз и другие до сих пор пока выжидали в надежде со временем решить эту проблему. Но сейчас время начинает их поджимать, как, впрочем, и нас. В любой момент они могут начать свои действия.

— На Гармонии нам говорили, что на Земле существует некая тайная группа влиятельных людей, которые очень опасаются Иных и ведут пропаганду с целью настроить большинство населения Земли против Иных. — Рух пристально посмотрела на Хэла. — Или это все лишь блейзовская уловка из разряда «разделяй и властвуй»?

Хэл кивнул.

— Но тогда, если им все равно не удастся переманить на свою сторону сколько-либо значительную часть населения, зачем вообще носиться с этой идеей? Даже если они, как ты выражаешься, «начнут свои действия», это вряд ли им что-нибудь даст.

— Я скажу тебе зачем. — Хэл откинулся на спинку кресла. — Когда я сидел в милицейской камере, у меня случился жесточайший приступ лихорадки и какое-то время я балансировал меж-

ду жизнью и смертью. Это состояние вызвало у меня своего рода психическую перегрузку, и она помогла мне понять многое из того, чего раньше я не понимал.

Рух сочувственно положила свою ладонь на его руку.

— Не надо меня жалеть, — покачал головой Хэл.

— Похоже, сражение, которое ты ведешь, гораздо тяжелее любого из наших сражений, — едва слышно произнесла она. — Но я это понимаю.

— Я думаю, некоторые из нас тоже это понимают, — пробормотал Амид. Хэл сжал ее ладонь.

— Тогда я понял, — продолжал он, — что харизматический талант — отнюдь не какой-то особый дар или генетическая случайность, свойственные исключительно Иным, только более развитая форма некоей способности, характерной для представителей обоих ваших миров, Гармонии и Ассоциации. Умение обращать людей в свою веру была ими лишь чуть усовершенствована, поднята на более высокий уровень. Но среди Иных этим даром в полной мере наделены лишь Блейз Аренс и еще несколько человек, генетически хотя бы отчасти связанных с Квакерскими мирами.

— Квакерскими мирами? Но в источниках

указано, что он родился от брака представителей экзотов и дорсайцев, — вклинился Амид.

— У меня нет достоверных сведений, опровергающих этот факт, — ответил Хэл. — Но я встречался с ним лично и думаю, что в некотором смысле знаю его лучше, чем кто-либо другой. В нем течет кровь всех трех Осколочных Культур...

Не договорив фразу до конца, он вдруг замолчал. Он чуть было не сказал «как и во мне», но вовремя остановился. Как-то так получилось, что после ночного разговора с Амандой он не только сделался более открытым миру, но и стал менее осмотрительным в отношении самого себя. Но ни Рух, ни Амид, казалось, не придали значения его внезапному молчанию.

— Дело в том, — вновь продолжил он, — что ваша культура так же, как и культуры экзотов и дорсайцев, уходит корнями в культуры Земли; в истории и прежде бывали периоды, когда хранителям веры удавалось полностью подавить все проявления культурной жизни вокруг себя. Возьмите расцвет ислама на Ближнем Востоке

в седьмом веке или Крестовый поход детей[10] в тринадцатом. Иным нет особой нужды в том, чтобы напрямую управлять экзотами, равно как и дорсайцами, раз им и так уже подчинены все остальные обитаемые миры. Но Земля представляет совершенно отдельную проблему: это не Экзотские миры и не Дорсай. Иные относятся к ней скорее как к Квакерским мирам — они готовы даже мириться с наличием там инакомыслящих, лишь бы не было организованной оппозиции. Но на Земле, в отличие от Гармонии и Ассоциации, они не могут позволить себе развязать гражданскую войну. Миролюбивая Земля по-прежнему нужна им как экономический стержень, вокруг которого вращается вся межпланетная торговля, а торговлю предполагается сохранить и впредь. И если им удастся предотвратить превращение Земли в своего потенциального врага, то, урезав существенно ее экономическое значение, Иные получат неограниченный контроль над межпланетной торговлей и соответственно над всеобщей межпланетной кредитной системой.

---

[10] Примечание: 10

Один из средневековых Крестовых походов (1212 год), в который на освобождение Святой Земли были отправлены тысячи детей, собранных во Франции и Германии; большая часть их погибла, утонула, потерялась и была продана в рабство.

Он перевел взгляд на Амида.

— Ведь экзоты всегда знали об этом, не так ли, Амид?

Морщины на лице старика сложились в улыбку.

— Мы знали об этом еще триста лет назад, — ответил он. — Вот почему с самого начала мы, чтобы защитить себя, направляли все свои усилия на то, чтобы играть ведущую роль в межпланетной торговле.

Его лицо сделалось серьезным.

— Вот почему, Хэл Мэйн, — продолжил он, — в этой ситуации с Иными мы кажемся тебе более твердолобыми, нежели кто-либо другой. Мы прекрасно понимаем, что произойдет, если Иные придут к власти; нам это было ясно уже тогда, когда они еще только начали объединяться в группу.

Хэл кивнул и снова повернулся к Рух.

— Итак, единственный мир, который во что бы то ни стало должны нейтрализовать Иные, — это Земля. И причина для этого более чем очевидна: несмотря на то что Земля была разграблена и опустошена еще в самом начале технологической эры, она по-прежнему остается самой населенной и самой богатой ресурсами планетой. Кроме

того, она, в самом буквальном смысле, является основным генофондом, главным источником всего спектра человеческих типов, из которых все мы произошли.

Он замолчал, давая Рух возможность высказаться, если она того захочет, но та продолжала тихо и спокойно сидеть, терпеливо ожидая его дальнейших слов.

— Если говорить об эффективной оппозиции Иным с чьей-либо стороны в будущем, — продолжил он, — то она, скорее всего, будет со стороны населения Земли. Оно прекрасно вооружено знанием своей истории и не позволит Иным одурачить себя. Кроме того, как свидетельствует их история, земляне непокорны, обладают богатым воображением и способны, не задумываясь, отдать свою жизнь, если решат, что это продиктовано необходимостью, целесообразностью или чем-нибудь еще в том же духе. Земля является для Иных безальтернативной проблемой: она — единственная цитадель, которую необходимо покорить, дабы в корне подавить любую возможность появления оппозиции. В качестве крайней меры, но только в качестве крайней меры, они пойдут даже на то, чтобы ее уничтожить, лишь бы не иметь ее своим врагом.

Он сделал паузу. Рух и Амид молча смотрели на него.

— Дорсай, в конце концов, можно уморить голодом. Экзотские миры — лишить всякой внешней помощи. На квакерских планетах можно поддерживать состояние междуусобной войны. Но для того чтобы окончательно сбросить со счетов Землю, ее необходимо либо полностью нейтрализовать, либо вообще уничтожить.

Он замолчал, прислушиваясь в образовавшейся тишине к эху своих слов; он спрашивал себя, не слишком ли риторичным он показался и не заставит ли это Рух инстинктивно отшатнуться от него и от того, что он собирался ей предложить. Когда его голос затих, она какое-то время сидела неподвижно, ее взгляд был устремлен мимо него на зеленую растительность за дальним изгибом бассейна; потом она медленно повернула голову, и их глаза встретились.

— Ситуация складывается так, что у них есть только один путь, позволяющий добиться своей цели, — продолжал он, обращаясь непосредственно к Рух. — Лишь заметный разброс мнений позволит поддерживать население Земли в целом в состоянии неопределенности. И именно этим с самого начала занимаются их агенты, ра-

нее засланные на Землю, — пропагандой их идей. Но учитывая то, что на других мирах развитие событий близится к завершающему этапу...

Он недоговорил и пожал плечами.

Где-то в глубине сада раздался тихий звон и вслед за этим тишину нарушил какой-то звук, вырвавшийся из горла Амида. Хэл повернулся к старику.

— Простите, но я все ждал случая, чтобы кое-что сообщить вам, — произнес Амид. — Помнишь, ты хотел, чтобы я организовал для тебя переговоры с экзотами. И вот сейчас представители Мары и Культиса уже здесь и готовы выслушать тебя, как только ты освободишься; с помощью однократного фазового сдвига и закодированного цветового сигнала мы хотим донести эту встречу до каждого обитателя обоих наших миров, если, конечно, это сработает.

— Понимаю, — кивнул Хэл.

— Но главное, о чем я должен поставить тебя в известность, на Маре сейчас находится Блейз Аренс. — Голос Амида даже не дрогнул. — Похоже, он обладает редкостным чутьем и точно угадал, что ты прилетишь сюда для переговоров именно сейчас. В данных обстоятельствах, Хэл, нам лучше закончить нашу беседу здесь и отпу-

стить тебя на переговоры. Все ждут тебя, включая Блейза. Он тоже просил дать ему возможность выступить перед нами. И мы согласились.

— Иного я бы от вас и не ожидал, — сказал Хэл. — А то, что он угадал время моего прибытия на переговоры к вам... Я думаю, Блейз воспользовался интуитивной логикой, которой владел Донал.

Глаза Амида сузились, взгляд заострился:

— Ты считаешь, Иные теперь тоже владеют ею?

— Нет... Иные в целом — нет, — ответил Хэл. — Скорее всего, только Блейз, и, кроме него, видимо, больше никто. Либо ему, как говорится, просто повезло. И меня совершенно не волнует то, что он хочет выступить. Кстати, он выступает до или после меня?

— А как бы тебе хотелось? — Голос Амида по-прежнему звучал бесстрастно.

— Пусть он выступит первым.

Амид кивнул; Хэл повернулся к Рух:

— Как я уже говорил, у Иных в этом случае нет другого выбора. Они должны послать на Землю дополнительно кого-нибудь из своих и как можно больше учеников, способных хоть как-то овладеть их харизматическим талантом.

Используя их, они могут попытаться завербовать себе среди населения Земли как можно больше сторонников, которые будут в состоянии нейтрализовать любое действие со стороны тех землян, которые понимают, что может означать власть Иных для цивилизованных миров.

Она кивнула.

— Таким образом, — продолжал он, — Блейз знает, что у него есть люди, обладающие необходимым талантом, а также считает, что у нас нет никого, кто мог бы остановить их. Но он ошибается — у нас есть ты, Рух, и другие, подобные тебе. Когда я совершил побег из застенков милиции, мне удалось это только благодаря тому, что санитарная машина, которая перевозила меня в госпиталь, застряла в толпе, собравшейся на главной площади Арумы, чтобы послушать тебя. Я слышал тебя, Рух, и хочу сказать — ты ни в чем не уступаешь Блейзу и его людям в умении управлять сознанием аудитории. Кроме того, ты знаешь других истинных хранителей веры, которые могли бы противодействовать пропагандистам, которых он собирается заслать на Землю. На Гармонии и Ассоциации есть люди подобные тебе, но они даже не станут меня слушать, если я попытаюсь убедить их отправиться на Землю. Но

ты можешь сделать это, добравшись туда первой или передав им от своего имени несколько слов.

Он сделал паузу и затем спросил:

— Ты согласна?

Несколько мгновений Рух сидела, глядя на него и в то же время сквозь него. Когда же она наконец заговорила, ее голос звучал так тихо, что Хэлу, чтобы хоть что-нибудь разобрать, пришлось изо всех сил напрячь свой слух.

— В милицейской камере я обратилась к Господу и возблагодарила Его за дарованную мне возможность доказать свою верность Ему. Я снова отдалась Его воле и попросила указать мне, что я еще могу сделать для него в оставшееся мне короткое время.

Рух коротко вздохнула:

— И Он ответил мне, что я напрасно потревожила Его своим вопросом — ответ мне известен и самой. Что, будучи истинно верующей, я давно должна была бы знать, что, когда придет мое время отправляться в дорогу, путь мой будет гладок и чист. И, как только я осознала это, на меня снизошло счастье, подобного которому я не ощущала с тех пор, как Иаков Сын Божий покинул отряд, чтобы умереть в одиночестве ради спасения своих товарищей. Ты должен помнить это,

Хэл, ведь ты был последним, кто разговаривал с ним. И тогда я поняла: все, что от меня требуется, это терпеливо ждать, когда откроется мой путь, поскольку теперь я знала, что это непременно произойдет. С этого момента я спокойно ждала, пребывая в мире и счастье...

Она взяла Хэла за руку:

— И я особенно рада, Хэл, что именно ты укажешь мне этот путь.

Он продолжал держать ее за руку; ее тонкие хрупкие пальцы почти потерялись в его широкой могучей ладони, но он явственно чувствовал поток энергии, текущий между ними, не от него к ней, а наоборот. Он наклонился и снова поцеловал ее, затем поднялся.

— Мы еще поговорим, как только я закончу то, ради чего прилетел сюда, — сказал он. — Отдыхай и набирайся сил.

— Стараюсь как могу, — улыбнулась она. Улыбка не сходила с ее лица, пока она провожала их взглядом.

На первый взгляд зал, куда Амид привел Хэла, показался ему совсем небольшим, вмещающим всего тридцать-сорок человек, разместившихся на его полукруглых ярусах. Но тут боковым зрением он заметил, что по периферии изображение

как бы расплывается, и понял, что, в какую бы сторону он ни посмотрел, ясно и четко были видны лишь лица людей, сидящих прямо перед ним; но сбоку от точки, в которой был сфокусирован его взгляд, ряды лиц выглядели слегка размытыми. Хэлу казалось, что далеко впереди он тоже различает лица, больше похожие на точки. Он понял, насколько обманчиво оказалось впечатление от зала и собравшейся в нем аудитории; вследствие своеобразного телескопического эффекта объекты, на которые он обращал свой взгляд, приближались и увеличивались в размерах, создавая впечатление ограниченности пространства, которое на самом деле вмещало бессчетное количество людей, каждый из которых, вне всякого сомнения, имел возможность видеть самого Хэла с близкого расстояния.

На невысоком помосте у подножия амфитеатра стоял Падма, экзот, с которым Хэл уже встречался раньше, казавшийся совсем карликом рядом с возвышавшейся над ним высокой, прямой, широкоплечей фигурой Блейза, облаченного в светло-серую куртку свободного покроя и темные узкие брюки. Глядя на них, Хэл невольно вспомнил так часто слышанное им в последнее время высказывание о том, что Блейз стоит над людь-

ми; но по мере того как он к ним приближался, фигура Блейза принимала нормальные размеры. И когда они наконец встали прямо друг против друга, то смогли, как и при последней их встрече, смотреть друг другу в глаза.

Хэл сразу отметил, что со времени той последней встречи Блейз несколько изменился. Черты его лица остались прежними; прошедшие годы не оставили на нем видимых отметин. Но в то же время оно казалось чуть более усталым, скулы заострились. Он глядел на Хэла спокойно, как-то отстранение и даже немного грустно.

— Хэл Мэйн, — сказал Амид из-под локтя Хэла, когда они приблизились к Падме и Блейзу, — предлагает, чтобы Блейз Аренс выступил первым.

— Разумеется, — пробормотал Блейз. Хэлу показалось, что в его глазах промелькнуло что-то очень похожее на мольбу. Но лидер Иных тут же отвел взгляд, повернувшись к аудитории.

— В таком случае я вас покидаю.

Хэл повернулся, спустился с возвышения и в сопровождении двух экзотов подошел к нескольким находившимся поблизости креслам. Они сели, придвинув кресла спинками к стене зала. Отсюда им была видна вся аудитория и немного

сбоку со спины Блейз.

Огромный, гораздо выше любого нормального человека, он стоял у подножия амфитеатра, возвышаясь подобно башне над всей аудиторией.

Блейз внезапно широко развел в стороны руки.

— Хотите ли вы выслушать меня? — обратился он к сидящим перед ним экзотам. — Согласны ли вы уделить мне несколько минут своего внимания, без предубеждения, отбросив заранее сложившееся мнение, как если бы я был смиренным просителем у вашего порога, которого вы впервые видите?

Зал ответил ему полной тишиной. Он медленно опустил руки вдоль тела.

— Я знаю, это больно, — продолжил он, медленно и четко выговаривая слова, — всегда больно наблюдать, как меняется мир вокруг вас; когда приходится пересматривать все, к чему вы уже успели привыкнуть. Вы вынуждены расставаться с наиболее дорогими вам убеждениями, которые, как вам казалось, должны были бы пережить века, и подвергать их самому безжалостному анализу, как будто это какая-нибудь новейшая и невероятнейшая теория или гипотеза.

Он замолчал и медленно обвел глазами ауди-

торию.

— Да, это больно, — продолжал он, — но мы знаем, что это неизбежно. Все вы должны рано или поздно пройти через эту процедуру переоценки своих ценностей. И я ожидал, что из всех народов лучше других через это испытание пройдут граждане Мары и Культиса.

Он снова сделал паузу, затем возвысил голос:

— Разве не вы посвятили свои жизни, жизни всех своих поколений, с тех пор как перестали называть себя «Гильдией» и начали осваивать эти планеты, единственной цели — поиску будущего человечества? И разве вы не готовы следовать к этой цели не только теми путями, которые находите приятными и приемлемыми, но и иными доступными способами независимо от того; нравятся они вам или нет?

Он снова оглядел аудиторию, как бы ища поддержки или возражения, затем продолжил:

— Ваши оба мира развились настолько, что стали задавать тон в экономике всех обитаемых миров, и поэтому вам не надо тратить много усилий на то, чтобы обеспечивать свое существование. Вы можете купить и продать любую армию, и поэтому вам нет нужды воевать самим и подвергать себя всем связанным с этим стрес-

сам; в результате у вас есть оптимальные условия для вашей работы и научных исследований. И теперь после всех этих долгих лет, когда главным делом для вас были ваши изыскания, вы, похоже, готовы отодвинуть их на второй план, отдав предпочтение сегодняшней мимолетной дискуссии. Я честно скажу вам, поскольку по рождению я, как вам должно быть известно, тоже один из вас, что даже если бы я оказался в том лагере, к которому вы хотите присоединиться, перечеркнув все эти десятилетия борьбы за будущее человечества, я все равно стоял бы перед вами, как стою здесь сейчас, и просил бы вас еще раз подумать о том, что вы потеряете, поступив подобным образом.

Блейз замолчал. Несколько мгновений в зале стояла полная тишина. Потом он сделал шаг назад и замер в неподвижности:

— Это все, что я собирался сказать, приехав сюда. К этому нечего больше добавить. Все прочее, ваше решение, остается за вами.

Он замолчал, глядя в зал. Затем повернулся, сошел с возвышения и направился к сидящим в стороне Хэлу, Амиду и Падме, которые поднялись при его приближении.

За его спиной в зале по-прежнему царила тишина.

— Я хотел бы обратиться к этой аудитории без посторонних, — предупредил Хэл.

Блейз улыбнулся мягкой усталой улыбкой, затем кивнул.

— Я позабочусь об этом, — сказал Амид еще до того, как Блейз кивнул. Он повернулся к Иному:

— Не могли бы вы пройти со мной?

Он проводил великана до двери, через которую всего лишь несколько минут назад они вошли в зал. Хэл поднялся на возвышение и оглядел зал.

— Конечно, он и не надеялся убедить вас, — начал Хэл. — Он рассчитывал лишь на то, что ему удастся сбить вас с толку и тем самым выиграть время для себя и своих единомышленников. Я знаю, и мне нет особой необходимости напоминать вам об этом, но людям, привыкшим не спеша обдумывать свои шаги, трудно принимать решения, когда времени на это мало или вообще нет.

Хэл порылся в памяти, пытаясь найти нужные слова, вроде тех, что помогли ему пробиться к сердцам Серых Капитанов тогда в Форали.

— Мы обращаем внимание на движение реки времени вокруг нас, — сказал он, — только когда впереди обнаруживается водопад или мы вдруг замечаем, что течение стало слишком сильным и нам не выгрести к берегу. Именно в таком

положении мы сейчас и оказались. Нас цепко держат струи истории, составляющие этот поток времени. У нас уже нет никакой возможности остановиться и осмотреться каждому по своему разумению. Все, что я могу сделать, это сказать вам то, ради чего я и прилетел сюда. Я прибыл сюда прямо с Дорсая, — продолжал он. — Там уже начали свои приготовления к последней схватке. И дорсайцы, естественно, будут сражаться, как всегда сражались, за то, во что они верят, за всю расу и за вас в том числе. И я прибыл сюда, чтобы спросить вас, готовы ли вы внести равнозначный вклад в то, во что вы всегда верили.

Ему внезапно вспомнилась первая строфа стихотворения Хаусмана, вырезанная над входом в здание Центральной администрации Дорсая в Омалу. Он прогнал воспоминание и продолжил:

— Они согласились отдать все, что у них есть, включая собственные жизни, ради спасения всей расы. И я здесь для того, чтобы просить у вас не меньшего — готовы ли вы отдать все до последнего, все, что накопили за последние три столетия, совершенно незнакомым людям, с которыми вы никогда даже не говорили, в надежде на то, что это поможет спасти не ваши, а их жизни. Поскольку в конце концов вам, вероятнее всего,

придется отдать и свои жизни тоже, но не в бою, как дорсайцы, а, возможно, просто так. В обмен я могу предложить вам лишь надежду на то, что выживут те другие, те, кому вы отдадите все, что у вас есть, выживут они и их дети, и дети их детей, которые, возможно, продолжат вашу работу и поддержат вашу надежду.

Он снова сделал паузу. Вроде бы ничего не изменилось, но он больше не чувствовал себя отстраненным от аудитории.

— Вы отдали триста лет работе и надежде на то, что человеческая раса в будущем поднимется на более высокую ступень эволюции. Пока вам этого не удалось доказать, но надежда всегда остается. Лично я тоже разделяю эту надежду, не просто надеюсь, я верю, что это произойдет. Но привести к этому сейчас может лишь единственный путь — путь, который обеспечит выживание расы.

Чувство общности с аудиторией еще больше усилилось. Он объяснял это себе тем, что сам поддался эмоциональному настрою своих слов, но это чувство не проходило. Слова, всплывавшие в его мозгу, теперь больше походили на слова, способные тронуть сердца слушателей в силу свой неоспоримой истинности.

— Когда-то в каменном веке, — продолжал

он, — человек, одержимый жаждой разрушения, мог успеть проломить головы трем-четырем своим соплеменникам прежде, чем остальные соорганизуются и положат конец его разрушительной деятельности. Позже, в двадцатом веке, когда была открыта и впервые испытана сила ядерного взрыва, создалась ситуация, при которой один человек, располагающий необходимым оборудованием и ресурсами, был в состоянии разрушить целый город, уничтожив при этом несколько миллионов своих собратьев по разуму. Вы все знаете об этом. Кривая, характеризующая разрушительную способность человека, постоянно шла вверх с тех пор, как первобытный человек поднял камень либо палку, чтобы использовать их в качестве оружия, вплоть до настоящего момента, когда один человек — Блейз — угрожает существованию целой расы.

Хэл сделал секундную паузу — перевести дыхание.

— Если он одержит верх, — продолжал он, — это не будет означать мгновенной и драматической смерти, как при ядерном взрыве. Пройдут поколения, но в конечном итоге человечество все равно будет ждать гибель. Потому что для Блейза и тех, кто с ним, нет будущего — есть выбор

только между настоящим, каким они его видят, и вообще ничем. Он и ему подобные ничего не теряют, жертвуя будущим, которое для них ничего не значит, во имя настоящего, которое может дать им все, что они хотят. Но истинная цена их устремлений — это конец всех наших надежд, включая и ту, которую вы вынашивали на протяжении трехсот лет. Вы со всем вашим богатством и влиянием не можете помешать им получить то, на что они нацелились; дорсайцы тоже не в состоянии остановить их, во всяком случае в одиночку, точно так же, как и любая другая группа людей, не говоря уже об отдельных личностях, которые видят, что отказ от того, что составляло смысл их жизни, означает неминуемую смерть. Но все вместе мы способны сделать это ради тех, кто придет после нас.

Он обвел взглядом то, что представлялось ему обычным амфитеатром:

— Поэтому я прошу, чтобы вы отдали мне все, чем владеете; взамен же я не могу обещать вам ничего, кроме надежды на сохранение если не вас самих, то хотя бы того, во что вы всегда верили. Мне нужны ваши межзвездные кредиты, все, что у вас есть. Мне нужны ваши космические корабли, все, что у вас есть. Мне нужно все, что

вы создали или построили и что может быть использовано теми, кто будет непосредственно сражаться с Иными; вы останетесь голыми и нищими и будете покорно ждать воздаяния за то, что сделали, каким бы оно ни было. Вы должны все отдать, а я должен принять это у вас, поскольку грядущая схватка может быть выиграна только теми, кто верит в будущее и вступает в борьбу как единый народ.

— Вот и все, — коротко заключил он свое выступление.

Затем повернулся и сошел с возвышения. Зал за его спиной никак не отреагировал на завершение его речи Амид уже вернулся назад и теперь стоял рядом с Падмой, ожидая, когда он подойдет.

Так в полной тишине они и покинули зал, но на этот раз уже через другую дверь. Хэл увидел, что находится в длинном коридоре с каменными стенами и сводчатым потолком; вдоль правой стены на уровне пояса тянулось одно сплошное окно, глубоко врезанное в толщу стены. Оконное стекло было составлено из отдельных пластин в виде ромбов, соединенных друг с другом свинцовыми полосками. От серых каменных стен, казалось, веяло холодом, а за окном в тусклом послеполуденном свете был виден все продол-

жающий падать крупными хлопьями густой белый снег, начавший уже скрывать очертания деревьев, дорожек и зданий.

— Сколько, по-вашему, потребуется времени, — спросил Хэл Амида, — чтобы оба мира вынесли свое решение?

Старик искоса взглянул на него:

— Оно было уже вынесено еще до того, как твой корабль совершил посадку.

Хэл сделал еще несколько шагов, прежде чем снова заговорил.

— Понимаю, — наконец произнес он. — А когда пожаловал Блейз, было решено придержать окончательное решение до тех пор, пока все не услышат, что он скажет.

— Мы — люди практичные в практичных вопросах, — отозвался Амид. — Именно так все и было. Но кроме того, все хотели посмотреть на тебя и послушать, прежде чем будет вынесено окончательное решение. Ты сам разве не захотел бы встретиться с единственным человеком, выразившим готовность защитить то, ради чего ты жил?

— И все же, — сказал Хэл, — им ничего не стоило изменить свое мнение, если бы Блейзу удалось переубедить их. Что ты думаешь по этому по-

воду?

— Насколько мне известно, за статистически несущественным исключением ему это не удалось, — ответил Амид, не замедляя шага. — Но мне кажется, Хэл Мэйн, ты кое-чего недопонимаешь. Мы знали: Блейз Аренс не скажет ничего такого, что могло бы поколебать наше мнение. Но не в наших правилах затыкать человеку рот. Что же, мы должны менять свои правила? Неужели ты в самом деле о нас такого невысокого мнения и мог подумать, будто мы испугаемся того, что нам предстоит сделать? У нас тоже есть наша вера... и мужество тоже.

Амид отвернулся, устремив свой взгляд в конец коридора, где находилась массивная деревянная, скрепленная металлическими болтами дверь со слегка приоткрытыми створками, за которыми просматривалось казавшееся тускло освещенным помещение.

— Представителям наших обоих миров понадобится еще дня два, чтобы обговорить с тобой все детали, — снова заговорил старик. — Тем временем ты можешь обсудить с Рух Тамани ваши планы. Максимум через три дня твоя миссия здесь закончится и ты сможешь отправляться дальше. Итак, следующий пункт назначения?

— Земля, — ответил Хэл.

Его мучила совесть. Когда он впервые услышал, что Блейз тоже здесь, по спине как будто пробежала волна холода. Позже, стоило ему увидеть его стоящим на возвышении в зале и услышать его обращение к собравшейся аудитории, он ощутил неподдельный страх. Но Хэл испугался не того, что Блейз в силу своего таланта покажется более убедительным, нежели он, а того, что экзоты, даже распознав фальшь его аргументов, воспользуются его словами как предлогом для того, чтобы отказаться от открытой конфронтации с Иными, пока не будет слишком поздно и для них самих, и для всех остальных.

Но он оказался не прав. Еще с того времени, когда он был Доналом, он постоянно делал одну и ту же ошибку. Даже несмотря на все свои знания, он все равно время от времени испытывал сомнения относительно того или иного человека из окружавших его людей, хотя в глубине души и понимал, что вправе ожидать от них того же, на что способен сам. Тогда, в амфитеатре, он на какое-то мгновение усомнился в том, что экзоты способны умереть во имя общей цели, даже если она касается только их. Он позволил сбить себя с толку тому факту, что на протяжении ряда столе-

тий экзоты, казалось, стремились любой ценой купить себе мир; но он совсем упустил из виду ту цель, ради которой они покупали себе мир.

Теперь Хэл лицом к лицу столкнулся с жестокой правдой. Было несравненно легче просто сражаться и погибать в сражении, чем, сохраняя полное спокойствие и присутствие духа, сидеть и ждать, когда враг придет к твоему порогу, и умереть, чтобы могли жить другие. А ведь именно за это только что высказались народы Мары и Культиса.

Этой своей последней акцией все они, включая так далекого от войны маленького человечка, идущего сейчас рядом с ним, показали, что их мужество ничем не уступает мужеству дорсайцев, а их вера, с которой они жили на протяжении трех столетий, ничуть не меньше веры квакеров. Краем глаза он смотрел на идущего по коридору Амида и в своем воображении видел — нет, не себя, идущего рядом с ним, а призраков Яна и Сына Божьего, шествующих по обе стороны от этого дряхлого хрупкого создания.

— Да, — нарушая молчаливую паузу, промолвил он, когда они подошли к двухстворчатой двери, — Земля. Там есть одно место, куда меня уже давно тянет.

Глава 59

Створки дверей закрылись, и они очутились в помещении, в котором после яркого дневного света царил полумрак.

Мягкий искусственный свет заливал шестиугольную комнату. И, хотя его было здесь более чем достаточно, он все же не мог соперничать с ярким светом пасмурного зимнего дня за свинцовыми оконными переплетами. Под куполообразным потолком за большим круглым столом сидели девять экзотов. Глубокие коричневые тона их одежды придавали своеобразную теплоту интерьеру помещения. Два кресла за столом были свободны. К ним и подвел его Амид.

Занимая предложенное ему место, Хэл оглядел собравшихся. Четверых из них он узнал. Древнего старца Падму, маленькую темнокожую Нонну, худого Алона и дружелюбного Чевиса — все они присутствовали при том разговоре, который происходил на балконе дома Амида во время последнего его визита на Мару. Другие были ему незнакомы.

— Наши два мира теперь в твоем распоря-

жении, Хэл Мэйн, — услышал он хриплый старческий голос Падмы. Хэл перевел взгляд на старца. — Или Амид уже рассказал тебе об этом?

— Да, — ответил Хэл. — Он сообщил мне об этом по пути сюда.

Нонна, видимо, хотела что-то сказать, но, взглянув на Падму, передумала.

— Я не забуду, — бросив на нее взгляд, продолжил Падма в ответ на ее молчаливый вопрос. — Хэл, мы хотим, чтобы ты понял одну вещь, касающуюся нашего будущего альянса с тобой. В отличие от дорсайцев, мы не подписываем никаких контрактов, но наша трехсотлетняя репутация людей, держащих свое слово, говорит сама за себя.

— Это верно, — кивнул Хэл. — Согласен.

— Следовательно, — Падма положил ладони на гладкую темную поверхность стола, — ты должен понимать, в этой борьбе мы принимаем твою сторону только потому, что не нашли другого пути.

По мере того как он говорил, хрипота в его голосе стала заметней. Он замолчал и постучал морщинистым пальцем по крышке стола перед собой. На глаза ему попался стакан с прозрачной жидкостью, он отпил из него и затем продолжал:

— Должен честно признаться, что многие из

нас далеко не безоговорочно пришли к этому решению, я не говорю о себе лично, но таких было достаточно много, и их сомнение понятно. Но ты знаешь нас достаточно хорошо и, следовательно, понимаешь, что если сейчас мы проголосовали «за», то нам можно довериться.

— Я благодарен вам за доверие, хочу сказать без обиняков, — сказал Хэл, обращаясь сразу ко всем сидящим за столом, — как я уже говорил вам раньше, возможно, мне придется попросить у ваших обоих миров предоставить мне все — все, что у вас...

— Если не возражаешь, я хотел бы еще дополнить, — прервал его Падма.

Хэл замолчал и повернулся в его сторону.

— Кое-что из того, что ты собирался нам сообщить, мы знаем, — сказал Падма. — Но прежде позволь нам предоставить тебе информацию, которой мы сейчас готовы с тобой поделиться. Раньше, пока решение о совместном сотрудничестве не было принято, мы не могли этого сделать.

За столом воцарилась напряженная тишина.

— Хорошо, — кивнул Хэл. — Продолжайте. Я слушаю вас.

— Как я уже сказал, все, что у нас есть, с этого

момента находится в твоем распоряжении, — проговорил Падма. — Сюда относится и то, о чем ты, быть может, и знаешь, но, скорее всего, даже не догадываешься, насколько оно эффективно.

Его старческий голос снова сорвался, как будто у него пересохло в горле. Он потянулся за стоящим перед ним наполненным стаканом и отпил еще один глоток. Поставив стакан, он продолжил свою речь, но уже более ровным голосом:

— Я говорю о нашей способности собирать информацию и нашей методике ее оценки. Я думаю, тебе сейчас будет небезынтересно узнать, к какому заключению мы пришли в отношении вас обоих, тебя и Блейза Аренса.

— Вы правы. — Хэл посмотрел прямо в глаза старцу.

— Результатом такого сбора и оценки информации, — продолжал Падма все тем же тоном, — явилась модель каждого из вас, которая могла бы быть для тебя полезной при оценке масштаба надвигающегося конфликта.

Он помолчал.

— Модель Блейза показывает его как человека, сознающего свою силу и решившего ее использовать на экономической ниве — иными словами, там, где он и Иные не могут проиграть, так как

будут действовать, лишь утверждая уже имеющееся у них сегодня преимущество и продолжая, где только можно, его наращивать, пока они не достигнут полного господства. Это своего рода действие с позиции силы, которое, по всей видимости, особенно сродни духу и темпераменту Блейза. Как он считает, ему и его сподвижникам предопределено победить самой судьбой. Но в этой неизбежности он, возможно, находит совсем не радость победы, а грусть и почти невыносимую тоску, что отвечает его представлению о себе и действительности. Очевидно, он видит себя слишком одиноким в этой Вселенной, и что бы ни случилось, оно уже не может ни возвысить, ни принизить его.

— Да, — прошептал Хэл.

— Это чем-то удивительно напоминает твой собственный склад ума. — Падма пристально посмотрел на Хэла. — Он и на самом деле во многом удивительно похож на тебя.

Хэл промолчал.

— Если говорить откровенно, — продолжал Падма, — его ожидания в большинстве своем оправданы. Поведенческие факторы исторического развития — силы, которые переходят из поколения в поколение, иногда созидательные,

иногда разрушительные, — похоже, сейчас полностью на стороне Иных. Наша собственная наука онтогенетика, которую мы создали для решения подобных проблем, вместо этого предлагает все больше и больше подтверждений того, что Блейз прав относительно того, во что он верит.

Хэл медленно кивнул головой. Падма на минуту замолк и снова отпил из своего стакана.

— Если Блейз воплощает в себе некую нацеленную на победу ортодоксальную идею и готов идти ради нее до самого конца, — продолжил Падма, — ты не можешь предоставить нам убедительных доказательств, почему именно ты способен дать отпор Блейзу и Иным. Но, несмотря на это, все, кто противостоит Блейзу, решили последовать за тобой — даже мы, жители двух наших миров, которые на протяжении трех столетий всегда старались мыслить взвешенно и разумно.

Он помолчал и глубоко вздохнул.

— Мы единственные из всех людей, кто не верит в наличие неразгаданных тайн. Поэтому мы были вынуждены прийти к заключению, что за тобой стоят некие космические силы, которых мы не видим и не понимаем. Единственное, на что мы можем надеяться, так это на то, что они так же невидимы и недоступны для понимания

и Блейзу Аренсу.

— Я тоже хотел бы на это надеяться, — сказал Хэл.

— Наши выводы основаны на имеющейся у нас информации, и можно предположить, что кто-нибудь, вроде Блейза, мог прийти к аналогичному заключению, а именно к тому, что единственным оставшимся для тебя выходом является использование дорсайцев в качестве экспедиционного корпуса против армии, которую смогут собрать и вооружить Иные.

Он замолчал и посмотрел на Хэла.

— Продолжайте, — сказал Хэл бесстрастно. — Все, о чем вы до сих пор говорили, всего лишь очевидные выводы, сделанные в свете сложившейся в настоящее время ситуации. Для того чтобы увидеть это, не требуется доступа к особой информации или интеллекта, как у Блейза.

— Может, и не требуется, — ответил Падма. — Однако столь же очевидно и то, что любой другой путь, будь он использован тобой для достижения цели, может привести только к краху. С одной стороны, если ты промедлишь со своими дорсайцами и Иным удастся создать свою армию и двинуть ее на тебя, то тогда даже дорсайцы не смогут справиться с ними. Я прав?

— Возможно, — кивнул Хэл.

— С другой стороны, — продолжал Падма, — если ты растратишь этот невосполнимый фонд отлично подготовленных военных кадров на отдельные рейды по уничтожению сил Иных, пока их армия еще не сформирована и не вооружена должным образом, то, даже располагая такими опытными бойцами, как дорсайцы, ты постепенно до такой степени обескровишь их, что в конечном итоге они не смогут противостоять армии Иных. Разве это не столь же очевидно?

— Естественно, очевидно, — ответил Хэл.

— Как же тогда ты собираешься выиграть? — Падма пристально посмотрел на него.

Хэл улыбнулся — и только тут, впервые увидев эти едва заметные, но совершенно явные перемены в лицах людей, сидящих вокруг стола, он понял, как много значила для них эта его улыбка.

— Я надеюсь выиграть, — произнес он медленно и четко, — потому что я ни за что не должен проиграть. Я понимаю, что сейчас это утверждение для вас ничего не значит. Но если бы вы сумели понять, что я имею в виду под данными словами, то мы бы не стояли на пороге войны; и проблема угрозы, возникшая перед нами в виде

Иных, была бы уже разрешена.

Падма нахмурился:

— Это не ответ.

— Тогда позвольте мне сказать вам следующее, — начал Хэл. — Исторические силы представляют собой лишь внутреннюю борьбу человеческой расы, которая направлена прежде всего на свое выживание. Все это вам должно быть и так прекрасно известно, судя по вашей работе по изучению человеческой сущности. Теперь посмотрите под этим углом на те многочисленные силы, которые работают во благо Иных, и на относительно небольшие силы, обеспечивающие выживание всех тех, кто противостоит ему, — и вы увидите, какие силы будут расти, а какие погибнут, если речь пойдет о выживании расы как таковой.

Он замолчал, и слова эхом отозвались в его собственных ушах. «Я говорю совсем, как экзот», — подумал он.

— Если то, о чем ты говоришь, правда, — Нонна явно не могла больше себя сдерживать, — тогда ситуация должна решиться сама собой. И ты нам не нужен.

Он повернулся к ней и улыбнулся:

— Но я наравне с Блейзом являюсь одной из

этих исторических сил. Мы не причины, а результат исторической ситуации. Если вы решите избавиться от одного из нас, вы просто слегка измените аспект той же самой проблемы, где наше место займет кто-нибудь другой. Правда состоит в том, что вам не удастся избавиться от того, что стоит за каждым из нас, точно так же как вам не избавиться от любой другой задействованной силы. Все, что вы можете сделать, — это принять ту или иную сторону; и я думаю, я наглядно доказал вам, что свой выбор вы уже сделали.

— Хэл, — услышал он рядом тихий голос Амида, — это говорить было вовсе не обязательно, если даже совсем невежливо.

Оглянувшись на старика, Хэл словно пришел в себя.

— Конечно. Вы правы. Я забираю свои слова обратно и приношу свои извинения, — сказал он Нонне. Он посмотрел на Падму:

— Что еще вы можете сказать мне на основании той информационной подборки, которую вы собрали и изучили?

— У нас есть подробные данные из различных миров, со всех мест, где Иные собирают и обучают своих солдат, — сказал Падма, — и со всех площадок, где ведутся работы по строительству

космических кораблей и производятся приборы, необходимые для их оснащения. Надеемся, они окажут тебе значительную помощь, хотя, конечно, есть информация, которую нам не удалось добыть...

— Это не так важно, — ответил Хэл, — потому что есть информация, которую я должен добыть сам.

— Я не понимаю, — сказал Падма.

На лицах сидящих за столом читалось явное недоумение.

— Боюсь, — медленно заговорил Хэл, — мне будет трудно доходчиво объяснить это вам. В основном потому, что я должен посетить эти места и поговорить с работающими там людьми лично. Я хочу найти то, чего ваш народ не в состоянии мне дать. Вы просто должны мне поверить на слово, что для меня крайне необходимо поехать и посмотреть на все самому.

Он говорил, а перед его мысленным взором, как нечто реальное, формировалась концепция Абсолютной Энциклопедии. Словно некое живое существо, перед ним предстала вся громада этой лишь слегка затронутой проблемы, над решением которой он бился эти последние годы. Объяснить же экзотам, что возникшее в его

воображении поле битвы сейчас уже находится буквально в самих человеческих душах, не было никакой возможности.

— Вы должны просто верить мне, — повторил он, — если я говорю, что это необходимо.

— Хорошо, — тяжело вздохнул Падма, — если ты должен, у нас еще остались посыльные корабли, выполняющие рейсы между двумя нашими мирами и посольствами на других планетах. Мы можем выделить тебе один корабль.

Хэл с облегчением вздохнул и уставился взглядом в глубокую черноту полированной поверхности стола.

— Корабля не потребуется, — словно издалека, услышал он собственный голос. — Дорсайцы уже предоставили мне его вместе с пилотом.

Он чуть дольше задержал свой взгляд на крышке стола и медленно поднял глаза на Амида. Затем снова улыбнулся, но на этот раз его улыбка быстро погасла.

— Кроме того, похоже, что мое путешествие к Земле на какое-то время откладывается.

* * *

Хэл оказался прав. Прошло уже почти четыре месяца по стандартному времени, и не похоже

было, что он скоро окажется на орбите Земли. Сейчас он бежал, спасая свою жизнь, задворками Ноувиноу, города на Фрайлянде.

За это время он посетил большую часть Молодых Миров, незаметно высаживаясь на них на своем дорсайском посыльном корабле, чтобы самому осмотреть заводы и лагеря, где Иные накапливали войска и ресурсы для предстоящей войны. Хэл очень похудел — сейчас он был почти таким же худым, как на Гармонии, когда его схватила милиция.

Но эта худоба была совсем иного качества. С тех пор как он в конце концов рассказал Аманде о своей идентичности с Доналом Гримом — идентичности, которая была умышленно сокрыта от него самим Доналом, пока не завершится процесс его обучения и возмужания как Хэла Мэйна, — он наконец почти обрел те физические способности и силу, которыми обладал Донал, хотя ему все же недоставало сил и навыков взрослого дорсайца. И все же то, чего он достиг, шло вразрез со всем накопленным дорсайцами физиологическим опытом. Чтобы человек двадцати с лишним лет, не получивший специальной физической подготовки, соответствующей дорсайским стандартам (даже несмотря на то что до шестнадцати лет его

обучал Малахия Насуно), всего лишь за каких-то пару месяцев приобрел рефлексы и реакции почти такие же, как, к примеру, у Саймона Грима, — это было просто невероятно.

Саймон сам ему об этом сказал. В условиях постоянного совместного проживания втроем с Амидом на борту посыльного корабля скрыть от Саймона произошедшую с Хэлом перемену было невозможно. Старый экзот летал вместе с ними в качестве живого пропуска для Хэла в экзотские посольства, где они получали информацию и необходимую помощь.

Как намекнул Саймон, эта перемена была столь невероятна, сколь и очевидна, и Саймон сравнивал ее с достижениями легендарных мастеров боевых искусств, известных в далекие исторические времена. Сделав это замечание, сегодняшний официальный глава клана Гримов, похоже, оставил дальнейшие объяснения этого факта на потом. И Хэлу не оставалось ничего другого, как последовать его примеру; для него самого то, что произошло, было не менее удивительно и загадочно, хотя он не мог принять этого так просто, как Саймон.

Сам он пока решил, что, возможно, это результат некоей психической силы, пришедшей

в действие после того, как он установил свою тождественность с Доналом; психической силы, способной, при необходимости, воздействовать даже на кости и мышцы. Клетусу, жившему почти двести лет назад, удалось подобным же образом восстановить свое поврежденное колено. В то же время что-то внутри Хэла настойчиво твердило ему, что за этим скрывается нечто большее, чем то, что определяется термином «психическая сила»; и эта неизвестность раздражала его.

Но времени размышлять сейчас об этом в данный момент не было. Он бежал легко и ровно, как голодный поджарый волк, петляя по темным и вонючим проулкам, которые едва ли заслуживали названия улиц и переулков в этом квартале трущоб. Хэл чувствовал возрождающуюся в нем интуицию Донала, которая подсказывала ему сейчас местонахождение и число преследователей, которые уже дышали прямо ему в спину.

Ему удалось проникнуть на верфь космических кораблей, из-за чего, собственно, он и прибыл на Фрайлянд, и он убедился, что там строят военные транспорты. Но за эти долгие месяцы скитаний по всем мирам, подвластным Иным, контролируемые ими войска были подняты на ноги и за ним была устроена настоящая охота; его опознал

и преследовал так называемый «карательный» отряд полиции Ноувиноу.

По его оценке, их было человек тридцать-сорок — и, разумеется, они знали эту часть Ноувиноу лучше его.

Хэл бежал ровно, сберегая силы для нужного момента. Посыльный корабль ожидал его во дворе разрушенного склада. Последний отрезок пути пролегал мимо сильно поврежденных, но все еще высоких ограждений и через пустынные дворы, забитые брошенным, ржавеющем оборудованием. Когда он поднял руку, готовясь ухватившись за верхний край стены, на бегу перемахнуть через нее, то услышал впереди тихий шорох, производимый поджидавшими его в темноте заваленного мусором двора полицейскими, которых было не меньше двух человек.

Хэл припал к земле и тихо, словно привидение, двинулся вперед, намереваясь, если удастся, обойти сидевших в засаде полицейских; но один из них, по всей видимости утомленный долгим ожиданием, вдруг встал и направился прямо в сторону Хэла.

Хэл ощутил тепло приближающегося тела, почувствовал и услышал его дыхание. Времени, чтобы уклониться, уже не было, он вскочил и

нанес противнику быстрый резкий удар.

Тот, захрипев, свалился на землю, и в ту же секунду тонкий, кинжальный луч света от фонаря, вроде тех, которые используют для наведения огня при ночной стрельбе из энергетического оружия, заплясал по двору, словно включили детский игрушечный прожектор. Хэл тут же выстрелил из бесшумного, но маломощного вакуумного пистолета, единственного имевшегося у него оружия, целясь в источник света, и луч погас. Но дело было сделано. Сейчас темнота оживет от воя электронных сирен и криков, указывающих преследователям его местонахождение. Он рванулся вперед и побежал так быстро, как только мог. Даже теперь, когда путь в предпоследний двор, где его ждал корабль, был свободен, Хэл чувствовал по сторонам дыхание и запах пятерых бегущих ему наперехват преследователей. Их было слишком много, чтобы можно было проскользнуть между ними. Стоит им включить свои инфракрасные уловители, как они тут же обнаружат его по тусклому мерцанию среди всего этого металлолома; светящийся размытый контур среди темных пятен разбитых кораблей и разбросанного по двору хлама укажет им его местонахождение.

Это был выбор без выбора. Если он хочет добраться до корабля, сделать это незамеченным ему не удастся. Остается только пробиваться силой. Хэл опустился на землю у основания стены, чтобы перевести дыхание.

Если и можно что-либо сделать, то он должен хорошенько все обдумать. Его положение мало чем отличалось от положения человека, упавшего в реку у водопада и призывающего своего оставшегося на берегу товарища броситься в воду и помочь ему. Но суровая действительность говорила ему, что, учитывая объем работы, который ему еще предстояло сделать, его жизнь имеет гораздо большее значение, чем жизнь Саймона Грима. Ни сам Саймон, и никто другой из дорсайцев не одобрили бы его, если бы в сложившейся ситуации он не попросил о помощи.

Кипя от злости, Хэл надавил кнопку устройства на своем запястье, которое передало на корабль сигнал, означающий, что ему требуется помощь Саймона.

Двигаться в любом направлении от разбитого трактора, за которым он притаился, было равносильно тому, чтобы подставить себя под прямой огонь. И теперь ему необходимо проделать проходы в образовавшемся вокруг него кольце.

Оружие, которое у него было, не требовало видимого луча наведения. Он мог стрелять, целясь по слуху; его бесшумный вакуумный пистолет не позволит обнаружить место, откуда был выпущен смертоносный импульс. Он убрал выстрелом одного из «карателей» и быстро переместился на освободившееся место лишь для того, чтобы обнаружить, что он снова зажат со всех сторон. Итак, началось...

Это была смертельно опасная схватка — в темноте, вслепую, когда новые силы противника прибывали значительно быстрее, чем он мог расчистить себе дорогу, поражая цель без промаха. В нем нарастала горечь, горечь человека, вынужденного столько лет бороться за свою жизнь, прошедшего столько испытаний и сейчас до предела измотанного непрекращающимися атаками. Скорчившись и постоянно двигаясь в темноте, Хэл впервые за все время своего эксперимента почувствовал тот груз ответственности, который он нес, — не физическую, а эмоциональную тяжесть всех трех своих жизней.

Сейчас ему почти наполовину удалось пробить себе дорогу до последней стены. Он был менее чем в пяти-шести метрах от нее; а число его противников в свою очередь возросло более

чем до пятнадцати человек. Он замешкался, перебираясь через тело одного из них, только что выведенного им из строя, и подобрал энергетическое ружье, выпавшее из рук убитого. И в этот момент, перемахнув через стену, ему на помощь с корабля пришел Саймон.

Хэл слышал, что он пришел, и он знал, что это Саймон. «Каратели», ничего не слыша и ни о чем не подозревая, были неожиданно застигнуты врасплох огнем из вакуумного пистолета, который велся совсем под другим углом, и решили, что Хэл добрался до стены. Они изменили направление движения, перенеся огонь в сторону Саймона.

Хэл медленно досчитал до пяти. Затем, поднявшись в темноте во весь рост и засунув в кобуру свой почти истощившийся вакуумный пистолет, нажал на гашетку подобранного им энергетического ружья и стал поливать перед собой непрерывным смертоносным дождем, ориентируясь на звук шагов двигавшихся через двор «карателей».

Среди уцелевших полицейских возникло мгновенное замешательство, огонь стих. И в этот момент Хэл зашвырнул энергетическое ружье как можно дальше, с тем чтобы грохот его паде-

ния отвлек от Саймона и его самого возможный огонь противника, и, перескакивая через едва различимые препятствия, устремился к тому месту, где находился Саймон.

И вот они уже рядом, два черных пятна, с трудом различимых во мраке ночи.

— Пошли, — прохрипел Саймон.

Хэл подпрыгнул и с ходу перемахнул через стену, продолжая высоко держать свой вакуумный пистолет, чтобы прикрыть последовавшего за ним Саймона. Они побежали в сторону посыльного корабля. Дверь входного шлюза широко распахнулась перед ними — Амид проворно отскочил в сторону, пропуская их внутрь, — и снова закрылась. Посыльный корабль взмыл вверх, уносясь в ночное небо.

Едва поднявшись над крышами домов, Саймон вошел в фазовый сдвиг и они мгновенно оказались в тишине орбитального пространства. Хэл, который стоял, ухватившись за спинку кресла второго пилота, чтобы удержаться на ногах во время безумной перегрузки, облегченно вздохнул и обессиленно плюхнулся в одно из кресел пилотов-дублеров рубки управления.

Он почувствовал, как кто-то коснулся его локтя, и, повернув голову, увидел перед собой Амида.

— Ты должен поспать, — произнес экзот. Хэл взглянул на Саймона, но тот уже закончил наносить на карту данные по второму сдвигу.

— Пожалуй... — сказал он.

Он позволил Амиду проводить себя до своего помещения и растянулся на койке, не выражая протеста, когда тот стал стаскивать с него ботинки и толстую уличную куртку. Он лежал, уставившись в серый металлический потолок, который был всего лишь в полутора метрах над его койкой; в поле его зрения между потолком и им самим появилась голова Амида, смотрящего на него сверху вниз.

— Позволь мне помочь тебе заснуть, — сказал Амид; Хэлу показалось, что глаза старика принялись расти, пока не достигли огромных размеров.

— Нет, — слабо кивнул головой Хэл. Ему было неимоверно трудно даже говорить. — Вы не сможете. Я должен сделать это сам. И я сделаю это. Просто оставьте меня одного.

Амид вышел, выключив в помещении свет и прикрыв за собою дверь. Хэл пристально вглядывался во внезапно обступившую его темноту, чувствуя, как на него снова наваливается тяжесть его жизней, как это было с ним в темноте двора.

Он отвел свой разум, словно руку, державшую камень сознания, позволив этому камню выпасть из нее в темноту... и падать... падать... и падать...

Им потребовалось пять дней по корабельному времени, чтобы достичь орбиты Земли. Большую часть этого времени Хэл спал и думал. Двое его спутников не тревожили его. Когда наконец их корабль пристыковался к станции на околоземной орбите, Хэл вызвал челнок, чтобы тот доставил его на поверхность планеты.

— А как насчет нас с Амидом? — поинтересовался Саймон. — Нам что, ждать тебя здесь?

— Нет. Отправляйтесь на Энциклопедию, — ответил Хэл. — Я пробуду здесь день — максимум два. Не больше.

Глава 60

Высоко над усадьбой кружил орел, паря в воздушных потоках, поднимающихся от нагревшихся за день горных склонов, сложенных из коричневого гранита.

Его взгляд выхватил из окружающего ландшафта облаченную в черное фигуру, человека, которая на таком расстоянии казалась совсем крохотной. Для него, рыцаря воздуха, эта находка не представляла никакого практического интереса, и, издав хриплый разочарованный клекот, орел сделал плавный разворот и полетел прочь от окруженной горными склонами усадьбы в сторону высокогорной равнины, покрытой густым хвойным лесом.

Хэл, стоявший в дальнем конце выходящей на озеро террасы, проводил его взглядом. Легкий прохладный ветерок покрыл рябью серую поверхность воды, а небо над головой в неярком свете уходящего дня казалось голубым, как глыба льда Здесь, в умеренном климатическом поясе Земли, в низинах еще держалось лето, но высоко в горах уже явственно чувствовались первые рез-

кие приметы приближающейся зимы. В памяти Хэла вдруг всплыли строки стихотворения, прочитанного в ранней юности и как нельзя более подходившие данному случаю...

Зачем здесь, рыцарь, бродишь ты
Один, угрюм и бледнолиц?
Осока в озере мертва,
Не слышно птиц...

Это были первые строки первоначального варианта стихотворения Джона Китса «La Belle Dame Sans Merci» — «Безжалостная красавица» о простом смертном, заколдованном феей. Но у Китса, в отличие от его поэтического предшественника «Верного» Томаса, срок колдовства не ограничивался каким-либо определенным периодом времени. То более раннее стихотворение было написано Томасом Эрслдунским в тринадцатом столетии на основании еще более древней легенды, существовавшей только в устной форме.

«Собственно говоря, — подумал Хэл, — приход технологической эры пятьсот лет назад принес с собой еще один вариант этой старой легенды — идею о Железной Владычице, этом творении рук человеческих, которая способна целиком

поглотить человеческую душу, лишив ее возможности жить среди себе подобных».

Для него такой Железной Владычицей была с самого начала связавшая его по рукам и ногам роль, предначертанная ему самой историей. Впервые с того момента, как он в последний раз покинул Дорсай, Хэл почувствовал глубокую и непреходящую тоску по Аманде. Боль оттого, что не может видеть ее, слышать ее голос, прикасаться к ней, вызывала ощущение необратимой утраты, как бывает при ампутации конечности. Он мог на какое-то время похоронить это чувство под грудой неотложных, требующих его внимания дел, но это действовало только на те часы, что был занят. Однако в моменты, когда крайняя усталость лишала его душу всех защитных покровов, как это произошло недавно на борту посыльного корабля на пути с Фрайлянда, или когда он оставался наедине с самим собой, как сейчас, это чувство снова возвращалось к нему.

Так что там, в последних строках китсовского стихотворения? Ах, да...

Смертельно-бледных королей
И рыцарей увидел я.
«Страшись! La Belle Dame Sans Merci

Владычица твоя!»
Угрозы страшные кричал
Хор исступленных голосов.
И вот — проснулся я в стране
Покинутых холмов.

Он снова попытался избавиться от охватившей его депрессии. Для нее не было оснований. Пройдет не так уж много времени, и они с Амандой снова будут вместе, на этот раз навсегда. Но тратить время, предаваясь мрачным мыслям и рвущим душу фантазиям, вызванным старинными сочинениями, было совсем не в его характере. Он попытался проанализировать, почему же поступает так сейчас, но его разум уклонился от этого вопроса.

Скорее всего, это потому, что, приехав сюда, он нашел усадьбу такой пустынной, подумал он. Но, собственно говоря, если поэзия причиняет боль, она, разумеется, в состоянии избавить от нее. Спустя менее чем тридцать четыре года суть той же самой древней истории была пересказана другим поэтом, Робертом Браунингом, в первом томе его сборника «Мужчины и женщины». Браунинг написал стихотворение «Роланд до Замка Черного дошел». В качестве противоядия к перво-

му стихотворению Хэл прочитал для себя вслух первую строфу браунинговского стихотворения, не обращая внимания на дующий со стороны студеного озера холодный ветер...

И встали все, как рамой огневой,
Вкруг новой жертвы, замыкая дол.
Я всех узнал, я всех их перечел,
Но безоглядно в миг тот роковой
Я поднял рог и вызов бросил свой:
«Роланд до Замка Черного дошел».

Браунинг всю жизнь оставался чайльдом[11], претендентом на более высокое звание рыцаря[12], хотя эта сторона его жизни прошла практически не замеченной никем, за исключением жены. Таким же чайльдом, каким был сейчас и сам Хэл, хотя и в другое время и в другом месте, и при том, что Хэл никогда не был поэтом. Но Браунинга, как, возможно, в конечном итоге и его самого, неудержимо влекла вперед не Железная Владычица, а негасимое пламя надежды.

---

[11] примечани▫: 11

Молодой дворянин; в старые времена юный отпрыск знатного рода, проходящий выучку, часто в качестве оруженосца, у рыцаря.

[12] примечани▫: 12

Ненаследственное дворянское звание (knight), ниже баронета, дающее право на ношение титула «сэр».

И в то же время, даже понимая это, хотя бы отчасти, он все равно продолжал ощущать сосущую пустоту, вызванную тоской по Аманде и словно эхом отражавшуюся в пустоте этого так хорошо знакомого ему дома, в котором больше не было тех трех стариков, что наполняли его жизнью и смыслом. Нет, не усадьба сделалась чужой для него. Это он стал чужим для усадьбы.

Хэл повернулся лицом к высокой стеклянной двери, ведущей в дом; автоматика уже включила освещение, и он увидел внутренность библиотеки, в которой в тот последний раз он видел стоящих друг перед другом Блейза и Данно.

Он открыл створку двери, шагнул внутрь и снова закрыл ее за собой. В комнате было тепло; температура поддерживалась автоматикой, которая все это время настолько хорошо следила за домом, что смотрителю, живущему на расстоянии пяти миль, для того чтобы убедиться, что все в порядке, требовалось лишь время от времени поглядывать на экраны своих мониторов. Неподвижный воздух в библиотеке был пропитан запахом кожаных переплетов сотен старинных книг, стоящих рядами на длинных без единой пылинки полках, покрытых лаком медового цвета. В дни своего детства и ранней юности он

прочитал их все, жадно поглощая одну за другой, лишь только появлялась возможность, словно изголодавшийся путник, попавший в страну изобилия.

Хэл подошел к камину, расположенному в торце комнаты. Там тоже все было приготовлено для разжигания огня. Он взял с каминной доски старинную зажигалку и с ее помощью запалил сухую растопку под поленьями.

Вспыхнувшие язычки пламени побежали по стружке и мелким щепкам и перекинулись на кору поленьев, которая, полыхнув искрами, сразу же занялась. Он сел в одно из больших мягких кресел с широкой спинкой, стоящих по обе стороны от камина, и устремил взгляд на набирающий силу огонь. Тепло, исходящее от горящего очага, согрело Хэла, но ощущение пустоты дома за его спиной не покидало его.

Он еще никогда не был так одинок с момента своего бегства на Энциклопедию после злодейского убийства на террасе, совершенного как раз за этими окнами. За все это время Хэл ни разу не делал попыток вызвать в сознании с помощью самогипноза образы трех погибших наставников, за исключением случая в тюремной камере на Гармонии, когда они не захотели откликнуться

на его призыв. Но сейчас, ощущая зияющую пустоту и мрак за своими плечами, он, не отрывая взгляда от огня, обратился ментальным взором внутрь себя, пользуясь усвоенной еще в детстве от Уолтера методикой превращения извлеченных из памяти образов в субъективную реальность.

«Когда я отведу взгляд от огня, — подумал он, — они будут уже здесь».

Хэд сидел, продолжая глядеть в огонь, который охватил уже половину сложенной в очаге поленницы, и через мгновение почувствовал в комнате за своей спиной присутствие посторонних. Он оторвал взгляд от огня, повернулся и увидел их.

Малахия Насуно, Авдий, Уолтер.

Они сидели лицом к нему на составленных полукрутом стульях, и он развернул свое кресло спинкой к огню, чтобы лучше видеть их.

— Я скучал по вам, — произнес он.

— Не слишком долго. — Голос Малахии звучал, как всегда, твердо. — И то лишь изредка, в моменты, подобные этому. Но будь иначе, мы могли бы подумать, что ошиблись в тебе.

— Но мы не ошиблись, — вставил Авдий. Тощий, как огородное пугало, он сидел на стуле очень прямо, отчего казался еще выше, чем на самом деле. — Теперь, когда ты познакомился

с моим народом, равно как и с другими, ты уже должен понимать больше, чем я мог бы научить тебя.

— Это верно. — Хэл повернулся в сторону Уолтера и поймал на себе взгляд голубых внимательных глаз экзота. — Уолтер, а ты не хочешь поздороваться со мной?

— Когда я был жив, в подобной ситуации я бы прежде всего спросил тебя, зачем мы тебе понадобились, — улыбнулся ему Уолтер. — Но поскольку я лишь плод твоего воображения и памяти, мне не надо спрашивать тебя об этом. Я знаю и так. Ты ждешь, что мы поможем тебе обрести знания, которые доступны только открытому непредвзятому уму, впервые постигающему Вселенную. Но ты сейчас хотя бы представляешь себе, где заканчивается твой путь?

— Не где, — сказал Хэл, — а чем. Как и все другие пути, он заканчивается свершением; в противном случае я никуда не приду.

— А если так и окажется? — спросил Уолтер.

— Если так окажется, — резко вмешался Малахия, — это будет значить, что он, по крайней мере, сделал все, что мог. Почему вам всегда надо все для него усложнять?

— В этом состоит наша работа, Малахия, — ото-

звался Уолтер, — усложнять все для него. Тебе это прекрасно известно. Сейчас ему тоже это известно. Когда он был Доналом Гримом, он сам видел, как отдаляется от души человечества. Он должен был вернуться — и этот единственный для него путь был нелегок.

Он улыбнулся двоим своим товарищам.

— Иначе зачем было напрягать свою интуитивную логику ради того, чтобы его опекуны выбрали для него троицу вроде нас?

— Извините, — сказал Хэл. — Я использовал вас. Я всегда использовал других людей.

— Что за сентиментальность? — оборвал его Авдий. — Подобное проявление слабости после всего того, чему мы тебя учили, и как раз сейчас, когда ты стоишь на самом пороге завершения своей миссии?

Хэл слабо улыбнулся:

— После того как вас убили, вы отправили меня с заданием стать человеком. Но еще до того как вы отправили меня, вы указали мне путь. Может быть, и теперь вы позволите мне хоть изредка быть человеком?

— Все зависит от того, насколько ты справляешься со своим делом, мальчик, — проворчал Малахия.

— О, — посерьезнев, ответил Хэл. — Я-то справлюсь, если с ним в принципе можно справиться. Колесницу истории теперь уже не остановить и не заставить свернуть с пути. Но знаете, в чем состоит подлинное чудо? Мне захотелось дать Доналу еще один шанс, чтобы на этот раз он сделал все так, как надо. Но то, что у меня получилось, превзошло все мои ожидания. Я вовсе не дубликат Донала. Я Хэл, и все, чем был Донал, теперь является частью меня.

— Да, — медленно произнес Малахия. — Ты сбросил свои доспехи. Я полагаю, ты должен был это сделать.

— Да, — кивнул Хэл. — Проход впереди слишком узок для того, чтобы в него можно было пройти, не снимая доспехов. — Он на мгновение задумался, потом продолжил:

— И все те, кто пойдет за мной, должны точно так же разоблачиться до наготы, иначе у них ничего не получится.

Он передернул плечами.

— Тебе страшно. — Уолтер весь подался вперед. — Чего ты боишься, Хэл?

— Того, что грядет. — Хэл снова передернул плечами. — Того, через что мне предстоит пройти.

— Боится меня, — произнес новый голос в ком-

нате. — Боится, что в конечном итоге я докажу ему, что он ошибается относительно нашей роли в эволюции расы.

Высокая фигура Блейза выступила вперед из темного угла библиотеки и встала между стульями, на которых сидели Авдий и Малахия.

— Опять играешь в игры со своим воображением? — обратился он к Хэлу. — Создаешь призраков из воспоминаний, сотворил даже мой призрак, а ведь я еще вполне живой.

— Ты можешь идти, — произнес Хэл. — Я займусь тобой позже.

Но Блейз и не думал исчезать.

— Похоже, твое подсознание не хочет отпустить меня.

Хэл снова повернулся к камину. Когда он опять посмотрел в комнату, Блейз все еще был там вместе со всеми.

— Да, — вздохнул Хэл, — похоже, не хочет.

Ни один из призраков, рожденных его воображением, не произнес ни слова. Они продолжали молча смотреть на него, три сидящие фигуры и одна стоящая.

— Да, — через некоторое время сказал Хэл и снова повернулся к огню. — Я боюсь тебя, Блейз. Я никогда не мог даже предположить, что появится

кто-нибудь вроде тебя, и когда я встретился с тобой в реальной жизни, я испытал подлинный шок. И если я вызвал сейчас твой образ, то сделал это намеренно, чтобы проверить, смогу ли я заставить себя увидеть то, чего я совсем не хочу видеть.

— Нашего сходства, — сказал Блейз. — Вот чего ты не хотел видеть.

— Вовсе нет. — Хэл покачал головой. — На самом деле мы совсем не похожи. Просто нас так видят другие. Но от этого мы не становимся более похожими.

Он помолчал и добавил:

— Не похожи, как два гладиатора, которых вытолкнули на арену сразиться друг с другом.

— Никто нас не выталкивал, — усмехнулся Блейз. — Я сам выбрал свой путь. Ты тоже, добровольно встал на путь конфронтации. Я предложил тебе все, что мог, лишь бы предотвратить схватку. Но ты отказался. Кто же в таком случае нас выталкивал?

— Народ, — сказал Хэл.

— Народ! — В голосе Блейза послышались неожиданные гневные нотки. — Народ — это мухи-однодневки. Это не вина их и не позор, это просто факт. Разве ты отдашь свою жизнь,

это великолепное уникальное творение, за рой бесполезных мух? Я уже не говорю о том, что единственный человек, который может убить тебя, это я; а ты знаешь, я никогда не сделаю этого, пока не увижу, что ты окончательно потерян.

— Нет, — возразил Хэл. — Ты знаешь, что, убив меня прежде времени, ты больше потеряешь, чем выиграешь. Любой из нас в роли мученика обеспечит победу своей стороне и, следовательно, этот путь отпадает. Нет, все дело не в нас самих, а в нашем споре. Шахматный гроссмейстер может застрелить своего соперника еще до окончания партии. Но такой финал лишит наблюдателей возможности сделать жизненно важный вывод относительно того, какой игрок был лучше и кто должен был выиграть партию. Наблюдатели вольны даже предположить, что стрелявший сделал это потому, что должен был неминуемо проиграть, хотя это может и не соответствовать действительности.

Он замолчал. Блейз продолжал хранить молчание.

— Я понял, что ты не можешь позволить себе убить меня, — снова заговорил Хэл чуть мягче. — Ты подтвердил это, когда я был твоим пленником в руках милиции на Гармонии. Ты говоришь о

мухах-однодневках, но я знаю — может быть, я единственный, кто знает, — что по-своему тебя так же, как и меня, тоже волнует судьба расы.

— Возможно, — задумчиво протянул Блейз. — Возможно, и тебе, и мне они нужны лишь для того, чтобы заполнить собой пустое пространство вокруг нас. Во всяком случае мухи-однодневки — это не мы. Завтра на место тех, кто умрет сегодня, прилетит новый рой, а послезавтра следующий. Приведи мне хоть одну причину, по которой ты мог бы принести себя в жертву ради тех, кто живет только одним днем.

Хэл холодно смотрел на него.

— Они разрывают мне сердце, — сказал он. В комнате установилась тишина.

— Я знаю, ты их не понимаешь, — снова заговорил Хэл, обращаясь к Блейзу. — В этом между нами огромная разница, и, я боюсь, это единственная причина. Потому что ты представляешь только одну часть расы, и, если ты победишь... если ты победишь, та часть, которую знаю я, будет потеряна навсегда; именно теперь, когда расовый организм решил, что пора наконец сделать выбор. Но я не могу допустить этого.

Он сделал секундную паузу, оглядел всех четырех рожденных его воображением призраков и

снова повернулся к огромному силуэту Иного.

— Ты не видишь того, что вижу я, — сказал он. — Ты просто не способен видеть это, Блейз, не так ли?

— Для меня они, — медленно спокойным голосом произнес Блейз, — непостижимы. В них — в нас — нет ничего такого, что могло бы разорвать хоть чье-то сердце, если бы сердца и в самом деле могли рваться. Мы — раскрашенные дикари и ничего больше, несмотря на то, о чем привыкли думать как о нескольких тысячелетиях цивилизации. Только наша нынешняя раскраска называется одеждой, а наши нынешние пещеры — домами и космическими кораблями. Мы те же самые, кем были и вчера, и позавчера, вплоть до того момента, когда мы еще передвигались на четвереньках и ничем не отличались от животных.

— Нет! — воскликнул Хэл. — Нет. И в этом вся суть. Именно поэтому я не могу допустить, чтобы колесница истории свернула на путь, предначертанный тобой. Твое утверждение, что мы все еще животные, ложно, как ложно и то, что мы все еще дикари. С тех пор мы выросли. Мы не прерывали своего роста ни на одно мгновение; мы и теперь продолжаем расти. Все, что мы видим сейчас

перед собой, это результат нашего роста с тех пор, как тысячу лет назад мы впервые обрели сознание.

— Всего лишь тысячу? — удивленно поднял брови Блейз. — Не пятьсот лет и не тысячу пятьсот или даже не четыре тысячи лет?

— Это как тебе больше понравится, — пожал плечами Хэл. — Но какую бы точку в прошлом ты ни взял, развитие событий неизбежно шло по нарастающей в направлении сегодняшнего дня. Я в качестве отправной точки взял Западную Европу четырнадцатого века.

— И Джона Хоквуда. — Блейз едва заметно улыбнулся. — Последнего из средневековых капитанов и первого из современных генералов. Первого среди первых кондотьеров, так по-твоему? Видишь, я так же, как и остальные присутствующие здесь, могу читать твои мысли.

— Мои мысли читает только тень, созданная моим же воображением, — отозвался Хэл. — Иначе я, возможно, заставил бы тебя увидеть кое-что, чего ты вовсе не хотел бы видеть. Ведь именно Джон Хоквуд остановил Джангаллеацо Висконти в 1387 году.

— И сохранил систему городов-государств, сделавшую возможным наступление эпохи

Ренессанса? Итак, я все же читаю твои мысли. — Блейз покачал головой. — Но это лишь твоя теория. Неужели ты в самом деле думаешь, что Ренессанс можно было бы остановить одной неудавшейся летней Джангаллеацо Висконти (Giangalleazo Visconti) — в период 1385—1402 гг. тиран (с 1395 г. герцог) Милана; в 1397 году получил титул герцога Ломбардии; его владения охватили значительную часть Северной Италии. (Прим, перев.) кампанией миланского герцога, претендовавшего вплоть до своей смерти, наступившей двенадцать лет спустя, на то, чтобы стать королем всей Италии?

— Может быть, и нет, — сказал Хэл. — Последующие попытки Джангаллеацо не дали желаемого результата. Тем не менее в воздухе того времени пахло историческими переменами. Но история — это лишь то, что свершилось. Отталкиваясь от Хоквуда, я размотал обычную цепочку событий. Но, если ты тоже видишь все это, почему же ты не видишь людей, как их вижу я?

— Чтобы они разорвали и мое сердце тоже? — Блейз не отводил от него пристального взгляда. — Я сказал тебе, что считаю их непостижимыми. Мне непонятно, как я уже сказал, каким образом они могут разорвать твое — чье бы то ни было

— сердце.

— Они разрывают мое сердце, потому что я видел их в ситуациях, которые тебе трудно даже представить. — Хэл смотрел Блейзу прямо в глаза. — Я жил среди них и имел возможность за ними наблюдать. И бессчетное количество раз я видел, как они относятся друг к другу — их необычайную доброту, готовность оказать в нужный момент помощь и поддержку. Если же дело доходит до чего-то серьезного, то люди готовы рискнуть жизнью, даже отдать ее, не рассчитывая получить что-нибудь взамен — этакий безмолвный героизм и тихая верность, и все это без фанфар и флагов, все лишь потому, что этого потребовала у них жизнь. Это поступки не муходнодневок и не животных, даже не дикарей. Это поступки мужчин и женщин, стремящихся к чему-то большему, нежели то, что у них уже есть; и пока я живу, я буду им в этом помогать.

— Вот-вот, — спокойно заметил Блейз. — Раньше или позже ты умрешь. И ты думаешь, они поставят тебе памятник?

— Нет, потому что нет нужды ни в каких памятниках, — ответил Хэл. — Я никогда не считал, что наградой мне должно быть общественное признание моих дел; мне достаточно того, что я сам

знаю об этом. И эту награду я получаю каждый день, видя, насколько я продвинулся. У Редьярда Киплинга[13] есть стихотворение под названием «Дворец»...

— Избавь меня от своих стихотворений, — прервал его Блейз.

— Я-то могу тебя избавить, но только не жизнь, — пожал плечами Хэл. — Поэзия — это инструмент, который я искал все эти годы, инструмент, который был мне необходим для того, чтобы победить тех, кто думает так же, как ты. Послушай хоть это. Может, оно хоть чему-нибудь тебя научит. В нем говорится о короле, который к тому же был и неплохим зодчим; и вот он вознамерился построить дворец, какого еще свет не видел. Но, когда его рабочие начали копать котлован под фундамент, они наткнулись на развалины прежнего дворца, на каждом камне которого была вырезана одна и та же фраза. Король приказал использовать старые материалы и продолжить строительство, но в один прекрасный день до него дошли разговоры о том, что ему никогда не удастся завершить начатое. И

[13] примечани▫: 13

Редьярд Киплинг (Joseph Rudyard Kipling, 1865-1936) — английский писатель и поэт. Для его поэтического творчества характерны стихи, по форме напоминающие народные баллады.

тогда он наконец понял смысл фразы, которую прежний строитель вырезал на каждом камне; он приказал рабочим прекратить стройку и велел на каждом камне, заготовленном для дворца, вырезать ту же самую фразу: «Вслед за мной идет Строитель. Скажи ему — я знал!»

Хэл замолчал. Блейз все так же молча смотрел на него.

— Ты понял? — воскликнул Хэл. — Эта фраза означает, что знания достаточно. Что больше ничего и не требуется. А я обладаю этим знанием.

— Шай, Хэл! — буркнул Малахия.

Но Хэл едва ли уже слышал это старинное дорсайское выражение одобрения. Его мысли, внезапно подхваченные его последними словами, уже устремились вперед, подобно орлу, который, движимый взмахами широких крыльев, летит к горизонту, открывая перед собой все новые и новые дали.

Оставленный без присмотра огонь в камине за его спиной, тихо потрескивая, начал угасать.

Когда Хэл снова поднял глаза, все четыре тени, явившиеся из глубин его сознания, уже исчезли.

Глава 61

Хэл вдруг проснулся посреди ночи, сел на постели, спустил ноги с кровати и одним безотчетным рывком вскочил на ноги.

Он стоял, замерев в темноте, все его чувства были напряжены до предела, глаза выискивали в темноте малейшую тень, уши пытались уловить самый слабый звук.

Его спящий мозг был разбужен уже бодрствующим телом. Сильный электрический удар адреналина взбудоражил все его тело. В левом плече он чувствовал тяжесть и тупую боль, как если бы он во сне отлежал его и застоявшееся кровообращение лишило его чувствительности. Он ждал.

Вокруг никакого движения. Дом был безмолвен. Постепенно тяжесть в плече прошла и сковывающее его напряжение отпустило. Он вернулся в кровать. Какое-то время он лежал размышляя. Затем снова заснул.

На этот раз ему приснился сон; и в этом своем сне он наконец был почти рядом с той темной Башней, к которой он старался приблизиться в

прежних своих снах. Теперь же он был в окружении голых скал, между которыми вилась узкая тропинка. Двигаясь по ней, он вышел наконец на небольшое открытое пространство, в центре которого высилось полуразрушенное каменное строение с разбитым крестом на крыше. Рядом с обвалившимся дверным проемом стоял привязанный к косяку конь; на нем были плетеная уздечка, седло с высокой задней лукой, грудь и верхняя часть ног прикрыты доспехами. Завидев его, конь вздернул вверх голову, забил копытами по разбитой дорожке и трижды громко проржал. Хэл подошел, сел на коня и поехал вперед по тропе, которая стала теперь заметно шире и вела дальше в нагромождение скал. Пока он ехал, и без того хмурый день стал еще мрачнее, и наконец стало так темно, словно наступили сумерки Лишь с тусклого неба лился скудный свет. Хэл был внизу среди скал и поэтому уже не видел Башни, тропинка бежала, петляя то вперед, то назад, сворачивая каждый раз под прямым углом. Но он не сомневался, что едет к Башне, чувствуя, что она здесь, рядом, впереди его, и даже отпустил поводья, потому что конь, казалось, и без него сам знал, куда его везти.

Они проехали еще немного, и тут он увидел впе-

реди справа в скале проход за двустворчатыми запертыми воротами, их потемневшую металлическую решетку обвивали зеленые виноградные лозы. Сквозь ее прутья была видна каменистая пустошь, абсолютно безжизненная; и в дальнем от него конце ворот виднелась высокая фигура Блейза Аренса; он стоял, прижавшись к прутьям решетки, и неотрывно следил за приближением Хэла.

Хэл остановил коня напротив ворот. Некоторое время они с Блейзом молча смотрели друг другу в лицо.

— Ну что, — голос Блейза доносился словно издалека, — ты снова воскресил призраки трех своих наставников, взывающих о мщении, не так ли?

— Нет, — сказал Хэл. — Они всего лишь исторические персонажи, такие же, как ты и я. Это живущие сейчас взывают освободить их от цепей, которые их сковывают.

— Свобода не для них, — проговорил Блейз все тем же голосом. — Она никогда не была предназначена для них.

— Нет, она есть и всегда была, — возразил Хэл. — Открой ворота, выйди, и я покажу тебе.

— Здесь нет ворот, — ответил Блейз. — Нет

дороги, нет Башни, вся эта земля вокруг — сплошная иллюзия. Посмотри правде в глаза и сделай правильные выводы.

Хэл покачал головой.

— Ты глупец, — печально промолвил Блейз. — Глупец, который на что-то надеется.

— Мы оба такие, — сказал Хэл. — Но я не надеюсь, а знаю.

Он поехал дальше, оставив позади себя Блейза, который все так же стоял, прижавшись к прутьям решетки запертых ворот, пока очередной поворот тропинки не скрыл его из глаз.

...Хэл снова проснулся, разбуженный на этот раз мелодичным звуком сигнального устройства, и, открыв глаза, посмотрел на светящийся ровным белым светом экран видеофона у его кровати. Он с трудом приходил в себя, как вдруг остатки сна мигом слетели с него. Никому на Абсолютной Энциклопедии, за исключением всего лишь нескольких человек: Амида, Саймона, Аджелы и Тама, не было известно, что он здесь; никто даже не мог предположить, что в усадьбе кто-то есть.

Он протянул руку и нажал кнопку видеофона. Экран прояснился, и на нем появилось необычно взволнованное лицо Аджелы:

— Хэл! Ты проснулся? На Рух было совершено

покушение!

— Где? Когда? — Хэл приподнялся на локте и при свете экрана увидел свое отражение в находящемся в другом конце комнаты зеркале — темные волосы свисают на лоб, под ними злое скуластое лицо, на котором не осталось даже следов сна. Мускулистый обнаженный торс над простынями был для него абсолютно незнакомым чужим грубым телом.

— Чуть больше сорока минут назад по стандартному времени, — сказала Аджела. — Сообщили, что она только ранена.

— Где она? — Хэл спустил ноги с кровати, отбросив простыни. — Ты можешь передать Саймону, чтобы он немедленно прибыл сюда ко мне в усадьбу?

Он встал и начал одеваться.

— Мы не можем получить разрешения на посадку там посыльного корабля, — пояснила Аджела. — По правилам Земли даже для тебя нельзя сделать исключения. Аэромобиль доставит тебя в Солт-Лейк-Сити — там тебя будет ждать челнок до Энциклопедии.

— Нет. — Хэл был уже почти одет. — Я лечу прямо к Рух.

— Ты не можешь этого сделать — да где же

ты? — сказала Аджела; он вышел из-за экрана и сел на кровати к нему лицом. — Ну вот, наконец-то! Ты просто не можешь лететь туда. После того, что произошло, люди Рух забрали и спрятали ее. Мы пока не знаем куда.

— Я должен быть там, может потребоваться моя помощь в ее поисках.

— Будь благоразумным, — сказала Аджела твердо. — Единственное, чего тебе удастся добиться, так это всего лишь на пару минут ускорить ее поиски. Кроме того, у тебя уже почти год не было связи с нами и с Землей, если не считать нескольких сообщений. Ты нужен здесь, чтобы наверстать упущенное. Никто не позволит тебе потратить и дня на такую поездку; и если уж придется делать выбор, то твое место здесь, а не с Рух.

Хэл вздохнул:

— Ты права. Мне нужно как можно скорее переговорить с вами со всеми. Аэромобиль уже в пути?

— Будет у тебя через пятнадцать минут. Он приводнится на том маленьком озере позади дома.

— Я буду ждать его там, — сказал он.

— Вот и хорошо, — голос Аджелы смягчился. — Все нормально, Хэл. Я знаю, с ней будет все

хорошо.

— А мы ждем твоего приезда. Приходи прямо в апартаменты Тама.

— Я так и сделаю.

Экран погас. Он встал, закончил одеваться и вышел из дома.

В воздухе пахло морозом, земля перед домом и склоны далеких гор были покрыты инеем. В безоблачном, по-зимнему прозрачном небе сияли необыкновенно большие звезды. Через некоторое время по небу промелькнула темная тень и отвесно упала на воду в центре озера. Аэромобиль развернулся и заскользил по водной глади в его сторону. Со стороны пассажирского кресла открылась дверь.

— Хэл Мэйн? — спросил мужской голос из освещенной кабины.

— Да, — сказал Хэл, уже запрыгивая вовнутрь. Он сел в кресло рядом с пилотом, и, как только дверь закрылась, корабль тут же взмыл вверх.

— Мы должны быть в Солт-Лейк-Сити через двадцать минут, — сообщил ему пилот через плечо.

— Хорошо.

Хэл откинулся в кресле и, отрешась от всего прочего, принялся просчитывать возможные варианты ситуации в связи с покушением на

Рух. Скорей всего, если она не погибла сразу и ей была на месте оказана соответствующая необходимая медицинская помощь, то она непременно выживет.

Он заставил себя объективно и бесстрастно рассмотреть и другие возможности: предположим, она мертва, как в таком случае это может отразиться на их конфронтации с Иными; или, допустим, она жива, но уже не сможет убедительно выступать перед землянами. Он знал, что сообщения, о которых только что упоминала Аджела, рисовали картину огромного успеха выступлений Рух и других ее единомышленников, которых она завербовала среди жителей Гармонии и Ассоциации, повсюду на Земле. Он рассчитывал на такой успех, принимая его как должное.

И, если он теперь лишится ее помощи... это правда, что, пока он занимался разведкой военных приготовлений на Молодых Мирах, он потерял связь с ситуацией здесь, на Земле. То, что он увидел на Молодых Мирах, лишь еще больше подтвердило его наихудшие предположения, но в то же время он упустил не менее насущную и важную проблему контролирования ситуации на Земле. Ослабление его связей с Энциклопедией

и Землей в каком-то смысле было неизбежным — он не мог быть в двух местах сразу, — но эта неизбежность не умаляла опасности, к которой она, возможно, их всех привела. Открытая борьба с Иными здесь, в колыбели человечества, состояла в том, что отсутствие знаний непременно вело к поражению. Теперь, когда ему известно так много, не оставалось иного выхода, лишь только как можно быстрее двигаться вперед.

Настаивая на его немедленном прибытии на Энциклопедию, Аджела была права гораздо больше, чем сама могла себе представить. С каждым стандартным днем собранная и не использованная им информация становилась все более бесполезной.

Челнок, единственным пассажиром которого был он, с металлическим лязгом скользнул в ярко освещенный причальный шлюз Энциклопедии. Лишь только он вышел из корабля, как увидел поджидавшего его Саймона Грима.

— Я провожу тебя к Таму, — сказал Саймон.

Они быстро двинулись вперед и, минуя обычный вход, ведущий в центральную часть Энциклопедии, почти сразу же свернули в боковую дверь, оказавшись в тихом коридоре, который с присущим Энциклопедии волшебством всего

лишь через десяток шагов привел их к порогу апартаментов Тама.

Кабинет Тама в его апартаментах, насколько помнил Хэл, представлял собой иллюзорную лесную лужайку, по которой протекал ручей. Но температура и влажность помещения были выше, чем в природе. Сидевший в одном из больших кресел Там, согбенный под неимоверной тяжестью лет, выглядел еще более сморщенным и неподвижным; он был на пределе той неподвижности, при которой у человека уже нет ни сил, ни энергии, чтобы двигаться или чувствовать.

Кроме Тама, в кабинете были Аджела и Джимус Уолтерс, Главный инженер Энциклопедии, которые стояли лицом к Таму по обе стороны его кресла. Они обернулись на мелодичный звук открывающейся двери; на их лицах отразилась радость.

— Хэл! — Аджела бросилась к нему и с радостью обняла. — Вы видите? Я же говорила вам. Вот он здесь.

— Хэл! — сказал Там. Голос его шелестел, как сухая бумага, а протянутые им для рукопожатия пальцы были сухие и холодны как лед. — Это хорошо, что ты здесь. Теперь я могу оставить Энциклопедию на тебя и Аджелу.

— Нет, — довольно бесцеремонно возразил Хэл. — Вы мне еще какое-то время понадобитесь.

— Я понадоблюсь? — в темных глазах Тама вспыхнула искорка жизни, и его шуршащий голос окреп.

— Именно так, — сказал Хэл. — У меня к вам есть особый разговор, как только у нас освободится минута-другая.

Он обернулся к Аджеле:

— Есть что-нибудь о Рух? — Он прочитал ответ по ее лицу прежде, чем она успела что-либо сказать. — Хорошо. Что здесь произошло, о чем бы мне необходимо знать?

— Лишь только ты прибыл, как мы сообщили об этом Амиду, Рурку ди Фачино и Джейсону Роу, — сказала она. — Они подойдут с минуты на минуту. И тогда мы обговорим ситуацию. А пока присаживайся...

— Если ты не против, — перебил вдруг ее мягкий, но настойчивый голос Главного инженера, невысокого коренастого мужчины. — Пока у тебя есть свободное время, Хэл, я бы хотел тебе сообщить нечто совершенно замечательное. Тебе ведь известно об имеющейся у экзотов системе связи, использующей принцип фазового сдвига? Той самой, с помощью которой им удается пере-

давать в межпланетном пространстве в цветовом коде простые сообщения с эффективностью не менее сорока процентов...

— Джимус, — покачала головой Аджела, — у тебя будет возможность рассказать об этом Хэлу позже.

— Нет. — Хэл пристально взглянул на круглое серьезное лицо Главного инженера. — Если ты сможешь сделать это в двух словах, Джимус, то продолжай.

— До недавнего времени мы ничего не знали об этом их методе, ты ведь знаешь, как они умеют хранить свои секреты, — начал Джимус, — и они были очень задеты тем, что мы здесь, на Энциклопедии, знаем о побочных применениях фазового сдвига гораздо больше, чем кто-либо другой, включая их самих. Хотя у них ведь нет ни опыта, ни средств для выполнения такого большого объема текущих расчетов, необходимых для поддержания постоянной связи на расстоянии в несколько световых дет; вот почему им никогда не удавалось применить его для межзвездной передачи информации. Короче, проблемы, которые предстояло решить, были сродни тем, как если бы мы задались целью решить, как за один сдвиг перемахнуть отсюда в любой из Молодых

Миров...

— Джимус, — мягко произнесла Аджела, — Хэл ведь просил в двух словах.

— Да. Хорошо, — продолжал Джимус. — Дело в том, что через семь месяцев нам удалось создать систему, с помощью которой можно соединиться с эхопередатчиком на любом из Молодых Миров и в то же мгновение стандартного времени принять изображение и звук того, что находится перед эхопередатчиком. Ты понимаешь, Хэл? Конечно, у нас еще остаются кое-какие проблемы. Но тем не менее ты действительно можешь увидеть и услышать то, что там происходит, и без какой-либо временной задержки!

— Прекрасно! — кивнул Хэл. — Похоже, она сохранит много жизней, Джимус. Это то, что будет нам полезно...

— Полезно? — Джимус возмущенно сделал шаг в сторону Хэла. — Это будет чудом! Это величайшее достижение после создания защитного экрана вокруг самой Энциклопедии. Она делает просто невозможное! Я не думаю, что ты в полной степени осознал то, что...

— Я прекрасно все понимаю, — сказал Хэл. — Я отдаю должное тому, что вы и ваши люди сделали, Джимус. Но в данный момент мы находимся

в таком критическом положении, когда есть проблемы более важные. Мы поговорим об этой системе связи чуть позже. А теперь скажи мне, как продвигаются дела с решением задачи о возможности создания защитного экрана размером с планету, о чем я просил тебя раньше?

— Все уже сделано. С этим проблем не будет, как я и говорил тебе, просто надо внести кое-какие поправки с учетом разницы в размерах Энциклопедии и планеты. Но эта система связи на базе фазового сдвига...

— Сделано? — переспросил Хэл. — В каком смысле сделано?

— Ну, — в голосе Джимуса звучали нетерпеливые нотки, — говоря сделано, я имею в виду, что все готово для его создания. Я уже оснастил необходимым оборудованием корабли снабжения и провел специальное обучение его экипажей. Выяснилось, что для создания экрана такого размера, как ты хочешь, необходимо пятнадцать космических кораблей; и они уже есть. Они займут позицию вокруг нужной тебе планеты... и считай, все в порядке. Как только экран будет создан, они станут внутренними управляющими станциями открытия лепестковых диафрагм, подобных тем, что имеются на

Энциклопедии, — только, конечно, их больше и они крупнее, — ориентируя их для сбора энергии на звезду, вокруг которой вращается данная планета. Сейчас корабли находятся на ближайшей орбите и готовы двинуться, как только ты им скажешь куда. Не могу утверждать, что они находятся в полном неведении относительно предполагаемого места назначения. Они должны были пройти практику по разворачиванию работы станции, и всем известно, что существует лишь одна планета, которая больше Земли и отвечает тем данным, которые ты мне представил.

Дверь в апартаменты Тама мелодично пропела и открылась. В комнату стремительно вошла Нонна, одетая в темно-коричневый хитон, который при каждом ее шаге колыхался, обвиваясь вокруг ног. Ее еще больше похудевшее лицо выдавало ее возраст; за ней следовали Джейсон Роу и Рурк ди Фачино — они нисколько не изменились.

— Хорошо. — Хэл, повернулся к ним. — Садитесь и давайте поговорим. Джимус, я зайду к тебе позже.

Джимус угрюмо кивнул головой.

Аджела пододвинула к себе одно из мягких кресел старинного вида. Нонна заняла второе точно такое же кресло, развернув его так, чтобы

видеть Хэла, сидевшего на стуле рядом с Тамом. Джейсон, улыбнувшись Хэлу, примостился на другом стуле чуть сбоку и позади Нонны. Только Рурк остался стоять, заняв место между Нонной и Джейсоном. Он сложил руки на груди и пристально смотрел на Хэла.

— Мне очень приятно видеть вас всех снова. — Хэл окинул их взглядом. — И я приношу свои извинения за свое столь долгое отсутствие. У меня не было никакой возможности связаться с вами раньше; но я представляю, каково было вам. Почему бы нам не начать разговор по очереди, так каждый из вас скажет мне то, что хотел бы обсудить со мной?

Он расценил наступившую тишину как знак согласия.

— Там?

— Пусть начнет Аджела, — хрипло произнес Там.

— Аджела?

— Энциклопедия, как и всегда, готова выполнить все, что тебе нужно, — сказала Аджела. — Другое дело — Земля. Рух и ее люди сотворили чудо, которого я, честно говоря, от них не ожидала. Они уже подняли мощную волну общественного мнения в нашу поддержку по всей планете. Но

все же там, внизу, большинство людей продолжают либо придерживаться другого мнения, либо беспечно игнорировать сложившуюся ситуацию, полагая, что бы там ни случилось, Земля всегда выпутается — говоря так, я имею в виду, что они просто считают, что в их собственном доме ничего не изменится.

— Что, по твоему мнению, может случиться сейчас, когда Рух в лучшем случае ранена, а не убита? — спросил Хэл.

— Сейчас... — Аджела задумалась и глубоко вздохнула. — Сейчас, до тех пор пока мы не найдем ее и пока простым людям на Земле не станет известно, что с ней, мы можем только гадать.

Она замолчала. Немного подождав, Хэл спросил:

— Что-нибудь еще?

— Это все.

Он обернулся к Нонне:

— Нонна?

— Обе планеты, Мара и Культис, готовы. — Она разглаживала руками складки одежды на своих коленях. — Следуя твоему указанию, мы обратились к дорсайцам, а Энциклопедия, в свою очередь, к тем жителям Квакерских миров, которые выступают против Иных, и все, о чем они нас

просили, мы им предоставили. Люди на обеих наших планетах ждут следующего шага. Сейчас дело за тобой, ты должен сказать нам, что делать дальше.

Хэл кивнул и уже собирался обратиться к Джеймсу, как она заговорила снова:

— Это не означает, что у меня нет вопросов, которые бы я хотела обсудить с тобой.

— Я знаю, — тихо ответил Хэл. — Позже я переговорю с вами со всеми. Джеймс?

Джеймс пожал плечами.

— Те, против кого мы выступаем, все еще держат в своих руках наши города и многие сельские провинции, как на Гармонии, так и на Ассоциации. Но тебе нет нужды убеждать Детей Господа, что они должны продолжать свою борьбу. Я могу рассказать тебе, что находится в наших руках и где расположены наши силы; и, если ты поставишь перед нами конкретные задачи, мы их выполним. И так же, как все здесь, я жду твоих вопросов — или готов сам задать их.

Хэл снова кивнул и наконец посмотрел на Рурка ди Фачино. Но дорсаец ответил раньше чем Хэл успел произнести его имя.

— Мы готовы выступить.

— Спасибо, — кивнул Хэл. Он посмотрел на

остальных.

— Спасибо всем. Свою информацию я представлю очень сжато. Блейз вскоре будет иметь неограниченные возможности для ведения войны с нами. Это вопрос всего лишь года или менее того по стандартному времени. И тогда он сможет атаковать нас в любой момент, когда ему заблагорассудится. Но, если его спровоцировать, он может начать войну хоть сейчас. Правда, на месте Блейза я все же предпочел бы выждать, пока не буду полностью готов начать действовать.

— Я понимаю это так, — сказала Нонна, — что ты хочешь схватить его за руку именно тогда?

Хэл серьезно посмотрел на нее:

— Мы должны.

— Тогда позволь мне задать тебе вопрос, — продолжила Нонна. — Я тебе говорила, что у меня есть что обсудить с тобой.

— Спрашивай. — Хэл задумчиво глядел на нее.

— Похоже, мы неуклонно движемся к той точке, в которой наше противостояние перерастет в личный поединок между тобой и Блейзом. Ради своего народа я должна спросить, ты действительно сможешь выиграть этот поединок? Если да, то на чем основывается эта твоя уверенность? — голос Нонны звучал настойчиво.

— Я совсем не уверен в том, что смогу победить, — ответил Хэл. — В истории человечества не существует такого понятия, как уверенность. И уж кому, как не экзотам, должно быть это известно...

Он вовремя остановился. Аджела издала горлом слабый звук, как будто хотела что-то сказать и потом передумала. Он повернулся к ней. Она отрицательно покачала головой.

— Нет. Ничего. — Она не сводила с Нонны сердитого взгляда.

— Мы должны воспользоваться теми преимуществами, которые у нас есть, — продолжил Хэл, — и в большинстве случаев это означает обернуть в свою пользу преимущества Иных. Вы когда-нибудь читали работу Клетуса Грима по вопросам стратегии и тактики?

— Клетуса?.. А-а, того дорсайского предка Донала Грима, — отозвалась Нонна. — Нет, не читала. Областью моих исследований является социология — совокупность психологических особенностей индивидуума и ее связь с его поступками и родом занятий. Военные операции сюда не относятся.

— Позвольте мне тогда объяснить, — сказал Хэл. — Блейз является самым талантливым среди

Иных, и вы это знаете не хуже меня. В противном случае ему никогда не удалось бы стать лидером. Поэтому мы совершенно точно знаем, с кем нам предстоит сражаться, — и мы либо одолеем его, либо проиграем. Единственное, что я могу сказать вам об этом своем поединке с ним, так это то, что если это и произойдет, то я намерен выйти победителем. У меня перед ним есть, по крайней мере, одно преимущество. Мое дело — правое.

— И это все? — лицо Нонны было абсолютно бесстрастным.

— В этом-то, возможно, и состоит все дело, — тихо произнес Хэл. — Правое дело может дать и лучшее основание для принятия решения; а от правильного решения, особенно в случае равенства сил, может зависеть все.

— Прости, — сказала Нонна, — но я не совсем понимаю.

— Представь двух шахматистов, играющих друг против друга. Ни один из них не допустит явной ошибки. Но любой из них все же может принять неправильное решение и сделать безусловно верный ход, но либо преждевременно, либо слишком поздно. Моя задача состоит в том, чтобы постараться избежать подобного неправильного решения и в то же время попытаться подвести

к нему Блейза. Для того чтобы добиться этого, я воспользуюсь преимуществом, которое дает мне различие наших характеров и манер поведения. В этом противостоянии Блейз имеет перед нами видимое преимущество. Он полагается целиком на силу. Я думаю, он раньше, чем кто-либо другой из Иных в сложившейся ситуации, с самого начала сделал на нее ставку. Несомненно, его манипулирование этим фактором и послужило основной причиной того, почему в среде Иных его стали считать самым одаренным. И поскольку его убежденность пока еще ни разу не подводила его, я надеюсь, он и дальше будет руководствоваться ею и она заставит его, как я уже сказал, выжидать до тех пор, пока он не будет полностью готов, чтобы начать с нами войну.

Хэл замолчал.

— Я достаточно понятно излагаю свою мысль? — поинтересовался он спустя минуту.

— Да, конечно, — ответила Нонна.

— Прекрасно, — кивнул Хэл. — Кроме того, изменение без достаточно веских на то причин тактики, способной привести его к легкой победе, было бы для него сейчас стратегической ошибкой. Но я думаю, мы все же можем рассчитывать также и на этот ход его мысли. Это оставляет за

нами инициативу, о чем он, может, и знает, но не придает этому особого значения. Если мы умело воспользуемся ею для того, чтобы усыпить его бдительность, то в результате он либо промедлит с началом военных действий, либо мы вынудим его начать войну преждевременно. Все будет зависеть от того, насколько хорошо мы продумаем наш план.

— Я так понимаю, ты считаешь, что у тебя уже готов такой план?

Он слегка улыбнулся ей:

— Считаю, что да, — затем повернулся к Аджеле:

— Мне не надо было отсылать Джимуса. Нельзя ли вернуть его обратно?

Аджела кивнула и протянула руку к панели управления, вмонтированную в ручку ее кресла. Хэл снова повернулся к остальным.

— Когда вы сказали, что готовы выступить, — обратился он к Рурку, — вы имели в виду только боеспособную часть населения или всех взрослых, все население?

— Полного единодушия вообще никогда не бывает, — пожал плечами Рурк, — и меньше всего этого можно ожидать от дорсайцев. Я думаю, ты с этим согласен, Хэл Мэйн. Незначительный

процент населения собирается остаться. Одни потому, что их возраст и здоровье не оставляют им выбора, другие потому, что предпочитают принять все, что уготовлено им судьбой, там, где они родились. Почти все, кто годен для несения службы, готовы к отъезду.

— Хорошо. — Хэл удовлетворенно кивнул головой. — Это почти то, чего я и ожидал.

Последние его слова прозвучали почти одновременно с удивленным вопросом Джейсона:

— К отъезду куда, Хэл?

— Ты разве не знаешь, куда? — Нонна окинула взглядом молодого квакера.

— Нет, — протянул Джейсон, переведя взгляд с нее на Хэла. — Не знаю. А что я должен знать?

Вместо ответа Нонна посмотрела на Хэла.

— Минуту терпения, Джейсон, — ответил он. — Дождемся Джимуса.

Прозвучал мелодичный звук сигнального устройства открываемой двери.

— Проходите, Джимус, — пригласил Хэл. — Я хочу объяснить присутствующим, что именно я просил вас разработать.

— Разве мы не напрасно тратим свое драгоценное время? — прервала его Нонна. — Нам всем известно, что он работает над защитным экра-

ном, и известно, где он будет...

— Мне не известно, — сказал Джейсон, прерывая ее. Глаза всех присутствующих обратились к нему, в голосе Джейсона звучала такая настойчивость и твердость, которой никто, кроме Хэла, никогда прежде от него не слышал. — Давайте послушаем его объяснения.

Джимус в это время подошел к собравшейся группке людей. Его глаза на мгновение задержалась на одиноко стоящей фигуре Рурка, и он передумал садиться на плавающий прямо перед ним стул.

— Более года назад по стандартному времени, — начал он, — Хэл попросил меня рассмотреть возможность создания защитного экрана на базе фазового сдвига, подобного тому, что существует вокруг Энциклопедии, но гораздо большего размера и способного закрыть некую планету. Указанные им характеристики планеты были чуть больше, чем у Земли. Мы это сделали. Как только корабли обеспечения займут свою позицию около указанной планеты и установят между собой соответствующую связь, такой экран будет тут же создан.

Он посмотрел на Хэла:

— Ты хочешь, чтобы я подробно остановился

на принципе его функционирования и создания?

— Нет, не надо, — покачал головой Хэл. — Просто расскажи им, для чего он.

— Он нужен, чтобы закрыть заключенную внутри него планету, по существу, двойной защитной оболочкой, которая, если что-либо коснется любой ее стороны, переместит его в универсальное положение так же, как это происходит при движении в режиме фазового сдвига. Только в данном случае объект не будет ретранслирован снова в указанное место, как происходит при полете в режиме фазового сдвига. Я полагаю, вы все знаете, что теория полета в режиме фазового сдвига была разработана на основе Принципа неопределенности...

— Да, да, — сказала Нонна. — Нам все это известно. Мы также знаем, что это означает. Если кто-нибудь или что-нибудь попытается проникнуть сквозь защитный экран, подобный тому, что окружает Энциклопедию, то он будет тут же развеян по бесконечности. Мы знаем, что Хэл Мэйн планирует создать планету-крепость, окруженную таким защитным экраном — о чем, несомненно, знает и Блейз Аренс, — оборонять которую будут дорсайцы, и что такой планетой будет наша экзотская планета Мара...

— Нет, — сказал Хэл.

Джимус резко повернул голову в его сторону. Аджела подалась вперед, лицо ее стало вдруг очень сосредоточенным. Нонна, опешив, уставилась на Хэла.

— Нет? Что нет? К чему относится это «нет»?

— Это будет не Мара, — тихо произнес Хэл. — Это будет именно здесь — это будет Земля.

— Земля! — воскликнул Джимус. — Но ты сказал мне, что это будет планета размерами больше Земли! Те данные, которые ты мне сообщил...

Он вдруг осекся.

— Конечно же! — устало произнес он. — Ты хотел включить туда и Энциклопедию. Конечно же.

— Земля? — переспросила Нонна.

— Земля, — повторил Хэл.

Он коснулся панели управления, встроенной сбоку сиденья его плавающего стула, и одна стена комнаты исчезла, и на ее месте появилось изображение Земли, какой она видна с орбиты Энциклопедии. Перед ними висел огромный, окутанный белыми облаками голубой шар. Хэл поднялся со своего места и прошел вперед, остановившись перед изображением, и сидящим в комнате людям показалось, что он склонился над

планетой, как склоняются над чем-то бесконечно ценным.

— Но в этом нет никакого смысла! — словно про себя воскликнула Нонна. — Хэл!

Услышав свое имя, он оторвал взгляд от экрана и посмотрел в лицо сидевшей почти рядом с ним Нонны.

— Земля? Более половины населения этой планеты ничуть не беспокоит, что Иные могут взять все под свой контроль? Ты даже не спросил там, внизу, их согласия на создание вокруг их планеты экрана, о котором мы здесь говорим!

— Я знаю, — кивнул Хэл. — Но спрашивать заранее их согласия было бы не просто глупо, но и бессмысленно. Боюсь, они бы просто растерялись.

— Они заставят тебя снять его.

— Некоторые, конечно, попытаются. Но это им ничего не даст. Дело в том, что сами они не смогут этого сделать. А со временем они поймут, почему его необходимо было создать.

— Принимаешь желаемое за действительное! — воскликнула Нонна.

— Нет. — Он внимательно посмотрел на нее. — Или, по крайней мере, принимаю желаемое за действительное, но не в том смысле, что ты ду-

маешь. Извини, Нонна, но сейчас именно тот момент, когда ты должна доверять мне.

— Я должна? Это по какой такой причине? — гневно возразила она. Он вздохнул:

— По той самой причине, которая руководила тобой, когда ты впервые услышала обо мне. У тебя, у вашего народа, у всех, кто надеется избежать диктата Иных, просто нет другого выбора.

— Но это какое-то безумие! — возмутилась Нонна. — Мара согласна, чтобы вокруг нее был поставлен защитный экран. Народ Мары ждет этого. Люди Мары, все как один, поддерживают тебя. Они готовы принести себя в жертву; они осознали необходимость такой жертвы ради выживания расы. Много ли на Земле найдется людей, которые хотя бы на минуту задумались над тем, что Иным надо дать отпор, не говоря уже о затратах, с которыми это может быть сопряжено.

— Здесь нечто большее, чем это, Нонна, — вступила в разговор Аджела. — Кампания, которую вела Рух, была настоящим крестовым походом. Они собирались тысячами и сотнями тысяч, чтобы послушать ее и ее сподвижников.

— Но на Земле живет несколько миллиардов людей! — продолжала возражать Нонна.

— Дайте Рух время, — сказала Аджела. — Процесс набирает обороты.

— Времени больше нет, — отозвался Хэл, и глаза всех обратились к нему. — Блейз накапливает силы гораздо быстрее, чем вы себе представляете. У меня была возможность в этом убедиться. Решение должно быть принято сейчас. И разумеется, в пользу Земли.

— Почему? — требовательно спросила Нонна.

— Потому что Земля — это сердце расы, — медленно начал Хэл. — Пока Земля остается свободной, свободной будет и раса. Как-то раз, в двадцатом веке, один человек, разговаривая с ирландцем в холле гостиницы за пятичасовым чаем, сказал: «Предположим, все поэты, все драматурги, все барды Ирландии внезапно исчезли. Сколько поколений пройдет, прежде чем удастся восполнить эту потерю?» И прежде чем он сам успел ответить на свой вопрос, ирландец поднял вверх один палец, упреждая ответ своего собеседника.

Он оглядел присутствующих;

— Один. Один палец. Одно поколение. И оба они были правы. Поскольку не только дети, которые в тот момент были еще малы и должны были вырасти, чтобы среди них появились поэты,

драматурги и барды, но и взрослые, жившие в это время, но никогда до этого не писавшие стихов и не слагавшие песен, в ответ на наступившее молчание вдруг начали бы создавать музыку, которая всегда жила в их сердцах. Потому что способность создавать такие вещи никогда не была особой привилегией избранных. Она принадлежит всем людям в целом, она живет в душе каждого человека и лишь ждет своего часа. И то, что было верно для того времени, когда происходил этот разговор, справедливо и сейчас для народов Земли.

— Но не для населения других миров? — спросил Джейсон.

— Со временем и для них тоже. Но их предков голод и страх расы, боявшейся перенаселения, гнал на завоевание новых земель, где они и пустили свои корни. Сейчас они стоят — все вы стоите, за исключением Тама — на расстоянии вытянутой руки от источника музыки, звучащей в ваших душах, и будущего, заключенного в вас самих. Вы найдете его, но ваш путь будет тернистее и медленнее, чем для тех, кто там, внизу...

Он показал жестом на изображение бело-голубого шара. Они сидели молча, глядя на него и не говоря ни слова. Даже Нонна хранила молчание.

— Я говорил экзотам, — продолжал Хэл во вновь установившейся тишине, — говорил дорсайцам и то же самое сказал бы и твоему народу, Джейсон, если бы мне представилась такая возможность, что, по существу, они являются результатом экспериментов расы. Что они получили путевку в жизнь для того, чтобы быть использованными в нужный момент. Сейчас это время пришло. Вы все знаете, что эпоха Осколочных Культур подошла к своему концу. Ваши народы жили, развивались и процветали ради конечной цели, заключающейся в выборе правильной позиции в этом великом сражении за выживание, после которого вся раса в целом пойдет прямой дорогой к своему светлому будущему среди манящих звезд. Это будущее принадлежит не вам, не вашим детям, единственным и неповторимым, а детям всей расы.

Он замолчал. Никто из них не проронил ни слова.

— И поэтому, — закончил он устало, — именно Земля является последним оплотом, нуждающимся в нашей защите; Земля, страницы истории которой отмечены варварством и жестокостью, глупостью и корыстолюбием, а также поэзией и песнями и величественными грезами. Здесь и

только здесь развернется последняя битва, которую мы либо проиграем, либо выиграем.

Он снова замолчал. Он хотел, чтобы они заговорили — только тогда он не будет чувствовать себя таким безмерно одиноким. Но они безмолвствовали.

Он оглянулся на бело-голубой шар Земли.

— И именно здесь должен решиться вопрос будущего, — тихо произнес он, — и, если для того, чтобы решить его, мне или вам суждено умереть, выполняя свой долг, мы это сделаем.

В воцарившейся тишине он молча смотрел на изображение планеты. Вдруг он понял, что рядом с ним кто-то стоит, и, повернувшись, увидел, что это Аджела.

Она просто обняла его и на мгновение прижала к себе. Затем отпустила и вернулась на свое место рядом с Тамом.

— Твои доводы, — начала Нонна, — не обоснованы не только с военной точки зрения, но и с чисто практической, житейской. Мое мнение остается прежним: Мара имеет более веские, чем Земля, основания для создания вокруг нее защитного экрана. Ты так и не ответил мне на этот вопрос.

— Вступая в эту войну, — сказал Хэл, — мы пре-

следуем вовсе не практические или житейские цели, если не брать в расчет более отдаленные перспективы. Но ты ошибаешься в другом. Мара, по меркам Молодых Миров, богатая планета; но Земля, даже после столетий нерационального и бесконтрольного использования ее природных ресурсов, все еще остается самой богатой из обитаемых планет, известных человеческой расе. Она находится на полном самообеспечении и до сих пор способна прокормить население, в двадцать раз превышающее население любой другой известной планеты.

Он прервал свою речь, глаза всех присутствующих были прикованы к нему. Затем продолжал:

— К тому же следует учитывать и психологический аспект. Заключи любую другую планету в такую оболочку, отрежь ее от контактов с другими населенными мирами, и эмоционально она неизбежно почувствует себя брошенной человеческим сообществом, оставленной на погибель и смерть. С течением времени она все сильнее и сильнее будет чувствовать свою оторванность. В то время как Земля до сих пор считает себя центром человеческого мироздания. Все другие миры для нее лишь ветки на ее стволе.

— Но их огромная численность не сулит тебе

никакой выгоды, — пожала плечами Нонна, — особенно если, как это имеет место сейчас, среди них много людей, несогласных с тем, что ты делаешь. Они вовсе не намерены защищать Землю. Ты же собираешься использовать дорсайцев?

— Вначале, несомненно, — кивнул Хэл. — Но, если дело дойдет до открытой схватки, я думаю, найдутся земляне, которые сами придут на наши баррикады. В сущности, они будут вынуждены сделать это.

Он повернулся к старцу:

— Там? А что вы думаете об этом?

— Они придут. — Произнесенные дрожащим старческим голосом, эти два слова упали в тишине комнаты, словно тяжелые камни, которые невозможно было больше держать. — Это то место, откуда вышли дорсайцы, экзоты, квакеры — и все остальные. Когда защитникам понадобится помощь людей, они придут.

На мгновение повисла тишина.

— Есть еще одна причина, — Хэл тяжело вздохнул, — почему это должна быть Земля, а не Мара. Со временем, возможно, даже среди ваших маранцев появятся люди, способные занять оборону. Но для того чтобы сделать это, им потребуется переломить самих себя.

— Но они и сейчас способны и готовы сделать это, — ответила Нонна. — Сейчас, когда все, что было ими создано, разваливается на части... Даже я вступила бы в сражение — если была бы уверена, что в состоянии это сделать.

Уголки рта Рурка ди Фачино тронула легкая добродушная улыбка.

— Дорогая леди, — сказал он, обращаясь к ней. — В этом-то вся и разница.

Услышав его слова, она перенесла свой огонь на него.

— Вы! — воскликнула она. — Вы стойте там и молчите. Разве ваш народ нанимался защищать Землю, жители которой никогда не понимали или не признавали Молодые Миры — и меньше всего вас? Вы что, хотите быть их пушечным мясом, даже не пытаясь протестовать против того, что задумал Хэл Мэйн? Вы — военный эксперт. Так скажите ему!

Добродушная улыбка исчезла с лица Рурка, уступив место выражению легкой грусти. Он медленно обошел кресла, за которыми все это время стоял, и подошел к Хэлу. Хэл внимательно посмотрел на этого человека с гордой прямой осанкой.

— Я разговаривал с Саймоном о тебе, — сказал

Рурк. — И с Амандой. Кто ты — это твое дело, и обсуждать здесь нечего...

— Я не понимаю, — вмешалась Нонна, переводя взгляд с одного на другого. — Что ты имеешь в виду, говоря, что это его дело, кто он такой?

На мгновение показалось, что Рурк обернется и ответит ей. Но он продолжал, обращаясь к Хэлу:

— Но Серые Капитаны высказались за то, чтобы мы доверились твоему решению.

— Спасибо, — кивнул Хэл.

— Вопрос только в том, когда начать выступление. Блейз становится сильнее с каждым стандартным днем, пока мы тут выжидаем.

— Я повторяю, — вступила в разговор Нонна. — У тебя за спиной нет поддержки Земли — ты даже не начал за нее бороться. Рух, может, и достигла многого за столь короткий срок, как сказала Аджела, но сейчас она сошла со сцены и работа, которую она развернула, недоделана до конца. Выступив сейчас, ты крупно рискуешь, Хэл, рискуешь в то время, когда у противника на руках козыри.

Она посмотрела на Хэла.

— Вы правы. — Хэл помолчал, затем продолжил:

— Но в любой ситуации наступает момент, ко-

гда необходимо принимать решение независимо от того, есть ли у тебя козыри на руках или нет. Боюсь, сейчас ждать гораздо опаснее, чем действовать. Пришло время переводить гарнизон на Землю и создавать вокруг нее защитный экран.

Рурк согласно кивнул головой, словно подтверждая собственные мысли.

— В таком случае я не буду терять времени.

Он посмотрел на Джимуса.

— Я могу воспользоваться этой вашей новой системой связи, главный инженер? — полувопросительно-полуутвердительно произнес он, направляясь к двери. Джимус посмотрел на Хэла, тот кивнул, и инженер поспешил вслед за дорсайцем.

Они еще не успели дойти до двери, как раздался мелодичный сигнал видеофона, и остановились в ожидании. Аджела протянула руку к панели управления на ручке своего кресла. Все повернули головы в ее сторону. Голос, прозвучавший с панели, был слишком тих, чтобы присутствующие могли расслышать слова.

Аджела подняла голову и взглянула на Хэла.

— Они обнаружили Рух. Она в маленькой гостинице на окраине Сиди Баррани на средиземноморском побережье, к западу от Александрии.

— Я должен встретиться с ней, увидимся со всеми вами несколько позже, — сказал Хэл. — Там, на Земле, сейчас все в значительной степени зависит от того, сможет ли она продолжать свое дело. Аджела, не могла бы ты организовать для меня наземный транспорт, пока я буду добираться до ближайшего к Сиди Баррани космопорта?

Аджела кивнула. Хэл направился к двери, бросив взгляд на молодого квакера:

— Джейсон, хочешь лететь со мной?

— Да, — кивнул Джейсон.

— Хорошо. Мы вернемся, если повезет, через несколько часов. Тем временем, поскольку решение к выступлению принято, просто начинайте делать то, что запланировано.

В сопровождении Джейсона он вышел из комнаты.

Глава 62

Сиди Баррани находился на некотором удалении от линии побережья Средиземного моря в глубине одной из тех первых территорий, которые еще двести лет тому назад были отвоеваны у североафриканской пустыни. Там были построены высокие градирни, — на самый верх которых закачивалась вода, поступающая из Средиземного моря, и затем эта вода сотнями струй изливалась с высоты башни навстречу мощному потоку воздуха, поднимающегося от расположенных внизу огромных вентиляторов; выходящий из башен воздух, насыщенный водяными парами, увлажнял окружающую атмосферу.

В результате такого искусственного орошения сухая земля покрылась пышной растительностью; с течением времени начали происходить климатические изменения, повысилось плодородие почвы, и граница пустыни, за которую в середине двадцатого века сражались Роммель[14]

---

[14] примечани▫: 14

Эрвин Роммель (Rommel) — немецкий генерал-фельдмаршал; во Второй Мировой войне командовал германскими войсками в Северной Африке.

и Монтгомери[15], отодвигалась все дальше от морского побережья.

В этом месте пустыни полностью исчезли, уступив место зеленому оазису, окружающему озеро Каттара — новый большой водоем, возникший после того, как воды Нила, перегороженного гигантской Асуанской плотиной, в поисках нового русла заполнили котловину Каттара к западу от долины.

На берегу этого озера возле отеля под названием «Бахрейн», ничем не приметного здания с белыми стенами, и завершилось путешествие Хэла и Джейсона в поисках Рух.

Несмотря на царящий повсюду мир и покой, едва перешагнув порог отеля, они почувствовали себя так, как будто посреди чистого поля их застигла гроза. Хэл бросил быстрый взгляд на Джейсона, который после долгих лет пребывания в отрядах сопротивления на Гармонии, тоже, несомненно, ощутил витавшее в воздухе эмоциональное напряжение в тот же миг, как только они вошли в холл, но ему могло не хватить опы-

[15] Примечание: 15

Бернард Лоу Монттомери (Montgomery) — английский фельдмаршал; во Вторую Мировую войну с 1942 по 1944 год командовал 8-й Армией в Северной Африке. За свою победу под Эль-Аламейном (Египет) в ноябре 1942 года получил титул «Аламейнский».

та для того, чтобы правильно среагировать на ситуацию.

Однако лицо Джейсона оставалось спокойным. Может быть, чуть более бледным, чем обычно, но спокойным.

В расположенном ниже уровня земли холле с высоким сводчатым потолком не было видно ни одного постояльца. Взгляд портье был устремлен куда-то под стойку, и вообще он выглядел очень занятым или делал вид, что очень занят.

Портье поднял глаза, только когда они подошли к самой стойке и остановились сбоку от нее. Это был хрупкий молодой человек с гладкой смуглой кожей и круглым лицом.

— Добро пожаловать в «Бахрейн», — произнес он. — Могу быть чем-нибудь вам полезен?

— Спасибо, да, — сказал Хэл. — Не передадите ли вы леди, что с ней приехал повидаться Ховард Иммануэльсон?

— Какую леди вы имеете в виду, сэр?

— Здесь только одна леди может ожидать этого сообщения, — ответил Хэл. — Пожалуйста, передайте, немедленно.

Портье положил обе ладони на стойку и слегка наклонился вперед:

— Боюсь, джентльмены, я вас не понимаю. Я

не могу передать сообщения до тех пор, пока не узнаю, для кого оно предназначается.

Хэл секунду разглядывал его.

— Я понимаю ваше положение, — мягко отозвался он. — Но вы ошибаетесь. Сейчас мы пойдем и сядем там возле бассейна, а вы проследите за тем, чтобы сообщение попало по назначению. В противном случае... возможно, вам стоит у кого-нибудь поинтересоваться, кто такой Ховард Иммануэльсон.

— Простите, джентльмены, — пожал плечами портье, — не зная, с кем вы хотите встретиться, я не могу даже сказать, живет ли здесь этот человек, и...

Но они уже повернулись и направились к бассейну — Хэл впереди, Джейсон немного позади, — и голос юноши за их спиной затих. Хэл сел в кресло спиной к стойке, а Джейсон направился к креслу напротив, с тем чтобы вдвоем они могли бы просматривать весь холл. Хэл слегка нахмурился, и Джейсон после секундного замешательства подошел к нему и сел в кресло рядом.

Они сидели не разговаривая. Со стороны стойки также не доносилось ни звука. Все чувства Хэла были напряжены до предела. Внезапно

его ноздрей коснулся слабый, но приятный аромат, разлившийся в воздухе холла, и в голове его тотчас прозвучал сигнал тревоги. В любом из Молодых Миров такое трудно было бы даже представить, но здесь, на Земле, где богатства открывают доступ даже к самым экзотическим видам оружия и еще не изжито порой непочтительное отношение как к местным законам, так и международным соглашениям, нельзя было исключать попытки отравить их, пустив в холл газ.

Причем вовсе не требовалось полностью лишать их сознания; для того чтобы дать невидимым наблюдателям решающее преимущество, достаточно было лишь немного притупить их чувства или способность правильно оценивать ситуацию.

С другой стороны, запах мог быть просто запахом и ничем больше.

Был только один способ проверить это. Единственная способность, наиболее чувствительная к воздействию отравления в любой форме, — это способность к творческому созерцанию. Невесомые пузыри воспоминаний или фантазий, рождающиеся в мозгу, и вызванный ими мощный эмоциональный всплеск, неизбежно пропадают

при любом внешнем воздействии на механизм, который управляет ими.

Мгновенно выйдя из состояния настороженной бдительности, автоматически поддерживаемого на сознательном уровне, он дал возможность созерцательному механизму своего разума унести себя в годы детства, к тому времени, когда все эмоции были простыми, чистыми и непосредственными.

Однажды, когда ему не было еще и пяти, Малахия Насуно в чем-то отказал ему. Он уже не помнил, что это было, а копаться в памяти не было смысла, поскольку сейчас это не имело никакого значения. Возможно, он хотел попользоваться каким-нибудь оружием или инструментом, а Малахия счел, что ему еще рано, и не разрешил. В тот момент в нем вспыхнула ярость на всю Вселенную, на Малахию, на все эти правила и принципы, на этот мир, созданный лишь для взрослых и в котором все только помыкают маленькими и беззащитными вроде него. Он набросился на Малахию, выкрикивая ему в лицо все свое отчаяние и негодование, потом повернулся и побежал в лес.

Он бежал и бежал, пока хватало дыхания и несли ноги, затем свалился без сил у ручья в

безмолвном горе от мысли, что ему никогда не удастся стать тем, кем он хочет быть, или тем, кем хотят, чтобы он стал, Малахия и другие. Про себя он обвинял их в том, что они не понимают его, не считаются с ним, в то время как у него, кроме них, никого нет и он всеми своими силами старается быть таким, каким они хотят его видеть.

...И в этот самый момент, когда он лежал, свернувшись клубочком, всеми покинутый, на земле, две огромные руки Малахии подхватили его и нежно прижали к широкой груди. Было так невыразимо сладко сознавать, что тебя наконец нашли, и сидеть на этих сильных руках, что он снова заплакал, на этот раз уже от облегчения. Старик ничего не говорил, только крепче прижимал его к себе. Сквозь куртку и грудную клетку старого воина Хэл слышал мощные размеренные удары взрослого сердца. Ему показалось, что и его собственное сердце замедлило свой ритм, приноравливаясь к биению сердца Малахии; и перед тем как провалиться в глубокий сон, от которого он пробудился несколько часов спустя в своей постели, он почувствовал так ясно, как будто в самом себе, боль и грусть, томящиеся в груди его учителя, равно как и потребность любить, не менее сильную, чем у него самого...

Он вернулся к действительности в холле отеля «Бахрейн», но некоторое время все еще оставался в плену вызванных воспоминаниями чувств. Тот первый шаг на пути человеческого взаимопонимания стал поворотным в его жизни. Легкость, с какой ему удалось вызвать воспоминания прошлого, убедила его в том, что запах, разлившийся в воздухе холла, не имеет ничего общего с попытками воздействовать на его тело или разум.

За спиной послышался звук приближающихся шагов. Они обернулись и увидели все того же юношу-портье.

— Не могли бы вы, джентльмены, подняться в номер четыреста тридцать девять? Это пятая дверь направо, как выйдете из лифта.

— Благодарю. — Хэл, встал, Джейсон поднялся вслед за ним, и они направились в сторону лифтов, куда указал им портье.

Когда они вышли на четвертом этаже из лифта, то увидели уходящий вправо и влево от них коридор с выкрашенными в ненавязчивый белый цвет стенами, слегка изгибающийся так, что на коротком расстоянии уже ничего не было видно. Безусловно, он был спроектирован так специально для того, чтобы постояльцы могли спокойно ходить из комнаты в комнату. Они

свернули вправо. Когда они проходили мимо какой-либо двери, раздавался мелодичный звон и включалась подсветка; как только они удалялись, подсветка двери гасла.

— Пижоны! — презрительно фыркнул Джейсон. Хэл посмотрел на него и слегка улыбнулся.

Метрах в тридцати от лифта на засветившейся при их приближении двери они увидели цифру 439 и остановились.

— Это Ховард Иммануэльсон, — четко произнес Хэл, повернувшись к двери лицом, — вместе с нашим общим другом. Можно войти?

Несколько мгновений все оставалось без изменений. Потом дверь бесшумно отворилась, и они вошли внутрь.

Они оказались в просторной квадратной комнате. Прямо напротив двери находился выход на длинный балкон; несмотря на это, воздух внутри был прохладным и спокойным, что говорило о существовании невидимого силового барьера между комнатой и балконом. Плотные зелено-коричневые шторы были полностью раздвинуты, и между ними, как в рамке, виднелась синяя гладь озера Каттара с тремя белыми треугольниками парусов, какими оснащались одноместные прогулочные плотики.

В комнате никого не было видно; дверь за их спиной снова закрылась. Хэл повернулся к двери слева.

— Стой! — приказал чей-то голос. Из-за собранной в складки шторы, шагах в трех от боковой двери, выступила тощая напряженная фигура с длинноствольным вакуумным пистолетом. Это был Эмит Барбедж, все такой же костлявый, как и прежде, и такой же непредсказуемый и смертельно опасный, в нелепом одеянии — пляжные шорты цвета хаки и пестрая рубашка с засученными рукавами. Пистолет в его твердой руке держал под прицелом одновременно и Хэла и Джейсона.

Хэл сделал шаг ему навстречу.

— Стой, где стоишь, — приказал Барбедж. — Я знаю, на что ты способен, Хэл Мэйн, если позволить тебе подойти достаточно близко.

— Хэл! — быстро произнес Джейсон. — Все в порядке. Он теперь на стороне Рух!

— Я ни на чьей стороне, слабый человек, кроме как на стороне Господа, — сухо заметил Барбедж, — и никогда не был, как, возможно, ты. Но не стану отрицать, теперь я знаю, что Рух Тамани — избранница Божья и ее устами говорит Господь, и поэтому, пока я жив, я буду оберегать ее.

И не позволю беспокоить ее кому бы то ни было.

Хэл изумленно смотрел на него.

— Ты веришь всему этому? — спросил он Джейсона, не спуская глаз с тощей застывшей на месте фигуры и замершей в неподвижности мушки пистолета. — Когда он успел перейти на другую сторону?

— Ни на какую другую сторону я не переходил, — отозвался Барбедж, — я уже сказал. Как я мог это сделать? Я, один из богоизбранных, поклявшийся беспрекословно следовать его воле? Но, как ты помнишь, тогда во дворе Его воля проявилась в том, что Он снял пелену с моих глаз, и я наконец увидел, что именно Рух, а не мне или кому-либо другому, Он открыл свой путь и именно ее возлюбил больше других. Я, слабый человек, заблуждался, но благодаря милости Божьей я теперь снова обрел свой путь. Предупреждаю вас, что ради защиты ее жизни не позволю ни вам, ни кому-нибудь другому нарушать ее покой. Он был предписан ее врачом, и я прослежу, чтобы это предписание выполнялось.

— Эмит Барбедж, — произнес Хэл, — мне необходимо ее увидеть немедленно; и я намерен увидеть ее. Если мне это не удастся, вся проделанная ею работа окажется напрасной.

— Я тебе не верю, — покачал головой Барбедж.

— А я верю, — сказал Джейсон, — потому что знаю об этом больше, чем ты. И мой долг перед Господом не меньше твоего. Можешь рассчитывать на это, Хэл...

— Стой!

Его окрик оказался как нельзя кстати. Он почувствовал, как внезапно напрягся его спутник, и понял, что Джейсон готов броситься под огонь пистолета Барбеджа для того, чтобы дать Хэлу возможность атаковать упрямого стражника.

Джейсон медленно, незаметно для глаза, расслабился. Хэл в упор смотрел на человека с пистолетом.

— Я думаю, что та пелена, о которой ты говорил, частично все же осталась у тебя на глазах, Эмит Барбедж. Ты слышал, что я сказал? Если я не увижу Рух и не поговорю с ней сейчас, вся ее работа окажется напрасной.

Его глаза смотрели прямо в глаза Барбеджа. Молчание растягивалось на секунды. Затем, не отводя от них прицела своего вакуумного пистолета и не спуская с них глаз, Барбедж боком продвинулся к двери, против которой они все еще стояли, легким прикосновением открыл ее и спиной шагнул внутрь. Остановившись на

расстоянии шага от двери, он позвал их так тихо, что они едва его расслышали.

— Входите. Входите, только тихо.

Они вошли вслед за ним в довольно необычную комнату. Она была очень узкой и абсолютно без мебели. Ее дальняя стена была затянута шторами из такой же ткани и такого же цвета, как и те, что висели в первой комнате; а стена справа от них, казалось, слегка мерцала.

Как только они оказались внутри и дверь за ними автоматически закрылась, Барбедж жестом руки остановил их.

Сам он повернулся и исчез в мерцающей стене, которая на самом деле оказалась проекцией изображения звукового барьера. Хэл и Джейсон остались ждать; прошло несколько томительных минут. Наконец изображение стены исчезло, и на ее месте они увидели большую, хорошо обставленную гостиничную спальню с раздвинутыми шторами, в кровати, трансформированной для сидячего положения, находилась Рух.

Барбедж стоял рядом и мрачно смотрел на них.

— Ей надо беречь силы. Я согласился на это только потому, что она настояла. Вам придется быть предельно краткими.

— Нет, Эмит, — отозвалась Рух с постели, — они

будут говорить, пока я сама не попрошу их остановиться. Хэл, подойди, и ты тоже, Джейсон.

Они подошли и встали рядом с кроватью. Хэл сразу обратил внимание на то, что Рух так и не смогла избавиться от своей невероятной худобы, приобретенной ею за время пребывания в милицейских застенках на Гармонии, и теперь с забинтованным левым боком и плечом, которые не могло скрыть небрежно наброшенное на нее тонкое белое покрывало, она казалась еще более хрупкой. Но, несмотря ни на что, ее редкостная красота была еще более поразительной, чем прежде. Проникающий снаружи свет отбрасывал на нее зелено-голубые блики от зеленой растительности и голубой водной глади, отчего ее смуглое тело на белом фоне постельного белья казалось прозрачным.

Джейсон протянул руку и нежно, самыми кончиками пальцев, прикоснулся к ее здоровому плечу.

— Рух, тебе не больно? Ты хорошо себя чувствуешь?

— Все в порядке, Джейсон. — Она улыбнулась. — Я не так уж сильно пострадала. Как сказал врач, мне в любом случае пора было немного отдохнуть...

— На протяжении нескольких месяцев она была на грани истощения, а теперь... — резко вставил Барбедж, но под ее взглядом осекся.

— Все в порядке, — сказала она, — Но, Эмит, я хочу поговорить с Хэлом с глазу на глаз. Джейсон, извини...

— Как пожелаешь. — Барбедж опустил пистолет, повернулся к мерцающему изображению стены и исчез в нем. Джейсон повернулся, чтобы последовать за ним.

— Джейсон, мы поговорим с тобой тоже. Позже, — поспешно произнесла Рух. Он улыбнулся в ответ.

Когда они остались вдвоем, она с усилием высвободила здоровую руку из-под покрывала и потянулась к нему. Хэл шагнул вперед и перехватил ее руку, не позволяя напрягаться дальше. Затем, не выпуская из руки ее ладонь, он придвинул поближе к кровати кресло и сел рядом с ней.

— Я так и думала, что ты появишься здесь. — Рух улыбнулась. Он ощущал тепло ее узкой ладони в своей руке.

— Мне захотелось приехать сразу же, как только я услышал, — сказал он. — Но мне напомнили, что надо еще кое-что сделать. К тому же я узнал, где ты находишься, только несколько часов тому

назад.

— Эмит и другие решили, что мне лучше исчезнуть, — ответила она, — и я подумала, что они, наверное, правы. Все здесь относятся ко мне хорошо.

Рух снова улыбнулась. Несмотря на всю ее красоту, в улыбке сквозила усталость.

— Выходит, твои дела не позволили тебе сразу же отправиться разыскивать меня, — кивнула она. — А сейчас тебя привело сюда тоже дело?

— Боюсь, что да, — отозвался Хэл. — Мне надо принимать решение о выступлении. Времени нет. Я уже отправил депешу дорсайцам — они направляются сюда. Вокруг всей Земли, включая орбиту Энциклопедии, будет создан фазовый защитный экран, и с этого момента мы уподобимся осажденной крепости.

— А экзоты? — Рух заглянула ему в глаза. — Мы все думали, что ты намерен укрепить и оборонять вместе с дорсайцами один из экзотских миров.

— Нет. — Хэл покачал головой. — Я с самого начала имел в виду эту планету, но до поры до времени никому об этом не говорил.

— А как же Мара и Культис? Что случится с ними?

— Они погибнут. — Хэл не ожидал, что его голос

прозвучит столь беспощадно. — Мы забрали их космические корабли, их специалистов и все ценное, что только может пригодиться. Разумеется, Иные заставят их заплатить за это.

Рух грустно вздохнула, не отводя от него печального взгляда.

— Экзоты знали, что это должно произойти?

— Знали. Так же как знали и дорсайцы, что им придется покинуть свою родную планету. Так же как знала и ты со своими соратниками, прибывшими сюда с Гармонии и Ассоциации не на месяц или год, а возможно, на всю оставшуюся жизнь. — Он секунду пристально смотрел на нее. — Ты же ведь знала, не так ли?

— Господь сказал мне. — Рух осторожно высвободила свою ладонь из его пальцев и сама сжала его руку. — Конечно, мы знали.

— Все шло к этому с самого начала. — В его голосе слышалось раздражение, как у человека, охваченного сильным гневом. Он знал, что не обязан говорить ей всю правду такой, как она есть, но его толкала на это та боль, которая сидела глубоко внутри его самого. — В конечном итоге, когда дело дошло до окончательного распределения ролей, дорсайцам выпало сражаться за тех, кто на стороне будущего, а экзотам — создать

для них все условия ценой всего, что у них есть. И те из вас, обитателей Квакерских миров, кто продолжает крепко держать в своих руках веру, должны были пробудить разум всех, кто сражается на нашей стороне, чтобы они ясно видели, за что они сражаются.

Ее пальцы нежно поглаживали его руку.

— А что Земля? — спросила Рух.

— Земля? — Улыбка у Хэла вышла немного горькой. — Задача Земли та же, что была и всегда — выжить. Выжить для того, чтобы дать жизнь новым поколениям, которых ждет лучшая участь.

— Ш-ш-ш... — Она не переставала поглаживать его руку своими тонкими пальцами. — Ты тоже, как и все мы, делаешь свое дело.

— Ты права, — сказал Хэл. — Мои переживания ничего не меняют, ты права.

— Разумеется. А теперь скажи, зачем ты приехал сюда, что тебе от меня нужно?

— Я хочу, чтобы ты вернулась на Энциклопедию, — прямо заявил он, — если ты в состоянии совершить это путешествие. Я хочу, чтобы ты обратилась оттуда ко всем землянам, и хочу, чтобы земляне знали, что ты обращаешься к ним с Энциклопедии. Я хочу, чтобы ты помогла им

понять, зачем на Землю прибывают дорсайцы и почему вокруг Земли создается фазовый экран, причем без какого-либо согласования с самими землянами. Я могу обратиться к ним вместе с тобой и признать за собой ответственность за все, что ты сочтешь нужным. Но растолковать им все это лучше тебя не сможет никто. Весь вопрос только в том — сможешь ли ты лететь?

— Конечно, Хэл, — сказала Рух.

— Нет. — Он покачал головой. — Я спрашиваю буквально: твое физическое состояние позволяет тебе предпринять это путешествие? Не следует рисковать тобой из-за одного выступления, каким бы важным оно ни было.

Она улыбнулась ему:

— А если я не поеду, представляешь, что произойдет, когда начнут прибывать дорсайцы и вдобавок обнаружится существование фазового экрана?

— Не знаю, — честно глядя ей в глаза, ответил Хэл.

— Вот видишь? — улыбнулась Рух. — Я должна лететь. Так же, как каждый из нас должен делать то, что ему положено. Но обо мне не беспокойся, Хэл. Я в самом деле чувствую себя нормально. О ране можно забыть, а остальное — ничего серьез-

ного, потребуется лишь хороший отдых после того, как прибудут дорсайцы и начнет работать защитный экран. Надеюсь, тогда не будет причин отказать мне в небольшом отпуске, не так ли?

— Разумеется, нет.

— В таком случае...

Он так и не узнал, что она хотела сказать, поскольку их разговор был прерван неожиданным вторжением через иллюзорную стену человека обычного среднего роста, с редкими седыми волосами, с седой щеточкой усов и необыкновенно молодым лицом. На нем был деловой костюм песочного цвета, оставлявший впечатление, что в нем проспали всю ночь и только что встали. Лицо незнакомца пылало гневом. Вслед за ним в комнате появился Эмит Барбедж.

— Вы! — набросился он на Хэла. — А ну, убирайтесь отсюда!

Он повернулся к Рух.

— Я ваш доктор или нет? — Его голос буквально звенел под белым низким потолком этой тихой комнаты. — Если нет, так и скажите. И можете искать себе кого-нибудь другого, кто будет заботиться о вас!

— Конечно, вы — мой доктор, Роже, — кивнула она.

Глава 63

Лучи рассвета озарили неспокойные воды озера Каттара, о берег которого бились легкие волны, поднимаемые утренним бризом. На рассвете же пришел и сорокалетний мужчина, на загорелом худощавом лице которого ярко выделялись темные бархатистые глаза. Он был одет в гражданский, похожий на форменную одежду, костюм, и звали его Джарир аль-Харир. Как оказалось, он был кем-то вроде полицейского комиссара, на попечении которого находился большой район, прилегающий к озеру.

Сам Хэл поднялся еще до зари. Он оставался с Рух до тех пор, пока ее дыхание не стало глубоким и ровным, как у заснувшего человека, только тогда он медленно разжал объятия, в которых держал ее, и осторожно высвободил руки. Затем бережно уложил ее на постель и вышел из комнаты.

Вернувшись в свой номер, куда после звонка Амида его поселил портье, он рухнул на кровать и проспал как убитый девять часов. Пробудившись, Хэл почувствовал, что хотя голова у него и

ясная, но тело еще явно не отдохнуло. Он встал с постели, принял душ, почистил одежду и съел завтрак, который заказал себе в номер.

Затем отправился искать Джейсона и Амида; он нашел их вместе с доктором Роже за обсуждением проблемы наиболее безопасного способа транспортировки Рух; Хэл тут же присоединился к разговору. К девяти часам утра по местному времени подготовка к отъезду уже началась. Из отеля на космодром вблизи Александрии, а это расстояние в двести семьдесят три километра, они отправятся наземным транспортом. С медицинской точки зрения Роже предпочел бы, чтобы они летели самолетом. В то время как в пользу наземного транспорта имелись более весомые доводы, так успешнее решалась проблема безопасности переезда. Любой воздушный корабль можно сбить самонаводящейся ракетой, которую группа каких-либо маньяков может изготовить на базе обычного атмосферного робота и при наличии необходимых материалов за час с небольшим.

На космодроме система безопасности автоматически уничтожит любую ракету, появившуюся в пределах его периметра. Следовательно, как только они попадут на космодром, проблем у них

не будет; а за пределами купола безопасности космодрома направляющийся на Энциклопедию челнок будет находиться уже вне досягаемости ракеты: либо слишком высоко для нее, либо его скорость будет больше, чем у ракеты.

— Я полагаю, — сказал Хэл, обращаясь в начале разговора к Джариру аль-Хариру, — ваша служба безопасности уже проинструктирована о недопустимости утечки информации о дне и часе отъезда Рух?

Непроницаемые темные глаза почти равнодушно взглянули на него через столик, за которым они пили кофе, настоящий земной кофе, приятный вкус которого был давно забыт вкусовыми рецепторами Хэла.

— Со стороны моих людей утечка исключена, — сказал Джарир.

Его произношение на бейсике было просто чудовищно — удивительный факт, поскольку большинство землян, так же как и жителей Молодых Миров, говорили на этом языке уже более трехсот лет; к тому же методы обучения за это время продвинулись так далеко, что почти каждый человек мог овладеть любым языком легко и просто и говорить совсем без акцента.

Джарир, очевидно, принадлежал к числу тех,

для кого любой другой язык, кроме родного, являлся непреодолимым препятствием. Комиссар повернулся к Роже и что-то быстро сказал ему, как показалось Хэлу, на арабском языке. Сам Хэл на нем не говорил, но он уловил слово «Эш-ша'аб», которое, пользуясь экзотским методом подобия, которому его обучил Уолтер, перевел с арабского как «люди».

Роже так же быстро ответил ему на том же языке, затем, взглянув на Хэла, перешел на бейсик:

— Я постоянно то вхожу, то выхожу из отеля. С момента твоего приезда никто из окружения Рух не покидал его; а персонал отеля, как, впрочем, и все остальные, настроены к ней весьма лояльно.

Будничность тона, которым это было сказано, казалось, не оставляла места сомнениям, одолевавшим Хэла. Он нисколько не сомневался в том, что оба говорили правду. Тем не менее он заметил, что, как только рассвело, напротив входа за низенькими широкими воротами в белой невысокой каменной стене, ограждающей территорию отеля, стали собираться люди.

Спустя некоторое время собравшаяся там молчаливая толпа насчитывала уже не менее сотни человек, стоявших плотной шеренгой по обеим сторонам дороги. Когда ворота открылись

и машины выехали на дорогу, люди все так же молча стали махать руками вслед шедшей в середине колонны санитарной машине с матовыми непрозрачными стеклами. И, хотя их поведение оставалось дружелюбным, все же было невероятно, чтобы такое количество народа собралось здесь случайно, ничего не зная о предстоящем отъезде Рух. И если группа безопасности Джарира проявила себя столь беспечно, то каких неприятных сюрпризов можно было ожидать в дальнейшем по пути следования к космодрому Александрии?

Приветствие предназначалось, несомненно, Рух; но в действительности ее в санитарной машине не было. Рух ехала в одной из полицейских машин эскорта, сидя на заднем сиденье между Хэлом и Роже, единственное место напротив занимал Джейсон. Прозрачное пуленепробиваемое стекло, отделяющее задний салон от места водителя, было поднято и зафиксировано, оно служило дополнительной и эффективной защитой в случае выстрела из любого вида легкого оружия, но не энергетического ружья или табельного оружия. Правда, здесь, на Земле, они вряд ли были у кого-нибудь, кроме как у военных или членов военизированных формирований.

Оставив позади отель, колонна следовала по сельской местности. Только где-то через полкилометра перестали попадаться стоящие вдоль обочины и приветливо размахивающие руками люди, тогда машины увеличили скорость.

— Эта утечка информации об отъезде Рух лежит на совести группы безопасности, — заметил Хэл.

— Я лишь могу сказать «спасибо» тому, кто это сделал, — сказал Джейсон. — Особенно после этого выступления в вечерних новостях.

— Какое еще выступление? — вопросительно посмотрел на него Хэл.

— Ты не... ну да, ты ведь рано ушел спать. — На лице Джейсона заиграла улыбка. — Тогда ты же ничего не знаешь!

— Конечно, — кивнул Хэл. — Давай рассказывай.

— Похоже, — начал Джейсон, — потребовалось всего лишь десять часов для того, чтобы весть о покушении облетела весь мир и вызвала негодование всех тех, кто услышал, понял и поверил ей! — Лицо Джейсона сияло от счастья. — Таких людей оказалось больше, чем можно было себе представить, больше, чем мы думали или на что рассчитывали. В Новостях выступили с большой передачей о ней и в ее поддержку. В

правительственных кругах начались дебаты по поводу принятия постановления о защите таких людей, как Рух, от подобного рода покушений. Хэл, ты действительно до сих пор ничего об этом не слышал? Это просто невероятно, ведь так?

Хэл чувствовал себя так, как если бы человек, приготовившийся голыми руками сдвинуть со своего пути огромный камень, увидел, что тот вдруг сам откатился в сторону еще до того, как до него дотронулись пальцем. Он рисковал, принимая решение о переселении сюда дорсайцев и создании вокруг планеты защитного экрана, уповая лишь на то, что на Земле найдется достаточно много людей, которые выслушают — только выслушают — то, что им скажет Рух.

Он откинулся на спинку сиденья, мысли его были взбудоражены от восхищения и внезапного прозрения. Неудивительно, что Джарир и даже Роже с таким легкомыслием отнеслись к его требованию держать в секрете отъезд Рух на александрийский космодром. Учитывая, что к ней было приковано внимание всей планеты, глупо было бы думать, что они, включая персонал отеля, могли удержаться от того, чтобы не намекнуть ближайшим своим друзьям о предстоящей поездке. И все те, кто сейчас стоял по

обеим сторонам дороги, сами были гарантией ее безопасности и отнюдь не малой.

По мере приближения к побережью число людей за белым дорожным ограждением становилось все больше; пока их не стало так много, что, куда ни кинешь взгляд, была видна непрерывная двойная людская вереница. Когда же они въехали на застроенную домами территорию, окружающую космопорт, люди уже стояли в четыре-пять рядов на узенькой дорожке тротуара, столько, сколько их могло там поместиться, и все махали руками проезжающей мимо колонне машин.

Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что они увидели, когда, миновав здания, выехали на открытое пространство, которое, в соответствии с установленными нормами, широкой полосой опоясывало космодром с внешней стороны окружающей стены. За многоэтажными зданиями этого не было видно; но стоило им выехать на залитое солнцем поле, как они оказались в такой огромной толпе людей, что от изумления у них просто перехватило дыхание.

Глядя поверх голов собравшихся, Хэл заметил, как сияющее безоблачное небо на мгновение замутилось и приобрело сероватый оттенок.

— Джейсон, — сказал он. — Посмотри на небо.

Джейсон с трудом оторвал ошарашенный взгляд от толпы, на которую он смотрел из окна машины, и взглянул вверх.

— А что с ним? — спросил он. — День погожий и ясный, как ты и хотел... и в небе нет ничего опасного. К тому же сейчас мы практически находимся внутри периметра космодрома.

Большую часть дороги Рух дремала. Так же как и Морелли и другие члены ее отряда на Гармонии, следуя своей вере, она старалась по возможности избегать лекарств. При этом она не была фанатиком, но Хэл обратил внимание на то, что она испытывает от них явный дискомфорт. Поэтому она отказалась от мягкого успокаивающего средства, которое ей дал с собой в дорогу Роже; и врач не стал настаивать. Общее истощение ее организма, как он сказал Хэлу, сыграет в этом смысле аналогичную роль.

Но сейчас проникающий через окна с полупрозрачным стеклом яркий солнечный свет и возбужденный голос Джейсона разбудили ее. Рух открыла глаза, выпрямилась на сиденье и увидела толпу.

— Ого! — удивилась она.

— Они собрались здесь, чтобы увидеть тебя,

Рух! — восторженно воскликнул Джейсон, оборачиваясь к ней:

— Все, все — ради одной тебя!

Машина двигалась вперед и Рух, словно впитывая в себя увиденное, просто смотрела на них через окно, постепенно пробуждаясь окончательно.

— Они думают, что я в санитарной машине, — сказала она. — Мы должны остановиться. Я обязана выйти, чтобы они убедились, что со мной все в порядке.

— Нет! — одновременно запротестовали Хэл и Роже.

— Ты обещала беречь себя! — продолжил Роже почти грубо. — Именно это ты обещала. Ты сама прекрасно знаешь, что, выйдя из машины, не сможешь удержаться, чтобы тут же не включиться в работу. Разве это можно назвать «беречь себя»?

— Кроме того, — заметил Хэл. — Не хватало еще только какого-нибудь вооруженного фанатика, жаждущего первым добраться до тебя даже ценой собственной жизни, или вооруженного идиота, который только и мечтает, чтобы убить тебя, если ему представится такой случай. То, что после этого все собравшиеся здесь просто разорвут их на кусочки, не воскресит тебя к жизни.

— Не говори глупости, Хэл, — сказала Рух. Ее голос окреп. — Каким образом предполагаемый убийца мог бы узнать, что мы собираемся остановиться именно здесь, если мы и сами этого не знали? Да, Роже, это именно то, что я должна сделать... это самая малость, которую я обязана сделать для всех этих людей. Я просто выйду, чтобы они увидели меня, и тут же вернусь. Я могу опереться на Хэла.

Она уже тянулась к кнопке связи с людьми, сидящими в передней части салона машины. Джарир повернул голову, и оконное стекло между ними скользнуло вниз.

— Джарир, — обратилась к нему Рух. — Останови колонну. Я собираюсь ненадолго выйти из машины только для того, чтобы показать этим людям, что со мной все в порядке.

— Это неразумно... — начал Джарир.

— Разумно или нет, делай, как я тебе говорю. Слышишь, Джарир?

Комиссар пожал плечами. И опять его бесстрастные глаза увлажнились и потеплели.

— Эш-ша'аб, — сказал он водителю, который, повернувшись к нему, вопросительно смотрел на него. Он потянулся к панели перед собой и, коснувшись клавиши, что-то проговорил по-

арабски.

Колонна замедлила ход и остановилась.

— Теперь, — Рух обратилась к Хэлу, — не будешь ли ты так любезен и не предложишь ли мне руку, Хэл. Открывай дверь, Джейсон.

Нехотя Джейсон отомкнул и распахнул заднюю дверь салона со стороны Хэла. Хэл вышел, повернулся и протянул руку, помогая выбраться Рух. Она ступила на землю, тяжело опершись о его руку.

Первые три шага она сделала, почти повиснув на его руке; но, когда они вышли из-за машины, в которой ехали, на открытое тридцатиметровое пространство, которое отделяло ее от следующей машины в колонне, Рух выпрямилась, поступь ее стала тверже и, сделав шаг-другой, она отпустила его руку, самостоятельно прошла вперед и затем остановилась чуть в стороне от Хэла, лицом к столпившимся по ту сторону дороги людям.

На протяжении всего их пути люди, которых они видели, махали руками вслед их кортежу в полном молчании. Сначала Хэлу это показалось странным, но потом он понял, что те, кто стоял вдоль дороги, должно быть, думали, что находившаяся в санитарной машине Рух вряд ли могла бы услышать их приветственные крики и

в любом случае для нее было бы лучше, чтобы ее поменьше тревожили. И за время поездки он уже настолько привык к их молчанию, что совсем забыл, как может быть в иной ситуации. Но сейчас, стоя рядом с Рух и глядя на эту тысячеликую молча машущую руками толпу, он почувствовал что-то вроде страха.

Какое-то время они стояли перед теснившейся у ограждения толпой незамеченными. Глаза всех собравшихся были прикованы к санитарной машине, и мало кто обратил внимание на две одинокие фигуры, отделившиеся от одной из машин эскорта.

Затем руки людей, которые находились ближе всего к ним, вдруг в нерешительности замерли, когда они поняли, кто стоит перед ними. Словно рябь пробежала по широкой водной глади, когда медленно, один за другим, все повернулись в их сторону — они наконец узнали Рух.

Руки людей опустились. Хэлу показалось, как будто по толпе пробежал вздох, который, достигнув ее края, как волна, откатился назад, убыстряя свой бег и набирая силу, пока не превратился в один могучий рев, подобно грому, потрясший воздух вокруг них.

Рух стояла к ним лицом. Она не могла говорить

из-за бушующего вокруг нее приветственного крика. Но она не смогла бы этого сделать, даже если бы они замолчали. Расстояние от нее до ближайших рядов было метров двадцать; уже несколько человек с репитерами пробирались вперед, готовые подхватить каждое ее слово и передать дальше тем, кто стоял в конце толпы. Но тут она медленно подняла свои руки, вытянув их перед собой до уровня плеч, затем так же медленно развела их в стороны, как бы благословляя их всех.

И пока она это делала, крики постепенно стихали, и вот уже весь безбрежный океан собравшихся перед ней людей затих и замер. В наступившей тишине она повернулась лицом к людям по другую сторону дороги и повторила перед ними тот же жест, и они тоже умолкли.

Рух повернулась к машине — Хэл едва успел подхватить ее — и снова тяжело оперлась о его руку. Он повел ее назад и почти на руках посадил в машину, прикрывая собой от глаз толпы.

Как только двери за ними закрылись и кортеж снова тронулся вперед, крики снова возобновились. И этот несмолкаемый оглушительный рев бился в окна машины, следуя за ними все время, пока они ехали мимо тех, кто еще не видел их

вблизи, мимо необычайно плотного кордона одетых в аккуратную синюю форму и вооруженных тяжелыми энергетическими ружьями охранников, когда проезжали через ворота в высокой стене, окружавшей космодром, и дальше, когда уже выехали на относительно пустынную, протяженностью более четырех километров взлетно-посадочную полосу.

Хэл наклонился вперед и заговорил с Джариром через все еще открытое окошко в перегородке, разделявшей салон машины.

— Ты должен мне поверить на слово, — сказал он. — Я только что сам это заметил. Защитный экран, который мы планировали возвести вокруг Земли на уровне нижней орбиты, только что установлен. Через несколько часов эта весть облетит весь мир. Но сейчас, если мы через пару минут не доставим Рух на этот челнок и не взлетим, то пилоты могут получить запрет на старт от Аэрокосмического агентства.

Глаза Джарира, смотревшие на него с расстояния всего лишь нескольких сантиметров, казалось, целую вечность внимательно изучали его лицо. Они снова сияли, как два драгоценных камня.

— Мы доставим ее на борт, — сказал он. — И

взлетим.

Глава 64

Как и предсказывал Роже во время их предрассветной встречи в отеле, к тому времени, как челнок вошел в причальный отсек Абсолютной Энциклопедии, Рух, окончательно выдохшаяся, уже крепко спала. Хэл на руках вынес ее в шумный, ярко освещенный отсек и передал двум прибывшими из медицинского центра Энциклопедии санитарам. Первый пилот челнока чуть ли не кричал на командира отсека:

— Вот я и говорю, что получил указание с Земли развернуться и лететь назад. Но мне удалось их переубедить! Я предложил им, что, если они не будут настаивать на моем немедленном возвращении, я, может быть, смогу кое-что здесь разузнать. Поднявшись на эту высоту, можно отчетливо видеть что-то вроде сплошной серой стены, расходящейся во все стороны, насколько видит глаз. Если это не та же штука, что окружает вашу Энциклопедию, и если она не тянется вокруг всего мира, то я готов съесть ее...

— Пилот, вы что, не слышите, — выговаривала ему командир отсека, черноволосая женщина лет

тридцати с небольшим с невозмутимым восточным лицом, — в настоящий момент у нас введено чрезвычайное положение. Если вы согласны подождать, я попрошу кого-нибудь из помощников директора подойти и переговорить с вами. Но я не обещаю, что это произойдет быстро...

— Мне это не нравится! — повысил голос пилот, крупный плотный мужчина. — Я требую у вас ответа от имени Аэрокосмического агентства...

Хэл легонько похлопал пилота по плечу, тот резко обернулся.

— Скоро будет передано обращение со всеми необходимыми разъяснениями, — сказал Хэл. — В любом случае сейчас вы все равно не узнали бы больше того, о чем услышите через несколько часов.

Пилот снова обрел голос:

— А вы кто такой? Один из пассажиров? Так не пойдет. Мне нужен кто-то, кто знает, что происходит, и я желаю видеть его немедленно! — Он снова повернулся к командиру отсека:

— Если на то пошло, то я приказываю вам — чтобы через пять минут здесь кто-то был...

— Пилот, — устало произнесла командир отсека, — будьте благоразумны. Вы не можете приказывать здесь кому бы то ни было. Точно так

же, как и Аэрокосмическое агентство или еще кто-нибудь с Земли.

Хэл и Джейсон отправились к апартаментам Тама, пробираясь сквозь царящую вокруг сумятицу и неразбериху.

Переступив порог кабинета Тама, Хэл увидел, что передача, которую он обещал пилоту, уже идет полным ходом. Комната была заполнена народом. Кроме Амида и Нонны, здесь находились также руководители всех отделов Энциклопедии, за исключением Джимуса, и по меньшей мере с полдюжины техников, занятых, очевидно, техническим обеспечением идущей передачи.

Говорил Там. Аджела стояла сбоку и немного сзади, чтобы не попасть в кадр. Когда Хэл с Джейсоном вошли в комнату, она повернулась к ним и поприветствовала их улыбкой. Улыбкой, в которой, как показалось Хэлу, сквозило облегчение.

Двигаясь вдоль стены комнаты, Хэл начал пробираться к ней. Но это оказалось делом непростым. Все в комнате, казалось, были полностью захвачены тем, что говорил Там своим глухим, по-старчески хрипловатым голосом. Хэлу удавалось за раз продвинуться на шаг-два и затем шепотом просить стоящего перед ним человека пропустить его. Тот оборачивался, несколько

удивленно улыбался и, так же шепотом извинившись, отодвигался в сторону.

— ...беспрецедентное время требует беспрецедентных действий, — говорил Там в видеокамеры, обращаясь ко всей Земле.

— ...и поскольку мы здесь, на Энциклопедии, располагаем оборудованием, подобного которому, насколько нам известно, нет больше ни у кого, я, руководствуясь той информацией, о которой вы скоро узнаете и которая побуждает меня к немедленным действиям, был вынужден принять экстренное решение.

Вкратце эта информация сводится к тому, что Земля подвергается угрозе вероломного нападения, в результате которого она утратит свою историческую свободу как независимый автономный мир. Чтобы помешать этому, я решил без дальнейшего промедления окружить Землю, колыбель всех наших миров, непроницаемым защитным экраном.

Конструкция этого уже действующего фазового щита предусматривает наличие сообщающихся с внешним космосом лепестковых диафрагм для того, чтобы космические корабли могли попадать внутрь и покидать околоземное пространство. При необходимости эти диафрагмы

могут закрываться; причем мгновенно в случае возникновения какой-либо угрозы. Когда они закрыты, ничто во всей Вселенной не сможет проникнуть внутрь без нашего разрешения.

Но даже в полностью закрытом состоянии этот фазовый щит, являющийся усовершенствованной модификацией экрана, защищающего Энциклопедию, будет пропускать все, что необходимо для нормального и привычного функционирования планеты. Физические свойства пространства, заключенного в защитный экран, ничем не отличаются от физических свойств остального космоса за его пределами.

К тому же наши специалисты, управляющие фазовым экраном, имеют возможность размещать дополнительные лепестковые диафрагмы в любой точке защитной сферы сейчас или в будущем в соответствии с пожеланиями населения Земли.

Короче говоря, установка защитного барьера никак не повлияет на качество жизни землян, не потребует от них никаких дополнительных усилий, равно как и не заставит отказаться ни от чего, к чему они привыкли. Как вы знаете, наш мир представляет собой замкнутую автономную систему, нуждающуюся только в солнечной энер-

гии, которая и будет продолжать поступать к нам, поддерживая наше существование практически до бесконечности.

Через некоторое время я посвящу вас в некоторые детали относительно защитного экрана и угрозы, из-за которой мы пошли на его создание. Никто из персонала Абсолютной Энциклопедии не имеет ни малейшего намерения установить в какой бы то ни было форме свое господство над Землей и ее обитателями. В любом случае, даже если бы наше сообщество ученых и исследователей склонилось к этому, мы все равно не располагаем для этого ни специфическими навыками, ни достаточным количеством людей. Проще говоря, обстоятельства вынудили нас пойти на некоторые жизненно необходимые меры экстренного характера, не оставив нам времени для предварительной консультации с вами.

За эти действия я один несу личную ответственность. Я приношу свои извинения за то, что предпринял их без согласования с вами, но, повторяю, меня вынудили к этому обстоятельства. Я прошу вас подождать. Пока не получите полностью всей информации относительно того, что заставило нас пойти на эти меры, и не придете к своим собственным выводам об их безотлага-

тельности.

В заключение я хотел бы сказать вам следующее. Эта акция была моей последней официальной акцией на посту директора Энциклопедии. Как мне кажется, большинству из вас известно, что я занимал этот пост гораздо дольше, чем сам это планировал, и все это время велись интенсивные поиски подходящего преемника. И сейчас я счастлив сообщить вам, что преемник наконец нашелся; правильнее было бы сказать, Энциклопедия сама нашла его, поскольку человек, о котором я говорю, был протестирован самой Энциклопедией. Этот тест за всю историю станции прошли только двое — Марк Торре, основатель этой великой лаборатории и хранилища человеческих знаний, и я сам.

Человек, который сменит меня на этом посту, — житель Земли, его зовут Хэл Мэйн. Некоторые из вас уже слышали о нем. Остальные узнают о нем в очень скором времени, когда через день или два он лично обратится к вам отсюда.

Он замолчал. Его голос, и до этого постепенно слабевший, сейчас затих совсем. Но после секундной паузы он продолжил:

— Благослови вас, народ Земли. Я надеюсь, моя репутация известна многим из вас. Я не люблю

раздавать комплименты и похвалы, если не заслужены. Но я скажу вам, как человек, который наблюдал за вами теперь уже век с четвертью, что до тех пор, пока вы будете оставаться теми, кто вы есть, ни один враг не сможет победить вас и ни одна угроза не сможет испугать вас. Мне невероятно повезло, что всю свою долгую жизнь я хранил для вас это бесценное творение, Абсолютную Энциклопедию. Я уверен, Хэл Мэйн будет хранить ее даже лучше, чем это когда-либо удавалось мне...

Там на мгновение замолчал, восстанавливая дыхание. Затем отрывисто произнес:

— Я говорю всем вам до свидания.

Он откинулся в своем кресле и закрыл глаза; видеооператор выключил освещение. Комната мгновенно наполнилась голосами. Все вокруг разом заговорили, а Там сидел, покинутый всеми, съежившись в своем большом кресле. Хэл наконец добрался до Аджелы.

— Итак, — сказал он, стараясь перекричать шум голосов, — вы с Тамом взяли инициативу на себя и просто назначили меня.

— Ты поступаешь точно так же, никого не спрашивая, если нет времени на согласование, — в тон ему ответила Аджела. — Мы только что сдела-

ли то же самое. Ты ведь знал, что Там уже достиг своего предела...

В ее глазах тенью мелькнула боль.

— Считай себя призванным на службу, — произнесла она. — Вот и все. Потому что, кроме тебя, никто не может выполнить эту работу.

Хэл медленно кивнул. Это было правдой; более того, он давно ждал, что Там с Аджелой сделают что-нибудь вроде этого. Они знали, как, впрочем, и он сам, что в конце концов ему придется принять должность директора Энциклопедии и что ему эта должность будет нужна для того, чтоб иметь возможность в будущем решать вопросы совместно с жителями Земли. Он непроизвольно оставил решение вопроса за этой парой, полагая, что они сделают все, что надо, когда Таму придет пора уходить. Хэл подумал, что лично он к этому неизбежному моменту морально уже был давно готов.

Но сейчас, когда этот момент фактически наступил, Хэл, ощутив легшую ему на плечи мантию власти, почувствовал невольное волнение. Он попытался прогнать это чувство. Он всегда хотел стать частью Энциклопедии, да и работа, которую ему еще предстояло сделать, также требовала его присутствия здесь. И все же после слов Аджелы у

него было такое чувство, будто на его душу упала тень, а вокруг него вдруг выросли высокие стены. Его охватило что-то вроде зловещего предчувствия, связанного, как ему показалось, каким-то образом с Амандой.

— У меня не будет времени заниматься ею, — произнес он фразу, которую уже давно заготовил для Тама или Аджелы на случай, когда возникнет подобная ситуация.

— Я знаю, — ответила она то, что он и ожидал услышать. — Эту часть работы я возьму на себя... так же, как я делала это и раньше.

Дверь открылась, и в комнату быстро вошел Рурк ди Фачино и вслед за ним Джимус. Хэл, чей рост позволял ему смотреть поверх голов присутствующих в комнате, увидел их сразу же; Аджела, заметив внезапно изменившееся направление его взгляда, обернулась.

— Хэл... — Рурк тоже сразу заметил его. — Система Джимуса заработала, и мы только что наблюдали, как с поверхности Дорсая поднимаются первые транспортные корабли...

Он начал говорить еще с порога, и ему пришлось кричать, чтобы перекрыть шум толпы. Поэтому его слова услышали все присутствовавшие в комнате, и его фраза оказалась тут же

прерванной всеобщими возгласами ликования. Когда шум стих, Рурк, обращаясь к Хэлу, все же решил закончить свою мысль:

— ...хочешь пойти и посмотреть сам?

— Переключите изображение сюда! — раздался женский голос, тут же дружно поддержанный другими.

— Нет! — чистый звонкий голос Аджелы перекрыл царящий в комнате шум. — Попрошу всех выйти. Вы можете посмотреть трансляцию в одной из столовых. А сейчас, пожалуйста, освободите кабинет.

— Хэл... — неожиданно послышался голос Тама. — Задержись.

Хэл, уже намеревавшийся последовать за всеми, остановился и повернулся к креслу. Аджела тоже подошла к креслу с другой стороны. Комната у них за спиной быстро пустела. Там потянулся к нему, и Хэл почувствовал, как его руку стиснули две узловатые старческие ладони, кости которых, казалось, едва вмещаются в обтягивающую их кожу.

— Хэл! — произнес Там и замолчал, мучительно подыскивая слова; затем, оставив дальнейшие попытки, повторил:

— ...Хэл!

— Спасибо, — мягко произнес Хэл. — Не беспокойтесь. Я позабочусь о ней так, как надо.

— Я знаю, ты позаботишься, — кивнул Там. — Я знаю, ты позаботишься...

Он выпустил ладонь Хэла, бессильно уронив руки на колени, затем глубоко вздохнул — всплеск энергии, похоже, иссяк. Он откинулся на спинку кресла. Его глаза казались глубоко запавшими даже под закрытыми веками. Хэл поднял голову и встретил устремленный на него взгляд Аджелы. Она легонько повела головой из стороны в сторону, и он кивнул. Затем тихо повернулся и двинулся к двери; Аджела опустилась на колени рядом с креслом Тама.

У самой двери Хэл обернулся. Там по-прежнему сидел в кресле с закрытыми глазами. Аджела, стоя на коленях, обняла его руками за талию и положила голову ему на грудь.

Хэл закрыл за собой дверь кабинета и направился вдоль по коридору. Во второй столовой, в которую он заглянул, он обнаружил всех, кто был в кабинете Тама, а также многих других сотрудников Энциклопедии, оказавшихся в этот момент свободными от дежурства. Все увлеченно следили за изображением, воспроизводимым проекционной аппаратурой, установленной

Джимусом в одном из концов комнаты.

Джейсон стоял у самых дверей, по всей видимости, специально поджидая его.

— Хэл, — сказал он, когда Хэл вошел в комнату. — Нам еще многое надо сделать...

— Я знаю. — Он положил руку на худое плечо Джейсона. — Я зашел сюда только на минутку.

Объемная картинка была не очень хорошего качества: изображение эпизода, снимаемого, по-видимому, с большого расстояния, окружал ореол, переливающийся всеми цветами радуги. Постоянно пропадал и снова восстанавливался фокус, реагируя на непрерывные усилия вычислительного центра Энциклопедии выдерживать с предельной точностью расстояние в несколько световых лет, разделяющее ее и видеопередатчик, и корректируя его с помощью фазовых сдвигов. Звук тоже был нестабильным — его то и дело заглушали помехи.

Изображение представляло большую взлетно-посадочную площадку в Омалу, где он в прошлый раз расстался с Амандой. Теперь эта площадка была сплошь забита космическими кораблями; большинство — дорсайские, в других же легко узнавались корабли, построенные по экзотскому проекту. Сейчас в центре изображения находился

один из таких кораблей и в него производилась посадка большой группы пассажиров, молодых людей и детей, время от времени мелькали и более пожилые лица. Картинка снова затуманилась, выйдя из фокуса, звук завибрировал, но Хэл, захваченный происходящим, стоял как будто пригвожденный к стене.

— Они что-то поют, но я не могу разобрать слов, — прошептал стоящий впереди мужчина своей соседке. — Клеа, ты понимаешь, о чем они поют?

Женщина покачала головой. Хэл тоже прислушался. Слов не удалось разобрать, но ему это было и не нужно, уловив мелодию, он вспомнил и слова, которые слышал с детства, когда еще был Доналом. Это был неофициальный дорсайский гимн; неофициальный потому, что официального гимна не существовало так же, как и официального дорсайского флага, да и дорсайской армии, о которой говорилось в гимне. Дорсай, о котором пели люди, был не миром, который они покидали, а Дорсаем, который каждый из них нес в своем сердце. Хэл отвернулся от экрана и направился к двери, возле которой его терпеливо дожидался Джейсон.

— Ну ладно, — сказал он своему спутнику, когда

они двинулись дальше по коридору, — которое из ожидающих нас дел самое срочное?

Глава 65

— Дела, о которых я тебе говорил, теперь могут и подождать, — сказал Джейсон. — Мне только что позвонил Джимус. Он разыскивает тебя, но старается это делать так, чтобы не привлекать постороннего внимания.

— Джимус? — Хэл обернулся в сторону столовой, в которой все еще продолжалась передача с Дорсая.

— Джимуса там нет, — покачал головой Джейсон. — Похоже, сразу же после того, как он покинул кабинет Тама Олина, его вызвали в Центр связи.

— Он не сказал, в чем дело?

— Только то, что хочет, чтобы ты пришел туда как можно скорее, но предупредил, чтобы я никому не говорил, что он разыскивает тебя.

Хэл кивнул и быстрым шагом направился вперед по коридору.

Как только они вошли в помещение Центра связи, к ним тотчас подскочил с озабоченным лицом Джимус и сразу же потащил их в свой маленький уютный кабинет.

— В чем дело? — спросил Хэл.

— Мы только что получили сообщение, — сказал Джимус, — от Блейза. Оно поступило через орбитальный ретранслятор и адресовано лично мне. У меня нет письменной копии, потому что он просил этого не делать. Сигнал не был никак идентифицирован — он был просто адресован на мое имя. Я даже не подозревал, что Блейз знает о моем существовании. Он сказал, что я могу убедиться в подлинности сообщения, если укажу его как одного из двух собеседников, которых ты видел в своей библиотеке. И он передал мне для тебя устное сообщение.

Джимус вдруг заколебался.

— Теперь директор ты. Но честно признаюсь, что пятнадцать минут назад, прежде чем передать это сообщение тебе, я обязательно спросил бы Тама.

— Все в порядке, — кивнул Хэл. — Я допускаю, ты подумал, что в сообщении может содержаться нечто, способное повредить безопасности Энциклопедии. Прекрасно. Мне бы хотелось, чтобы такое же чувство ответственности ты проявлял теперь и в отношении меня, когда директором стал я. Итак, о чем это сообщение?

Джимус все еще в нерешительно смотрел на

Джейсона.

— Джейсон может остаться, — пояснил Хэл.

— Извини, — начал Джимус. — А ты уверен... Я хочу сказать, это может повлиять не только на Энциклопедию. Это может повлиять абсолютно на все.

— Я знаю Блейза лучше, чем, полагаю, кто-нибудь другой. — Глаза Хэла смотрели прямо в карие глаза Джимуса. — Вся его секретность имеет значение только для тех, кто еще не сделал своего выбора за или против него. Джейсон может остаться. Говори.

— Как хочешь. — Джимус глубоко вздохнул. — Он хочет конфиденциально встретиться с тобой здесь.

— Здесь на Энциклопедии?

— Нет. Но поблизости, — ответил Джимус.

— Понимаю. — Хэл обвел взглядом маленький аккуратный кабинет. — Сообщи ему, что я согласен. Пусть он свяжется с тобой лично, как только прибудет сюда. Затем лично проследи, чтобы ему открыли лепестковую диафрагму поблизости от станции, но не более чем необходимо для того, чтобы он попал сюда. Я встречусь с ним внутри защитной сферы.

— Хорошо, — отозвался Джимус.

— И разумеется, никому ни слова, — предупредил Хэл. — Включая Аджелу. Включая Тама.

— Я... — начал Джимус и осекся.

— Я знаю, — кивнул Хэл. — Привычки, выработавшиеся за долгие годы, нелегко забыть в одну минуту. Но я либо директор, либо нет, и ты либо начальник моего Центра связи, либо нет. Ты предполагал, что, как только передашь мне сообщение, я пойду к Таму или Аджеле, не так ли?

— Да, — с несчастным видом согласился Джимус.

— Там уже вне игры. А Аджеле я сообщу, когда сам сочту это нужным. Если ты хочешь отправиться к кому-нибудь из них, несмотря на то что я тебе только что сказал, то сначала подумай о том, кто возглавит Энциклопедию, если я от нее откажусь. Аджела, конечно, сможет управлять ею, но ты сам не раз слышал слова Тама о том, что Энциклопедия предназначена для чего-то большего, чем то, что она представляет собой сейчас.

— Да, — вздохнул Джимус. — Хорошо, я не скажу никому из них. Но... — Он заглянул Хэлу в лицо:

— Ты скажешь мне, когда сообщишь Аджеле?

— Да. — Хэл повернулся к Джейсону:

— Давай, выкладывай, какие еще дела ждут меня сегодня. У тебя есть список?

Джейсон кивнул.

— Спасибо, Джимус, — сказал Хэл и вместе с Джейсоном они вышли из Центра связи.

Когда они оказались в коридоре, Джейсон озадаченно посмотрел на Хэла:

— Можно задать вопрос? Что означает это предложение Блейза конфиденциально встретиться с тобой?

— Я думаю, это означает, что он обнаружил просчет в своих прогнозах, — ответил Хэл. — А теперь разве не ты сам говорил, что у меня уйма дел?

Дел действительно было невпроворот. Прошло почти четыре дня по местному времени Энциклопедии, прежде чем Рух окрепла настолько, что была в состоянии выступить с обращением к миру; свое первое выступление в качестве директора станции Хэл решил на время отложить, чтобы предварить им обращение Рух. Все эти сумасшедшие дни Энциклопедия напоминала крепость в осаде. Не менее трети сотрудников станции, не являвшихся специалистами, круглосуточно посменно принимали запросы, поступающие с Земли от различных правительственных или всепланетных организаций вроде Аэрокосмического агентства.

Труднее всего для персонала станции было

сдерживать эмоции бесчисленных апеллянтов. Правительственные чиновники и представители различных властных структур по старой привычке стали требовать к себе внимания и ответов на свои вопросы. Только по прошествии какого-то времени до них стало доходить, что требовать что-либо или угрожать полностью автономной и надежно защищенной фазовым экраном Энциклопедии у них нет никаких возможностей. Поэтому в конце концов они свернули с тропы воинственных угроз и вышли на широкую дорогу дипломатии; но до этого все-таки успели попортить немало крови такому небольшому в сравнении с Землей персоналу Энциклопедии.

— Кто бы мог подумать, что такое случится? — вконец ослабевшим голосом сказала Аджела Хэлу ранним утром четвертого дня. Как и всем остальным, с момента выступления Тама ей редко удавалось поесть и еще реже поспать. — Девяносто процентов всех обращений совершенно бессмысленны. Если бы те, кто находится у власти там, внизу, хоть немного понимали, что происходит... но, я думаю, рассчитывать на это не приходится.

— На самом деле они очень стараются понять; и это крайне важно для всех.

Они были в кабинете Аджелы. Она только что закончила разговор с директором Северо-Западного сельскохозяйственного сектора, последним из огромного числа чиновников, пожелавшим лично услышать, не скажется ли каким-либо образом установка защитного экрана на урожае зерновых. Было совершенно очевидно, что он и понятия не имел, каким образом это может сказаться на зерновых, но надеялся, что ему об этом сообщит Аджела.

— Человек вроде того, с кем ты только что разговаривала, — сказал Хэл, — старается приучить себя к мысли о том, что Энциклопедия не просто политическая сила, а некая структура более высокого порядка. Подобная ситуация еще неделю назад была бы для многих совершенно немыслима. Поэтому каждому чиновнику там, внизу, необходимо вступить с нами в контакт, чтобы удостовериться, что мы знаем о нем и что он нанесен на политическую карту.

— Но у нас нет людей, чтобы играть в эти игры! — возмутилась Аджела. — И потом, это никому не нужно. Что нужно, так это встретить четыре миллиона дорсайцев и позаботиться о том, чтобы их разместили как следует. Но даже если бы это было нашей единственной заботой,

нашего персонала не хватило бы и для этого, особенно теперь, когда корабли уже начали прибывать; мы не смогли бы этого сделать, даже если бы мы располагали всеми материальными средствами экзотов и направили бы всю мощность Энциклопедии на решение только организационных вопросов!

— Хорошо, — кивнул Хэл. — Тогда давай на время прервем связь.

Аджела удивленно посмотрела на него.

— Я хочу сказать, прервем разговоры с Землей, — пояснил Хэл.

Она продолжала удивленно смотреть на него. «Пожалуй, она переутомилась больше, чем я думал», — пришло ему в голову.

— Мы можем просто имитировать перегрузку аппаратуры связи или сбой питания — Джимус сообразит, что нужно сделать. Либо реагировать на все звонки снизу так, как будто линия связи занята, или не отвечать вообще — пусть идут одни статические помехи. У нас могут возникнуть новые трудности, как только я закончу свое выступление и передам слово Рух; у тебя есть возможность свернуть все свои дела прямо сейчас и не заниматься больше ничем, вплоть до начала моего выступления. Этот перерыв даст тебе по

меньшей мере четыре часа для так необходимого тебе сна.

— Четыре часа, — эхом отозвалась она, как будто эти слова прозвучали на каком-то незнакомом ей языке. Затем ее взгляд опять приобрел осмысленное выражение, и она снова нахмурилась:

— А ты тоже свернешь свои дела?

— Нет, — покачал головой Хэл. — Мне этого не требуется. Это ты тут всем заправляла, не я. Я просто немного устал, но не больше обычного. Мне этот перерыв даст возможность, которой до сих пор у меня не было — поработать над моей речью; сейчас это моя главная забота.

— Ты действительно думаешь... — после долгой паузы начала Аджела и, не договорив, замолчала.

— Конечно. — Хэл встал, подошел к ней и, не обращая внимания на ее протесты, буквально вытащил ее за локти из кресла. Поставив ее на ноги, он проводил ее в соседнюю жилую комнату и заставил лечь на кровать. После этого сам устроился в кресле рядом.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, пьянея от усталости, которая, после того как она перестала ей сопротивляться, полностью поглотила ее.

— Жду, пока ты заснешь.

— Не смеши людей. Я взведена, как пружина. Я не могу просто взять и заснуть...

Секунд двадцать она свирепо таращилась на него, потом ее глаза моргнули, закрылись, и в следующее мгновение Аджела уже спала. Он отрегулировал температуру воздуха над кроватью и вышел.

Хэл направился прямиком в свои апартаменты, которые теперь, когда он сделался директором, несколько увеличились в связи с необходимостью проводить регулярные совещания.

Он сел за стол и вызвал по телефону Рух, Нонну, Рурка, Амида и Джейсона.

— Встречаемся через два часа, — сообщил он им. — У меня.

Затем он отправился в причальный отсек, именно сюда они прибыли вместе с Рух и Джейсоном меньше чем неделю назад. Там дежурила та же женщина-офицер.

— Чуй, — обратился к ней он, — мне нужно навестить дорсайские корабли.

В отсеке как раз шла разгрузка челнока; из корабля в толпе пассажиров вышел человек в летной форме... Командир отсека тут же с криком набросилась на него:

— Стойте! Вернитесь назад! Здесь выходят только пассажиры. Членам экипажа не разрешается выходить здесь!

Ее голос звучал весьма властно; глядя на нее, это трудно было предположить. Она снова повернулась к Хэлу, заметила, что он наблюдает за ней, и на мгновение смешалась.

— Мне кажется, мы все немного изменились, — сказала она. — Вам нужен пилот?

— Нет.

— Если вы пройдете из пассажирского зала в начало отсека, я распоряжусь, чтобы машину сейчас же вывели из бокса и подогнали к вам.

Через пять минут, покинув Энциклопедию, Хэл уже летел в крохотной одноместной машине к кораблям с Дорсая. Серый диск Энциклопедии за его спиной быстро уменьшался в размерах по мере того, как его корабль, разгоняясь, набирал скорость. Когда приборы показали, что он находится ровно на полпути от ближайшего, все еще невидимого, корабля дорсайцев, Хэл выключил двигатель и продолжил полет с плавно уменьшающейся скоростью. На обзорном экране, настроенном на обычное телескопное изображение, выплыл первый из космических кораблей, только что преодолевших в межзвездной пустоте

расстояние в двадцать три световых года.

Теперь эти корабли лежали прямо перед ним на безопасном друг от друга расстоянии. Самыми крупными среди них были дорсайские транспортные корабли, приспособленные для перевозки войск Кроме того, здесь было несколько экзотских кораблей класса «люкс», совершавших регулярные рейсы между различными мирами. В скором времени из небольших кантональных центров вроде Форали, а также с частных взлетно-посадочных площадок, принадлежащих семьям вроде Гримов, которые ведут самостоятельную подготовку солдат для выполнения особых заданий за пределами Дорсая, стартуют сотни небольших кораблей для того, чтобы совершить такой же перелет. Но первыми должны были прибыть большие корабли, на борту которых находились жители немногочисленных крупных городов и населенных пунктов Дорсая.

Теперь на экране были видны они все, вытянувшиеся на стояночной орбите длинной дугой, кривизна которой объяснялась отчасти эффектом большого расстояния и свойствами космоса и отчасти действительным расположением кораблей. Они лежали, освещенные беспрепятственно проходящим через экран солнечным

светом, невдалеке от огромной, кажущейся вертикальной, стены, тянущейся во все стороны от наблюдателя и исчезающей в темноте космоса.

Слева, также залитый яркими солнечными лучами, плыл голубой в белых разводах диск Земли, казавшийся на телескопном экране таким близким, что казалось, протяни руку и коснешься его.

Хэла охватило чувство покоя. Он ощутил присутствие Вселенной, в которой все, не только мужчины и женщины, но также корабли, планеты и звезды, даже галактики, казались не более чем песчинками, рассеянными в ее безбрежном пространстве. Вселенной, которой не было абсолютно никакого дела до микроскопического организма, называемого человеческой расой, прилагающей такие большие усилия, чтобы выжить. Она была вокруг него, и ее протяженность и беспредельность как бы подчеркивали одиночество его духа.

Наконец он вплотную приблизился к первому из кораблей, ширококорпусному транспорту, и коснулся его металлической обшивки световым лучом связи.

— «Си оф Саммер», — произнес он в микрофон. — «Си оф Саммер», это Хэл Мэйн с Абсолют-

ной Энциклопедии; я разыскиваю «Олофс Оун». Посылаю вам для опознания свое изображение. Повторяю, это Хэл Мэйн. Можете показать мне «Олофс Оун»? Я прошу, можете показать мне...

На экране вдруг возникло худощавое лицо молодого человека в офицерском кителе, пристально разглядывающего его с экрана.

— Хэл Мэйн? — переспросил он. Он бросил быстрый взгляд куда-то в сторону, затем снова посмотрел на экран. — Я вахтенный третий офицер Мика Мойн. Для подтверждения своей личности сообщите, где вы были во время последнего посещения Дорсая.

— Форали-Таун, Мика Мойн, — ответил Хэл. — Приятно было познакомиться.

— Взаимно, Хэл Мэйн, — худощавое лицо озарилось улыбкой. — Согласно моим данным, «Олофс Оун» — предпоследний из прибывших кораблей. Сейчас мы проверим по флотскому локатору... все в порядке, он находится на стоянке 103, чуть дальше по линии строя.

— Спасибо, Мика Мойн.

— Рад был помочь, Хэл Мэйн.

Хэл передал сигнал окончания связи и двинулся дальше вдоль строя кораблей. Через тысячу четыреста километров он нашел «Олофс-Оун»,

идентифицировал себя и был приглашен на борт.

— Насколько мне известно, среди ваших пассажиров находится Мириам Сонгаи, — обратился он к командиру, как только оказался на корабле. — Если она не возражает, я хотел бы на минутку переговорить с ней.

— Мы сейчас найдем и спросим ее, — сказал командир «Олофс Оун». — Не желаете ли подождать в офицерской кают-компании? Чтобы разыскать ее, понадобится несколько минут.

Он проводил Хэла в офицерскую кают-компанию. Не прошло и десяти минут, как дверь рывком распахнулась и в помещение вошла Мириам Сонгаи. Хэл и командир поднялись ей навстречу.

— Простите меня, — сказал командир, — но мне надо вернуться в рубку.

И он оставил их вдвоем в пустой кают-компании.

— Спасибо, что согласилась встретиться со мной, — произнес Хэл. — Весьма польщен.

— Пустяки, — отозвалась Мириам Сонгаи. — Я хоть немного размяла ноги, а благодарить за встречу нужно уж скорее мне. Так зачем я тебе понадобилась?

Она села, Хэл последовал ее примеру.

— Я все это время ждал, когда появится Аманда Морган, — сказал он. — Пока что я не нашел никого, кто мог бы мне сказать, когда она прибудет сюда. Я разговаривал с несколькими обитателями Форали, но они сообщили мне, что Аманда последние недели находится в Омалу и это похоже на правду. Она как-то упомянула, что вы тоже много времени проводите в Омалу. Поэтому я решил справиться у вас, известно ли вам что-нибудь.

Мириам покачала головой:

— Я не видела ее по меньшей мере уже пару недель. И мы говорили только о деле — как наилучшим образом упаковать и отправить официальные документы. Я понятия не имею о том, когда она собирается уезжать. Но большинство из нас уже закончили все свои дела в Омалу и отправились на кораблях сюда. Она может появиться здесь в любой момент.

— Надеюсь. — Хэл улыбнулся.

Он встал. Мириам поднялась вслед за ним.

— Хорошо. Благодарю вас, — сказал он.

— Пустяки, — пожала она плечами. — Мне очень жаль, что я не смогла сообщить вам ничего определенного. Но я думаю, она не заставит себя

долго ждать.

Они вместе подошли к двери кают-компании, и та автоматически раздвинулась, пропуская их наружу. Когда они оказались в коридоре, Мириам остановилась и неожиданно взяла Хэла за локоть. При ее прикосновении по его руке прошел как будто мощный электрический разряд. Ее черные пальцы цепко держали его руку.

— Не волнуйся, — твердо произнесла Мириам. Она смотрела на него прямо в упор. — С ней все будет в порядке.

— Спасибо, — отозвался он.

Она выпустила его руку. Хэл проводил ее взглядом, пока она шла по коридору в сторону кормовых отсеков корабля. Затем повернулся и отправился в рубку, где его ждал командир корабля.

— Что еще я могу сделать для вас, Хэл Мэйн? — спросил командир.

— Ничего. Спасибо, — ответил Хэл. — Мне пора отправляться обратно.

Оказавшись снова в своем маленьком корабле, он включил максимальное ускорение, чтобы как можно быстрее вернуться на станцию. Но когда Хэл наконец добрался до своих апартаментов, времени до начала назначенного им же самим

совещания уже почти не оставалось. Аджела уже ждала его, сидя в старинном стационарном кресле, которые она так же, как и Там, предпочитала плавающим.

— Интересно, — произнес он, закрывая за собой дверь. — Ты, что же, можешь войти в любое частное помещение, невзирая на то, есть там хозяин или нет?

— В твое помещение я могу войти, — ответила она. — Потому что ты директор, а я специальный помощник директора. В случае необходимости я могу войти в любое помещение, где может находиться директор.

Хэл удивленно посмотрел на нее.

— ...В принципе да, — продолжала она, — я могу войти в любое частное помещение на Энциклопедии, но только я не стану этого делать.

Хэл сел в кресло напротив и изучающе уставился на нее:

— Сколько тебе удалось поспать?

— Час-полтора. Не имеет значения, — отозвалась Аджела. — Что это за совещание, на которое ты меня не пригласил?

Он укоризненно покачал головой.

— Прежде всего, и это главное, — сказал он, — я официально объявлю всем, что впредь намерен

быть «свободным игроком», чтобы иметь возможность работать здесь в свой рабочей кабине. Всем придется работать самостоятельно. Я больше не намерен никому заглядывать через плечо. Но для тебя это не новость. Остальные же, я думаю, услышав об этом, будут несколько шокированы.

— Так. Что еще?

— Это и еще несколько вопросов. Важнейший из них касается намерения Блейза прибыть сюда для конфиденциальной встречи со мной.

Она внезапно выпрямилась в своем кресле:

— С какой целью?

— Это я выясню, когда встречусь с ним.

Из дверного переговорного устройства донесся голос Рурка ди Фачино:

— Хэл, я здесь.

— Открыть, — произнес Хэл в сторону устройства, управляющего дверью; Рурк вошел и сел рядом с ними.

— Нонна уже идет. Джейсон тоже, — предупредил Рурк. — Амида я не видел.

Он пристально посмотрел на Аджелу:

— Тебе надо отдохнуть.

— Позже, — покачала она головой.

— Тогда закрой глаза и расслабься, пока остальные собираются, — предложил Рурк. — Это тебе

поможет, хотя ты так и не думаешь.

Она собралась было ему возразить, потом улыбнулась и сделала так, как он ей посоветовал. Почти сразу же ее дыхание сделалось ровнее и глубже.

Хэл и Рурк молча переглянулись, поняв друг друга без слов. Хэл встал, подошел к двери и широко распахнул ее. Каждый раз, когда появлялся очередной участник совещания, он прикладывал палец к губам и жестом приглашал его пройти. Наконец собрались все, включая Амида. Далее откладывать совещание больше уже было нельзя.

— До того как я обращусь к землянам с сообщением о своем вступлении в должность директора Энциклопедии и потом передам слово Рух, — сказал Хэл. — У нас есть время лишь на то, чтобы очень коротко остановиться на нескольких вопросах.

Он обвел глазами участников совещания, затем посмотрел на сидящую напротив Рух, и та спокойно выдержала его взгляд. Эти несколько дней своего пребывания на Энциклопедии она провела в абсолютном покое. Любые известия, способные встревожить или взволновать ее, могли поступить к ней только с подачи Центра связи Энциклопедии, а Хэл запретил им это делать.

Роже чуть ли не танцевал от радости, увидев, насколько улучшилось ее состояние. Она по-прежнему выглядела такой же худой и хрупкой, как тогда, когда Хэл увидел ее в отеле на берегу озера Каттара. Но Рух больше не оставляла впечатления прозрачности и выглядела на редкость оживленной.

Хэл на мгновение перевел взгляд на Аджелу, которая так и не проснулась при звуке его голоса. Она продолжала спать в полусидячем положении, уткнувшись головой в угол между спинкой и боковой планкой кресла.

— Я хочу убедиться в том, что вы ясно понимаете, что значит это назначение для меня и для всех остальных, — продолжил он. — Прежде всего, я полагаю, мне не надо объяснять, почему не может быть даже и речи о моем отказе от нее. Просто эту должность больше некому занять, а Там способен управлять станцией только в обычных условиях. Если бы Аджела сейчас не спала, она бы рассказала вам, что Там впервые предложил мне возглавить станцию еще несколько лет назад, и мы оба знали, что когда-нибудь так и будет.

Он оглядел собравшихся, ожидая каких-нибудь реплик. Никто не произнес ни слова, хотя лицо Нонны было абсолютно непроницаемо.

— Почему именно ты? — спросила Рух.

— Извини, — сказал он. — Поскольку все остальные уже в курсе дела, я посчитал само собой разумеющимся, что Аджела или кто-нибудь другой проинформировали тебя. Разве нет? Разве всех вас не проводили через Точку перехода, когда вы впервые прибыли на станцию?

Все, за исключением Аджелы, покачали головой.

— Я не знал об этом, — сказал Хэл. — В самом центре Энциклопедии есть особая точка. Я предлагаю вам всем: попросите кого-нибудь из персонала проводить вас к ней и секунду постойте в ней. Если вы услышите голоса, сразу же свяжитесь со мной, потому что это будет означать, что вы тоже обладаете качествами, необходимыми для того, чтобы управлять Энциклопедией. Все это время, начиная с первого дня работы станции, всех впервые прибывающих сюда проводят через это место. Я приношу извинения за то, что сейчас эта традиция оказалась нарушенной. Вы все должны пройти это испытание в установленном порядке. Почти за столетие только Марк Торре, Там Олин и я слышали там голоса.

— Ты слышал голоса, — произнесла Нонна. — Можно поинтересоваться когда?

— Когда я впервые прибыл сюда. Мне тогда не было еще семнадцати, — ответил Хэл.

— А после этого?

— Тоже. — Хэл улыбнулся ей. — После того как Там объявил о моем назначении, я при первой же возможности отправился туда снова и постоял там секунду.

— И голоса все еще были там?

— Все еще там, — подтвердил Хэл. Бесстрастное лицо Нонны ни на йоту не изменило своего выражения.

— И это должно означать... что?

— Что Энциклопедия была создана для чего-то большего, нежели просто служить совершеннейшей библиотекой и исследовательским центром, — ответил Хэл. — Марк Торре, который спроектировал и построил станцию, видел в ней инструмент для естественного усовершенствования всего человечества. Когда он строил Энциклопедию, кроме веры в свой замысел, у него ничего не было, но его вера оправдалась, когда Там тоже услышал голоса. До того момента Марк Торре никому не говорил, зачем он заставляет всех прибывающих на станцию проходить через Точку перехода. Но после этого он признался. Это было тем доказательством, которого он ждал

всю жизнь — что предназначение Энциклопедии заключается в гораздо большем, чем считали все остальные. Это предназначение мы и сейчас не можем оценить в полной мере. Но мы получили достаточное количество свидетельств необычных свойств станции, которые трудно описать привычными физическими терминами.

— И ты хочешь стать тем самым, кто реализует ее великое предназначение? — уточнила Нонна.

— Нонна, — вступила в разговор Рух, — я вдруг вспомнила, что Аджела хотела тебя кое о чем спросить. Поскольку она спит, я задам этот вопрос за нее. Амид...

Она посмотрела на пожилого экзота:

— Ты сказал мне, что Нонна была одним из тех экзотов, которые с самого начала не доверяли Хэлу и не хотели, чтобы ваш народ поддержал его. Исходя из того, что рассказывала мне Аджела, и что за это короткое время я увидела собственными глазами, у меня сложилось впечатление, что ты, Нонна, имеешь особое мнение относительно всего, что делает Хэл. И это мнение носит откровенно антагонистический характер. Может, пришло время тебе рассказать, в чем тут дело?

Лицо Нонны мгновенно утратило свое бесстрастное выражение. Легкий румянец окрасил

гладкую кожу ее щек.

— Я не согласна с предоставлением Хэлу «карт-бланш» в отношении моего народа. Категорически не согласна, — сказала она. — Все это дело рук Амида, как вы знаете. В результате теми из нас, кто занимается изучением этой проблемы, было решено следующее. Амиду, раз он находится в преимущественном положении, поскольку осуществляет связь между нами и Хэлом, должен быть ради объективности противопоставлен кто-то, кто имеет противоположную точку зрения. Вы можете называть его адвокатом, а меня — критиком...

— Это вполне соответствует экзотскому духу, — сухо заметил Рурк.

Нонна повернулась к нему.

— На самом деле люди с других планет очень часто считают меня нетипичной экзоткой. Но здесь они заблуждаются. Моя точка зрения отражает общее мнение нашего народа в гораздо большей степени, чем предполагает большинство из вас. Только это неэкзотам не всегда заметно.

— Но ты так и не объяснила, в чем причина твоего антагонизма, — сказала Рух. — Ты лишь признала, что он существует.

— Очень хорошо. — Нонна снова перевела

взгляд на Хэла. — Я ожидала услышать этот вопрос скорее от Хэла, чем от кого-нибудь из вас. Но это неважно. Я не убеждена в том, что ты знаешь, что делаешь, Хэл. Когда я в прошлый раз задала тебе этот вопрос, ты выразился в том плане, что вы с Блейзом, как шахматные гроссмейстеры, слишком опытны для того, чтобы пойти на неверный ход, и опасаетесь лишь одного — сделать правильный ход раньше или позже, чем нужно.

— Именно так, — подтвердил Хэл.

— Я не замечаю особой компетентности в твоих действиях, — продолжила Нонна. — Все, что я вижу, это то, что дорсайцы покинули свою планету и в массовом порядке перебрались сюда, чтобы сражаться за мир, который даже понятия не имел о том, что они прилетают. Мой собственный народ...

Ее голос едва заметно дрогнул:

— ...был начисто лишен всего, что он создал и чего добился, и затем брошен на произвол судьбы. Земля, без ее ведома превращена в осажденную крепость, и ее народ, возможно, обречен на бесконечную войну с противником, располагающим огромными возможностями и материальными ресурсами. И это в то время как всего лишь незначительная часть землян понимает цели и

стратегию противника и готова вступить с ним в схватку...

— Ты забываешь, — вклинился Джейсон, — как они были воспитаны. Но сейчас их отношение изменилось после выступлений Рух и других наших проповедников истины. Ты забываешь, как они отреагировали несколько дней назад на сообщение о едва неудавшемся покушении на Рух. Я ежедневно получаю информацию от наших проповедников. Сейчас большинство населения Земли выступает в поддержку действий Хэла, а не наоборот!

— Вряд ли это так, — пожала плечами Нонна. — Они ничего не знают о его действиях. Эмоционально они на стороне Рух, на стороне вашего и моего народа. Это верно. Но этот огонь может погаснуть так же быстро, как зажегся, когда они узнают, что на кон поставлены их собственные жизни, их собственная планета. Между тем Блейз, имея в своем распоряжении население и ресурсы девяти других миров, становится сильнее с каждым днем. И вот сегодня, придя в этот кабинет, я слышу, что Хэл всерьез намерен еще больше распылить свои силы, дополнительно взвалив на себя ответственность за Энциклопедию.

Экзотка смотрела прямо на Хэла.

— Кроме того, — продолжила она, — я ждала ответов на свои вопросы вовсе не от собравшихся на это совещание. А конкретно от Хэла. Я хочу знать, Хэл, как ты объяснишь то, что вдобавок ко всем делам, которыми занимаешься, ты решил присовокупить еще и Энциклопедию?

— Своевременный вопрос, — кивнул Хэл, — поскольку, помимо всего прочего, я собирался сообщить вам о том, что отныне, во всяком случае на ближайшие годы, моя работа с Энциклопедией становится приоритетной в ряду всех прочих дел. Другими словами — оборона Земли сейчас уже организована, а все остальное я оставляю на вас.

Нонна несколько мгновений в изумлении смотрела на него.

— Но это безумие! — наконец произнесла она.

— Вовсе нет. — Хэл внезапно почувствовал себя очень усталым. — Это именно то, что сейчас требуется. Это сражение между Иными и нами будет выиграно не силой оружия возле защитной стены или даже вблизи какого-либо из обитаемых миров. Единственное место, где можно выиграть это сражение, — сердца и умы мужчин и женщин, жителей всех планет. И единственное средство, способное обеспечить победу в этой нематери-

альной войне, находится здесь. Это потенциал Абсолютной Энциклопедии. Именно здесь развернется подлинное сражение, именно здесь оно будет выиграно или проиграно. И именно здесь я намерен выполнять свою настоящую работу.

Нонна продолжала удивленно смотреть на него.

— Подумай сама, — обратился к ней Хэл. — Что еще, что другое, можно было сделать, чтобы у нас появился хоть какой-то шанс, как Иные превратятся во всеподавляющую силу, угрожающую сделать нас пленниками своей философии? Нашей единственной надеждой противостоять им и покоренным ими мирам была эта планета и оставшиеся еще с нами миры, силы которых следовало собрать воедино в одном месте. Поскольку, в отличие от нас, Иных может удовлетворить только полная победа. Численность населения Земли и ее материальные ресурсы делают эту планету наиболее подходящей на роль цитадели с гарнизоном, способным противостоять выступающим против нас силам. Как могли мы заранее спрашивать на это разрешение у Земли, если развернувшаяся публичная дискуссия по этому вопросу могла бы затянуться на годы? А пока бы дебаты продолжались, Блейз со своими людьми

без всякого разрешения спокойно захватил бы планету и тем самым нанес нам сокрушительное поражение. Когда же Блейз заметил наш маневр, было поздно принимать какие-либо контрмеры — это та самая промашка, о которой, Нонна, я говорил тебе раньше. Таким образом, мы выиграли у него очко.

Она было открыла рот, чтобы ему ответить, но он, не делая паузы, продолжал:

— Просто с самого начала было ясно, что мы должны отдать все, чем обладаем: дорсайцы — свою силу, вы, экзоты, — свое богатство и свои знания, Земля — свои человеческие и материальные ресурсы, а квакеры — свою непоколебимую веру в нашу конечную победу, которая укрепит всех нас. Зная, что требуется от каждого из нас, что еще мы могли сделать? Если у тебя есть какие-нибудь альтернативные решения, скажи.

Он снова сделал короткую паузу. Но она опять промолчала.

— Ты споришь не со мной, Нонна, — через мгновение уже мягче продолжил он. — Ты споришь с силами, приводящими в движение историю, — с действиями людей, влекущими за собой новые действия, и так далее, пока в конечном итоге не возникает ситуация, подобная нашей, кото-

рую можно разрешить одним-единственным путем. У нас есть только один выбор: или активно вмешаться, или проигнорировать ее. Это — последняя конфронтация, если смотреть с позиций настоящего момента, но аналогичные конфронтации, актуальные для своего времени, возникают в каждом поколении. В данной ситуации люди пошли за мной не потому, что я что-то сказал, и не потому, что я — это я, а потому, что это единственный путь, дающий шанс совладать с ситуацией. Другого я не вижу. Или он тебе известен? Если так, то скажи нам.

Хэл замолчал.

Несколько мгновений Нонна сидела молча; потом, поняв, что он не продолжит, пока не получит от нее ответа, закрыла глаза и с минуту сидела на стуле, напряженная и прямая, как натянутая струна. Наконец открыла глаза.

— Ты прав. — Ее голос слегка дрожал. — Я не могу предложить никакой альтернативы.

— Ладно, у нас уже почти не осталось времени до начала моего вступительного слова и последующего обращения Рух. Я полагаю, вы знаете, как разместить дорсайцев на Земле, используя финансовые возможности Энциклопедии и денежные средства, полученные от экзотов? Если

нет или если вас интересуют детали, обращайтесь к Рурку.

Он посмотрел на Рурка, и тот согласно кивнул.

— Мы вовсе не собираемся объявлять, что прибыли сюда специально, чтобы защитить Землю, — сказал Рурк. — Наша деятельность здесь оговорена условиями контракта, заключенного между моим народом и Энциклопедией. Мы будем сражаться за Землю, только если нас попросят об этом сами земляне, и, конечно же, с согласия Энциклопедии, в котором, надо думать, она нам не откажет. Поэтому мы будем ждать, когда Земля сама попросит о помощи, если ее народ и в самом деле этого захочет. Все, что Рух собирается сказать по нашему поводу — а она в своем выступлении должна объяснить землянам наше присутствие здесь, — это то, что мы — беженцы, спасающиеся от экспансии Иных, и что экзоты со своей стороны пожертвовали всем, что имели, для того чтобы наши беженцы смогли сами обеспечить себя и не были бы бременем для Земли...

Его прервал сигнал дверного оповестителя.

— Извини, Хэл, — послышался голос Джимуса, — у меня для тебя несколько срочных сообщений.

— Неси их сюда, — сказал Хэл. — Продолжай, Рурк.

— В сущности, это все, — отозвался Рурк. Хэл повернулся к остальным.

— Я, кажется, уже говорил, что намерен сделать свое выступление предельно кратким, — сказал он. Вошедший тем временем в кабинет Джимус подошел к Хэлу. — Я только сообщу, что Там передал мне свои бразды правления и что я принял их. Спасибо, Джимус...

Джимус сунул ему запечатанный конверт и сложенный лист из мономолекулярного материала, обычно используемого на Энциклопедии для печатных документов.

— Конверт адресован лично тебе и доставлен с оказией с Дорсая, — прошептал Джимус на ухо Хэлу. — Он от Аманды Морган. Отдельный лист — это копия открытого письма, которое Блейз опубликовал на Новой Земле менее стандартных суток назад. Посольство экзотов на Новой Земле заполучило его экземпляр и переслало сюда по новой линии связи. Они полагают также, что это письмо распространили также и на других мирах, подвластных Иным.

— Спасибо. — Хэл сунул письмо Аманды во внутренний карман куртки и развернул сложен-

ный лист, расправив его на колене, чтобы было удобнее читать.

— Еще раз прошу извинить за беспокойство, — быстро проговорил Джимус и выскользнул из кабинета.

Глава 66

Когда дверь за Джимусом закрылась, Хэл посмотрел на листок бумаги, лежащий на его коленях.

— Я прочту для всех, — сказал он. — Это телеграмма, отправленная из пока еще функционирующего в Катее на Новой Земле посольства экзотов. Джимус только что получил ее по новой фазовой системе связи. Это копия обращения Блейза к народу Новой Земли и, как считают в посольстве, к народам других миров, находящихся под контролем Иных.

«Всем, кто верит в наше будущее и будущее наших детей.

Я не хотел выступать, так как всегда был твердо убежден, что таким людям, как я, надлежит только отвечать на вопросы — когда их спрашивают и если их спрашивают.

Однако только что от людей, бежавших со Старой Земли, я получил информацию, которая меня встревожила. И, как мне кажется, из нее ясно видно, что

всем людям с чистыми помыслами грозит опасность; особенно тем из нас, кто живет на новых мирах. Веками некоторые могущественные миры, такие как воинствующие дорсайцы, алчные и коварные экзоты и квакеры, вот уж точно, Забытые Богом — единственные, не в пример здравомыслящему большинству всех четырнадцати миров, жаждут подчинить себе и обобрать нас, миролюбивых и законопослушных.

На протяжении столетий мы подозревали, что между этими тремя мирами существует тайный сговор; дошло до того, что они единолично присвоили своим мирам название Осколочные Культуры, хотя, как мы знаем, оно в равной степени по праву принадлежит сотням способных, трудолюбивых и мирных содружеств человеческой расы. Мы, те из вас, кто всегда скромно отдавал свой талант ради всеобщего блага, мы, кого некоторые называют Иными, в то время как те, кого они таковыми считают, мечтают лишь о создании общества единомышленников, готовых сообща использовать свои спо-

собности, именно мы уже на протяжении трехсот лет предупреждали о наличии такого тайного сговора. Но лишь сегодня мы поняли, что они угрожают всей расе в целом.

Однако сейчас нам стало известно о дьявольском союзе, который под диктатом этого института, находящегося на орбите Земли и известного под названием Абсолютная Энциклопедия, уготовил каждому из нас неминуемую рабскую долю. Я и мои друзья уже давно знали, что эта Энциклопедия была задумана лишь с одной целью, как невероятно мощное и невиданное доселе средство контроля над сердцами и разумом обыкновенных людей. И именно поэтому ее строительство с самого начала финансировалось экзотами; если внимательно прочитать труды Марка Торре, ее первого директора, все станет абсолютно ясно.

Эта задача, определенная в условиях полной секретности и изоляции, для чего потребовалось даже поместить Энциклопедию на орбиту Земли, в дальнейшем выполнялась путем выявления Энцикло-

педией лучших умов в каждом поколении; их заманивали обычно под предлогом посещения института в качестве приглашенных специалистов.

Она по-прежнему финансируется экзотами, и они же приложили руку и к финансированию дорсайцев, которые изначально мыслились как могучий вооруженный кулак, способный утихомирить все остальные покоренные миры.

Эта сатанинская работа, ведущаяся на протяжении трехсот лет, сегодня дала свои плоды.

Энциклопедию и тех, кто стоит за ней — включая самих землян, издавна предпринимавших неоднократные попытки подчинить себе недавно заселенные миры, — лишь разозлило мужественное сопротивление народов всех этих миров, которое, как вам всем известно из учебников по истории, длится, не прерываясь, вот уже целое столетие.

Сейчас жители Старой Земли, во главе которых стоит Абсолютная Энциклопедия, наконец сбросили этот камуфляж невинности. Они скопили в своих закромах

огромные богатства, которые выкачали из Экзотских миров, полученных последними за счет торговли и интриг против таких народов, как мы с вами. Они также совершенно открыто и в одночасье эвакуировали с Дорсая на Землю все население, приступив к созданию армии, задачей которой является покорение одного за другим наших новых миров и закабаление нас навечно под железной пятой военной деспотии. И они уже готовы пустить в ход это страшное оружие, над которым трудилась Энциклопедия последние три столетия.

Они готовы напасть на нас — нас, которые пребывали в полном неведении относительно их амбициозных намерений. И сейчас мы стоим практически безоружные и неподготовленные перед лицом нависшей угрозы бесчеловечной и безнравственной попытки поработить или уничтожить нас. Мы уже слышим угрозы в свой адрес, сказанные с жестокой откровенностью, а также — слова о том, что если дорсайцы решатся на войну, то никакая армия в мире, даже самая

большая, не сможет победить их.
Но не верьте этому...»

При этих словах Рурк фыркнул.

— Он мог бы повторить это прямо здесь и сейчас, — сказал он вполголоса, однако недостаточно тихо, чтобы не мешать Хэлу читать, — и повторять до тех пор, пока эта мысль не дойдет до самых тупоголовых на Старой Земле!

Он поймал на себе взгляд Хэла.

— Прости. Эти слова лишь вторят тому, о чем кричат эти горлопаны там, внизу: «Стоит ли нам о чем-либо заботиться? У нас есть дорсайцы, и они любят воевать».

Он кашлянул:

— Извини меня, пожалуйста.

«...Не верьте этому, — продолжил Хэл. — Это всегда было ложью, которая навязывалась нам экзотами и дорсайцами, преследующими в этом лишь свою выгоду. Что же касается огромной армии, то вам всем известно, что у нас ее нет...»

— Неправда, — прокомментировал Амид. — Прости. Теперь моя очередь извиняться, Хэл. Продолжай.

«...у нас ее нет. Но мы можем создать
ее. Мы создадим армию, которая по чис-

ленности и силе никогда и не снилась населению Старой Земли. Мы не те нищие молодые народы, которые Старая Земля с помощью Доу де Кастриса пыталась безуспешно покорить в первом столетии нашей колонизации. Сейчас на девяти мирах нас насчитывается почти пять миллиардов. Разве могут побороть мужество и сопротивление таких людей даже четыре миллиона обученных и закаленных битвами воинов, которых Старая Земля получила в лице дорсайцев...»

Услышав эти цифры, Рурк снова фыркнул, но на этот раз сдержался и промолчал.

«...Объединившись, мы, народы девяти миров, непобедимы. Мы встретим нашего врага во всеоружии — и на этот раз, с помощью Господа, мы сокрушим эту деградирующую возгордившуюся планету, столь долго угрожавшую нам; и мы сделаем все, что нужно, чтобы население Старой Земли больше никогда не смогло предпринять попытки угрожать нашим жизням, нашим домам и жизням и домам тех, кто придет после нас.

И, чтобы помочь свершиться этому, я и мои соратники готовы на все. Мы не любим привлекать к себе всеобщего внимания; но в связи со сложившейся неотложной ситуацией я лично опросил всех тех, кого вы называете Иными, и они, согласившись со мной, попросили довести до вашего сведения, что готовы выполнить любую работу или занять любую должность, на которой они смогут быть полезны, чтобы избавиться от этой невероятной угрозы.

Нечестивцы со Старой Земли говорят, что они выступят против нас. Пусть выступают, если они настолько глупы. Надо покончить с этим демоном раз и навсегда. Они даже не подозревают, что это будет началом их конца!

...Подписано, Блейз Аренс».

Никаких титулов, просто одна подпись.

Хэл передал послание Рух, которая стояла к нему ближе других. Та пробежала его глазами и передала по кругу остальным слушателям.

— Кстати, насчет четырех миллионов готовых к бою опытных солдат! — заметил Рурк. — Могу

сказать, что я предвижу здесь серьезную проблему со стороны землян. Нам предстоит проделать чертовски сложную работу, чтобы заставить их понять, что мы привезем с собой наши семьи — целые семьи! И, если среди нас наберется шестьсот тысяч боеспособных и годных по возрасту дорсайцев, считайте, что нам повезло; к тому же по меньшей мере двум третям из них понадобится пища и кров, не говоря уже о больных или выведенных из строя, что может случиться в любой момент. А откуда брать пополнение, когда мы начнем нести потери? И они еще думают, что мы должны охранять границы, которые по своей протяженности значительно превосходят периметр самой Земли? Подождите, что будет, когда они поймут, что для защиты такой большой территории им придется послать на передовую гораздо больше своих сограждан, чем все прибывшее с Дорсая население.

— Это вопрос будущего, придет время, и мы решим его, — сказал Хэл. — Как только они поймут, что нужно сделать для того, чтобы выжить, появятся и те, кто будет готов прийти на помощь. Но я надеюсь, что здесь, на Энциклопедии, мы найдем другой способ, который поможет нам выиграть; не стоит гадать, сколько миллионов

солдат понадобится Блейзу и сколько он сможет поставить, чтобы прорваться через лепестковую диафрагму защитного экрана, когда мы будем вынуждены на мгновение приоткрыть ее для атаки, прежде чем нам удастся снова закрыть ее. Сейчас не время думать об этом. Если вы уже все посмотрели это послание...

Да, все уже успели ознакомиться с ним. Даже Нонна изучила этот клочок бумаги.

— Ведь это же один из тех случаев, о которых ты говорил, предполагая, что Блейз может допустить ошибку, сделав свой шаг либо преждевременно, либо слишком поздно! — радостно воскликнул Джейсон. — Он явно опоздал с этим своим посланием, не так ли? Если бы он обратился с ним хотя бы месяц назад — разумеется, если бы речь в нем шла о той же самой коалиции против нас, даже в том случае, если бы он не смог использовать сам факт переселения дорсайцев на Землю, — ему бы удалось заронить зерно сомнения и посеять панику среди многих землян, заставив их принять более жесткую позицию, которая закрыла бы дорогу дорсайцам прежде, чем они добрались сюда...

Он прервался на полуслове. Его глаза с восхищением смотрели на Хэла.

— И именно поэтому ты так старательно насаждал среди нас идею переселения дорсайцев на одну из планет экзотов!

— Это так, — кивнул Хэл.

— Он, должно быть, схватился за пистолет, узнав, что мы направляемся сюда... — задумчиво протянул Рурк. — Нет, вряд ли у него было время для того, чтобы узнать об этом и успеть опубликовать это воззвание так, чтобы его копия попала к нам в руки.

— Нет, это вполне возможно, — отозвался Амид. — На Маре и Культисе для экстренной доставки информации между этими планетами мы пользуемся методом, который гораздо быстрее, чем вы можете себе представить, и заключается он в том, что нужно расставить корабли между планетами таким образом, чтобы они находились друг от друга на расстоянии одного фазового сдвига. Когда необходимо передать послание, с планеты стартует корабль и после сдвига передает сообщение первому кораблю в цепочке. Этот корабль тоже делает один сдвиг — и так далее. Время поиска контакта в заданном районе каждого сдвига сводится к минимуму, так как каждый сдвиг очень короткий; и необходимые расчеты для каждого корабля выполнены уже за-

ранее. А поскольку каждый пилот делает только один сдвиг, проблем, связанных с психическим воздействием на человека слишком частых многократных фазовых сдвигов, не возникает. Единственным требованием для такой системы является наличие достаточно большого количества кораблей, простаивающих без дела в этой цепочке в ожидании вашего сообщения, если вы можете себе это позволить. Мы могли себе это позволить тогда. Блейз мог бы позволить себе это сейчас.

— Хм-м, — протянул Рурк.

— Да. — Амид взглянул на него. — Я думаю, Донал Грим самостоятельно пришел к аналогичной системе и пользовался ею в последние годы, когда в его распоряжении появилось достаточно кораблей для такой системы передачи сообщений. В любом случае, если у Блейза есть подобные наблюдатели на всех мирах, которые потенциально враждебны ему, ему бы сообщили о старте первого дорсайского транспортного корабля уже через двадцать четыре часа по стандартному времени; и примерно столько же времени ему потребовалось бы для того, чтобы узнать о появлении первого из них на орбите Земли. И что ни один из них не появился у Мары или Культиса.

— Выходит, он запаниковал и сделал поспешный ход, — сказал Джейсон. — Я думаю, это послание совсем на него не похоже.

— Я бы не назвал это паникой, имея дело с человеком типа Блейза, — отозвался Хэл. — Я думаю, этим своим посланием он хотел смягчить известие о переброске дорсайцев на Землю. И он достиг своего — хотя потерял в другом — и, поскольку он решил, что Земля для него потеряна, во всяком случае сейчас, он мог просто не брать в расчет тот эффект, который его послание произведет здесь, хотя он и не мог предполагать, что люди Земли так быстро его прочтут.

Он помолчал.

— Что же касается того, похоже это на него или нет, — продолжал Хэл, — в нем имеются такие стороны, о которых никто даже не подозревает.

Его слова приковали к нему всеобщее внимание. Он продолжал:

— Я хочу вам сказать еще кое-что. Блейз прислал мне сообщение с предложением встретиться с ним с глазу на глаз, и я ответил ему, что согласен встретиться с ним внутри оболочки защитного экрана. Мне интересно знать, почему он хочет поговорить со мной именно сейчас. Это...

Он показал на листок, лежащий на столе рядом

с Рурком.

— ...свидетельствует о том, что ему что-то нужно. И по моему мнению, он хочет выяснить, какова реакция землян на прибытие к ним дорсайцев. Как только Джимус сообщит мне, что он уже здесь, я собираюсь тут же с ним встретиться, и это может произойти в любой момент.

— Но, если он должен сначала получить твое сообщение, затем стартовать с Новой Земли... — прервал его Рурк и задумался.

— Его могло и не быть на Новой Земле, — пожал плечами Амид. — Даже если он и был там, учитывая, что Сириус находится отсюда на расстоянии девяти световых лет, он мог бы совершить перелет всего лишь за два стандартных дня, выполнив серию фазовых сдвигов и поддерживая себя старыми добрыми наркотиками.

— Как он узнает, что нам об этом уже известно? — требовательно спросил Рурк.

— Я не думаю, что для него является большим секретом, что у нас есть новое, более быстродействующее средство связи, — пояснил Амид. — Он просто пока не знает, как мы это делаем.

— Нам уже почти пора выходить в эфир, — прервала их Рух. — Хэл, у тебя готово выступление?

— Я его не писал, но я знаю, что хочу сказать, —

ответил Хэл, в то время как остальные задвигали стульями и убрали лишние плавающие кресла из кадра. Он нажал клавишу в подлокотнике своего кресла.

— Джимус, как только техники будут готовы, мы выходим со своими обращениями в эфир.

— Мы ждали в коридоре, — донесся из дверного переговорного устройства голос Джимуса. — Уже можно войти?

— Заходите, — пригласил Хэл.

В комнату из коридора вошла бригада техников.

— Ты будешь будить Аджелу? — спросила Хэла Рух. — Она собиралась тебя представить, но ей нужно пару минут, чтобы прийти в себя.

— Я думаю, да, — сказал Хэл с неохотой.

Он встал, подошел к Аджеле и погладил ее по голове. Она продолжала спать. Он осторожно потряс ее за плечо. Какое-то время казалось, что она не чувствует даже этого, но потом ее глаза вдруг широко открылись.

— Я не спала.

Веки ее дрогнули и опустились, и она снова погрузилась в сон.

— Меня может представить Джимус. — Хэл поднял Аджелу, отнес ее в одну из двух имевшихся в

этих апартаментах спален и положил на кровать. Когда он это делал, она проснулась.

— Говорю тебе, я не сплю! — пробормотала она.

— Хорошо. Просто полежи здесь.

— Ладно! — Она плотно закрыла глаза, повернулась на другой бок и снова провалилась в сон.

Хэл вышел, закрыв за собой дверь спальни. Он снова занял свое место и посмотрел на техников.

— Сначала ты один, Джимус. — Он обратился к ним и поднял вверх один палец. — Готовы... начали!

На видеокамерах, направленных на стоящего рядом со стулом Хэла Джимуса, зажглись маленькие контрольные лампочки.

— Меня зовут Джимус Уолтерс, — сказал Джимус. — Я главный инженер Сектора связи Энциклопедии, и сегодня мне выпала честь представить вам нового директора Энциклопедии, информацию о котором вы прочтете в пресс-релизе, только что выпущенном Энциклопедией.

— Люди Земли, позвольте представить вам директора Абсолютной Энциклопедии. Хэл Мэйн!

Контрольные лампочки погасли. Джимус отошел назад, выйдя из кадра. Лампочки загорелись вновь. Хэл смотрел прямо в горящие перед ним

маленькие ярко сияющие глазки:

— Сегодня я буду краток, потому что сейчас на Абсолютной Энциклопедии мы все очень заняты. С чем это связано, вы узнаете из пресс-релиза, о котором только что упомянул Джейсон, и, я думаю, Рух Тамани, которая выступит после меня, возможно, тоже затронет эту тему.

Я очень горд тем, что Там Олин, бывший директором Энциклопедии более восьмидесяти лет, выбрал меня в качестве своего преемника на этом посту. Как вы знаете, единственным директором до Тама Олина был Марк Торре; человек, который задумал, спланировал и наблюдал за ходом строительства этого великого сооружения, начиная с самого начала его создания на Земле в городе Сент-Луисе, в северной части западного полушария этой планеты.

Марк Торре, как вы знаете, намеревался создать инструмент для исследования пограничных районов самого человеческого разума, построив хранилище для всей имеющейся информации, касающейся того, что было создано или познано человеком с момента зарождения человеческого разума. Он верил и надеялся, что это хранилище человеческих знаний и творений послужит материалом и со временем инструментом для

изучения того, о чем никто и не мечтал и что всегда было сокрыто от человеческого взора, подобно тому как никто из нас без посторонней помощи не может заглянуть внутрь своей собственной головы.

Этому исследованию Там Олин, как и Марк Торре до него, посвятил всю свою жизнь. На протяжении всего своего долго срока пребывания на посту директора он был столь же верен этой цели, как и Марк Торре.

Сегодня я могу вам сказать лишь то, что разделяю ту же веру, те же намерения и сохраняю ту же преданность, что и они. Но мне повезло больше, чем эти двум людям, посвятившим до меня свои жизни этому исследованию, — я могу внести в начатое ими дело свой дополнительный вклад. Мне кажется, у меня есть причины надеяться на то, что долгие годы исследований, проведенных здесь, на Энциклопедии, приблизили нас к заветной цели. Мы сейчас наконец подошли и стоим почти на пороге, по крайней мере, почти на пороге этого мира неизведанного, в который так мечтал войти Марк Торре, и скоро мы пожнем плоды, которые дает это исследование — то внутреннее исследование человеческой расы, к которому мы» никогда не прекращали

стремиться — сначала бессознательно, позднее сознательно — с самого начала сотворения мира.

Когда придет время переступить этот порог, жизнь каждого из нас полностью изменится. Возможно, мы находимся накануне величайшего момента, какого еще не знала история человечества. И что касается меня, то я нисколько не сомневаюсь, что то, что мы искали на протяжении целых тысячелетий, будет найдено; и это произойдет не через века или десятилетия, а при нашей с вами жизни и, возможно, так скоро, что, если бы я имел возможность с полной уверенностью сказать вам когда, вам бы всем это показалось просто невероятным.

Я обещаю вам, что, пока буду директором Абсолютной Энциклопедии, я не допущу, чтобы что-нибудь помешало или замедлило проведение работ, направленных на достижение этого будущего.

Это все, что я хотел сказать вам о себе и о руководстве Энциклопедией. А сейчас позвольте сменить тему и представить вам человека, который, как я думаю, так много значит для многих из нас, что само по себе еще год назад также могло показаться невероятным.

Люди Земли, я счастлив тем, что мне выпала

честь представить вам Рух Тамани.

Лампочки на видеокамерах, установленных перед Хэлом, погасли и зажглись перед Рух. Он встал и быстро отошел к двери своего кабинета, с тем чтобы во время ее выступления с ним можно было легко, никому не мешая, связаться из коридора. Он встал у стены, опершись о нее плечом, и тут же был захвачен тем, что она говорила. Любой, кто когда-нибудь попадал на выступление Рух, слушал ее, словно завороженный; и он не был исключением.

— Мне жаль, что я поселила в ваших душах скорбь, — были первые слова, которые она произнесла, обращаясь ко всем людям планеты. — Мне сообщили о том, что многие из вас решили, что я погибла или, по меньшей мере, тяжело ранена; вы поверили. Это явилось причиной вашей скорби. Но вы никогда не должны скорбеть обо мне.

Скорбите о том, что более ценно под Небесами. О том, кто, быть может, посвятил вам свою жизнь, а сейчас страдает или его уже нет в живых. О вашем ранящем душу гневе, о безразличии, способном причинить страдания или уязвить гораздо сильнее, чем не праведный гнев или жестокость.

Скорбите о своем себялюбии, разлучившем и

отгородившем вас от друзей и подруг. Скорбите о своей трусости, неверии, бездушии ко всему живому.

Но, скорбя, знайте, что вам не пришлось бы скорбеть, если бы вы сами своими действиями или бездействием не породили эту скорбь.

...Потому что величайший смысл жизни в том, что каждый из вас распоряжается ею самостоятельно; и никому не дозволено лишать вас этого права без вашего согласия...

Кто-то тронул его за плечо.

— Хэл... — раздался позади него шепот Джимуса.

Хэл вышел вслед за начальником Сектора связи в коридор, и они отошли чуть в сторону от двери, из которой только что вышли.

— Он здесь, — сказал Джимус. — В звездолете снаружи защитного экрана Энциклопедии. Я сам с ним не разговаривал. Кто-то с его корабля вышел на связь и просил передать мне, что он готов встретиться с тобой, как только ты сможешь.

Хэл кивнул. Его интуиция, все расчеты интуитивной логики неопровержимо подсказывали: ему не удастся дослушать до конца выступления Рух.

Джимус продолжал говорить:

— Я сказал тому, кто со мной говорил, что ты просил передать о своем прибытии, как только узнаешь, что Блейз здесь. Я объяснил ему, как Блейзу найти в защитном экране лепестковую диафрагму, как войти в нее и как вести себя после того, как он окажется внутри — в особенности я предупредил его, насколько опасно касаться стен. Лепестковая диафрагма сейчас уже открыта, и мы протянули пол по всей ее длине. Тебе, наверное, нужен будет пилот, который доставит тебя к месту встречи, не так ли?

— Нет, — ответил Хэл, затем передумал. — Да. Я бы хотел, чтобы пилотом был Саймон Грим. Ты не можешь найти его?

— Хорошо, — кивнул Джимус. — Твой корабль готов и стоит в отсеке номер три, в нем защитные костюмы и все, что вам может понадобиться. Почему бы тебе не пойти прямо туда, а я через минуту пришлю туда Саймона. Я объяснил тому, с кем разговаривал, где он должен поставить свой корабль, каких бы малых размеров тот ни был, чтобы он ни в коем случае не касался стен диафрагмы у ее входа, и каким образом Блейз должен войти...

— Хорошо, — прервал его Хэл. — Похоже, ты все предусмотрел и все сделал наилучшим образом.

Пришли ко мне Саймона. Я пойду вперед.

Корабль, который подготовил Джимус, оказался десятиместным челноком, приспособленным для полетов в атмосфере и в космосе. Не успел Хэл войти в него и занять в передней кабине кресло второго пилота, как появились Саймон и Джимус.

Не говоря ни слова, Саймон занял место у пульта управления.

— Джимус объяснил тебе, в чем дело? — обратился к нему Хэл.

— Да, пока мы шли сюда. — Саймон включил двигатели и оглянулся на Джимуса; но Джимус все еще медлил покинуть корабль.

— Ты уверен, что все правильно понял? — спросил он Хэла.

— Повтори все сначала, если хочешь, — терпеливо отозвался Хэл.

— Хорошо. — Джимус облегченно вздохнул. — Фактически защитный экран состоит из двух оболочек — двух сдвинутых один относительно другого фазовых экранов, установленных на некотором переменном расстоянии друг от друга, с тем чтобы там хватило места для заградительного отряда, на тот случай, если при нападении нам необходимо открыть диафрагму, чтобы вы-

пустить или впустить свои корабли. Когда мы открываем диафрагму, мы, по существу, формируем в нужном нам месте туннель любой ширины, длиной от пятидесяти метров до нескольких километров, в зависимости от того, на какую ширину мы хотим развести в этой точке обе стены...

— Пожалуйста, покороче, если можешь, Джимус, — попросил Хэл.

— Я постараюсь. Я хочу быть уверенным в том, что ты понял, как себя вести у входа в диафрагму и внутри туннеля. В данном случае оба входа в туннель будут иметь нематериальный изобарический воздушный клапан. Ты уже сталкивался с ним на практике. Это как обычная воздушная дверь — ты просто проталкиваешься внутрь сквозь нее. Внутри туннеля мы воссоздадим привычную земную атмосферу, но не только для того, чтобы вы с Блейзом могли дышать, но также для того, чтобы создать перенасыщенную влагой воздушную среду, во избежание случайного статического разряда от стен на кого-нибудь из вас. Статический контакт между тобой и стеной имел бы для тебя столь же гибельные последствия, как если бы ты коснулся стены туннеля рукой. Все время держись середины туннеля. Далее, перенасыщенность атмосферы влагой приве-

дет к образованию в туннеле плотного тумана. Поэтому старайся придерживаться линии, где туман наименее плотный, и можешь быть уверенным, что ты находишься посередине туннеля. Блейз получил от нас такие же инструкции Мы также создали в туннеле плавающий пол вполне достаточной ширины, чтобы вы вдвоем могли спокойно ходить по нему. Кроме того, там будет гравитационное поле.

— Хорошо, — кивнул Хэл. — Спасибо тебе, Джимус. Саймон, мы начинаем полет, как только за Джимусом закроется дверь...

— Ты должен — должен — помнить! — воскликнул Джимус, направляясь к выходу из корабля. — Любой контакт со стеной туннеля будет равносилен прикосновению к самому защитному экрану. Ты мгновенно будешь развеян по безграничному космосу, не имея ни малейшей надежды на восстановление.

— Я понял. Спасибо, Джимус. Спасибо тебе.

Джимус покинул корабль и закрыл за собой дверь. Саймон поднял корабль в воздух, и они вылетели через открывшийся перед ними выход из отсека.

Глава 67

Как только они миновали изобарический воздушный клапан в оболочке Энциклопедии, Хэл тут же поднялся и направился в отсек, где хранились защитные костюмы. Он надел один из них, но тот оказался слишком мал для него, поскольку предназначался, очевидно, для Саймона. Он снял его и надел другой. Это был прозрачный комбинезон из тонкого материала, совсем незаметный, за исключением тяжелого энергетического пояса вокруг талии. Он откинул за спину прозрачный, но жесткий шлем.

— Мы на месте, — Саймон обратился к Хэлу, когда тот вернулся назад в кабину корабля.

Хэл посмотрел на передний экран и увидел нечто, напоминающее округлую блестящую темную дыру, диаметром приблизительно метров десять. В нижней ее части, словно хорда, шла жирная темная линия — торец установленного пола.

— Да, вход освещен прекрасно, — сказал он. И в самом деле, каждая из бесчисленных капелек тумана, заполнявших весь объем туннеля, ярко

сияла, отражая свет ламп, вмонтированных в верхнюю и нижнюю поверхности панели, служащей полом, отчего весь интерьер туннеля, казалось, светился.

— Следуя полученным от Джимуса указаниям, я должен зависнуть в пятидесяти метрах от входа, — пояснил Саймон. — Я могу выдвинуть для тебя трап, остановив его в полуметре от диафрагмы, — или, может быть, ты хочешь воспользоваться энергетическим поясом и прыгнуть сам?

— Я прыгну, — кивнул Хэл. — Если Джимус считает, что ты не должен приближаться к ней на расстояние меньше пятидесяти метров, значит, выдвигать трап так близко ко входу, возможно, не самая блестящая идея.

— Я смогу удержать корабль, нет проблем, — пожал плечами Саймон.

— Я знаю, что можешь, — улыбнулся Хэл. — И все же давай не будем рисковать. Если я буду прыгать, то мне придется думать только о самом себе.

Саймон остановил корабль. Хэл закрыл шлем и, пройдя через двойные двери корабля, служащие воздушным шлюзом, шагнул в сторону отверстия в лепестковой диафрагме, корректируя

свое направление по мере приближения к нему выбросами энергии из энергетического пояса.

При проходе через изобарический воздушный клапан на входе в диафрагму ему пришлось приложить небольшое усилие, словно он прорывался через невидимую тонкую, но упругую мембрану, и вот уже его ноги коснулись скрытого дымкой тумана пола. Даже несмотря на герметичный костюм, ему ничего не стоило представить себе ощущение прохлады от клубившегося вокруг него белого тумана. Мельчайшие капельки влаги не только скрывали стены и пол туннеля под его ногами, но плавали над ним причудливыми облачками различной толщины и плотности.

Хэл откинул шлем и вдохнул насыщенный влагой воздух. Дышать было тяжело, словно вода заполняла сами легкие; он знал, что это ощущение было не просто игрой воображения, а реальностью, потому что перенасыщенность воздуха в этих далеко не нормальных условиях, была значительно выше, чем могла быть при обычном атмосферном давлении на Земле.

Он двинулся вперед и, пройдя шагов сто сквозь пелену тумана, вдруг заметил движущееся впереди темное пятно, которое быстро приобрело очертания высокого человека, идущего ему на-

встречу, одетого так же, как и он. Шлем тоже был откинут назад.

Сделав еще пару шагов, они остановились, глядя в лицо друг другу. Сквозь прозрачный костюм Блейза было видно, что он одет в своей обычной манере — в узкие брюки и куртку, и все же в его внешнем облике как будто что-то изменилось.

Хэл не сразу понял, в чем тут дело. Хотя Блейз был все так же тощ и худ, но в защитном костюме он выглядел более грузным и массивным.

И хотя он отдавал себе отчет в субъективности восприятия внешности Блейза, ему казалось, что все эти перемены именно здесь и сейчас несут какой-то особый смысл. Тем не менее было не похоже на то, что этот Иной прибавил в весе. То, что они с Блейзом физически стали еще больше похожи друг на друга, почти ужаснуло его. Их глаза встретились. Блейз заговорил, звук его голоса отразился от стен туннеля и замер, густой воздух и туман приглушили присущую ему резкость.

— Тебе все же удалось заполучить сюда своих дорсайцев и все, что ты хотел от экзотов. Я полагаю, это означает — ты намерен идти до конца?

— Я уже говорил тебе, — сказал Хэл, — другого пути у меня нет.

Блейз чуть заметно кивнул головой:

— Итак, война до победного.

— Да, — ответил Хэл. — Рано или поздно, это должно было случиться потому, что я — это я, а ты — это ты.

— И кто же такой ты? — улыбнулся Блейз.

— Как будто ты этого не знаешь, — сказал Хэл.

— Нет, — покачал головой Блейз. — Я знаю только, что ты уже не тот мальчик, которому когда-то пришлось стать свидетелем смерти воспитателей. Но мне неизвестно, насколько ты изменился. Хотя было бы глупо с моей стороны скрывать тот факт, что я был поражен характером твоего противостояния мне. Ты не настолько глуп, чтобы привести в движение целые миры, и все лишь ради того, чтобы отомстить за смерть своих воспитателей. То, что ты сделал и делаешь, выходит за рамки личной обиды. Скажи, что движет тобой, если ты решился на подобную конфронтацию со мной?

— Что мною движет? — Хэл почувствовал, что он улыбается, совсем так же, как это только что делал Блейз, но это была грустная улыбка. — Мною движут миллионы лет истории и предыстории развития человечества — так же, как они движут и тобою. Если быть более точным, то последняя тысяча лет. Для тебя и меня нет другого пути,

кроме как стать противниками. Но, если это хоть немного утешит тебя, я тоже удивлен характером твоего противостояния.

— Ты? — На лице Блейза отразилось притворное изумление. — Почему это ты вдруг должен быть удивлен?

— Потому, — ответил Хэл, — что я есть нечто большее, чем ты мог себе представить, точно так же как в тебе я обнаружил то, чего никак не предполагал найти. Но тогда, когда я представлял себе это время, в котором мы живем сейчас, я сам не понимал истинного значения веры. Это нечто, что выходит далеко за рамки слепого поклонения. Это особый взгляд на вещи, свойственный только тем, кто заплатил за него слишком высокую цену. Да ты и сам прекрасно об этом знаешь.

Блейз внимательно наблюдал за ним:

— Я?

— Да, — кивнул Хэл, — уж кому, как не тебе, это знать.

Блейз вздохнул.

— Мне надо было разобраться с тобой, когда ты был гораздо моложе, — словно про себя сказал он.

— Ты пытался, — сказал Хэл. — Но у тебя ничего не получилось.

— Пытался? А, понимаю. Это вывод, который опять же вытекает из твоего понятия веры?

— Вовсе нет. Нет, это всего лишь наблюдение и голые факты. — Хэл все еще внимательно следил за Блейзом, тот тоже не спускал с него глаз. — Но самое главное состоит в том, что я — это я, и я знаю, что я могу сделать.

— Ты ошибаешься, полагая, что я не смог бы устранить шестнадцатилетнего юнца, если бы этого захотел.

— Нет, не ошибаюсь, — сказал Хэл. — Как я уже говорил, ты пытался. Но я не был юнцом даже тогда, когда сам считал себя таковым. Я был умудренным опытом взрослым, у которого были веские причины остаться живым. Я говорил тебе, что понял, что такое вера, несмотря на то что для этого мне потребовалось прожить три жизни. Именно поэтому я знаю, что выиграю сейчас. Точно так же как я знаю, что мой выигрыш будет означать твое поражение потому, что другого пути для тебя нет.

— Похоже, ты думаешь, что знаешь обо мне все. — На лице Блейза снова заиграла улыбка.

— Да, знаю. Чем глубже я постигал самого себя, тем больше я узнавал о тебе, хотя познавать себя я начал задолго до того, как появился ты. — Хэл

на мгновение замолчал, собираясь с мыслями, как это делает хирург, прежде чем сделать первый надрез скальпелем — Если бы ты был только тем, кем я считал тебя при первой встрече, то борьба между нами была бы давно уже окончена. Более того, к этому времени я бы нашел способ заставить тебя изменить свои взгляды, наглядно доказав, что нужно для выживания расы.

Улыбка Блейза стала шире. Не обращая на нее внимания, Хэл продолжал говорить дальше:

— Но с того дня в усадьбе я многое узнал о самом себе и, следовательно, и о тебе, и понял, что мне никогда бы не удалось заставить тебя увидеть мир моими глазами, если бы ты сам добровольно не попытался это сделать. А без этого никакие компромиссы между нами невозможны, поскольку исторические силы, которые стоят за тобой и мной, сделали нас равными.

— Я не уверен, что понимаю тебя, — ответил Блейз, — но это все настолько необычно, что я даже заинтригован.

— Ты не можешь понять меня потому, что я говорю о вещах, которые лежат вне твоего жизненного опыта, — сказал Хэл. — Я пришел сюда, чтобы поговорить с тобой — я всегда был открыт к диалогу с тобой потому, что не теряю надежды,

что ты все же решишься взглянуть на вещи под другим, нежели сейчас, углом зрения, и изменить свое мнение.

— Ты говоришь так, — в голосе Блейза звучали откровенно издевательские нотки, — словно дед, вразумляющий своего внука.

— Я этого не хотел, — пожал плечами Хэл. — Но все дело в том, что у тебя всего лишь одна жизнь, на основании которой ты делаешь свои выводы. А у меня, как я только что тебе сказал, их было три. Ровно столько их мне потребовалось, чтобы стать полноценным человеком. И потому, что я наконец стал им, мне видно: ты все дальше и дальше отходишь от образа того настоящего человека, которого должна была создать раса — человека, способного преодолеть опасности, которые пока нам даже не снились. Нравится тебе это или нет, но результаты уже налицо, и именно в них кроется различие между нами.

— Только Иные, — сказал Блейз.

— Не совсем, — возразил Хэл. — Если ты помнишь, ты оставил меня одного, чтобы я сам подумал над этим вопросом. Но не будем вдаваться в тонкости. В некотором смысле ты прав. В каком-то смысле я похож на Иного, поскольку являюсь смешением всего нового и в то же время

всего старого, что имеется в расе. Иные твоего типа, если выживут, в лучшем случае будут представлять собой переходную форму человека. Мой тип, если выживет, будет вечен.

— Прошу прощения, — высокопарно произнес Блейз, — но я не принадлежу ни к какому типу. Лично я являюсь уникальным результатом смешения экзотского и дорсайского типов, и только.

— Нет, — покачал головой Хэл. — Экзоты и дорсайцы в твоей крови были лишь со стороны отца. Но в семье твоей матери, в которой ты воспитывался на Гармонии, были одни квакеры, и именно эта кровь доминирует в тебе.

Блейз смотрел на него так, словно находился от него за сотни миль.

— И в каких же архивах ты раскопал чти бредни?

— Ни в каких, — сказал Хэл. — В официальных документах о твоем рождении и о дальнейшем жизненном пути говорится лишь то, что ты сам хотел, чтобы в них сохранилось.

— Тогда что заставляет тебя говорить подобную чепуху?

— Безусловное знание, — ответил Хэл. — Абсолютное знание, которое проистекает из сопоставления разрозненных кусочков обычных записей,

которые не были фальсифицированы, потому что не было причин для их фальсификации — записей, хранящихся у нас. Я собрал их воедино лишь год назад и затем пришел к этому выводу с помощью того, чему я научился в первой из трех своих жизней. Я называю это интуитивная логика.

Блейз слегка нахмурился. Затем лицо его прояснилось.

— А-а, — сказал он и затем надолго умолк, глядя чуть в сторону от Хэла. Когда он заговорил снова, голос его был задумчивый и отрешенный:

— Я думаю, возможно, ты имеешь в виду то, что я называю дискретным мышлением.

— Название вряд ли имеет значение, — сказал Хэл.

— Да, конечно. Выходит, — теперь Блейз смотрел на него прямо в упор, — мне предстоит узнать о тебе больше, чем я мог предположить. Но скажи, почему ты придаешь такое большое значение тому, что мной было что-то унаследовано и получено при воспитании от квакеров?

— По той простой причине, что это объясняет твои харизматические способности, равно как и способности тех Иных, которые в той или иной степени ими обладают, — ответил Хэл. — Но я предпочел бы, чтобы ты называл себя скорее

Хранителем Веры, чем квакером. Потому что я почти уверен, что та сила, которая движет тобою, есть не что иное, как стремление сохранить веру. Ты надел маску прежде всего для того, чтобы усыпить бдительность своего единокровного брата Данно, который, знай он, что у тебя на уме, должен был смертельно бояться тебя.

— Может, и так, — пробормотал Блейз. — Но это отнюдь не означает, что я согласен с этими твоими измышлениями и сказками.

— В твоем согласии нет нужды, — пожал плечами Хэл. — Как я сказал, ты скрывался под этой маской сначала для того, чтобы усыпить бдительность Данно, а затем для того, чтобы убедить остальных Иных, что не используешь их в своих личных целях. В конце концов, ты и сейчас прикрываешься ею, чтобы скрыть от народов подвластных тебе миров свою истинную личную цель, которая сейчас влечет тебя сильнее, чем когда-либо раньше. Ты — Хранитель Веры, поклоняющийся ложному богу, тому же самому богу, но под другой личиной, которому поклонялся в двадцать первом веке Уолтер Блант. Твой бог — это застой. Ты хочешь сохранить расу такой, какая она есть, заставить ее остановиться и застыть в неизменной форме. Это тот конец, к которому ты

ее подталкивал все время, с тех пор как эта мысль впервые пришла тебе в голову.

— Даже если это и так. — Блейз снова улыбнулся. — Конец в любом случае — это конец. И он неотвратим. Ты можешь думать обо мне все, что хочешь, но это ничего не изменит.

— И снова, кому, как не тебе, знать, что это не так, — возразил Хэл. — Вся разница между нами в том, что я понял это. Ты создал Иных и заставил поверить их в то, что та власть, которую они приобрели, — это исключительно их собственная заслуга. Но хочу сказать тебе, что мне известно: сделано это было усилиями людей, которые были вовсе не Иными, а урожденными квакерами, обладающими присущим им от природы и развитым в ходе развития их культуры харизматическим даром, и которые, попав под твое влияние, работали по твоей указке. Между тем, прикрываясь личиной радетеля интересов Иных, ты начал насаждать собственную веру в неизбежность необходимого очищения расы, после чего она должна будет остаться неизменной навечно. — Хэл замолчал, ожидая, что Блейз возразит ему. Но Иной не проронил ни слова. — В отличие от своих прислужников и обманутых тобой Иных, — продолжил Хэл, — ты способен

понять, что результатом такого застоя, если это произойдет, непременно будет гибель. Но под влиянием темной половины расового инстинкта, лабораторным животным и шахматной фигурой которого ты являешься — впрочем, как, с другой стороны, и я — ты усматриваешь в развитии расы лишь источник всех зол человечества и готов, если нужно, убить больного, чтобы покончить с разъедающей его раковой опухолью.

Он умолк. Тишина, которая воцарилась между ними после этих его слов, была уже совсем другой.

— Ты понимаешь, — наконец тихо промолвил Блейз, — что сейчас у меня нет иного выбора, кроме как уничтожить тебя?

— Ты не можешь позволить себе этого, — сказал Хэл. — Точно так же как и я не могу позволить себе убить тебя. Сейчас разворачивается битва за умы всего рода человеческого. И чтобы раса поняла, каким путем ей идти, я собираюсь доказать ей, что ты не прав. И для этого ты мне нужен живым. Если ты хочешь выиграть эту битву, ты должен доказать, что я не прав, и для этого я тоже нужен тебе живым. Но одной лишь силой ни один из нас в конечном итоге ничего не решит. Ты прекрасно это знаешь так же, как и я.

— Но она может оказать существенную помощь, — улыбнулся Блейз. — Потому что ты прав. Я должен выиграть. И я выиграю. Необходимо положить конец этому сумасшествию, которое ты называешь развитием, но которое означает в действительности, что мы будем все глубже и глубже погружаться в бездну материальной Вселенной до тех пор, пока нити, поддерживающие наше существование, не оборвутся под нашим собственным весом. Только избавившись от него, мы сможем начать развиваться в разумных и безопасных пределах.

— Ты не прав, — покачал головой Хэл. — Этот путь ведет к гибели. Это тупиковый путь, который предполагает лишь внутреннее развитие, развитие за счет отказа от всего того, что, как я говорил, за миллионы лет эволюции сделало нас такими, какие мы есть. Скованные и зарегулированные организмы всегда вырастают чахлыми и уродливыми. Свободные тоже иногда вырастают уродливыми, но в большинстве случаев они вполне здоровы. Потому что цена жизни — это постоянный поиск путей к дальнейшему развитию и эволюции. Лиши их свободы, и все их действия, физические и умственные, замкнутся на самих себе и кончится все тем, что они будут все глубже

и глубже увязать в колее, ведущей вновь и вновь по тому же кругу, вплоть до самой их смерти.

— Нет, — сказал Блейз, — это открывает путь к жизни всей расе. Единственный путь, делающий это возможным. Следует положить конец дальнейшему погружению в материальную Вселенную и обратиться к эволюции внутри нее. Это единственное, что может спасти нас. Сейчас необходимо остановиться и оглянуться; лишь покончив с этой бесконечной практикой разрастания вширь, мы сможем обратиться внутрь себя и найти дорогу, которая позволит нам стать неуязвимыми к любым неожиданностям, которые может таить в себе Вселенная.

— Не прав как раз ты, — продолжил Блейз после секундной паузы в его лице и фигуре была такая убежденность и сила, какой Хэл никогда не видел в нем раньше. — Ты заблуждаешься. Тебя захватила прекрасная идея приключений и открытий. Там...

Он указал длинным пальцем назад в серый туман, скрывающий вход в защитный экран с его стороны туннеля.

— ...там есть все, что только может быть. А разве может быть иначе? Но среди всего прочего там есть и то, чего нам никогда не завоевать. Разве

может быть иначе? Взявший меч от меча и погибнет, а ведь именно к этому мечу ты и тянешься, бросаясь в бездну материальной Вселенной, повинуясь духу приключений и открытий. Разве дух человечества сводится лишь к постоянному поиску нового зайца для травли? Как ты думаешь, сколько других рас в этой бесконечной и вечной Вселенной уже ступили на этот заманчивый путь? И скольким из них удалось, по-твоему, стать властителями Вселенной — достичь той единственной цели, ради которой они и ступили на эту тропу?

Его глаза пылали.

— То, что будет... — продолжал он, — что в конечном итоге произойдет, насколько я это себе представляю, повернет этот процесс вспять. И что бы ты ни пытался предпринять, чтобы остановить его, все будет напрасно. Ты превратил Землю в крепость. Бесполезно. До чего бы ни додумались одни человеческие умы в сфере научных и технологических достижений, найдутся другие, которые непременно разгадают их секреты. Рано или поздно мы найдем брешь в этом вашем защитном экране. Мы снова завладеем Землей и очистим ее от всех тех, кто будет продолжать толкать человечество на этот безумный

путь экспансии. Затем мы заселим ее теми, кто разделяет наши взгляды на то, каким должно быть развитие расы.

— А как же Молодые Миры? — сказал Хэл. — Как быть со всеми остальными населенными мирами? Ты что, забыл о них?

— Нет, — ответил Блейз. — Они умрут. Никто не собирается их убивать. Но постепенно, когда раса излечится от этой своей безумной страсти к экспансии и внимание Земли, подлинной Земли будет всецело поглощено самой собой, как и должно быть, — эти другие миры захиреют, а их население сократится. И в конце концов эти планеты снова опустеют, а человечество вернется к тому, с чего оно начало, от чего оно произошло и где остановилось на собственной планете. И тогда, если это будет угодно судьбе, оно научится, как надо жить и любить, чтобы дожить до конца своих дней — или умереть.

Он замолчал. Сила, звучавшая в его голосе, иссякла, словно растворилась в окружающей тишине туннеля. Хэл стоял и смотрел на него, не произнося ни слова. После длительного молчания Блейз заговорил снова.

— Слова для нас двоих ничего не значат, не так ли? — тихо произнес он. — Мне очень жаль, Хэл.

Верь во что хочешь, но те, кто думает так же, как ты, не смогут победить. Разве ты не видишь, что ты и те, кто рядом с тобой, до сих пор ничего не смогли сделать со мной и с теми, кто на моей стороне; они всегда лишь проигрывали.

— Ты ошибаешься, — сказал Хэл. — До сих пор мы с тобой еще не вступали в открытую схватку; но теперь это неизбежно и мы ни за что не проиграем.

Блейз протянул руку, и Хэл пожал ее. Это не было обычным дружеским пожатием, они лишь на мгновение задержали свои руки. Сжимая руку Иного, Хэл испытал странное ощущение, как будто он сжимал руку приговоренного человека. Затем они оба развернулись и разошлись в противоположные стороны, идя в тумане, каждый в своем направлении.

Глава 68

Его мысли были настолько заняты только что закончившимся разговором с Блейзом, что он почти не заметил, как дошел до конца туннеля, перепрыгнул в поджидающий его корабль, и они отправились назад, на Энциклопедию. Когда они снова припарковались в том же самом отсеке, откуда вылетели, Хэл рассеянно поблагодарил Саймона и, покинув отсек, поспешил в свои апартаменты, не обращай внимания на встречавшихся на его пути людей, явно желавших о чем-то переговорить с ним.

Войдя внутрь, Хэл вздохнул с облегчением, увидев, что там никого уже нет. Он прошел в спальню для гостей, убедился, что Аджела все еще спит в том же положении, в котором он ее оставил, и, покинув ее, направился в небольшую комнатку, расположенную за его спальней — рабочую кабину.

Переступив порог кабины, он закрыл за собой дверь и опустился в кресло; все четыре окружающие его стены представляли собой сплошной экран. Он коснулся клавиши на расположенном

перед ним пульте управления и в следующее мгновение словно бы повис в космосе, царя над Землей, над Энциклопедией и над защитным экраном.

На него, не мигая, смотрели звезды.

Почувствовав, что он наконец-то один, он вспомнил о письме Аманды; и тут же все мысли, связанные с Блейзом и прочими делами, выскочили из его головы. Он полез во внутренний карман куртки и вынул из него ждавший там своего часа конверт.

Какое-то мгновение он сидел, окруженный звездами, держа его в руках нераспечатанным.

От этого конверта вдруг на него повеяло неизъяснимым чувством печали и мрачного предчувствия, словно принесенных в его сознание на крыльях интуиции. Толстая, чуть сероватая, дорсайского изготовления бумага конверта напомнила ему туман в туннеле лепестковой диафрагмы.

Он подцепил большим пальцем запечатанный клапан и вскрыл конверт. Внутри было несколько листков бумаги, первый из которых был датирован лишь пятью днями назад по абсолютному времени.

Он начал читать.

36 мая, 342 Дорс. / 2366 Абс.[16]

Мой дорогой,

Я все время уклонялась от ответа, когда же я прилечу на Землю с Великим Исходом, потому что я должна была принять решение. Прости. Но сейчас решение уже принято и я буду твердо его придерживаться.

Мы — люди долга, и такими мы останемся еще на некоторое время, ты и я. Твое место там, на Энциклопедии; но мое, к сожалению, не рядом с тобой, хотя я бы отдала все, что у меня есть или будет, кроме тебя самого, за то, чтобы быть там, где ты. На Земле я была бы бесполезна, разве что пополнила бы ряды воинов на передовой. Я могу принести реальную пользу где угодно, только не там. Мы подошли к тому моменту, когда по большому счету значение имеют лишь две вещи — цитадель и вражеская территория за ее стенами. И мое место сейчас как раз там, на вражеской территории.

---

[16] ѕримечани¤: 16

Дорс. — дорсайское летосчисление; Абс. — абсолютное летосчисление.

Приходит время, когда важно не только удержать цитадель перед натиском врага, но и не менее важно сохранить в душах тех, кто сейчас находится под пятой Иных, память о свободе. Человеческий дух никогда не будет долго мириться со сковывающими его реалиями, так было всегда, к борьбе, которую будут вести оставшиеся на Дорсае и Квакерских мирах жители этих планет, вынужденные скрываться в труднодоступных районах своих планет, добавятся стихийные восстания против ига правителей типа Блейза. И они будут продолжать свою борьбу, возможно, до бесконечности.

Вы с Земли будете оказывать помощь Молодым Мирам, направляя в такие отряды людей и снаряжение. Вам также понадобятся люди, которые знают, как организовать такую борьбу и как выжить в этих условиях; люди, которые, как вы знаете, думают так же, как вы, если говорить о том, что предстоит сделать, чтобы приблизить этот день, когда вы вернетесь назад из цитадели и снова возьмете в свои руки то, что когда-

то потеряли.

Если ты когда-либо думал о том, что тебе предстоит сделать, а я уверена, ты должен был об этом задуматься, то ты уже понял, что вам понадобятся люди, готовые сейчас пойти во вражеский лагерь, чтобы помочь и организовать такие отряды, и что естественный выбор здесь падает на дорсайцев. Мы уже раньше, готовясь на Дорсае к Исходу, сами осознали эту необходимость. И среди нас нашлись добровольцы, готовые взяться за эту работу, и среди них я.

К тому моменту, когда ты получишь это письмо, я уже буду среди звезд, на пути или уже на месте, о котором я сейчас и не подозреваю, и уже начну действовать, пользуясь контактами, которые мне дали квакеры, экзоты и все остальные, кто понимает, что нужно сделать, чтобы помочь тем, кто не смирился и готов бороться за пределами Земли. Но где бы я ни была, когда ты будешь читать эти слова, знай, что в это мгновение, как и всегда, я буду хранить мысль о тебе и моей любви к тебе, как тепло очага,

согревающего меня изнутри, который будет гореть во мне всегда, где бы я ни была и что бы ни делала.

Если ты будешь встречаться с теми из нас, кто останется здесь, на этих мирах, и кто сможет передать мне весточку от тебя что бы там ни происходило у тебя, напиши, дай мне знать, что ты одобряешь мой шаг и понял, почему я это сделала. Твое письмо придаст мне силы, когда я прочту в нем об этом.

А сейчас я хочу рассказать тебе, как я люблю тебя...

Строки расплылись перед его глазами, затем снова стали четкими, и он стал читать письмо, страницу за страницей, растворяясь в словах, как будто они обладали какой-то особой силой. Наконец он дочитал его до конца и сидел, уставившись в пустоту невидящим взглядом, а сверху на него смотрели звезды.

Последние пять строк письма буквально горели, словно отпечатавшиеся в его сознании.

Ты знаешь, я люблю тебя; наша любовь такая долгая, что никто даже не может себе этого представить. Ничто не мо-

жет нас разлучить. Мы всегда рядом, и неважно, какое пространство нас разделяет. Только протяни руку, и ты найдешь меня. А я смогу дотянуться до тебя.

Я безмерно люблю тебя.

Аманда

И он протянул ей руку.

Аманда?..

Словно одна волна заговорила с другой; зов волны, омывающей берег одного континента, был услышан волной, омывающей берег другого, — их разделяло расстояние в полмира, и в то же время соединял океан, частью которого они являлись.

Хэл...

Ее ответ нашел его; и через разделяющее их безбрежное пространство они коснулись друг друга и слились воедино. Они говорили, но это были не слова, а поток чувств и понимания.

Наконец настало время расставания, и он почувствовал, что ее уже нет рядом. Но ее тепло, как тепло очага, о котором она говорила в своем письме, по-прежнему оставалось с ним, поддерживая и согревая его.

Он взглянул на звезды, потом на пульт управления, где лежали его руки. Пальцы дрогнули и

забегали по клавишам, набирая слова, которые яркими точками оживали перед его глазами в усеянной звездами темноте.

В церкви разрушенной в латы закованный рыцарь,

Поутру из гроба восстав, с последней постели поднявшись...

Строки стихотворения вернули его к работе, и он стал погружаться в нее все глубже и глубже, пока она совсем не захватила его. Он уходил в нее, становясь ее частью, и наконец остался наедине со звездами, сохранив воспоминание лишь о тепле души Аманды, навечно соединившем их, и отдавшись тому, что наконец овладело им и полностью поглотило его, заставив забыть обо всем остальном.